

Краснодарское краевое отделение
общероссийской общественной организации
«Российское историко-просветительское, правозащитное
и благотворительное общество «Мемориал»
(Российский «Мемориал»)

Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР

**К 70-летию Всесоюзной переписи
населения 1939 года**

**Материалы VI Международной
научной конференции**

Краснодар
Экоинвест
2010

УДК 343.43
ББК 63.3 (2) 615–4
П 78

Главный редактор:
к.и.н., доцент С. А. Кропачев

Редакционная коллегия:
С. А. Кропачев, Е. Ф. Кринко,
И. Г. Джуха, В. Е. Щетнев,
Б. И. Беленкин, Н. Н. Шитюк

П 78 Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР.
К 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года:
материалы VI Международной научной конференции. – Краснодар:
Экоинвест, 2010. – 424 с.

Материалы VI Международной научной конференции посвящены различным аспектам истории массовых политических репрессий и приурочены к 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Адресованы специалистам и всем, кто интересуется историей России в XX веке.

УДК 343.43
ББК 63.3 (2) 615–4

ISBN 978-5-94215-093-8

© Краснодарское краевое отделение общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (Российский «Мемориал»), 2010
© ООО «Экоинвест», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	7
1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ.....	10
<i>Жиromская В. Б.</i> СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В КОНЦЕ 1930-х гг.	11
<i>Макаренко М. Ю.</i> ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ	36
<i>Акунин А. С.</i> ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПОТЕРЬ СРЕДИ КРЕСТЬЯН-СТВА ЮГА УКРАИНЫ В ПЕРИОД АПОГЕЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (1937–1938) И НЕМЕЦКО-ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА (1941–1944)	45
<i>Сивков С. М., Иванцов И. Г.</i> ГУМАНИТАРНЫЕ КАТАСТРОФЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА.....	54
<i>Вшивцева Ю. В.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (КОНЕЦ 1930-х гг.)	65
2. СТАЛИНСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ	71
<i>Рожков А. Ю.</i> ДИСКУРС О «ГОЛОДОМОРЕ» В «ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ» И ПОСТСОВЕТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	71
<i>Кропачев С. А.</i> НОВЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» В СССР	80
<i>Щетнев В. Е.</i> ЯЗЫК СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ.....	93
<i>Степанов А. Ф.</i> «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937–1938 гг.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	98
<i>Шитюк Н. Н.</i> СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА.....	112
<i>Болдырев Ю. А.</i> СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО КИНОМИФА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ	119

3. ПРЕДЫСТОРИЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»129

Протоиерей Сергей Токарь. РЕПРЕССИИ ПРОТИВ
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ РПЦ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ).....129

Яценко В. Г. ГЕНОЦИД ХУТОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЦАРИЦЫНСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ, 1921–1922 гг.133

Яхутль Ю. А. ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКИХ АНТИПРАВИТЕЛЬ-
СТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА
К НЭПУ В КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ.....144

Николаев И. Е. К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ
В 20-х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА
УКРАИНЫ)155

Бершадская О. В. РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ЧЕРНОМОР-
СКОМ ОКРУГЕ В ПЕРИОД ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ
КАМПАНИЙ (1927–1929 гг.)163

Тараненко А. Ф. «ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» 1929–1930 ГОДОВ
НА ПРИМЕРЕ ХОПЕРСКОГО И БАЛАШОВСКОГО ОКРУГОВ
НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ170

Иванцов И. Г. РЕПРЕССИИ В СЕЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГА-
НИЗАЦИЯХ ВКП(б) НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. 1932–1933 гг.180

Кринко Е. Ф. ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК ФОРМА
РЕПРЕССИЙ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРАКТИКА
ПРИМЕНЕНИЯ.....190

4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИЙ.....201

Семенов С. В. ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СФЕРЕ
ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА201

Крайник Р. Н. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ
ПРОТИВ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА УССР
В 1938 ГОДУ213

Степанов А. Ф. «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ПРАВОСЛАВНОЕ
ДУХОВЕНСТВО: РЕПРЕССИИ В СОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ....223

Шевырин С. А. «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» В МАЛЕНЬКОМ СЕЛЕ
(РЕПРЕССИИ 1937–1938 гг. В ИСТОРИИ СЕЛА КОЯНОВО).....241

<i>Полежаева Л. И.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ОСВОЕНИИ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА).....	246
<i>Степанова Л. Г.</i> ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ... ИХ СУДЬБА БЫЛА НЕИЗВЕСТНА (ОБ ЭВАКУАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ТЮРЕМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)	253
5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ	267
<i>Оборонько И. В.</i> ПОЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ЮГА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ В 20-х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ).....	267
<i>Алтухов В. В.</i> КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УССР В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА (20–30-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ).....	275
<i>Сон Ж. Г.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОРЕЙЦЕВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)	286
<i>Жуков А. А.</i> ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В АБХАЗИИ	300
<i>Джуха И. Г.</i> ТРИ ПОРАЖЕНИЯ СТАЛИНА В ГРЕЦИИ (ПРИЧИНЫ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ГРЕКОВ В СССР).....	310
6. ТЕРРОР В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ.....	319
<i>Кропачев С. А.</i> «БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ЕГО ЖЕРТВЫ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1937–1938 ГОДОВ	319
<i>Арнаутов Н. Б.</i> БОРЬБА СО «СВЕРХБДИТЕЛЬНОСТЬЮ» В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (МАЙ 1935 г. – СЕНТЯБРЬ 1936 г.).....	335
<i>Кропачев С. А.</i> СУДЬБА ПРОФЕССОРА В. И. ГРИНЕВЕЦКОГО ...	345
<i>Беленкин Б. И.</i> РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ТРОЦКИСТЫ – ОРГАНИЗОВАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРУППА ЛЕВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОМУ РЕЖИМУ (1927–1938): БОРЬБА КАК НОРМА ЖИЗНИ. НА МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ Г. Я. ЯКОВИНА.....	352

<i>Матюшин П. Н.</i> ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ В 1930-е ГОДЫ: ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА И.Д. КУЗНЕЦОВА	368
<i>Мнацаканова М. А.</i> РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. А. БУЛГАКОВА)	376
<i>Шилова И. С.</i> «СЛЕДОВАТЕЛЬ НАЗВАЛ МОЕ ДЕЛО ФАНТАСТИЧЕСКИМ».....	385
<i>Кочубей И. В., Суютин Б. Д.</i> ОДИН ИЗ МИЛЛИОНОВ... СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЯ Ю. И. НАРУМОВА-ГОФМАНА О СВОЕМ ПЕРВОМ АРЕСТЕ	394
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	402
ПРИЛОЖЕНИЕ № 1	403
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2	408
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	415
РЕЗОЛЮЦИЯ ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР».....	419
РЕЗЮМЕ.....	421
SUMMARY	422

ВСТУПЛЕНИЕ

24–25 октября 2009 г. в Краснодаре состоялась VI Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», приуроченная к 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Конференция прошла по инициативе Краснодарского краевого отделения общероссийской общественной организации «Российское историко-просветительское, правозащитное и благотворительное общество «Мемориал» (Российский «Мемориал»).

Изучение массовых политических репрессий в СССР за последние двадцать лет серьезно приблизило нас к пониманию истинных предпосылок, проявлений, масштабов и последствий этого исторического явления. Конференции, проводимые краевым обществом «Мемориал», вносят свою лепту в исследование государственного террора в нашей стране. В настоящем издании публикуются статьи, освещающие различные его стороны. Все они разделены на шесть разделов. В первом говорится о последствиях демографических кризисов и катастроф тоталитарного режима в СССР, количественных и качественных изменениях в составе населения страны в целом и отдельных регионов в частности в первой половине XX века (Макаренко М. Ю., Акунин А. С., Сивков С. М., Иванцов И. Г., Вшивцева Ю. В.)

Раздел открывает статья известного отечественного ученого, доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН, лауреата премии РАН им. В. О. Ключевского Валентины Борисовны Жиромской. В ней исследуются социальный состав и структура занятости, дается характеристика российского населения накануне Великой Отечественной войны.

Изучению сталинизма, его различных проявлений, государственного террора посвятили свои исследования авторы, чьи статьи помещены во второй раздел сборника. Они пишут об изучении голода начала 1930-х годов, массовых политических репрессий в целом и «большого террора» в частности в современной отечественной и зарубежной литературе (Рожков А. Ю., Кропачев С. А., Степанов А. Ф., Шитюк Н. Н.). Становлению советского киномифа и языку сталинской эпохи свои работы посвятили

Болдырев Ю. А. и Щетнев В. Е. Широкую картину гонений на священнослужителей, крестьянство в годы Гражданской войны, начале 1920-х годов и период коллективизации рисуют авторы статей, отнесенных к третьему, самому многочисленному разделу (Токарь С., Яценко В. Г., Яхутль Ю. А., Николаев И. Е., Тараненко А. Ф. и др.). Исследованию малоизученной проблемы лишения избирательных прав как формы политических репрессий посвятил свою работу доктор исторических наук Кринко Е. Ф. Региональным особенностям сталинской репрессивной политики посвящен четвертый раздел книги. Авторы статей пишут о террористических акциях как в крупных регионах (Южный Урал, Юг Украины, Татарстан), так и в маленьком селе Кояново (Семенов С. В., Крайник Р. Н., Степанов А. Ф., Шевырин С. А., Полежаева Л. И.).

Изучению судеб заключенных, эвакуированных из тюрем Краснодарского края летом 1942 г., посвятила свое исследование Степанова Л. Г. В приложении № 2 впервые публикуются документы, выявленные автором, которые повествуют о данной трагедии. К национальным операциям НКВД СССР 1937–1938 годов, репрессиям в отношении «неблагонадежных» народов (греки, корейцы, немцы, поляки) обращаются Джуха И. Г., Сон Ж. Г., Алтухов В. В. и др. Их статьи отнесены к пятому разделу сборника. Особо хочется сказать о работе Джухи И. Г. С мая 2004 г. Ассоциацией греческих общественных объединений России началось осуществление проекта «Греческий Мартиролог» (История репрессий против греков в СССР). В рамках этого проекта в 2006, 2008 и 2009 годах вышли три книги автора: «Греческая операция», «Спецэшелоны идут на Восток: депортации 1940-х гг.» и «Пишу своими словами...»: Письма из ГУЛАГа». Они приближают нас к пониманию истинных масштабов репрессий в отношении греков, их проявлений и последствий на протяжении более чем десяти лет (1937–1949). В приложении № 1 публикуются несколько писем греков – заключенных ГУЛАГа из последней книги И. Г. Джухи.

Судьбам репрессированных, жизни после ареста, драматической участи граждан России и СССР посвящен последний раздел. Статьи историков рассказывают как об известных людях страны – писателе Булгакове М. А., ректоре МВТУ профессоре Гриневецком В. И., члене оппозиции сталинскому режиму Яко-

вине Г. Я. (Беленкин Б. И., Кропачев С. А., Мнацаканова М. А.), так и о рядовых гражданах (статьи Матюшина П. Н., Шиловой И. С.), попавших в маховик политических репрессий. В этом же разделе публикуются исследования Кропачева С. А. и Арнаутова Н. Б., посвященные роли масс-медиа в нагнетании в годы «большого террора» массового политического психоза, создании атмосферы тотального страха, агрессивности и подозрительности. Это затрагивало как общество в целом, так и отдельных его граждан в частности.

В конференции участвовали исследователи из Москвы, Оренбурга, Ростова-на-Дону, Новосибирска, Казани, Волгограда, Перми, Вологды, Чебоксар, Апатитов, Краснодара, Армавира, а также Украины. Они представили работы, рассказывающие о различных гранях массовых политических репрессий в России и СССР, когда террор и насилие были возведены в ранг государственной политики, стали средством решения всех стоявших перед государством проблем. Только в 1937–1938 гг. (апогей «большого террора»), согласно секретной ведомственной статистике НКВД СССР, органами внутренних дел (без милиции) были арестованы 1 575 259 человек (из них 87,1% по политическим статьям). 1 344 923 человека в эти годы были осуждены за государственные преступления, в том числе 681 692 – к расстрелу, или 50,69%. Государство ежедневно убивало в 1937–1938 годах одну тысячу своих невинных граждан.

Работа общества «Мемориал» продолжается во имя исторической правды и справедливости, увековечения памяти о всех невинных жертвах политических репрессий, создания в обществе механизмов, препятствующих проявлению тоталитаризма в любых формах. Построение в России демократического правового государства и развитого гражданского общества станет гарантом неповторения произвола и насилия в будущем.

С.А. Кропачев,
Председатель правления
Краснодарского краевого общества «Мемориал»,
кандидат исторических наук,
доцент, заслуженный учитель Кубани

1. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Жиромская В. Б.

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В КОНЦЕ 1930-х гг.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1939 г. в основной своей массе не издавались до 1990-х гг., когда усилиями сотрудников Института российской истории РАН была осуществлена публикация основных итогов переписи¹. Перепись 1939 г. хорошо сохранилась и содержит большой комплекс разнообразных сведений, позволяющих дать полную характеристику российского населения накануне Великой Отечественной войны.

К числу таких важных и пространных характеристик относится характеристика структуры занятости населения.

Особый интерес представляет сопоставление по социальному составу и занятиям итогов переписи 1939 г. с данными переписей 1926 и 1937 годов.

Обратимся к методам сбора сведений о занятости и источниках доходов населения, отразившимся в архивных материалах по подготовке и проведению переписей.

Самым крупным комплексом в переписях были вопросы о занятиях населения. В 1926 г.² фиксировалось как главное, так и побочное занятие, приносящее доход. Если их было несколько, то записывалось то, которое приносило наибольший доход. Инструкция уделяла особое внимание сезонным работам, учитывая те из них, которые повторялись из года в год. Фиксация этих сведений была важна для выяснения социальной мобильности населения, так как переход из одной социальной группы в другую был часто связан с побочным занятием, в частности, с отхожим промыслом.

Для описания занятия была разработана особая форма, которая позволяла это сделать подробно и всесторонне. Учитыва-

лись все виды занятий: ремесло, промысел, работа, должность и специальность, уровень квалификации. Выяснялось положение лица в занятии: хозяин, член артели, одиночка, рабочий, служащий, помогающий в занятии член семьи. Уточнялось, работает ли хозяин с наемными рабочими или лишь со членами своей семьи. Спрашивалось название учреждения, заведения или предприятия с обозначением рода производства, с которым связан опрашиваемый. Так, в деликатной форме по совокупности ответов в 1926 г. определялись социальный статус респондента, его профессия, квалификация, отрасль производства.

Специальный опрос адресовался безработным. Поскольку эта проблема тогда была острой, то выяснялось, каково прежнее занятие безработного, сколько времени он не работает, впервые ли он остался без работы и т.д. Эти вопросы позволяли существенно корректировать данные о безработных бирж труда. Для исследователей при обращении к этим данным есть немало загадок. Известно, например, что число безработных по данным Московской биржи труда в 1,5 раза превышало сведения переписи 1926 г. Между тем, как правило, статистика бирж принимается исследователями на веру.

Важнейшими вопросами, уточняющими социальную структуру населения, являлись сведения об источниках доходов лиц, не имеющих собственного занятия. Получали эти сведения в деликатной форме. Если это были свои собственные средства, то требовалось указать, какие именно: стипендия, пособие со беса или страхкассы, пенсия, доход от сдачи дома, сбережения и проч. Если – чужие, то уточнялось занятие кормильца, его положение в занятии, отношение к нему респондента (член семьи, кто именно). Как видно, в эту категорию попадали люди разного социального статуса: учащиеся, домовладельцы-рантье, иждивенцы государственных учреждений и прочие, но ответ для всех них не представлял сложности. При подведении итогов опроса эти ответы можно было легко дифференцировать по категориям.

К середине 1930-х годов социальная структура советского общества существенно изменилась, и, естественно, потребовались коррективы в переписном листе. Сохранились три предварительных варианта переписного листа 1937 г.³. Рациональным

образом эта проблема была решена в варианте № 1 переписного листа 1937 г., где было снято подразделение хозяев на работающих с наемными рабочими и на не прибегающих к найму, однако категория «самостоятельный хозяин» была оставлена в вопросе о положении лица в занятии. Были подробно расписаны члены коллективных хозяйств, наряду с членами артелей выделены члены колхозов и коммун; среди рабочих введена категория «ученик в производстве» (кстати, многочисленная в то время). Все другие категории – рабочие, служащие, члены семьи, помогающие в занятии, – остались в переписном листе, равно как и вопрос об источниках дохода. К имеющим собственный доход не от занятия причислены и живущие на средства от сдачи домов. Может быть, преждевременно был снят прямой вопрос о безработных, но оставшийся вопрос об источнике дохода восполнял отчасти этот пробел.

Работая над переписным листом, статистики, как видно, настаивали на сохранении вопроса о занятии. В проекте № 2 главная группа вопросов о занятии продолжала сохраняться. Но уже в проекте № 3 появился вместо подвопроса о положении в занятии лобовой вопрос о принадлежности респондента к общественной группе: рабочим, служащим, колхозникам, единоличникам, кустарям, лицам свободных профессий, служителям культа или к другим нетрудящимся элементам. В окончательном варианте переписного листа 1937 г. этот подвопрос превратился в самостоятельный. Сама по себе постановка вопроса не приветствовалась статистиками, так как нарушала научные принципы программы переписи. Излагая свою точку зрения по этому поводу, известный статистик Н. Я. Воробьев писал, что во избежание получения ложных сведений мы можем спрашивать при переписях только о фактах и отнюдь не должны заставлять население давать оценки или классифицировать. В самом деле, кому же хотелось записываться в нетрудящиеся элементы, когда престижнее и безопаснее было назваться рабочим или служащим?

Кроме того, при определении самих общественных групп пришлось руководствоваться упрощенной и огрубленной для того времени схемой Сталина–Молотова. На XVIII съезде Советов И. Сталин заявил, что «наше общество состоит исключительно из рабочих, крестьян и интеллигенции, а все другие слои общества

исчезли с лица советской земли»⁴. Молотов, в свою очередь, дал особую трактовку рабочего класса, включив в его состав индустриальный пролетариат, служащих, а также весь государственный аппарат. Столь расширительное толкование рабочих наводит на мысль, что уже тогда возникла необходимость замаскировать чрезмерное разбухание госаппарата.

Введение этой схемы привело к явным потерям в социальной структуре населения, фиксирующей переписью: исчез термин «самостоятельный хозяин», он был заменен оскорбительным – «единоличник»; нетрудящиеся объединялись в одну группу со служащими культа; некооперированные и кооперированные кустари рассматривались как единая группа; не была выделена группа иждивенцев государства (пенсионеров и стипендиатов). По инструкции 1937 г. последние заносились в ту общественную группу, к которой они принадлежали до выхода на пенсию или стипендию. При том, что был изъят вопрос об источнике средств существования, присутствовавший в 1926 г., критерии социального деления были в переписном листе 1937 г., смазаны⁵.

Нельзя не отдать должного в этой ситуации статистикам, которые сумели внести некоторые коррективы в эти схемы. Во всяком случае в окончательном варианте переписного листа 1937 г. рабочие были отделены от служащих, а госаппарат отнесен к группе служащих, сохранена категория лиц свободных профессий. Но главное – в проекте № 3 и в окончательном варианте листа им удалось сохранить вопросы о роде занятий и месте работы, которые позволяли контролировать ответы на лобовой вопрос о принадлежности респондента к общественной группе. Это должно было в какой-то мере оградить перепись от искажения информации в данной области.

В проекте листа 1939 г.⁶ все вопросы 1937 г. сохранены в том же виде. Но к ним добавлен вопрос о летних сезонных занятиях, однако в окончательном варианте листа он не значится. Зато организаторам переписи удалось восстановить, хотя и в урезанном виде, вопрос об источнике средств существования: «Род занятий (службы) в настоящее время или другой источник средств существования». На этом основании удалось составить немало интересных таблиц, которые хранятся в архиве. В переписном листе 1939 г. была (как в переписи 1926 г.) сохранена

дифференциация кустарей на кооперированных и некооперированных.

Необходимость в ходе переписи классифицировать население по общественным группам породила немало неувязок. В 1937 г. в ряде мест к нетрудящимся были отнесены инвалиды и старики; члены семей колхозников, занятые в подсобном хозяйстве, переписывались как единоличники, тогда как члены семей рабочих – как рабочие. В 1939 г. принцип классификации неработающих членов семьи по статусу кормильца проводился более последовательно, и занятых на приусадебных участках членов семей колхозников отнесли к колхозникам.

Правительство в 1939 г. уже не столь навязчиво по сравнению с подготовкой переписи 1937 г. вмешивалось в программу, сосредоточив внимание исключительно на достижении желаемого результата по численности населения, поэтому хотя и в урезанном виде, но часть вопросов удалось восстановить. В итоге программа переписи 1939 г. получилась богаче и разнообразнее, чем в 1937 г.

Для шифровки материалов переписей составлялись словари занятий⁷. Словарь 1926 г. разрабатывался на основе словаря 1920 г., был дополнен материалами профучета персонала фабрично-заводской промышленности (1925), тарифного справочника ЦК профсоюзов. Основная работа была проделана Г. С. Полляком и М. Я. Катель. В качестве консультантов привлекались Н. Я. Воробьев и В. П. Ефремов. В этом деле принимали участие и сотрудники отдела статистики труда ЦСУ О. П. Зарзар, С. Н. Гуревич, О. С. Литвинов, В. П. Чернышев и др. Оригинал рукописи хранится в архиве, он почти полностью опубликован. В нем полно представлен перечень профессий того времени всех общественных групп: рабочих (слесарь, электросварщик, аршинщик и др.); служащих (агроном, инженер, руководители учреждений и др.); лиц свободных профессий (поверенные, репетиторы, врачи и др.); хозяев с наемными рабочими (заводчики, подрядчики, судовладельцы и др.); рантье (домовладельцы, землевладельцы, ростовщики и др.); деклассированных (босяки, воры, гадалки, проститутки, хироманты и пр.). К лицам свободных профессий относились и священнослужители: православные (архиерей, митрополит, епископ и др.), служители других культов (аббаты,

имами, ксендзы, муллы, шаманы и пр.). Подробно фиксировались сельскохозяйственные профессии (пахари, землепашцы, сельские хозяева), среди них недавно появившиеся – трактористы, механики по тракторному делу. Присутствовал ряд профессий, уходящих в прошлое: офени, коробейники, сидельцы в магазинах и др. Обозначен новый ряд советских профессий служащих: народный комиссар, политработник, член месткома и др. Но таких тогда было мало. Если у разных общественных групп совпадали специальности, то фиксировалось положение в занятии: кондитер-рабочий, кондитер-хозяин, кондитер-торговец.

Этот словарь был положен в основу переписи 1937 г., но существенно переработан в связи с индустриализацией и коллективизацией. Если в словаре 1926 г. было свыше 10 тыс. названий занятий, то в словаре 1937 г. их стало 14 тыс. Коррективы в словарь были внесены на основе тарифных справочников ЦК профсоюзов и материалов опытной переписи населения (сентябрь 1932 г.) Тулы и четырех районов Московской области, а также переписи членов профсоюзов в 1930 г. и в конце 1932-го – первой половине 1933 г. Работа над словарем велась под руководством С. Йозефовича и при участии Е. Морыгановой, Н. Смирновой, А. Соловьевой, Р. Цетлина и М. Чулковой. На всех стадиях работы советами помогал Г. С. Полляк.

Новым положительным моментом в словаре 1937 г. были сведения об уровне образования, который отмечался при названии занятия. Дифференцировалось занятие и в связи с разным социальным статусом: хлопковод, хлебопашец имели примечание – единоличник, или колхозник, или агроном, или рабочий и т.д.; молочник – рабочий на ферме, продавец в магазине, продавец молока из собственного хозяйства и т.д. Значительно больше, чем в 1926 г., стало профессий советских и партийных работников: парторганизатор, торгпред, нарком, комсорг и пр.

Появилось немало новых профессий: комбайнер, бригадир, звеньевой, машинист на тепловозе, на электровозе, водитель метро. Часть старых занятий была исключена (скотопромышленник, фермер, подрядчик, заводчик и т.д.) как «отжившие», но другие были сохранены (сельский хозяин, межевик, содержатели постоянных дворов, буфетов, харчевен, чайханщики). Категории рантье уже нет в словаре, но еще осталась категория живущих на до-

ходы от сдачи домов, от займов, от продажи имущества, на средства, присылаемые из-за границы. Довольно широко представлены занятия деклассированных, исключены лишь колдуны и сутенеры. Как и в словаре 1926 г., в словаре 1937-го присутствуют такие категории, как заключенный. По перечню профессий видно, как разросся партийный и государственный аппарат, и все же официальные обвинители переписи как дефектной, специально испорченной «врагами народа», нашли здесь упущения: не были поименованы председатели колхозов и другие руководящие должности. Недопустимой, с их точки зрения, была расшифровка деклассированных, которая, по официальной оценке, содержала «явно контрреволюционные и клеветнические вещи». Некоторые из упомянутых в расшифровке профессий действительно устарели, например гувернантка, лакей. Однако они, по всей вероятности, были оставлены для людей, которые всю жизнь были связаны с ними и теперь, в старости, продолжали себя к ним причислять. Но, безусловно, словарь не имел никакого «контрреволюционного» содержания. Такие же занятия, как бродяги, нищие и т.д., продолжали существовать.

Поскольку этот словарь был забракован, то для переписи 1939 г. было подготовлено два словаря: алфавитный и систематический. Мы располагаем не только окончательным вариантом систематического словаря, но и его проектом. Оба словаря были составлены Ленинградской станцией механического счета с привлечением консультантов из Москвы и Ленинграда. В предисловии к проекту систематического словаря категорически отвергается словарь 1937 г., но в это трудно поверить, так как штаты станции, особенно руководящие, состояли из людей, проводивших перепись 1937 г. Среди источников, использованных в словаре, упоминаются тарифно-квалификационные справочники, штатные расписания и должностные характеристики отдельных ведомств и предприятий, предложения республиканских и местных органов статистики и др. Однако конъюнктура тех лет больше всего, пожалуй, сказалась на этом словаре. Во-первых, в отличие от прежних словарей он ограничивался лишь общественно полезными занятиями, приносящими заработок или доход. Перечень иных источников существования (не от занятий) не включен.

Таким образом были сразу достигнуты две цели: словарь отразил лишь занятия рабочих, крестьян, служащих, кустарей и ремесленников, исключив тем самым из социальной структуры все прочие, «остаточные» элементы как не имеющие полезных обществу занятий. И, кроме того, эта неполнота спасала статистиков от фальсификации самих занятий. Насколько обеднен был словарь, видно хотя бы из того, что в нем не отражены занятия лиц свободных профессий, не упомянуты священнослужители, исчезли чайханщики, дехкане. В словаре не упомянуты заключенные. Чрезвычайно подробно расписаны занятия руководящего персонала общесоюзного, республиканского и областного масштабов. Очевидно, эти профессии стали массовыми.

Проект словаря занятий 1939 г. широко обсуждался. На него были даны замечания из Наркомпроса СССР, Наркомата торговли СССР, Наркомата горной промышленности, Главугля, Главзолота и прочих организаций. Замечания были учтены, и в окончательный вариант словаря занятий был введен ряд новых профессий: рабочий на культиваторе, на картофелепосадочной машине; детально были расписаны профессии рабочих метрополитена. Среди служащих была введена профессия биолога-агронома.

Ответы респондентов классифицировались по этим, очень детализированным перечням профессий.

Следует остановиться еще на одном вопросе.

Профессии и род занятий указывались также у заключенных. Сохранились инструкции 1939 г. по этому вопросу⁸.

«При ответе на вопрос 14-й переписного листа (род занятий) в отношении заключенных в лагерях и колониях, работающих на строительных площадках, строительстве железных дорог и автомагистралей, дорожном строительстве, заводах и др., указывается характер выполняемой в лагере (колонии) работы: землекоп, каменщик, механик, бухгалтер и т.д. В отношении осужденных в тюрьмах вопрос 14-й прочеркивается, для находящихся под следствием указывается род занятий на последнем месте работы до заключения. Для заключенных несовершеннолетних трудколоний и распределителей указывается «воспитанник»⁹.

Таким образом, заключенные объединялись с общегражданским населением.

Особый интерес вызывает предписание об ответах заключенных на вопрос 15-й (о месте работы). Согласно инструкции заключенные пополняли самые «передовые» группы населения, работающие на «строительстве Куйбышевского гидроузла, Байкало-Амурской магистрали, Каргопольских лесозаготовках, Карагандинском животноводческом совхозе». Иногда разрешалось записывать просто: «сельское хозяйство». В отношении осужденных, содержащихся в тюрьмах, записывалось «заключенный». В отношении подследственных записывалось последнее место работы до взятия под стражу. В отношении трудпоселенцев указывалось наименование организаций, в которых работает трудпоселенец, – «неуставная артель» или наименование промышленного предприятия¹⁰.

Ответ на вопрос 16-й об общественной группе обычно подчеркивался. Например, ответ на вопрос 14-й – «землекоп», на 15-й – «строительство», на 16-й – прочерк. Общественная группа при этом шифровалась цифрой «9» (прочие, не указавшие источника средств существования и занятия). Правда, Свердловское УНХУ предложило: «шифровать при отсутствии записи в вопросе 16-м шифром «служащие», так как считали, что в основном спецпереписи охватывали служащих. Но такая попытка была пресечена телеграммой из ЦУНХУ: «Отсутствие записи общественной группы шифруйте «9» (9 июня 1939 г.)»¹¹.

Из всего сказанного на основании инструкции и других документов становится объяснимым довольно большое число по сравнению с другими переписями, в частности с переписью 1937 г. (где, вероятно, применялся другой способ шифровки), лиц, не указавших ни общественной группы, ни источника средств существования в переписи 1939 г. Их насчитывалось 1 022 623 человека. Кроме того, можно с уверенностью предположить, что часть спецконтингента – заключенные, содержащиеся в тюрьмах, «воспитанники колоний НКВД» –полнили ряды иждивенцев государства, которые также очень многочисленны сравнительно с данными других переписей, – 3 922 696 человек. Часть заключенных могла попасть и в другие общественные группы, особенно это касается трудпоселенцев. Но все-таки основная масса заключенных оказалась среди «не указавших...» и иждивенцев госучреждений.

В архиве Всесоюзной переписи населения 1937 г. сохранились черновые материалы по социальному составу населения и

его занятиям (см. табл. 1). Это материалы, разработанные в соответствии с принятым в то время социальным делением советского общества, но не оформленные в таблицы обычного вида. Однако состояние черновика таково, что позволило закончить предполагавшуюся работу и сгруппировать данные в таблицы. Сопоставление переписи 1937 г. с переписью 1926 г. показывает, что в составе населения произошли глубокие изменения: исчезли рабочие частных предприятий, поскольку последние были изжиты, экспроприированы окончательно; исчезли такие категории, как хозяева с наемными рабочими и хозяева, работающие только со членами семьи, безработные. Самостоятельные хозяева, не использовавшие наемного труда, в переписи объединены термином «единоличники». Но все другие категории населения, перечисленные в переписи 1926 г., остались и в 1937 г.: священнослужители, рантье, лица свободных профессий, нищие, бродяги и т.д. Это обстоятельство было поставлено в тяжкую вину организаторам переписей.

Безусловно, в социальном составе и занятиях населения, зафиксированных переписью 1937 г., обращает на себя внимание увеличение численности и удельного веса рабочих и служащих, связанных с государственным сектором хозяйства. Выделяется возросшее после коллективизации кооперированное население. Обозначены категории населения, занятые в сельскохозяйственной и промышленной кооперации: колхозники-земледельцы, кооперированные кустари, рабочие и служащие промкооперации, промколхозники.

Несмотря на различия в данных перепись в 1939 г. подтверждает итоги переписи 1937 г. (см. табл. 2).

На первый взгляд кажется, что к 1939 г. все категории населения, кроме рабочих, колхозников и служащих, и впрямь, по словам Сталина, «исчезли с лица советской земли». Но присмотримся к данным переписи 1939 г. Прежде всего вызывает недоумение разбухшая цифра (более чем в 10 раз) категории нетрудящихся. Это связано с тем, что в нее были включены священнослужители, лица, живущие на доходы от продажи имущества и сдачи домов, нищие, бродяги, проститутки и другие.

Следовательно, эти категории присутствуют и в переписи 1939 г., но в закомуфлированном виде. В известном смысле перепись 1937 г. — это ключ к расшифровке некоторых социальных категорий населения, отраженных в переписи 1939 г.

Таблица 1* – Состав населения СССР по социальным группам и по занятости в соответствии со Всесоюзной переписью населения 1937 г.**

Социальные группы и занятия	Мужчины		Женщины		Оба пола	
	абс. числ.	%	абс. числ.	%	абс. числ.	%
1	2	3	4	5	6	7
Самодетельное население	43 122 300	55,4	34 751 172	44,6	77 873 472	100,0
Рабочие и служащие госпредприятий:	22 366 485	66,6	1 1215 049	33,4	33 581 534	100,0
рабочие	15 560 230	66,9	7 681 127	33,1	23 241 357	100,0
служащие	6 806 255	65,8	3 533 922	34,2	10 340 177	
Рабочие и служащие промкооперации:	872 051	65,6	456 216	34,4	1 328 267	100,0
рабочие	688 820	64,5	379 702	35,5	1 068 522	100,0
служащие	183 231	70,5	76 514	29,5	259 745	100,0
Колхозники-земледельцы	10 452 028	36,2	18 412 416	63,8	28 864 444	100,0
Колхозники прочие	5 913 979	80,3	1 444 008	19,7	7 357 987	100,0
Единоличники	1 624 297	46,0	1 903 327	54,0	3 527 624	100,0
Промколхозники	291 148	57,4	216 062	42,6	507 210	100,0
Кооперированные кустари	226 914	60,0	151 387	40,0	378 301	100,0
Некооперированные кустари	444 836	83,8	86 119	16,2	530 955	100,0
Люди свободных профессий	7951	67,8	3765	32,2	11 716	100,0
Служители культа	28 818	92,1	2480	7,9	31 298	100,0
Иждивенцы государства	716 662	47,4	794 669	52,6	1 511 331	100,0
пенсионеры	455 976	43,4	595 382	56,6	1 051 358	100,0
воспитанники детских домов	224 399	59,3	154 134	40,7	378 533	100,0
инвалиды в инвалидных домах	36 288	44,6	45 153	55,4	81 441	100,0
Живущие на доходы от сдачи домов, комнат и др. помещений	907	21,2	3374	78,8	4281	100,0
Живущие на доходы от продажи имущества	718	40,0	1076	60,0	1794	100,0
Нетрудящиеся элементы	2453	74,2	853	25,8	3306	100,0
Прочие, неточно обозначенные и неуказанные	173 053	74,1	60 371	25,9	233 424	100,0

1	2	3	4	5	6	7
<i>Несамодостаточное население</i>						
Рабочие	32 664 656	39,7	49 594 339	60,3	82 258 995	100,0
Служащие	9 161 033	34,8	17 125 364	65,2	26 286 397	100,0
Колхозники	4 375 732	33,4	8 730 794	66,6	13 105 526	100,0
Единоличники	17 034 944	45,2	20 611 147	54,8	37 646 091	100,0
Кустари	1 644 525	41,6	2 306 318	58,4	3 950 843	100,0
Люди свободных профессий	359 919	33,8	704 776	66,2	1 064 695	100,0
Всего нетрудящихся, неточно обозначенных и неуказанных,	3429	31,5	7443	68,5	10 872	100,0
в том числе неточно обозначенные и неуказанные	85 074	43,9	108 497	56,1	193 571	100,0
и неуказанные	54 769	51,1	52 416	48,9	107 185	100,0
<i>Всего населения</i>	75 786 956	47,3	84 345 511	52,7	160 132 467***	100,0

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 62–64.

** Сводные данные по СССР

*** В эту итоговую цифру не входят военнослужащие. Незначительное отличие этой цифры от общих итогов в других таблицах связано, очевидно, с разным временем составления таблиц, в течение которого продолжали поступать дополнительные сведения.

Не найдем мы в переписи 1939 г. и лиц свободных профессий. Зато обращает на себя внимание стремительный рост численности государственных служащих в 1939 г. по сравнению с 1937-м, а ведь прошло всего два года между этими переписями. Безусловно, такое увеличение частично объясняется включением туда лиц свободных профессий.

За два года (от 1937-го к 1939-му) произошли изменения в численности основных социальных групп. Несколько возросло количество рабочих, зато число колхозников уменьшилось — видимо, к этому привел дальнейший отток рабочей силы из деревни в город, связанный с развитием индустриализации и урбанизации.

Таблица 2* – Состав населения СССР по социальным группам по Всесоюзным переписям 1937 и 1939 гг. (в %)

Социальные группы	1937 г.	1939 г.
Рабочие:	31,2	30,2
Рабочие госпредприятий	29,8	
Рабочие промкооперации**	1,4	
Служащие:	13,6	15,6
Служащие госпредприятий	13,2	
Служащие промкооперации	0,4	
Колхозники-земледельцы	37,1	43,5
Колхозники прочие	9,5	
Единоличники	4,5	2,0
Промколхозники	0,6	2,0
Кооперированные кустари	0,5	
Некооперированные кустари	0,7	0,6
Лица свободных профессий	0,02	Не выделены
Служители культа	0,04	Не выделены
Иждивенцы государства:	1,9	4,7
Пенсионеры	1,3	
Воспитанники детдомов	0,5	
Инвалиды в инвалидных домах	0,1	
Живущие на доходы от продажи имущества***	0,002	Не выделены
Живущие на доходы от сдачи домов, комнат и др. помещений***	0,005	Не выделены
Нетрудящиеся элементы	0,004	0,05
Прочие, неточно обозначенные и неуказанные	0,33	1,35
Всего населения:	100	100

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4.

** Учтены в категории кооперированных кустарей в 1939 г.

*** Включены в 1939 г. в категорию «нетрудящиеся элементы».

Прослеживается тенденция к сокращению крестьян-единоличников и некооперированных кустарей. Впрочем, и кооперированных кустарей стало меньше в связи с «наступлением» госсектора на промкооперацию. Символично, что в 1939 г. не выделен слой рабочих кооперации, хотя Инструкция не давала таких указаний – напротив, в ней предписывалось отличать в кооперации кооператоров, рабочих и служащих. Однако на практике в связи с огосударствлением кооперации стало трудно различать эти категории, поскольку в их положении уже не было прежних различий.

Обращает на себя внимание большое количество иждивенцев – частных лиц в 1937 г., так как в отличие от переписи 1939 г. в эту категорию были включены студенты. Это в принципе было оправданно, поскольку не все студенты получали стипендию от государства, да они и не могли существовать на эти средства. А в 1939 г. всех студентов включили в категорию иждивенцев госучреждений.

Перепись 1937 г. не выделила, как это было сделано в 1926 г., специальной категории – «заключенные». То же самое повторилось и в 1939 г. Заключенные в обеих переписях расписаны, как уже говорилось выше, по выполняемому занятию в лагерях, а в тюрьмах – по прежнему месту работы.

Чтобы закончить сравнительный анализ переписей 1937 и 1939 гг., обратим внимание на тот факт, что население возрастало в основном за счет несамодеятельного населения, т.е. за счет рождаемости, довольно высокой в промежуток времени между переписями. Самодеятельное население увеличилось мало, да и то в основном за счет включения туда студентов. Занятость населения была высокой и в 1937-м, и в 1939 г.

Анализ социальной структуры был бы неполон без характеристики соотношения полов в самодеятельном населении. Что касается несамодеятельного населения, то в нем преобладали женщины, а мужчины были представлены в основном малолетними.

В 1937 г. мужчины преобладали в «городских» занятиях: среди рабочих и служащих, в том числе и среди служащих кооперативов (более 70%). Видимо, преобладание мужчин в этих категориях объяснялось тем, что они имели более высокий уровень квалификации, грамотности и образования, чем женщины, которые, как правило, по всем этим показателям отставали от мужчин. Женщин было мало и среди некооперированных кустарей. Зато среди кооперированных кустарей женщин гораздо больше. По-видимому, здесь преобладали женские занятия: пуховязальные, чулочные, кружевные и прочие промыслы. Много женщин было среди единоличников-крестьян. Отправляясь в города на заработки, мужчина часто оставлял хозяйство в деревне на жену. Уже в то время среди колхозников-земледельцев мужчин было чуть больше трети. А ведь в те годы в земледелии преобладал тяжелый ручной труд. Любопытно, что в 1926 г., когда

кооперированных земледельцев насчитывалось мало, среди самостоятельных хозяев были почти одни мужчины. В 1930-е годы началось бегство мужчин из колхозов, многие из них даже оставили свои семьи. Уже тогда юноши предпочитали уходить в города на стройки и на заводы. Конечно, сыграл свою роль и голод начала 1930-х годов, когда, покинув деревню, мужчины уже не возвращались обратно.

Довольно много насчитывалось женщин среди рантье, а также иждивенцев. Напротив, среди нетрудящихся – больше мужчин, видимо, нищих и бродяг. Среди пенсионеров преобладали рабочие (65,5%) и служащие (25,2%). На колхозников, кустарей, единоличников социальное обеспечение распространялось мало, оговорены были лишь права рабочих и служащих. При этом пенсионное обеспечение по старости было почти не реализовано, в основном это были пенсии по потере кормильца и инвалидности.

В переписи 1937 г. сохранилось несколько таблиц по отраслевой структуре рабочих и служащих и профессиональной – служащих.

Табл. 3 составлена на основе черновых материалов переписи 1937 г., а табл. 4 извлечена из справки, написанной И. И. Саутиным, начальником ЦУНХУ, на имя председателя Госплана Союза ССР Н. А. Вознесенского в начале 1938 г.

Анализ данных табл. 3 и 4 свидетельствует о том, что отраслевая структура занятости рабочих и служащих еще недостаточно развита, – в основном это промышленность и сельское хозяйство. Явно отстают по занятости в них здравоохранение, культурное и бытовое обслуживание, особенно наука. В то же время высокая степень занятости рабочих и служащих в промышленности говорит о недостаточном ее техническом оснащении.

Занятость женского труда наблюдалась во всех отраслях, но среди рабочих, кроме сферы обслуживания, преобладали мужчины. Что касается служащих, то в этих сферах превалировал мужской труд.

Перепись 1937 г. зафиксировала относительно высокую занятость рабочих и служащих в промкооперации. Причем занятость в промкооперации охватывала многие отрасли хозяйства: промышленность, торговлю, транспорт и связь, строительство.

К сожалению, видимо, отсутствовали кооперативы как в сфере здравоохранения, так и культурного обслуживания. Особого внимания заслуживают данные о численности, отраслевом и профессиональном составе служащих (см. табл. 4).

Уже по их отраслевому распределению видно, что самую большую группу составляли служащие государственных и общественных учреждений, просвещения и здравоохранения.

Как видим, здесь не выделен отдельно административно-руководящий состав, но зато это сделано в переписях населения 1926 и 1939 гг., где он получил разностороннюю и полную характеристику. Сопоставление в данном плане этих двух переписей дополняют данные 1937 г.

Таблица 3* – Распределение рабочих по отраслям народного хозяйства по Всесоюзной переписи населения 1937 г.**

Отрасли народного хозяйства	Рабочие госпредприятий			Рабочие промкооперации		
	мужчины	женщины	обоего пола	мужчины	женщины	обоего пола
Лесное хозяйство, рыболовство и охота, в том числе	1 241 921	263 102	1 505 023	14 726	2986	17 712
лесное хоз-во	1 005 759	200 184	1 205 943	10 022	2071	12 093
рыболовство и охота	131 712	40 256	171 968	4075	776	4 851
лесное хоз-во (доп. позиция)	104 450	22 662	127 112	629	139	768
Сельское хоз-во	1 896 453	769 053	2 665 506	-	-	-
Промышленность	5 918 968	3 353 225	9 272 193	557 895	351 897	909 792
Строительство	2 323 162	399 672	2 722 834	15 060	2279	17 339
Транспорт и связь	1 944 596	433 221	2 377 817	78 788	4920	83 708
Торговля, снабжение и заготовка	820 660	284 457	1 105 117	7711	2773	10 484
Управление, культобслуживание, здравоохранение	734 757	973 330	1 708 087	-	-	-
Бытовое обслуживание	403 911	1 120 395	1 524 306	10 136	12 903	23 039
Прочие и неуказанные	275 802	84 672	360 474	4504	1944	6448
<i>Итого</i>	15 560 530	7 681 127	23 241 357	688 820	379 702	1 068 522

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Л. 62 об., 63 об., 64 об. Данные приводятся по самодеятельному населению.

** сводная по СССР

Таблица 4* – Численность служащих и младшего обслуживающего персонала по Союзу ССР на январь 1937 г. (Всесоюзная перепись населения 1937 г.)

Занятия, отрасли народного хозяйства	Тыс. человек
Общая численность служащих	11 255
Кроме того, младшего обслуживающего персонала	4717
Распределение служащих по отраслям народного хозяйства:	
промышленность	1871
сельское хозяйство (совхозы, МТС, колхозы)	1560
строительство	488
транспорт и связь	755
лесное хозяйство	192
государственная и кооперативная торговля	1509
государственные и общественные учреждения, просвещение, здравоохранение	3950
общественное питание, коммунальное хозяйство и прочие учреждения и предприятия	930
Распределение служащих по отдельным занятиям:	Чел.
инженеры, архитекторы (не считая инженеров-руководителей предприятий, цехов и т.п.)	249 601
агрономы	79 666
прочий высший технический персонал (конструкторы, лесничие и т.д.)	28 459
землемеры, землеустроители, топографы	25 637
агротехники, зоотехники	70 462
прочий средний технический персонал (техники, прорабы, начальники станций, капитаны и т.п.)	782 048
низший технический персонал (десятники, дорожные мастера и т.п.)	213 994
чертежники	47 399
академики, профессора, преподаватели вузов, научные работники	79 725
учителя	969 428
прочий культурно-просветительный персонал (журналисты, библиотекари, зав. клубами и т.п.)	396 547
врачи	105 265
ветеринарные врачи	13 402
зубные врачи	13 303
фельдшера, акушерки	119 459
ветфельдшера и прочий средний ветеринарный персонал	57 125

прочий средний медперсонал	205 411
бухгалтеры	683 787
счетоводы	933 502
прочий учетный персонал (статистики, счетчики и т.п.)	673 218
экономисты	143 584
прочий планово-контрольный персонал (инспекторы-нормировщики)	483 904
делопроизводственный персонал (секретари, машинистки и т.п.)	562 497
руководители предприятий, учреждений и их цехов и отделов	1 046 357
председатели колхозов	266 795
заведующие фермами совхозов и колхозов	146 356
заведующие магазинами и складами	343 182
прочий торговый и хозяйственный персонал (продавцы, товарове- ды и т.п.)	1 282 718
судьи	7618
прокуроры, следователи	12 694
прочий юридический персонал	25 961
работники искусства	158 993
работники связи (радиотелеграфисты, телеграфисты и т.п.)	150 895
прочие служащие	871 019
<i>Итого</i>	11 255 031

*РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 281. Л. 17–19.

К 1939 г. рабочие в РСФСР составляли $\frac{2}{3}$ городского населения и $\frac{1}{5}$ часть – сельского. Эта перепись уже не содержит сведений о численности рабочих, занятых в кооперативном секторе хозяйства. Происходило дальнейшее разрастание госсектора, и подавляющее большинство рабочих трудилось на госпредприятиях. Значительный удельный вес в самодеятельном населении СССР в 1937 г. имели служащие (см. табл. 2). К 1939 г. их численность еще более выросла, а удельный вес увеличился на 2%. Доля служащих в самодеятельном населении РСФСР в 1939 г. была еще выше – почти 18%. Их основная масса была сосредоточена в городах – $\frac{1}{3}$ населения. Как и рабочие, они были связаны с госпредприятиями и госучреждениями, в промкооперации их удельный вес равнялся 0,4%.

Таблица 5* – Состав населения РСФСР по общественным группам по Всесоюзной переписи 1939 г. (в %)

Общественные группы	Городское население	Сельское население	Все население
Лица, имеющие занятия:			
рабочие	59,8	21,8	35,0
служащие	32,7	9,6	17,7
колхозники	3,2	63,2	42,3
кооперированные кустари	3,6	1,6	2,3
некооперированные кустари	0,5	0,9	0,7
крестьяне-единоличники	0,2	2,9	2,0
Итого:	100	100	100

* РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 374. Л. 140; Д. 476. Л. 163.

В переписи 1937 г. мы не найдем таких категорий в социальном составе, которые отмечены переписью 1926 г.: «хозяева, работающие только со членами семьи», «хозяева-одиночки» и проч. Самостоятельные хозяева, не использующие наемного труда в сельском хозяйстве, обозначены термином «единоличники», а связанные с промыслами – «некооперированные кустари». В СССР первые имели удельный вес 4,5%, а вторые – 0,7%. В РСФСР некооперированные кустари составляли в занятом населении – так же, как по Союзу в целом, – 0,7%. В Центральной России, Сибири и Средней Азии и тех и других было несколько больше: первых – 5,4–6%, а вторых – 0,8–0,9%. Основная масса бывших самостоятельных хозяев в сельском хозяйстве и промыслах была связана с кооперацией. Однако кооперированных кустарей было очень немного: их доля в самодеятельном населении Союза составляла 0,5%, в РСФСР – 2,3%, в Центральной России – 1,6%, а в Сибири и Средней Азии – 1,5%. В деревне основную массу населения составляли колхозники: 46,6% – в СССР, 63,2% – в РСФСР, около 59% – в Центральной России¹².

В последний раз в истории советских переписей в переписи 1937 г. были сохранены категории населения, перечисленные в переписи 1926 г. Это лица «свободных профессий», священнослужители (по терминологии в 1937 г. – «служители культа»), рантье, нетрудящиеся (деклассированные). Все эти категории занимали по удельному весу сотые, тысячные доли процента, но

все же они были представлены в переписи (см. табл. 1). В частности, священнослужители численно уменьшились по сравнению с 1920-ми гг. В России их насчитывалось менее 30 тыс. Большая их часть – 21 тыс. – находилась в деревне. В основном – это мужская профессия. Женщин здесь немного: 10% – в селе и 7% – в городе. Это старосты, церковная прислуга, монахини. В Восточной Сибири священнослужителей было больше, чем в Центральной России.

Незначительную по удельному весу категорию населения в городах России 1930-х гг. составляли кустари и ремесленники. Большая часть их к концу этого десятилетия состояла членами разного рода кооперативов, но часть их еще не была кооперирована и именовалась в статистике того времени как «кустари-одиночки».

В течение многих лет в историографии была распространена точка зрения, что в конце 1930-х гг. кустари и ремесленники были малозначительным, профессионально не интересным явлением и составляли некий придаток основного общественного производства. Роль им в экономике страны отводилась ничтожная. В демографическом плане их относили больше к старикам и инвалидам, причем, если и встречались там подростки и молодежь, то считалось, что это люди с отсталым, неразвитым сознанием.

Однако данные статистики 1930-х гг., прежде всего переписи 1939 г., не совсем соответствуют этим укоренившимся в обществе представлениям. Прежде всего, цифры свидетельствуют о том, что набор групп профессий отдельных специальностей кустарей и ремесленников был довольно значительным. Он насчитывал более 130 наименований в кооперативной кустарной промышленности, около 70 – у кустарей-одиночек и примерно 50 – у крестьян-единоличников.

Рассмотрим по занятиям кооперированных кустарей¹³. Нет той крупной профессиональной группы, будь то металлисты, текстильщики, кожевники, пищевики, транспортники, сфера обслуживания и проч., где не были бы представлены кооперированные кустари и ремесленники. Были даже такие группы профессий, где они составляли значительную часть занятых от всех лиц, задействованных в этой профессии. Так, среди рыболовов кооперированных кустарей было 60% от всех лиц этой профессии. Они насчитывали около 100 тыс. человек. В основном это мужчины молодого и зрелого возраста (85%). Группа от 20 до 29 лет составля-

ла более $\frac{2}{3}$ рыболовов. 17% приходилось на лица 40–49 лет. Очень молодых и пожилых немного, процент грамотных невысок – 74%¹⁴.

Сапожники и башмачники наполовину относились к кооперированным кустарям. Это чисто мужская профессия; женщин, связанных с ней, всего 3%. Преобладающим был возраст 30–39 лет. Лица этого возраста насчитывали более $\frac{1}{3}$ занятых. Лица 40–49 лет составляли 20%. Почти столько же было молодых сапожников и башмачников – 20–29 лет. Очень молодых в этой профессии практически нет, а старики старше 60 лет встречались.

Одну треть среди ювелиров и часовщиков также составляли кооперированные кустари. Преобладали здесь мужчины (85%). В этой профессии, в отличие от вышеупомянутых, представлены все возрастные группы. Довольно много молодежи, в том числе и 15–19-летнего возраста. Более старшие возраста по удельному весу почти одинаковы, и составляют каждая из групп 18–20%. Много здесь и стариков-ювелиров и часовщиков – около 10%. Грамотность лиц этой профессии была высокой – 98%.

Кооперированные гончары и горшечники составляли 30% от всех лиц этой профессии. В основном это были мужчины среднего возраста, среди них – достаточно много неграмотных (25%). Шапочники – эта профессия на 50% обеспечивалась кустарями и ремесленниками, объединенными в кооперативы. Среди них много женщин – 64%. Преобладал возраст от 30 до 49 лет. Была и молодежь 20–29 лет, но лиц моложе 20 среди шляпников практически нет. Грамотных подавляющее большинство – 98%.

Кооперированные портные, закройщики и швеи исчислялись сотнями тысяч и составляли около 30% занятых этой профессией. Преобладали среди них женщины – их более $\frac{2}{3}$. Возраст от 30 до 40 лет – наиболее распространенный. Грамотность составляла более 90%¹⁵.

Распространенной профессией среди кооперированных кустарей была профессия корзинщика – их 35% среди лиц этой специальности. Женщин среди них – почти половина. По сравнению с другими группами профессий здесь представлены пожилые лица старше 60 лет, но и доля молодежи 15–19 лет довольно значительна. Но при этом преобладающим был возраст от 20 до 39 лет. Грамотных всего 75%¹⁶.

Картонажники – это еще одна из часто встречающихся среди кооперированных кустарей профессий. Их 30% среди лиц, связанных с этой специальностью. Господствуют здесь по численности женщины – 85%. Самая большая возрастная группа – 20–29 лет, но много и 15–19-летних. Лиц старше 40 лет немного. Грамотность среди женщин очень высокая – 94%.

Были распространены среди кооперированных кустарей и чисто «женские» профессии. Например, кружевницы состояли на 60% из кооперированных кустарей. Женщин здесь 100%, среди них преобладал возраст 20–29 лет. Много молодежи, даже до 14 лет. Но достаточно большую группу составляли и лица старше 60 лет. Однако среди них неграмотных было больше, чем во всех других группах профессий, – 40%. Вышивальщицы также на 60% состояли из кооперированных кустарей. В подавляющем большинстве своем – это женская профессия, однако среди представителей данной специальности было 3% мужчин. Возрастной состав очень молодой. Основная возрастная группа – от 15 до 20 лет. Были и 12–14-летние. После 40 лет очень немногие занимались этой профессией. Требовались острое зрение и гибкие пальцы. Грамотность была высокой – 92%.

В основном женской была профессия ковровщиц. На состоящих в кооперативах приходилось 60% занятых этой специальностью. Женщин – 98%. Преобладающий возраст – 20–29 лет. Около 20% составляли 15–19-летние. Представлены достаточно широко и лица зрелого возраста, даже пожилого. Грамотность довольно низкая – менее 70% грамотных.

Трикотажницы и вязальщицы, входившие в кооперативы, составляли 40% от всех лиц этой профессии и насчитывали несколько сотен тысяч. Женщины среди них составляли 96%. Преобладали молодые и средние возраста, довольно много было 15–19-летних. Неграмотных – всего 12%, для женской профессии это довольно высокий показатель грамотности.

В кустарном промысле кроме кооперированных кустарей, которые во всех профессиональных группах составляли большинство, были задействованы и кустари-одиночки. Как правило, их удельный вес среди всех ремесленников и кустарей, занятых в данной специальности, не превышал пределов 0,1–6%. Однако встречались профессии, где среди занятых имелось относительно много некооперированных кустарей. Это те же профессии, кото-

рые были распространены среди кооперированных кустарей, но пользовались популярностью именно у кустарей-одиночек. Так, среди рыболовов, где были распространены рыболовецкие артели, кустарей одиночек всего 3%, поскольку в море в одиночку такая работа была затруднена, да и оснащение рыболовецких судов требовало больших расходов. Зато среди звероловов кустарей-одиночек гораздо больше – 12% (около 10 тыс.). Весьма распространен этот промысел и среди крестьян-единоличников, для которых он являлся одним из существенных источников дохода. Охотников-звероловов среди крестьян-единоличников – 5%.

Довольно популярной среди кустарей-одиночек была профессия часовщика-ювелира. Среди занятых в этой профессии их 12% (более 2 тыс. чел.). Довольно много было среди кустарей лудильщиков и паяльщиков, которые ходили по дворам и базарам и к которым часто обращались жители и городов, и сел. Их доля от всех лиц этой специальности составляла 10% (10 тыс. чел.). Бондари, бочары, колесники, тележники – многие из них предпочитали трудиться в одиночку и насчитывали по удельному весу 10%. Особой популярностью среди кустарей-одиночек пользовались корзинщики: их 20% от всех занятых в данном промысле (7 тыс. чел.).

Ряд профессий, связанных с производством текстильных изделий, где особенно много было кооперированных, насчитывал немало одиночек-кустарей: прядильщиц (8%), вязальщиц (9,5%), кружевниц (15%), портных и швей (15%), шапошников и шляпниц (13%). Зато среди закройщиков и ковровщиц одиночек очень мало¹⁷.

Встречаются и такие профессии, среди занятых которыми больше одиночек, чем кооперированных кустарей. К таким профессиям относятся сукновалы и валяльщики. По абсолютной численности они в 1,5 раза превосходят кооперированных. Кустари-одиночки широко представлены среди обувщиков – 14%, сапожников и башмачников – 18%. Видимо, индивидуальный пошив обуви жители, особенно в городах, предпочитали осуществлять у кустарей-одиночек. Еще выше процент занятых в одиночном промысле среди горшечников – их 30%.

Среди строителей кустари-одиночки чаще всего работали кровельщиками (около 6%). Встречались кустари-одиночки среди печников – 9%, среди извозчиков и носильщиков (удельный вес тех и других – по 7% от всех лиц, занятых в этом промысле).

Вовсе не встречались кустари-одиночки среди мельников, машинистов силовых установок.

Таким образом, кооперированные кустари были представлены в конце 1930-х гг. широким набором профессий, зачастую не дублирующих фабрично-заводское производство. В демографическом плане они включали в свой состав лиц обоего пола всех трудоспособных возрастов. Обращает на себя внимание преобладание среди них лиц молодого и зрелого возрастов: от 20 до 49 лет. Профессии, которыми были заняты очень молодые люди или, напротив, пожилые, являлись скорее исключением, чем правилом. Связан был такой возрастной состав с профессиональной спецификой, требующей либо очень острого зрения, либо многолетней практики. Хотя численность кооперированных кустарей невелика, но их роль не была «нулевой», как это было принято считать в исторической литературе.

Кустари-одиночки, то есть некооперированные кустари, по своему демографическому составу больше соответствовали традиционному представлению о кустарях. Кроме того, их численность была мала, и в профессиональном отношении они представлены более узко, чем кооперированные кустари. Но все же игнорировать их наличие в структуре населения было бы неверным: их труд восполнял отдельные пробелы в общественном производстве¹⁸.

Что же касается таких категорий, как лица «свободных профессий», рантье, то в переписи 1939 г. они не обозначены. Возможно, что большая часть лиц свободных профессий перешла на государственную службу. Что же произошло с такой категорией, которая в переписи 1937 г. была обозначена как «нетрудящиеся» (но в инструкции расшифровывалась: нищие, бродяги и проч. деклассированные)? Обозначение этой категории было поставлено в вину организаторам переписи. По официальному заявлению прессы, к 1939 г. эта категория населения уже «исчезла с лица советской земли». Однако обращает на себя внимание тот факт, что в переписи 1939 г. категория «нетрудящиеся» выросла с тысячных долей процента в 1937 г. до 0,05. Правда, в 1939 г. в разряд «нетрудящихся» были необоснованно включены служители культа. Однако их было очень мало: в Центральной России – всего 13 тыс., а в Сибири и Средней Азии – 13,8 тыс. Очевидно, что ос-

новную массу нетрудящихся и в 1939 г. составляли деклассированные¹⁹. Любопытен в связи с этим следующий факт. При подготовке переписи 1939 г. был отдан правительственный приказ переписать всех до единого человека и в этих целях обыскать все подвалы, чердаки, котлы для варки асфальта и проч. нежилые помещения, где могли скрываться и обитать люди без документов, прописки и средств к существованию²⁰. Группу нетрудящихся в переписи 1939 г. дополнили и лица, живущие на доходы от продажи имущества, от сдачи домов, комнат и пр., то есть рантье.

Таким образом, стараниями статистиков социальный состав населения и структура его занятости во всей их сложности и многообразии были отражены в переписи и не уложились в прокрустово ложе официальной схемы. На базе сопоставления ее материалов с репрессивной переписью 1937 г. можно получить полное и объективное представление о социальной структуре и занятиях населения в конце 1930-х гг.

Примечания

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. М., 1992; Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. СПб., 1999.

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 26. М., 1930. С. 30–45.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 106. Л. 1–4.

⁴ См.: Сталин И.В. Доклад на VIII Всесоюзном Чрезвычайном съезде Советов. М., 1936. С. 10.

⁵ См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: краткие итоги. М., 1991. С. 3.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 106. Л. 6.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 35. Л. 377.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 275. Л. 18.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 32–33.

¹¹ Там же.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4; Оп. 329. Д. 281. Л. 17–19.

¹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 245. Л. 336–351 (Расчеты автора).

¹⁴ Там же. Л. 252, Л. 343–345.

¹⁵ Там же. Д. 245. Л. 336–351

¹⁶ Там же. Л. 299–306.

¹⁷ Там же. Л. 361–363.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Ч. 1. Д. 242. Л. 4.

²⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Россия. С. 9.

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Цель предлагаемых материалов – проанализировать развитие начальной фазы демографической модернизации в исторически сформировавшемся¹ регионе страны – казачьем Юго-Востоке. Наше внимание сконцентрировано на одном из наиболее сложных исторических периодов – рубеже второго и третьего десятилетий XX в.

«During the years 1915–1923 the Russian people underwent the most cataclysmic changes since the Mongol invasion in the early thirteenth century». (В течение 1915–1923 гг. русские подверглись самым катастрофическим изменениям со времен монгольского нашествия в начале XIII века. – М.М.) Так звучит один из основных выводов исследования Ф. Лоримера, содержащего специальный раздел, посвященный анализу демографических процессов в годы Первой мировой и Гражданской войн. Исследование «Население Советского Союза: история и перспективы» было издано в Женеве под эгидой экономического, финансового и транспортного отдела Лиги Наций².

Северный Кавказ в наибольшей степени (по сравнению с другими российскими территориями) ощутил влияние Первой мировой (за счет интенсивного призыва казаков) и Гражданской войн. «В целом все то, что происходило на Дону в 1917–1921 гг., было неотрывной частью русской революции, когда противоборство двух основных сил приняло особенно ожесточенный и открытый характер. На Дону оно оказалось более продолжительным и разрушительным, чем в других районах страны». С этих строк начинается сборник документов о судьбе донского казачества в революции и Гражданской войне³. К сожалению, их справедливость следует признать и по отношению к соседним с донскими территориям Северного Кавказа.

Согласно подсчетам А. И. Гозулова, накануне Первой мировой войны численность населения территорий, послуживших основой образованного в 1924 г. Северо-Кавказского края, составляла 8 млн. 300 тыс. чел.; в 1920 г. – только 7 млн. 305 тыс. Со-

кращение населения составило более 12%. Если учитывать высокий темп предвоенного прироста, то демографическая цена Первой мировой и Гражданской войн возрастет до 20%⁴.

В конце второго – начале третьего десятилетия XX в. население страны сокращалось вследствие военных действий, катастрофических неурожаев и вызванного ими голода, эпидемий. «Даже в благополучной Европе “испанка” унесла миллионы жизней, что же говорить о нашем скученном, лишенном медицинской помощи, голодном населении... большую часть “демографической революции” составили не пули чекистов, а голод и болезни»⁵, – описывал ситуацию С. Максудов (псевдоним эмигрировавшего в США демографа А. Бабенышева). О голоде как об основном факторе повышения смертности в Москве, Петрограде и Саратове в 1918–1922 гг. писал и С. Виткрофт⁶.

Гражданская война – страшнее войны с внешним врагом: она раскалывает народ, зачастую – семьи, саму личность человека. В условиях окончательно не завершившихся военных действий демографические процессы попали в зависимость от не менее тяжелого фактора – голода. Несмотря на самые благоприятные условия для развития сельского хозяйства Северный Кавказ оказался в числе регионов, жители которых испытали все тяготы голодного существования. Причина – позиция власти, стремившейся выкачать из традиционной житницы России как можно больше продовольствия, столь необходимого для нужд армии. О катастрофическом положении в стране сообщается в телеграмме от 15 декабря 1921 г., подписанной председателем и секретарем Терского губкома: «Положение... чрезвычайно тяжелое. От того, сумеем ли мы изыскать продовольственные ресурсы, зависит существование Советской республики»; по мнению представителей новой власти, «основным источником, откуда мы должны в первую очередь черпать (продовольствие. – М.М.), является продналог»⁷.

В мирное время юг страны был благодатным и хлебным регионом. Этот стереотип и руководил потоком беженцев, хлынувшим сюда из центра. Однако встречала мигрантов иная ситуация: «мрачное, катастрофически угрожающее положение занимает Юго-Восток, продовольственных ресурсов которого не хватает для прокормления армии... продовольственные ресурсы

Дона и Ставрополя исчерпаны; там взято все, что можно было взять; больше того, брали все, что было»; в результате – «центр тяжести по изысканию продовольствия» переносится на Кубань, и, главным образом, на Терскую губернию, «ибо и на Кубани почти все возможности исчерпаны. Достаточно указать... на ту репрессию, которая там проведена, – 2700 человек расстрелянных»⁸. Точные цифры (как в этом случае) не часто приводятся в документах. Поэтому число жертв террора как красного, так и белого очень трудно оценить даже приблизительно. Обе власти считали расстрелы логическим продолжением фронтовых действий, когда убийство не требовало даже видимости юридического обоснования.

Гражданская война разрушала всю философию пресловутой хозяйственности казака. В условиях военной повседневности не имело смысла засеять поля: урожай мог достаться другим. Особенно критическое положение сложилось в Ейском, Кавказском, Темрюкском отделах Кубано-Черноморской области и северо-восточной части Лабинского. В протоколе заседания пленума областного экономического совещания от 30 декабря 1921 г. подчеркивается: в этих отделах засеяно всего 10% посевной площади 1914 г.⁹

Голод охватил Черноморское побережье. В середине мая 1922 г. «случаи голодных смертей дошли до невероятных размеров»¹⁰. «Настроение голодающего побережного населения не в нашу пользу, – констатирует письмо Кубано-Черноморского областного комитета РКП(б) от 15 апреля 1922 г., – любой десант, если он сумеет высадиться и захватить колоссальные семенные запасы АРА (Американской администрации помощи голодающим – так расшифровывается аббревиатура в одном из документов РГАНИ¹¹. – М.М.) в Новороссийске, раздать часть населению и скопившимся там беженцам, обеспечит за собой громадное сочувствие»¹². Ситуация и страшная, и парадоксальная: умирающие от голода люди не допускались к собранному для них иностранцами хлебу.

Далее следуют рассуждения о возможных путях выхода из кризиса: «В целях подчинения настроений... мы намерены объявить на военном положении Ейский, Новороссийский и Туапсинский отделы... считаем необходимым напомнить населению сен-

тябрь прошлого года... и прокатить в наиболее пораженных бандитизмом районах каток террора... Террор особенно необходим в Ейском отделе и в горских аулах, где князья и бандиты совершенно обнаглели». Подчеркивается, что «бандитизм» все больше приобретает «политическую и определенно монархическую окраску»¹³. С этого времени «каток террора» – привычный инструмент наведения «социальной справедливости».

Многие документы отмечают удручающее санитарное положение в регионе. Так, в протоколе заседания чрезвычайной санитарной комиссии при РВС Северо-Кавказского военного округа от 14 января 1922 г. отмечается: «Эпидемия залила уже все области и губернии»¹⁴. Ситуация еще больше осложнялась в связи с потоком беженцев из охваченных голодом центральных губерний. Согласно постановлению Кубано-Черноморского ревкома от 16 апреля 1920 г., «в целях выяснения количества беженцев... и быстрейшей их реэвакуации на родину, что значительно ослабит эпидемиологические заболевания», предлагалось «в срочном порядке произвести регистрацию беженцев»¹⁵.

После урожая 1922 г. ситуация на Кубани выравнивается: уникальные черноземы и благоприятный климат взяли свое. Пик голода на Ставрополье только ожидался. В докладе комиссии по ликвидации последствий голода, датированном 31 марта 1923 г., подчеркивается: «Вопрос поднятия с/х в губернии есть вопрос жизни и смерти... Голод в настоящем году будет выражаться еще в более резких формах, чем в прошлом году»¹⁶. Разоренное Ставрополье обращалось к государству за помощью: «Указываемый... отпуск сухих пайков, а также живого и мертвого инвентаря или же соответствующей денежной субсидии... даст возможность населению Ставропольской губернии произвести весной запашки и посевы, чем несколько будут сглажены ужасы пережитого голода, в противном же случае население... обречено на полное вымирание и пустыню»¹⁷.

Новой статистике, находившейся в стадии формирования, не удавалось фиксировать демографические показатели в полном объеме: не все территории Ставрополья были охвачены учетом. Все же доступные данные позволяют прочувствовать масштабы голода – например, в Медвеженском уезде в 1922 г. уровень депопуляции составил 4,8%¹⁸.

Мы видим: население Северного Кавказа сокращалось не только в годы войн, но и в первые послевоенные. 1923-й стал первым годом, оставившим не убыль, а прирост населения. Тенденция сохранилась и в последующие годы. Причем показатель прироста на Северном Кавказе в 1924–1926 гг. высокий – в среднем более 20% (т.е. поднялся почти до довоенного уровня). Однако принципиально изменилась его структура. Накануне войн очень высокими были и рождаемость, и смертность, после – произошло их сокращение. Особенно заметно снижалась младенческая смертность. Наметился переход от расширенного к экономному типу воспроизводства.

Компенсация потерь 1914–1922 гг. практически (совокупный показатель по Северному Кавказу) произошла к середине 1920-х гг. Однако (несмотря на активный миграционный приток, выравнивающий гендерную диспропорцию) сохранялась выраженная деформация соотношения полов. Мужская «половина» населения, непосредственно участвовавшая в военных действиях, пострадала несоизмеримо больше. Это привело к тому, что традиционная проблема Северо-Кавказского региона (формировавшийся исторически недостаток женщин: накануне военных лет на 1000 мужчин – 967 женщин) сменилась другой – их перевесом: на 1000 мужчин – 1165 женщин¹⁹. По образному выражению П. Сорокина, «население России “обабилося”». Аргументируя вывод, П. Сорокин приводит цифры: «До 1914 г. на 1000 мужчин приходилось 1038 женщин, теперь – 1250... В городах это уменьшение мужской половины еще значительнее»²⁰.

Как и в целом по стране, на Северном Кавказе дисбаланс усиливался в призывных группах, совпадавших с возрастными наиболее активной репродукции. В когорте 17–24-летних показатель – 1757 женщин на 1000 мужчин²¹.

Возрастная пирамида пополнялась за счет «нижних» когорт младенцев²², а «врез» – поколения родившихся в самые тяжелые 1917–1921 гг. – поднимался, уступая место будущим «шрамам», которым предстояло возникнуть в связи с падением рождаемости и высокой смертностью в годы коллективизации, Великой Отечественной войны, голода конца 1940-х гг. «Демографическое эхо» потрясений 1914–1922 гг. четко проявилось в

половозрастной структуре, представленной в материалах 1926 г. Таким образом, с самого начала развитие демографического перехода в России трансформировалось (по сравнению с европейской динамикой) в результате воздействия экзогенных факторов. Причем на Северном Кавказе их влияние оказывалось более выраженным.

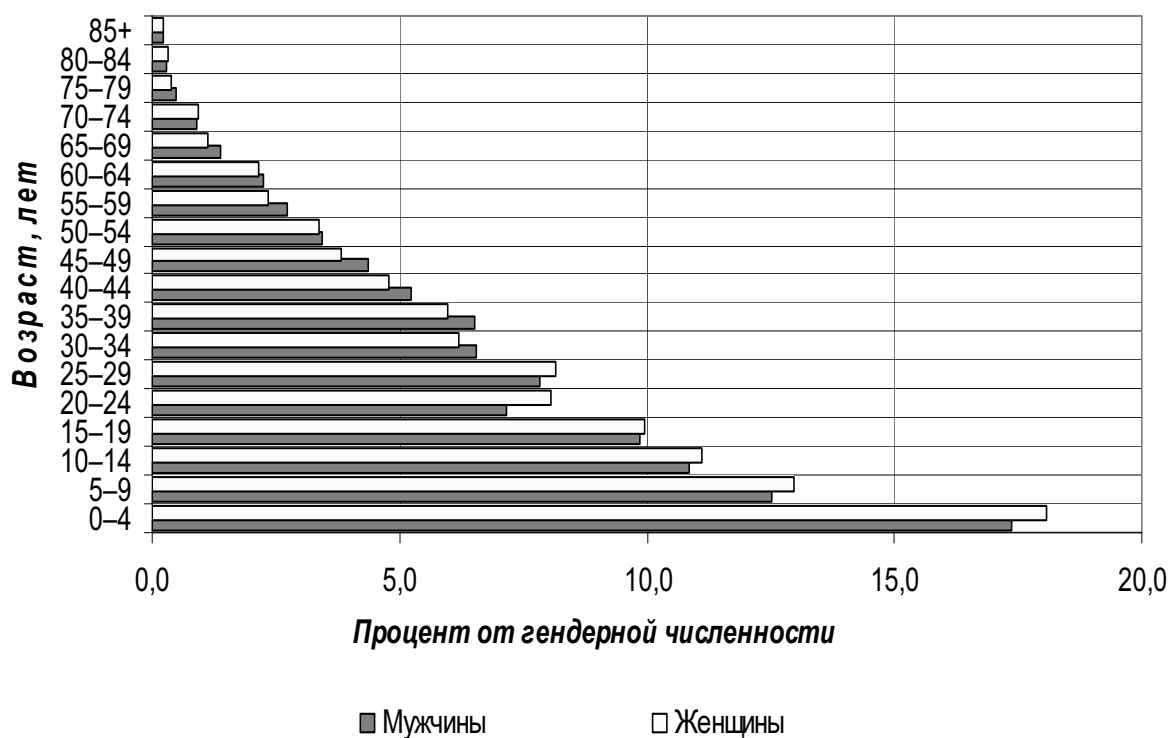
Таким образом, общероссийская специфика демографического перехода определялась тем, что развитие населения нашей страны проходило не только под влиянием эндогенных факторов социально-экономического порядка, «подобных действовавшим в странах Зарубежной Европы и Северной Америки, в Японии»: в Советском Союзе усиливался «гибельный натиск экстремальных факторов, несколько раз низвергавших страну в бездну демографической катастрофы», они «накладывали неизгладимый отпечаток на процессы демографического перехода, сдвигали во времени и меняли черты демографической революции»²³.

Вывод об интерактивном характере демографической модернизации в России, сделанный ведущими представителями (В. Б. Жиромской²⁴, А. Г. Вишневым²⁵, С. Захаровым²⁶ и др.) отечественной школы исторической демографии, разделяем сегодня многими исследователями: развитие перехода к экономному типу воспроизводства прерывалось под влиянием кризисных факторов. На Юге России на протяжении всей первой половины XX в. их воздействие проявлялось в большей степени.

Интенсивность, обостренный характер демографической модернизации славянской части населения Юга России, отраженные трендом ЦН, позволяют с большим основанием использовать термин «демографическая революция» (а не «переход») для определения сущности перемен.

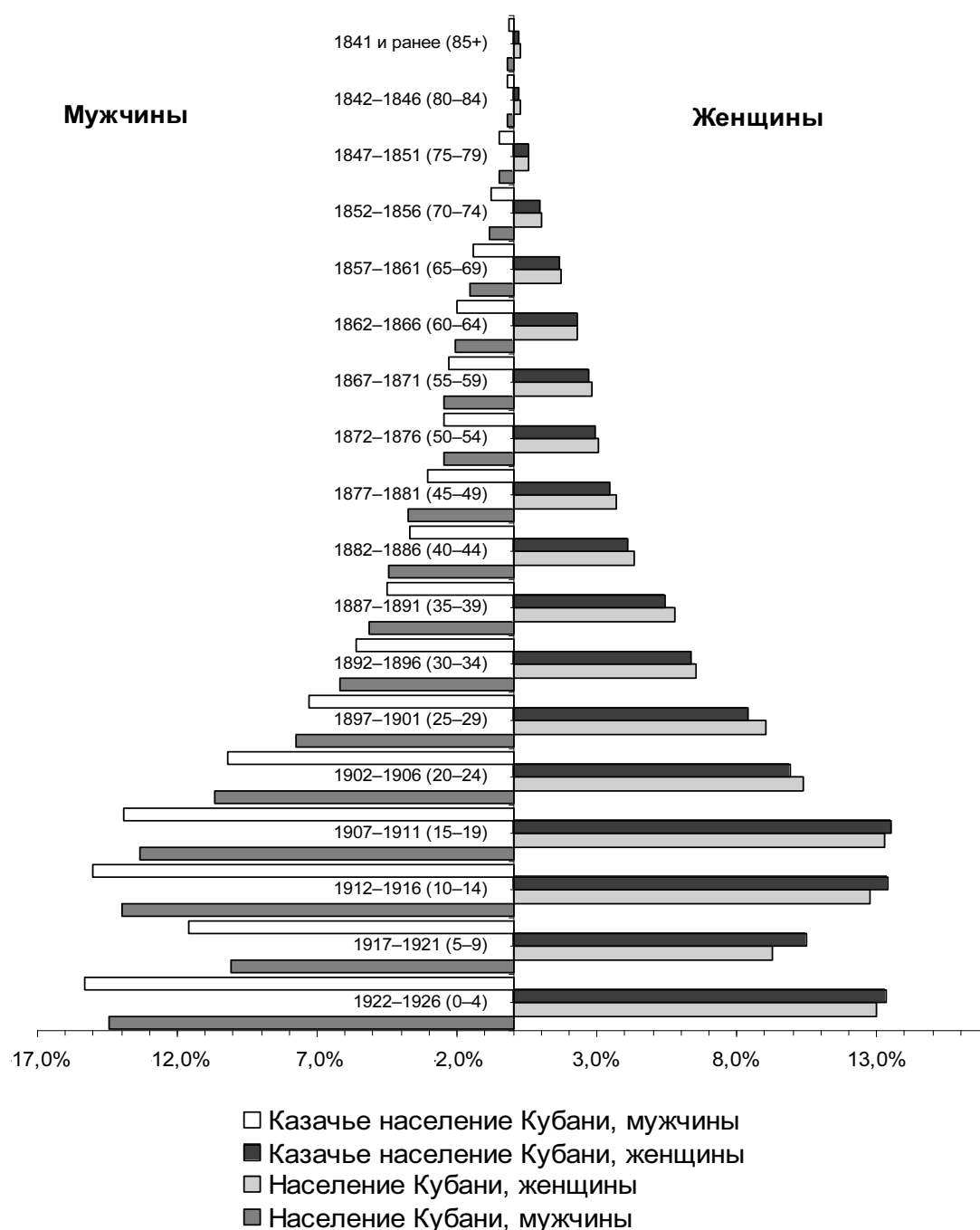
Стадиальность и инерционность демографических процессов расширяют хронологические границы демографической «современности». В контексте сказанного наше «демографическое сегодня» выглядит закономерной фазой в развитии масштабного процесса модернизации, начало которого на Северном Кавказе относится к первой трети XX в.

Население Кубани
по гендерному признаку и пятилетним возрастным группам
(на 28 января 1897 г.)

Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1905. Вып. 65. С. 1, 6, 7; Первая всеобщая перепись... Вып. 70. С. 3–5.

Население Кубани по гендерному признаку и пятилетним возрастным группам

Подсчитано по: Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С. 10–27;
 Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Т. 5. С. 138–139, 162–163, 170–171, 208–209.

Примечания

¹ По мнению доктора географических наук А. Г. Дружинина, именно феномен казачества выступил основополагающим фактором южнороссийского регионально-генеза.

² Lorimer F. The population of the Soviet Union: History and Prospects. Geneva, 1946. P. 42.

³ Данилов В.П., Тархова Н.С. Введение // Филипп Миронов. М., 1997. С. 5.

⁴ Гозулов А.И. Экономическая география Северного Кавказа. Ростов н/Д, 1927. С. 23, 27.

⁵ Максудов С. Интернационалисты и русская революция // Вестник русского христианского движения. Париж, 1980. № 131. С. 257.

⁶ Wheatcroft S.G. Famines and factors affecting mortality in the USSR: The demographic crises of 1918–1922 and 1930–1933 // *Famine in history newsletter: An occasional publication for participants in the session on famine in history to be held at the Eighth international economic history congress*. Budapest, 1982. P. 1–30.

⁷ РГАНИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

⁸ РГАНИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.

⁹ Там же. Д. 135. Л. 5.

¹⁰ Там же. Д. 64. Л. 25.

¹¹ Там же. Л. 7.

¹² Там же. Л. 20.

¹³ РГАНИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 64. Л. 20.

¹⁴ Там же. Д. 135. Л. 7–8.

¹⁵ Там же. Д. 6. Л. 1.

¹⁶ ГАСК. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

¹⁷ ГАСК. Ф. Р-196. Оп. 1. Д. 112. Л. 9.

¹⁸ Там же. Д. 167. Л. 103.

¹⁹ Гозулов А.И. Экономическая география... С. 24.

²⁰ Сорокин П. Современное состояние России // *Новый мир*. 1992. № 4. С. 188.

²¹ Гозулов А.И. Экономическая география... С. 24.

²² Сопоставление половозрастных структур, сложившихся в 1897 и 1926 гг., визуализировано в прил. 1 и 2.

²³ Вересов Д. Историческая демография СССР. Вenson (vt), 1987. С. 5.

²⁴ Жиромская В.Б. Демографический переход в России и его особенности (вместо заключения) // *Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 3, кн. 1: 1960–1979*. М., 2005. С. 269.

²⁵ Андреев Е.М. и др. Столетие демографического разорения России // *Демографическая модернизация России*. М., 2006. С. 399.

²⁶ Захаров С. Модернизация рождаемости в России за 100 лет // *Россия и ее регионы в XX веке*. М., 2005. С. 116.

**ОБЩИЙ ХАРАКТЕР ПОТЕРЬ СРЕДИ
КРЕСТЬЯНСТВА ЮГА УКРАИНЫ В ПЕРИОД
АПОГЕЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» (1937–1938)
И НЕМЕЦКО-ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА (1941–1944)**

Вторая половина 30-х годов XX столетия характеризуется относительным улучшением социально-экономического положения крестьянства в южном регионе Украины. Но эти достижения поверхностные. Созданная в довоенные годы колхозная система по сути представляла собой новую модель крепостничества, которая содержала в себе извращенное соединение как экономического, так и внеэкономического принуждения. Относительное благополучие крестьянства нивелировалось под давлением репрессий. Репрессивная политика, которую проводило государство в конце 20-х – в начале 30-х годов XX столетия относительно крестьянства, широко использовалась и накануне советско-германской войны.

4 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Ежов направил органам НКВД телеграмму за № 11926. Согласно инструкции, кулаков поделили на две категории: 1) те, которые подвергались немедленному аресту и расстрелу; 2) те, которые подвергались выселению в отдаленные районы СССР. 1 августа 1937 г. на Николаевщине осудили 3200 человек, в том числе 2300 по первой категории, 900 – по второй (не учитывая Вradiевский, Кривоозерский, Мостовский, Первомайский районы, которые входили в состав Одесской области)¹. Органы госбезопасности Одесской области в 1937 г. арестовали 5119 (40,3% от общего количества арестованных в областях Украины) бывших кулаков, 47 (0,4%) крестьян-единоличников, 260 (2,0%) колхозников. В Николаевской области арестовали 2517 (43,5%) бывших кулаков, 394 (6,8%) крестьянина-единоличника, 86 (1,5%) колхозников. Бывшие кулаки, высланные в годы коллективизации, после окончания срока наказания в основном не возвращались в родные места, так как их дом и имущество были конфискованы. Эти люди направились в другие регионы Украины – промышленно развитые, где можно было найти ра-

боту (но и там возникали преграды – паспортная система, наказание за незаконное пребывание на территории чужой области и др.). До 1937 г. «кулаки», лишенные права голоса, не имели возможности устроиться на престижную работу. По Одесской области социальные группы среди репрессированных занимали такие места в условном рейтинге: 1) кулаки; ...6) колхозники; ...11) крестьяне-единоличники. По Николаевской области: 1) кулаки; ...5) крестьяне-единоличники; ...9) колхозники. Основные акценты в репрессиях 1937 г. делались по группе кулаков (диапазон от 67,4 до 95,9%). В подавляющем числе областей на первой позиции стояли именно кулаки. Преобладающие среди населения группы колхозников и крестьян, согласно отчетам, были среди тех, которых репрессии коснулись мало². В 1937–1938 гг. в Украине арестовали 265 669 чел. (0,9% населения), большую часть из которых расстреляли³. На Юге Украины крестьян достаточно часто приговаривали к исправительно-трудовым лагерям (ИТЛ) сроком на 10 лет «за контрреволюционную агитацию против советской власти»⁴, «за агитацию против реализации госзайма укрепления обороны СССР»⁵, «за вредительство в колхозе»⁶ и т.д. Так, 3 ноября 1937 г. тройкой при УНКВД по Одесской области за систематическую контрреволюционную агитацию среди колхозников к смертной казни приговорен Баздирев У. М., крестьянин с. Сергеевки Братского района⁷. По этому обвинению приговорили к ИТЛ сроком на 10 лет тракториста совхоза им. Тельмана Веселиновского⁸ и председателя колхоза села Новомихайловка Новоодесского районов⁹. Историк Никольский В. М. считает, что с самого начала органы НКВД проводили аресты значительного количества людей, которые не имели отношения к так называемой «антисоветской и контрреволюционной деятельности». А маскировалось это со стороны госбезопасности путем манипулирования в отчетной терминологии, когда к понятию «социальная принадлежность репрессированных» ввели несовместимые категории – например, «бывшие кулаки», которых искусственно объединили с категориями социально-профессиональной принадлежности: колхозники, кустари, крестьяне-единоличники и др. Это дало возможность маневрировать понятиями, переводя арестованных из группы в группу для выполнения соответст-

вующих планов-лимитов¹⁰. В Одесской области подверглось репрессированию по 1-й категории 1000 чел., по 2-й – 3500. В НКВД УССР разработано два оперативных плана «изъятия кулаков и криминальных элементов» по 1-й и 2-й категориям. Оперативный план относительно 1-й категории предполагал такие показатели арестов: (Одесская область) кулаков – 310 чел., криминальных элементов – 90. Скорее всего, это был первоначальный вариант, подготовленный по материалам реального учета кулаков и криминальных элементов. Если сравнивать эти данные с приказом № 00447, то разница окажется существенной: по Одесской области окончательные данные по приказу – 1000 чел., по данным оперативного плана – 400 чел.; по приказу больше на 600 чел. Оперативный план касательно 2-й категории предполагал аресты 1400 кулаков и криминальных элементов. Выявляется разница: по Одесской области окончательные данные по приказу – 3500 чел., по данным оперативного плана – 1400 чел.; по приказу больше на 2100 чел.¹¹ Вдобавок 15 февраля 1938 г. начальник УНКВД Одесской области обратился непосредственно к наркому внутренних дел СССР Ежову: «Для Одесской области дан дополнительный лимит 400 человек, что является недостаточным. Прошу увеличить лимит в первой категории до 3000 чел. (вместе с 400, которые у меня есть), во второй категории – до 2500». 16 февраля 1938 г. в НКВД УССР были обобщены заявки на лимиты для областных троек. Данные относительно ходатайства об увеличении лимитов по состоянию на 1 апреля 1938 г. по Николаевской области следующие: по 1-й категории (человек) – 4000, по 2-й – 2000; по Одесской области: по 1-й категории – 2600, по 2-й – 5000¹². Аресты и расстрелы продолжались. Органы НКВД «за участие в подпольной контрреволюционной кулаческой организации» арестовали в марте 1938 г. 13 украинских колхозников-тружеников из Врадиевского района. 31 марта их расстреляли¹³. В Кривоозерском районе было арестовано 10 колхозников. Им инкриминировали причастность к злостному кулачеству, стремление развалить колхоз, уничтожение всего сельскохозяйственного инвентаря и скота. Через 8 дней после ареста колхозников расстреляли. Характерным является криминальное дело на председателя колхоза им. Клари

Цеткин Фриц-Геккертовского района Херсонщины А. А. Ленгарта. Его включили в список контрреволюционеров 1-й категории и доказали, что он кулак. После месячного пребывания под арестом 2 января 1938 г. Ленгарта расстреляли¹⁴.

Возможно, масштабы репрессий достигли бы небывалых размеров, но советско-германская война внесла свои коррективы в государственную политику СССР. Оккупационный режим в Украине – одно из страшнейших явлений в многовековой истории украинского народа. Оккупанты организованно и планомерно совершали массовые преступления. 16 августа 1941 г. гитлеровские войска оккупировали г. Николаев, а потом и всю область. Крестьяне, которые на начальном этапе оккупации без враждебности встретили приход немцев, в основном были недовольны экономическим положением во время советской власти и надеялись прежде всего на то, что новая власть ликвидирует колхозную систему и отдаст им землю. Значительное количество середняков, которые не хотели вступать в колхозы, было раскулачено либо подвергнуто различным преследованиям. У них имелись основания для враждебного отношения к сталинскому режиму. Внедрение в колхозах кабальных условий и политические репрессии не содействовали популярности колхозного строя и среди бедняков¹⁵. Но политика оккупационной власти (террор, угон украинцев в трудовое рабство в Германию и др.) за максимально короткий срок оттолкнула от себя почти всех потенциальных союзников.

Летом 1941 г. издан специальный приказ главнокомандующего немецкими войсками, по которому немецким военнослужащим разрешалось открывать огонь без предупреждения по тем, кто избегает регистрации, принимает на проживание не местных жителей, не доносит на «большевиков и бандитов» и др.¹⁶ Первыми почувствовали «прелести» нового порядка жители Первомайского района Одесской области (теперь район входит в состав Николаевской области). Недалеко от г. Первомайска немецкие офицеры остановили беженцев. После долгих и зверских издевательств расстреляли всех: несколько стариков и женщин, подростков, двух девушек и младенца. 11 августа 1941 г. гитлеровцы захватили с. Покровку Веселиновского района. Уже на третий день эсэсовцы после жестоких пыток казни-

ли девятерых крестьян¹⁷. В сентябре немецко-фашистские бандиты приказали колхозникам Нижнесирогозского сельсовета им. Кирова Одесской области прийти в 8 часов утра к помещению конторы¹⁸. Из числа тех, кто собрался, немецкие палачи и их пособники схватили 10 человек и расстреляли¹⁹. 10 сентября расстреляли 87 жителей с. Новый Берислав Бериславского района Херсонской области²⁰. В Новотроицком районе в октябре арестовали группу советских граждан. Перед расстрелом над ними издевались, некоторых разрубили на куски, отрезали конечности, а потом головы. Тела замученных не давали хоронить. Продолжительное время они лежали на кладбище для скота и их тела собаки растаскивали по полю²¹. После того как в октябре 1941 г. произошел взрыв в одесской комендатуре, оккупанты расстреляли по 200 чел. за каждого офицера, а также гражданского немецкого и румынского служащего, по 100 чел. – за каждого солдата. Всего за период оккупации на Одессине погибло свыше 200 тыс. чел.²² Особенной жестокостью отличался следователь жандармерии с. Варваровки на Николаевщине субофицер Цэрн. пытки и издевательства доходили до того, что у женщин отрезали грудь, вырезали половые органы у мужчин, сбрасывали жертву с крыши вниз головой, выкалывали глаза. После пыток жертву чаще всего расстреливали²³. В июле 1942 г. на северо-востоке от с. Большая Лепетиха Херсонской области гитлеровцы на протяжении всего одной ночи расстреляли 48 колхозников²⁴. 23 августа 1942 г. рейхсминистр Розенберг подписал указ относительно вынесения специальными судами приговоров о смертной казни особам, которые не подчинились оккупационной власти²⁵. За весь период оккупации южного региона Украины среди уничтоженных гражданских и военнопленных молодежь в возрасте от 14 до 27 лет составила 37%, в том числе в Николаевской области погибло 42 тыс. чел., в Одесской и Измаилской – около 107 тыс. чел., на Херсонщине – 25 тыс. молодых людей²⁶.

17 марта 1943 г. вышло распоряжение гебитскомиссара г. Николаева относительно применения смертной казни к крестьянам за забой скота без ведома немецкой власти²⁷. Летом в г. Николаеве начальник николаевской областной жандармерии штандартенфюрер СС Макс Бютнер собрал совещание началь-

ников жандармерии округов, на котором решили усилить карательную политику против партизан и гражданского населения, не довольного «новым порядком». Во время весеннего сева 1943 г. Франц Кандлер (с июля 1942-го по март 1944 г. занимал пост начальника жандармерии Херсонской округи) получил материалы о том, что агрономы некоторых сельских общин не выполняют плана сева, засевают поля некачественным зерном. Арестовали 15 агрономов, которых передали в СД и расстреляли за саботаж²⁸.

В начале 1944 г. в 3 км на восток от с. Большая Александровка Большеалександровского района на Херсонщине гитлеровцы расстреляли 26 крестьян. Трупы молодых людей сбросили в колодезь²⁹. В январе 1944 г. немецко-фашистские захватчики начали под натиском Красной Армии постепенно отступать. Нередко оккупанты принудительно эвакуировали с собой жителей сел. Так, в с. Большая Лепетиха некоторые крестьяне скрывались от эвакуации (8 чел.). После обнаружения и ареста немцы их расстреляли, а фамилии и имена расклеили на домах крестьян: «Застрелены за отказ эвакуироваться». Факты расстрела местных крестьян за отказ от эвакуации зарегистрированы в селах Карай-Дубино и Зеленое № 2 Большелепетихского района³⁰. Колхозницу колхоза им. Пушкина Каховского района Цегельник арестовали на четверо суток за то, что ее дочка укрывалась от мобилизации³¹.

При отступлении гитлеровские преступники согнали мужское население г. Новая Одесса и партиями начали его перегонять на правый берег реки Южный Буг. Одну партию в ночь на 15 марта 1944 г. направили в с. Андреевку Варваровского района Николаевской области. Тут гитлеровцы обнаружили на подходах к селу двух убитых немецких солдат. За это немцы расстреляли 110 чел. в возрасте от 13 до 65 лет³². В с. Усатово Одесской области 9 апреля 1944 г. во время отступления немецко-румынские захватчики устроили зверскую расправу над мирным населением. Немцы, проходя по улицам села, заходили в каждый дом и расстреливали всех: мужчин, женщин, подростков и младенцев. Таким образом погибло 200 жителей села. Среди погибших целые семьи: Фесенко Клавдия и ее малолетний сын Валик, дочери Надежда – 4 годика, Алена – 16 лет (ей

немцы выкололи глаза); Васильева Мелания и ее дочь Лида – 16 лет и сын Сергей – 3 годика (ему палачи вспороли живот штыком-ножом)³³.

Юг Украины понес большие потери. Немецко-румынские захватчики на территории Николаевской области уничтожили 74 662 мирных жителя, 28 884 человека принудительно угнали в немецкое рабство³⁴. Херсонской области причинено убытков на сумму 7465367 600 крб.³⁵ За время пребывания на территории области немецко-румынские захватчики расстреляли 28 541 чел., замучили – 43 584 чел., принудительно угнали в немецкое рабство – 37 499³⁶. В результате вторжения и грабительских действий немецко-румынских захватчиков Одесской области причинено убытков на сумму 1516361,3 крб. (данные по 40 районам)³⁷. Всего по области расстреляно 186 240 чел., угнано в рабство и гетто 56 101 чел., в т.ч. детей – 15 445³⁸.

Таким образом, массовые политические репрессии, которые приобрели в конце 30-х годов XX столетия различные формы (раскулачивание, депортация и др.), были непосредственным условием функционирования тоталитарного режима, так как они в экономической сфере способствовали поддержанию основного стимула к труду – страха, обеспечивали систему дармовой рабочей силой. «Большой террор» стал завершающим аккордом репрессивной политики, которая проводилась в предыдущие годы, обеспечивалось сохранение важных функциональных качеств системы – дисциплины и единства.

Подобные черты мы видим в немецко-румынском оккупационном режиме, но намного в более античеловечной и жуткой форме. На захваченной территории Юга Украины гитлеровцы, их союзники и коллаборационисты установили «новый порядок», который характеризовался физическим и моральным террором против людей, которые не подчинились оккупантам; грабежом материальных ценностей, варварским использованием промышленных мощностей; крепостнического типа эксплуатацией трудовых ресурсов, вывозом молодежи на принудительные работы в Германию; фашизацией сознания местного населения. Украинское крестьянство, как и все остальные прослойки населения Украины и СССР в целом, ощутило в полной мере все материальные, физические и психоло-

гические потери, которые только может «придумать» извращенная психика злого гения!

Примечания

¹ Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки ХХ ст.: К.: Тетра, 2000. – С. 347.

² Нікольський В. М. Соціальний склад репресованих в Україні у 1937 р. // Укр. іст. журн. – 2005. – № 2. – С. 144–145, 155–156.

³ Васильєв В. Ю. Україна в політиці керівництва СРСР напередодні Другої світової війни // Укр. іст. журн. – 2005. – № 1. – С. 12.

⁴ Государственный архив Николаевской области (далее – ГАНО). – Ф. Р. 5859. – Оп. 2. – Од. зб. 3878. – Арк. 3.

⁵ ГАНО. – Ф. Р. 5859. – Оп. 2. – Од. зб. 2486. – Арк. 30.

⁶ Государственный архив Херсонской области (далее – ГАХО). – Ф. Р. 4033. – Оп. 3. – Од. зб. 495. – Арк. 73.

⁷ Реабілітовані історією. Відомості про громадян, що зазнали політичних репресій. Баштанський та Новобузький райони. Випуск 8. Миколаїв, 1999. – С. 8.

⁸ Реабілітовані історією. Відомості про громадян, що зазнали політичних репресій. Веселинівський та Вознесенський райони. Випуск 10. Миколаїв, 1999. – С. 9.

⁹ Реабілітовані історією. Відомості про громадян, що зазнали політичних репресій. Баштанський та Новобузький райони. Випуск 8. Миколаїв, 1999. – С. 10.

¹⁰ Нікольський В. М. Соціальний склад репресованих в Україні у 1937 р. – Там же. – С. 161.

¹¹ Нікольський В. М. Репресії за «лімітами» (1937–1938) // Укр. іст. журн. – 2006. – № 3. – С. 213, 216–217.

¹² Там же. – 221.

¹³ Шитюк М. Масові репресії проти населення Миколаївщини в 20–30 роки ХХ століття // Заселення півдня України: проблеми національного та культурного розвитку. – Херсон, 1997. – Ч. 2. – С. 46.

¹⁴ Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки ХХ ст. – Там же. – С. 168–169.

¹⁵ Слободянюк М. Селяни України під нацистським окупаційним режимом, 1941–1944 рр. // Київська старовина. – 2000. – № 2. – С. 45–48.

¹⁶ Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст.: Історичні нариси. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 611.

¹⁷ Богомоллов Н. Кровавый след // Южная правда. – 1995. – 27 апр. – С. 2.

¹⁸ Злочинства німецько-фашистських загарбників на Херсонщині (Документи і матеріали) / Упоряд. М. Бізер, М. Давидов та ін. – Херсон: Наддніпрянська правда, 1948. – С. 36.

¹⁹ З доповіді обласної надзвичайної комісії про злочинства німецько-фашистських загарбників та їх спільників у місті Херсоні та Херсонській області // Скіфія. – 1991. – № 5. – С. 4.

²⁰ Злочинства німецько-фашистських загарбників на Херсонщині. – Там же. – С. 26.

²¹ ГАХО. – Ф. Р. 1479. – Оп. 1. – Од. зб. 1. – Арк. 27.

-
- ²² Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. – Там же. – С. 623.
- ²³ ГАНО. – Ф. Р. 1894. – Оп. 2. – Од. зб. 2. – Арк. 6.
- ²⁴ Злочинства німецько-фашистських загарбників на Херсонщині. – Там же. – С. 39.
- ²⁵ Політичний терор і тероризм в Україні. XIX–XX ст. – Там же. – С. 607.
- ²⁶ Савенко А. До питання про геноцид фашистської Німеччини стосовно молоді південних регіонів України (1941–1944) // «Аркасівські читання»: Матеріали 1-ої Все-укр. студ. наук. конф. – Миколаїв. – 1993. – С. 40.
- ²⁷ Не забыть, что было, не допустить, чтобы повторилось // Южная правда. – 1991. – 2 июля. – С. 3.
- ²⁸ Запорожець В. Ні прощення, ні спокути: з архівів УКДБ // Наддніпрянська правда. – 1991. – 14 черв. – С. 3.
- ²⁹ З доповіді обласної надзвичайної комісії про злочинства німецько-фашистських загарбників та їх спільників у місті Херсоні та Херсонській області. – Там же. – С. 4.
- ³⁰ ГАХО. – Ф. Р. 1479. – Оп. 1. – Од. зб. 13. – Арк. 59–196.
- ³¹ Там же. – Од. зб. 7. – Арк. 21.
- ³² Зверства немецко-фашистских захватчиков: документы / Гл. полит. управление РККА. – М.: Воениздат Народного комиссариата обороны. – 1945. – Вып. 13. – С. 68.
- ³³ Там же. – С. 84.
- ³⁴ Захарченко О.О. Німецько-румунський окупаційний режим на території Миколаївщини // Миколаївщина в роки Великої Вітчизняної війни: 1941–1944. – Миколаїв. – 2004. – С. 169.
- ³⁵ ГАХО. – Ф. Р. 1479. – Оп. 1. – Од. зб. 3. – Арк. 39–40.
- ³⁶ Там же. – Од. зб. 1. – Арк. 23.
- ³⁷ Центральный государственный архив гражданских объединений Украины. – Ф. 166. – Оп. 3. – Од. зб. 221. – Арк. 69–70.
- ³⁸ Там же. – Арк. 72–74.

ГУМАНИТАРНЫЕ КАТАСТРОФЫ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В течение первой половины XX века мир несколько раз погружался в затяжные экономические кризисы, которые особенно сильно сказались на положении беднейшего населения нашей страны. К ним следует отнести глобальные экономические кризисы 1900–1903 гг. и 1930–1933 гг.

Государства, оказавшиеся в сложном положении, искали выход из сложившейся ситуации, но каждое из них пыталось идти своим путем, что не способствовало быстрейшему выходу из кризиса.

Для России, несмотря на преимущественно аграрный характер хозяйства, а позже и Советского Союза наибольшей проблемой в кризисный период оказалась продовольственная безопасность страны.

К сожалению, ведущие управленцы того периода не смогли достойно выйти из сложившейся ситуации.

В начале XX века Россия представляла собой государство, в котором традиционные методы хозяйствования уживались с современными техническими достижениями. В то же время на общем фоне европейских государств она отличалась глубиной и масштабностью социально-экономических конфликтов.

Численность населения империи в 1900 г. составляла 131,9 млн. человек (без Финляндии). Соотношение городского и сельского населения в 1908 году соответственно 15 и 85%.

Следствием того, что неокрепшая российская экономика испытывала воздействие мирового рынка, стало то, что она не смогла избежать мировых экономических кризисов. Первым из них стал кризис 1900–1903 годов.

Еще в 1899 году в результате бурного промышленного развития в странах Западной Европы все больше ощущалась стесненность денежного рынка, что вызвало бурный рост учетного процента. Финансовый кризис перерос в промышленный, охватив всю Западную Европу, и немедленно переполз в Россию.

Экономически развитые страны Западной Европы довольно легко пережили кризис, но слабо развитая российская экономика получила серьезный удар.

Первыми признаками расстройства экономической жизни страны стали банкротства крупных фирм машиностроения и железных дорог, кризис денежных ценностей в Петербурге 1899 г.

К концу года учетный процент возрос с 5 до 7%, предприятия стали сокращать кредиты на отпускаемую продукцию, что вызвало избыток товаров на внутреннем рынке, падение цен на них и снижение курса акций промышленных предприятий.

Кризис нанес мощный удар по тяжелой промышленности. Промышленное производство в период кризиса в России сократилось на 5%, выплавка чугуна уменьшилась на 15%, прокат рельсов – на 32%, производство паровозов и вагонов – на 25–37%. В семь раз по сравнению с 1899 годом сократилось строительство железных дорог (1899 г. – 5248 км, 1903 г. – 763 км).

За эти три года было закрыто более 3000 предприятий (по другим данным – до 4000), на которых работало 112 000 рабочих.

Сельское хозяйство, в котором была занята основная масса населения, находилось в состоянии деградации под прессом пережитков крепостничества. Кризис и периодические неурожаи вызывали массовый голод. По некоторым исследованиям, в 1900–1903 гг. от голода умерло около 3 млн. чел.

Голод охватил около 40 млн., т.е. 30,5% населения страны. В 1901 году голодом были охвачены 17 губерний центра, юга и востока.

Представители нелегальных партий использовали ситуацию для дискредитации правящего режима. Так, в 1903 г. партия социалистов-революционеров издала подпольно книгу будущего академика АН СССР А. Н. Баха «Царь-Голод».

Таким образом, мировой экономический кризис 1900–1903 гг. стал серьезным испытанием российской экономики на прочность. Промышленность постепенно выбралась из этого состояния, а сельское хозяйство оставалось неподвижным.

В современной исторической литературе предпринимаются попытки уйти от ответа на вопрос, насколько мировой экономический кризис 1930–1933 гг. затронул экономику СССР, и мог ли он ее затронуть? На данный вопрос можно дать только однознач-

ный ответ, если принять во внимание те грандиозные проекты, которые коснулись экономической сферы страны в этот период.

Во-первых, процесс раскулачивания привел к ликвидации самых эффективных крестьянских хозяйств. По некоторым данным, раскулачено около 3,5 млн. человек. Конфискованный у кулаков скот направлялся в колхозы, но отсутствие контроля и средств на содержание животных привело к падежу скота. В 1928–1934 гг. поголовье скота сократилось по стране в два раза. Причиной этого был и массовый забой со стороны нежелающих отдавать его в колхозы.

В дореволюционной России основным поставщиком зерновых культур являлись помещичьи хозяйства, а к этому периоду они уже не существовали в первоначальной форме.

Во-вторых, приступив к индустриализации и не имея современных технологий, государство вынуждено было обратиться к западным странам, прежде всего, к Германии, а затем и США.

Еще в апреле 1922 г. делегация Советской России во главе с Г. Чичериным приняла участие в Генуэзской конференции. Она не увенчалась успехом. В местечке Раппало, близ Генуи, был подписан сепаратный советско-германский договор. Стороны предоставляли друг другу режим наибольшего благоприятствования в торговле. Вплоть до прихода в Германии к власти А. Гитлера в 1933 г. экономические отношения стран, в том числе в военной области, развивались эффективно. Обе страны по итогам Первой мировой войны оказались изгоями.

Общеизвестно, что большинство гигантов отечественной промышленности, построенных в 1930-е гг., создавалось при поддержке крупнейших мировых компаний. С одной стороны, в условиях мирового кризиса они пошли на сотрудничество с СССР, а с другой – материальных ресурсов у государства было недостаточно. Это и привело к выкачиванию средств из сферы сельского хозяйства. По оценке ряда отечественных специалистов, целями коллективизации стали централизация управления, контроль за продукцией и бюджетом, преодоление последствий продовольственного кризиса.

В-третьих, отсутствовало эффективное сельскохозяйственное производство. В небольших крестьянских хозяйствах техника не могла использоваться эффективно, а отдавать землю, получен-

ную в результате революций и кровопролитной Гражданской войны, крестьяне не желали. Сыграл свою негативную роль и классовый подход, который предполагал гегемонию пролетариата, а не крестьян.

В-четвертых, руководители большевиков достаточно четко усвоили уроки и ошибки Великой Французской революции с ее Вандеей и не хотели повторения подобных событий в Советской России.

Сегодня, спустя более чем 70 лет, трудно оценить масштабы той гуманитарной катастрофы, которая охватила многие районы Советского Союза, в том числе Северный Кавказ, Украину, Южный Урал, Поволжье, Казахстан и другие регионы. Ростовским историком Е. Н. Осколковым предпринималась попытка по записям в органах загс восстановить масштабы трагедии, но многие из них оказались безвозвратно утерянными, и оценить данные можно только приблизительно.

Сегодняшние попытки некоторых политиков представить «голодомор» как геноцид только против одного этноса несостоятельны. Слишком велики были потери со стороны всех народов, проживавших в наиболее пострадавших районах. Только совместные попытки историков из СНГ могут позволить объективно оценить масштабы трагедии.

Голод 1932–1933 гг. не просто охватил огромные территории с населением в десятки миллионов человек. Он повсеместно приобретал крайние формы, во многих районах страны смерть от голода стала обычным явлением. Казалось, что скрыть трагедию такого масштаба было невозможно, но советская статистика и пропаганда с этим все же справились.

В вышедшей всего три года спустя после катастрофы книге утверждалось: если что и сдерживает понижение смертности, так это капитализм, о чем «говорит и сравнение с СССР, в котором смертность падает быстрее, чем в капиталистических странах. Так, смертность в 1933 г. составляла в процентах к 1913 г., по данным ЦУНХУ: в СССР – 56%, Германии – 74,4, Англии и Уэльсе – 89,1, Франции – 89,3, Японии – 91,8»¹.

Во время голодной катастрофы 1933 года наиболее незащищенными оказались дети и старики: концентрация смертности в детских и старческих возрастах ярко выражена. На долю

детей моложе 5 лет приходилось почти 35% смертей, на долю стариков старше 60 лет – свыше 23%². Младенческая смертность в 1933 году, рассчитанная с учетом коррекции на недоучет демографических событий, составляла в СССР – 31,7%³, в России – 29,5%⁴.

Из 75 районов Северо-Кавказского края голод охватил 44 района. В феврале 1933 г. бюро крайкома вынуждено было официально признать «факты прямого голодания в отдельных станицах». Стремясь преуменьшить размах трагедии и всю вину за случившееся еще раз возложить на кулаков, бюро крайкома отнесло 20 районов края к неблагополучным, а 13 – к особо неблагополучным. Обстановка во всех этих районах была трагичной. Впрочем, в крупнейших городах Северного Кавказа, которые обеспечивались продовольствием гораздо лучше, тоже были перебои в снабжении. Например, с 7 по 23 апреля 1933 г. в Ростове-на-Дону происходили беспрецедентные перебои в снабжении горожан хлебом⁵. Большие перебои в снабжении хлебом были в Армавире с 18 по 23 июля⁶.

Зимой–весной 1933 г. даже сеть ресторанов «Интурист», в Ростове, Новороссийске, Орджоникидзе, испытывала продовольственные затруднения. Впрочем, президиум краевой КК-РКИ ВКП(б) своим постановлением потребовал снабжать эти рестораны наиболее дефицитными продуктами (мясо, птица, яйцо, ранние овощи). Решение обосновывалось особой политической значимостью, а его неисполнение влекло «особую ответственность» уполномоченных работников Крайснаба⁷.

Понятно, что в СССР все имеющиеся данные об истинном положении вещей были засекречены. Но, кроме того, далеко не все данные имелись даже и в органах государственной статистики. К концу 1920-х годов еще не все территории СССР были охвачены регулярной регистрацией рождений и смертей, а репрессии и голод 1929–1933 гг. разрушили во многих регионах даже существовавшую несовершенную систему учета. Поэтому исследователям масштаба и демографических последствий голода приходится работать с отрывочными, неполными данными.

Сводки о ходе подготовки к весенней кампании 1933 г. сквозили тревогой. В связи с «организованным кулачеством са-

ботажем» в «большинстве колхозов сельхозмашины и инвентарь был беспризорным, раскидан по дворам, занесен грязью и пылью. Кони были в большинстве колхозов доведены до истощения, лежали, срочно нуждались в откорме» (из сводки Армавирской районной КК-РКИ ВКП(б), 4–5 января 1933 г.).⁸

Из отчетного политдонесения политотдела Ново-Пластовской МТС (февраль–март 1933 г.): «Станицы были как будто вымершие. Тишина. Ни песен, ни смеху. Запустение». Правления колхозов ежедневно были осаждены колхозниками–просителями о выдаче «хоть чего-нибудь, что можно есть». И правления скупно выдавали на 2–3 дня то, что они имели. Значительная часть колхозников от длительного недоедания и питания суррогатом были пухлыми. 1300 человек по району деятельности МТС с января по апрель 1933 г. вымерли. Причем большей частью – взрослые мужчины и старики. Женщины оказались выносливее. Стихия воровства грозила захлестнуть полученную в начале весны государственную продовольственную и семенную ссуду⁹.

Начальник политотдела Гулькевичской МТС докладывал, что окраинные колхозы зоны действия МТС терроризировались грабителями, которые зачастую были вооружены обрезами и дробовиками. Зам. нач. политотдела по ОГПУ пришлось организовывать конные разъезды для охраны колхозов. В село Гулькевичи (которое являлось крупной железнодорожной станцией) «понаехало всякого элемента, летунов, все без документов, живших в пустых домах и т.д., которых часть арестована, а большинство проживает скрываясь, что требует их отправки, о чем нами приняты меры по договоренности с районом»¹⁰.

Как реакцию на донесения, политотделам прислали решение бюро крайкома партии (от 13 июня 1933 г.), в котором говорилось:

1. Крайком обязал крайпрокуратуру, крайсуд, ОГПУ милицию не оставлять ни одного случая хищений колхозного и совхозного урожая, без расследования, организовать ряд показательных процессов.

2. Особо суровые меры применять к участникам групповых случаев воровства (вплоть до высшей меры).

3. При применении ст. 162 УК СССР по малозначительным преступлениям приговор о принудительных работах должен был немедленно приводиться в исполнение. Осужденных следовало использовать на тяжелых физических работах.

4. Кропоткинскому райкому партии и районной КК-РКИ поручалось проверить работу нарсудей.¹¹

Как отмечалось в политдонесении, политотдел Ново-Пластуновской МТС с первых дней своего существования повел жесткую борьбу за соблюдение трудовой дисциплины и дневных трудовых графиков. С помощью государственной продовольственной ссуды, ее жесткого перераспределения «удалось поднять на ноги лошадей (буквально, потому что они все лежали) и самих колхозников». Семена и фураж удалось оградить от расхищения с помощью довольно суровых административных мер (суды) и повседневной массовой работы и контроля¹².

Политотдел, опираясь на принятый закон «об обязательных поставках зерна государству», разъяснил в колхозах три его основных пункта:

1. Хлебозаготовки сначала государству, а потом себе.
2. Закон твердый, задание твердое и никаких встречных.
3. Чем больше посеете, чем лучше уберете и больший урожай с каждого га получите, тем больше останется для распределения по трудодням, после выполнения хлебопоставок.

С этой целью политотделом были по каждому колхозу составлены таблички с информацией «сколько колхозники получают хлеба на трудодень из урожая 1933 года после выполнения госпоставок.

Впрочем, поначалу им не верили, считая это очередной уловкой власти, стремившейся известить весь русский народ под корень. Существовали и объективные трудности. До получения семенной ссуды запас семян для посевной составлял только 4% от потребности в них¹³.

При проведении весеннего (1933 года) сева отмечалась физическая ослабленность людей и лошадей, поэтому сев был затянут. Техника отказывала, часто ломалась, управлялась неопытными механизаторами.

Начальник политотдела выезжал на беседы с колхозниками; объяснял, что возврата к старому больше не будет, убеждал не

вредить. Постепенно люди начали ему доверять. Как он отмечал в своем политдонесении: «В этот период лозунг тов. Сталина о зажиточных колхозниках получил наибольшую популярность и веру в него. Старик-колхозник бригады совхоза «Искра» товарищ Коваленко по поводу качества сева сказал: в прошлом году (1932) у нас в колхозе Советской власти не было, потому не сеяли, а гадили. Гадили сами себе. А в этом году посеяли хорошо». Стали сами колхозники бороться и с расхитителями. Например, в 7-й бригаде колхоза «Искра» поймали вора семян, заперли его в амбаре и решили «держатъ его там до тех пор, пока он не сдохнет»¹⁴.

В такой обстановке многие должностные лица, пользуясь нехваткой продовольствия, пытались нагреть руки. Имелись многочисленные случаи спекуляций продуктами государственных учреждений. В производстве в апреле-мае 1933 г. находились дела о спекуляции продуктами следующих госучреждений: Госбанк, Зернохлеб, Союззаготнарпит, Северокавказский снабсбыт, Сочинский дом отдыха «Кавказская Ривьера», многие районные и городские Райпо и Горпо Северо-Кавказского края¹⁵. В целом ряде крупорушек (предприятий по измельчению крупы) треста «Союзкрупa» были выявлены хищения и спекуляция хлебом¹⁶.

Начальник политотдела Новопластуновской МТС докладывал в политуправление МТС НКЗ о большой нехватке трудоспособных колхозников и предлагал для укрепления колхозов следующее:

«1. В связи с этим переселять из малоземельных районов в МТС целые мелкие хутора со своим инвентарем и тяглом, выдавать переселенцам строительные ссуды или стройматериалы.

2. В связи с острой нехваткой живого тягла, лошадей:

а) отпускать кредиты колхозам на покупку лошадей;
б) увеличить отпуск техники (тракторов, комбайнов, автомобилей).

3. Разукрупнить колхозы, реструктуризировать рабочие бригады для более оперативного руководства ими.

4. В 1934 г. взять госпоставку из расчета не плана посевов, а практически посеянного. Снять отсрочки на 1933 г. и считать

безвозвратной продовольственную и семенную ссуду, выданную в 1933 г. (т.е. просто списать ее – *И.И.*)

5. В связи с массовым обеднением населения выдать по линии госбюджета школам кредиты на приобретение одежды и обуви для детей.

6. Колхозам отпустить долгосрочный кредит на производственное и культурное строительство.

7. Радикально разрешить вопрос подготовки кадров бригадиров, председателей путем организации годичных или двухгодичных краевых школ, а также курсов счетоводов, учетчиков в бригадах и т.д.»¹⁷

Правительство, узнав о существующем положении, приказало немедленно выделить голодающим регионам продовольственные ссуды. Первые государственные продовольственные ссуды начали поступать уже к концу марта 1933 г., затем они поступали ежемесячно. Так, 27 мая 1933 г. райпосевком выделил дополнительно на июнь возвратную продссуду 6 колхозам Гулькевичской МТС, обязав ее немедленно получить в ближайших пунктах «Заготзерно», распределив по колхозам. Всего было получено 17 731 килограмм зерна¹⁸.

В июле 1933 г. политотдел Черноерковской МТС распорядился выдавать колхозникам из государственной продссуды на отработанный трудодень 600 граммов муки вместо 300 граммов, выдававшихся ранее. Ударникам труда дополнительно выдавалось еще 300 граммов. А вот рядовым работникам МТС, трактористам, комбайнерам, плугарям, боронильщикам и т.д. норму выдачи оставили прежнюю. Детям норма питания была увеличена до 300 граммов муки в день; питание беспризорников производилось за счет колхоза, где они проживали. Нормы выдачи повышались с условием, что в августе, при выдаче зерна, все выданное в виде аванса продовольствие на питание будет возвращено по взаимозачету¹⁹.

Согласно постановлению Севкавказкома ВКП(б) от 29.11. 1933 г. «О распределении доходов в колхозах в 1933 году», райкомы партии и политотделы МТС обязывались обеспечить составление окончательных расчетов как натуральной, так и денежной частей доходов к 15.12.1933 г., чтобы уже к 25 января 1934 г. полностью рассчитаться с колхозниками. В поста-

новлении говорилось, что твердым минимумом является 2 кг зерна на трудодень. Расчеты по натуроплате с каждым колхозом проверялись лично директором МТС и начальником политотдела. Для разрешения споров между колхозами и МТС по натуроплате было принято решение ЦК и СНК от 10.10.1933 г. о возложении на председателей облисполкомов обязанностей государственных арбитров. Об этом были оповещены все колхозы и МТС²⁰.

У многих МТС не получился окончательный расчет в январе 1934 г. Например, политотдел Гулькевичской МТС докладывал, что только к 1 мая 1934 г. все колхозы рассчитались с трактористами и колхозниками за их работу в 1933 году. Кроме того, трактористам выдали гарантированный минимум по трудодням, заработанный ими до 15 апреля 1934 г., а колхозникам – аванс по трудодням, тоже заработанный до 15 апреля, который составил 30–40 копеек на трудодень²¹. Несмотря на задержку это действительно было достижением, ведь почти четыре года в этой области не было порядка, расчеты задерживались, бесконечно переносились, накапливались.

Еще одним косвенным показателем некоторого улучшения жизни явилось то, что колхозники перестали использовать в качестве тягла коров. В 1933 г. по МТС, в связи с катастрофической нехваткой лошадей, ежедневно работало 300–350 коров. В 1934 г., опять же в связи с нехваткой техники и рабочего скота, МТС снова пыталась использовать для работы коров. Однако колхозники уже считали это дело невыгодным, не хотели портить коров. Некоторые все-таки отдавали их на работу в обмен на подсолнечное масло. Но в колхозах, где на трудодни досталось много семян подсолнечника, коров не отдавали и за масло²².

К концу 1934 г. кризис на селе был преодолен окончательно. К этому времени и экономики большинства развитых стран вышли из затяжного мирового экономического кризиса. Цена для всех была разной. Германия пошла по пути милитаризации своей экономики и возрождения военного могущества, что впоследствии стало главной причиной возникновения Второй мировой войны 1939–1945 гг. Советский Союз обрел экономическое могущество, однако цена этого до сих пор не просчитана. США по-

шли своим путем, перераспределив налоги в пользу беднейших слоев населения страны.

Однако урока из глобальных экономических кризисов многие, по-видимому, не сделали.

Для России и СССР главным последствием мировых кризисов стал голод. Отсутствие продовольственной безопасности привело к гуманитарным катастрофам.

Примечания

¹ Смуглевич Б.Я. Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М.–Л., 1936. С. 193.

² Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Новосибирск, 2000. С. 94.

³ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М., 1993. С. 135.

⁴ Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927–1959. М., 1998. С. 164.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 61. Л. 270.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 57. Л. 10.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 61. Л. 1–2, 59–60.

⁹ ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 12556. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

¹¹ ЦДНИКК. Ф. 12556. Оп. 1. Д. 1. Л. 284.

¹² ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 6–8.

¹³ ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–5.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 7, 9.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 57. Л. 44–45, 52.

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 61. Л. 16–19.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 33–34.

¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 12556. Оп. 1. Д. 1. Л. 274.

¹⁹ ЦДНИКК. Ф. 12558. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

²⁰ ЦДНИКК. Ф. 12556. Оп. 1. Д. 1. Л. 223, 229–230.

²¹ ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 77–80.

²² ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 85.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (КОНЕЦ 1930-х гг.)

Особенности социально-демографического облика Кубани конца 1930-х гг. обусловлены не полностью изжитыми последствиями Гражданской и Первой мировой войн, форсированной индустриализацией, коллективизацией с ее раскулачиванием и насильственным перемещением населения, голодом 1932–1933 гг., а также массовыми политическими репрессиями.

Одним из основных источников для характеристики населения Краснодарского края в обозначенный период является Всесоюзная перепись населения 1939 г. На основе ее данных можно сделать ряд обобщений и выводов по данной проблематике.

Прежде всего хотелось бы остановиться на половозрастной структуре населения Краснодарского края.

Имевшие место потери среди военнослужащих, а также повышенная смертность среди мужчин, вызываемая массовыми репрессиями, нашли отражение в половом составе населения¹.

Соотношение полов на Кубани в 1930-е гг., как и в годы Гражданской войны, нарушено в пользу женщин. В городах и в селах соотношение полов одинаково (53% составляли женщины и 47% – мужчины)². Структура населения Краснодарского края в 1939 г. не имела каких-либо особенностей, как, например, в конце XIX в., когда, напротив, имело место значительное преобладание мужского населения над женским³.

Возраст 35–45 лет наиболее пострадал от потерь в период Гражданской войны. Это вызвало заметный скачок в диспропорции полов: женщины превзошли мужчин по удельному весу на 5,5% в стране в целом и на 6% на Кубани.

Диспропорция полов после войн не сгладилась, она продолжала существовать. Этот факт свидетельствовал о неблагоприятной демографической ситуации. Уже 20 лет не проходило крупномасштабных военных действий, в обществе осуществлен ряд демографических мер, в том числе по улучшению положения матери и ребенка, медицинского обслуживания населения и т.д., что

должно было обеспечить режим благоприятствования для компенсации военных потерь. Можно было бы ожидать и установления равновесия в соотношении полов, и понижения показателей смертности, в том числе младенческой и детской⁴.

Что же касается процента городского населения в составе Краснодарского края (24,7%), то он ниже, чем в целом по СССР (на 8,2%). Это говорит о том, что в хозяйстве Краснодарского края в обозначенный период преобладал аграрный сектор.

В Краснодарском крае накануне Великой Отечественной войны преобладало молодое население. Дети и подростки до 14 лет составляли 35,4%, лица в возрасте до 30 лет – 62,5%. Пожилые, старше 50 лет, – 11,1%. Самый высокий процент населения приходился на возраст от 20 до 29 лет (19,3%), а самый низкий – на 60 лет и старше (5,3%)⁵. Это свидетельствует о низкой нагрузке населения Краснодарского края пенсионерами и о наличии достаточного количества трудоспособного населения в крае.

Таким образом, в 1930-е гг. в Краснодарском крае все еще преобладал традиционный тип воспроизводства населения. Это подтверждают высокая рождаемость, большое количество детей в возрастной пирамиде, а также высокая смертность – малый процент пожилых и престарелых.

Что же касается грамотности, то в 1939 г. процент грамотного населения на Кубани составлял 83,7⁶. По сравнению с 1926 г. количество грамотных увеличилось на 27%⁷, что указывает на широкое развитие в 1930-е гг. ликвидации безграмотности населения.

Для сравнения приведем данные по СССР – 81,2%; следует отметить, что на Кубани процент грамотных даже несколько выше.

В Краснодарском крае в 1938 г. работало 2539 школ (707 из них – неполные средние и средние), с количеством учащихся 608 106 человек.

Кроме того, в крае функционировало 4 высших учебных заведения, с количеством студентов 5147 человек, и 28 техникумов и училищ, с количеством учащихся 3925 человек⁸.

На Кубани в данный период грамотных мужчин было больше, чем женщин (среди мужчин, проживавших в городе, грамотные составляли 95,7%, а среди женщин – 83,9%, разница в 11,8%;

среди сельского населения – соответственно 93,4% и 71,3%, разница – 22,1%)⁹.

В сельской местности эта разница выражена ярче, что свидетельствует о наличии патриархального уклада в деревенских семьях в обозначенный хронологический период, где традиционной обязанностью женщин до сих пор еще остается – растить и воспитывать детей, а не заниматься своим образованием. Но следует отметить прогресс, достигнутый по сравнению с 1926 г., когда на селе грамотных женщин было всего 37,3% (на 34% меньше). Данный факт говорит о том, что женщины в 1930-е гг. все же получили доступ к образованию в больших масштабах, чем в 1920-е гг.

Таким образом, оценивая ситуацию, зафиксированную переписью 1939 г. в области грамотности и образования населения, следует признать, что Кубань добилась определенных успехов: подавляющая часть населения стала грамотной, дети и молодежь были вовлечены в школы, техникумы и вузы. Впервые за сотни лет женщины в России массово были допущены ко всем видам обучения и образования.

Но результаты, полученные статистикой, отразили не только успехи: грамотность оказалась еще не «сплошной» (как декларировалось), а среднее и высшее образование отставало от требований времени¹⁰.

Перейдем к национальному составу населения Краснодарского края. Кубань всегда была многонациональным краем и продолжала оставаться им и в 1939 г. В переписи указано семь наиболее многочисленных национальностей, проживавших на территории края. Подавляющее большинство составляли русские – 86,8%, на втором месте по численности находились украинцы, составляя 4,7%, на третьем – адыгейцы и черкесы (2%), на четвертом – армяне (1,9%), на пятом – греки (1,3%), на шестом – немцы (1,1%), на седьмом – белорусы (0,4%), и также отмечен процент прочих национальностей, населявших Краснодарский край, – 1,8¹¹.

Следует обозначить увеличение процента русского населения в крае. Это объясняется компенсационными переселенческими контингентами, формировавшимися в Центральной России, на Урале и в прочих районах и направлявшимися сюда административными решениями.

Годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, отмечены на Кубани относительно высокой рождаемостью, которая начала повышаться по сравнению с рубежом 1930-х еще в 1936 г. в связи с запрещением аборт.

27 июля 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О запрещении абортов». Действие этого закона имело определенные последствия: в 1937 г. число рождений в крае увеличилось по сравнению с 1936 г. на 35,9% (на 37 039 человек). В зависимости от типа населенных пунктов это увеличение распределилось так: в городах оно достигло – 62,7% (10 605 человек), а в селах – 30,7% (26 434 человека)¹². Вероятная причина такого соотношения – в условиях города легче контролировать реальность медицинских оснований, являющихся безусловным и исключительным показанием для проведения операции.

Но уже в последующие годы (1938–1939) рождаемость постепенно начала снижаться. Это произошло ввиду того, что меры административного вмешательства в демографическое поведение людей действуют, как правило, ограниченный срок.

Рождаемость более активно снижалась в городах, чем в сельской местности, поскольку процессы модернизации семьи проходили здесь более стремительно.

Динамика рождаемости в городах отличается скачкообразностью, резкими колебаниями: в 1936–1937 гг. наблюдается резкий ее подъем, в 1938 г. рождаемость несколько снижается, а в 1939 г. снова наблюдается ее незначительное увеличение. Данные процессы объясняются прежде всего внешними факторами, внутрисемейное регулирование деторождения проявляется пока слабо.

Смертность в данный период продолжала оставаться высокой, в 1937–1938 гг. наблюдается ее небольшое снижение, с 1939 г. – вновь повышение.

В 1938–1939 гг. на высоком уровне продолжает сохраняться младенческая смертность. Исследования причин роста младенческой смертности позволяют сделать вывод о том, что последствия голода имели затяжной характер. Об этом свидетельствует увеличение смертности младенцев от пороков внутриутробного развития и врожденной слабости детей. Они погибали, не успев появиться на свет, от диспепсии и истощения, что было связано

с неокрепшим организмом от недавнего голодания и истощения самой матери. К этому еще добавилась, особенно в городах, тяжелая работа на предприятиях, в том числе с вредным производством.

Еще одна важная особенность предвоенного демографического облика Кубани – это сокращение количества аборт в связи с вступлением в силу постановления 1936 г.

В 1936 г. на территории края, в его современных границах, было зарегистрировано 37 966 аборт, 23 120 из них были отнесены к легальным.

В 1937 г., когда наиболее заметным стало действие упомянутого постановления, общее число зарегистрированных аборт упало до 16 846, что составило 44,3% от числа аборт, зарегистрированных в 1936 г. (легальных только 1077 случаев).

В последующие годы (1938–1939) возросло число зарегистрированных аборт, как легальных, так и начатых вне лечебных учреждений (число аборт, проведенных в 1938 г., в процентном соотношении к 1937 г. составило 127,2, а в 1939 г. к 1937-му – 139,5)¹³.

Нелегальные аборт зачастую приводили к смерти женщин, так как не выполнялись на должном медицинском уровне.

Кроме летального исхода аборт в подпольном исполнении был страшен тем, что калечил женщин, порой лишал их способности к деторождению, то есть имел прямо противоположный ожидаемому результат – снижал рождаемость. К тому же такой аборт часто способствовал нарушению правильного внутриутробного развития последующих детей.

Употребление забеременевшими женщинами распространенных подпольно непатентованных средств для избавления от плода, прибегание для этого к разным варварским методам часто приводили не к прерыванию беременности, а к рождению умственно или физически не полноценных детей.

Данная ситуация усугублялась угрозой уголовной ответственности, страх перед которой заставлял женщин избегать медицинской помощи.

Рассматривая демографическую ситуацию в последние предвоенные годы в целом, следует отметить, что она была существенно лучше, чем в первые послереволюционные годы, однако

полностью не нормализована. Произошли некоторые ухудшения в половозрастной структуре, снизились темпы роста населения¹⁴. Черты, свойственные демографическому переходу к современному типу воспроизводства населения, проявлялись в 1930-е гг. слабо и непоследовательно в силу воздействия экзогенных факторов.

Примечания

¹ Население СССР за 70 лет. М., 1988. С. 19.

² Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 23.

³ Макаренко М.Ю. Население Кубани в условиях НЭПа: состояние и развитие. 1920–1926. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. Краснодар: Кубанский Государственный университет, 1997. С. 57–58.

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 102.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 29.

⁶ Там же. С. 40.

⁷ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 40.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 1774-Аоц. (Паспорт Краснодарского края 1940 г.). Оп. 1. Д. 1278. Л. 100.

⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 43.

¹⁰ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 184–185.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под. ред. Ю.А. Полякова. М., 1992. С. 59.

¹² ГАКК. Ф. р. 1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

¹³ ГАКК. Ф. р. 1246. Оп. 1. Д. 6. Л. 3.

¹⁴ Население СССР за 70 лет. – М., 1988. С. 20.

2. СТАЛИНСКАЯ РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рожков А. Ю.

ДИСКУРС О «ГОЛОДОМОРЕ» В «ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ» И ПОСТСОВЕТСКОЙ ПЕРСПЕКТИВАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Предлагаемое эссе является весьма поверхностной попыткой сравнения дискурсивных трендов и практик, связанных с голодом в советской России 1930-х годов, в период «перестройки» и в современный период на материалах Кубани. Автор не претендует на исчерпывающий анализ проблемы. Цель сообщения – кратко осветить на архивных документах дискуссию, развернувшуюся в региональном сообществе в 1980-е годы, и сопоставить ее с нынешним уровнем обсуждения темы.

Дискурс о массовом голоде в СССР (по В. В. Кондрашину, «рукотворном»), вызванном форсированной «сплошной» коллективизацией и трагически ознаменовавшем собой начало колхозного строя, начиная с 1930-х годов, имеет явно выраженный политический аспект. Причем вектор политической конъюнктуры периодически меняется. В 30-е годы голод в основном рассматривался сквозь призму сложной внутриполитической обстановки в стране победившей коммунистической диктатуры. В разгар «холодной войны», когда заинтересованные организации в США и Канаде стали называть голод спланированным геноцидом украинского народа, акценты в трактовке этой острой темы сместились во внешнеполитическое пространство. В годы «перестройки» тема «голодомора» явилась одним из веских аргументов в разоблачении сталинских репрессий как отражение внутриполитического вектора перемен. В последнее время эта тема получила мощный импульс в Украине, где причудливо сплелись как внутри-, так и внешнеполитические интересы руководящей элиты бывшей союзной республики.

Очевидно, сегодня даже среди самых убежденных либералов и независимых правозащитников в России трудно найти тех, кто бы согласился с господствующим тезисом современных украинских националистов о целенаправленном «геноциде» украинского народа путем «голодомора» начала 1930-х годов. Прежде всего потому, что этот местнический подход чрезвычайно далек от исторической действительности в широком социально-политическом контексте 1930-х годов. Недавно и в самой Украине официальные лица подтвердили абсурдность такой позиции.

Между тем, если не принимать в расчет откровенные политические спекуляции со стороны части украинского истеблишмента вкупе с недобросовестной научной «элитой» и переместиться в предметное поле большевистского голодомора 1930-х годов в крупнейших аграрных регионах СССР, становится очевидным, что в последние полтора-два десятилетия эта трагическая тема практически исчезла из общественно-политического и научного дискурсов в России. Данный феномен сложно объяснить одними только категориями теории памяти вроде «посттравматического синдрома», «вытеснения травмы», «амнезии», «аберрации памяти» и т.п. Учитывая весь «государственнический» контекст официальной ревизии исторической науки в современной России, правомерно говорить о целенаправленном забвении многих трагических страниц советского прошлого, включая и голод 1930-х годов. Поэтому, мне кажется, мы должны быть в определенном смысле признательны украинским националистам, осмысленно или невольно придавшим импульс дискуссии в общероссийском и региональном политическом и научном пространстве.

К сожалению, эти нынешние дискуссии ограничились довольно узкими рамками политического класса и научного сообщества, специализированных общественных организаций (прежде всего, «Мемориала»¹), оставив вне участия в них множество социальных общностей и обширный спектр средств массовой информации. Сегодня редкие публикации о голоде в кубанской печати, скорее, являются исключением из правил². Данная картина резко контрастирует с периодом конца 1980-х — начала 1990-х годов, когда на волне демократизации советского общества публикации экспертов³ намного активнее стимулировали дискуссии

в СМИ о голоде, в которые постепенно вовлекались и более широкие слои населения, в первую очередь, пережившие трагедию жертвы голодомора. Благодаря этому дискурс о голоде тогда постепенно трансформировался с официально-политического тренда в социально-исторический, с публичной сферы – в приватную.

Общественная дискуссия о голоде 1930-х годов в региональной печати в годы «перестройки» была инициирована, отчасти, серией газетных статей профессора И. И. Алексеенко, в первую очередь – публикацией о деятельности комиссии Л. М. Кагановича на Кубани⁴. В фонде 1774-Р ЦДНИКК хранятся отклики и воспоминания читателей на статью «Председатель комиссии» (ноябрь 1988 г.), адресованные в редакцию газеты «Советская Кубань» или лично Ивану Ивановичу Алексеенко⁵.

В 64-листной архивной папке содержатся копии 20 писем, переданных автором публикации в краевой партархив. Неизвестно, сколько всего писем было получено И. И. Алексеенко и редакцией. Категории читателей, приславших свои корреспонденции, разные: постоянные жители Кубани, пережившие трагедию в детском или взрослом возрасте; лица, мобилизованные партией и комсомолом на хлебозаготовки; спасшиеся от голода переселенцы из других регионов; ставропольские коммунары, насильно переселенные на Кубань; красноармейцы-отпускники и т.д.

Большинство откликов датированы в недельном интервале после опубликования статьи. Многие из них были написаны в день ее выхода в свет или на следующий день. Это указывает на сильнейший эмоциональный и моральный эффект, который оказала на читателей газетная публикация: *«она меня так глубоко взволновала, что без слез читать я не смогла»*⁶, *«я еле дочитал до конца; сильно нервничал, даже прослезился, вспоминая, как я лично пережил все это»*⁷, *«написал Вам как маленькое дополнение к статье, которую буду беречь до конца дней своих»*⁸, *«я выражаю огромную благодарность нашей партии и лично тов. М. С. Горбачеву, что события коллективизации, голодовки ... наконец стали гласностью, откровенностью в условиях демократии»*⁹, *«я даже сейчас пишу Вам и боюсь, что это навредит если не мне, то моим детям до чего страшное было время»*¹⁰.

При сегодняшнем прочтении отклики и связанная с ними история воспринимаются в трех регистрах времени: события и

атмосфера 1930-х годов, реконструированные и конструированные в воспоминаниях очевидцев; «перестроечный» временной пласт, отражающий автобиографическую и коллективную память, эмоции и надежды откликнувшихся читателей; современная рефлексия этих документов, ретроспективно охватывающая два первых пласта времени как разорванное и одновременно синтезированное прошлое, устремленное в будущее (очевидно, это близко к тому, что Морис Хальбвакс описал как противостояние памяти, относящейся «исключительно к прошлому», и рассудка, исходящего «из настоящего»¹¹).

В этой связи можно согласиться с социологом Борисом Дубинным, полагающим, что «ностальгия по утраченному прошлому связана с меланхолией в отношении потерянного и более недостижимого будущего». Он справедливо считает, что «работа памяти имеет вид восстановления временной последовательности («программы опыта»), продолжения прошлого настоящим». С другой стороны, «если разбирать работу механизма воспоминания, то он включается сознанием разрыва привычного течения времен, утраты автоматизированной, «нормальной» самоидентичности и активизацией «программы культуры». Роль спускового крючка здесь выполняют страх потерять прошлое, угроза его забывания, ослабление или даже временное разрушение памяти, амнезия»¹².

С точки зрения социальной истории, исторической антропологии эти читательские отклики ценны, прежде всего, как субъективные переживания, индивидуальный и коллективный опыт выживания в экстремальных условиях голода. Здесь нет научного анализа данного феномена в историческом или социологическом аспекте, который проделали ученые¹³. За каждым из писем – незабытый страх голодной смерти, неизгладимая боль от потери близких людей, перемежающиеся с идеей о недопущении повторения подобного впредь. Такие строки трудно читать отстраненно: *«в станице умерло 60% населения, и были случаи – мать съела ребенка, или взрослый сын – мать ... Не было ни кошек, ни собак, не летали даже птицы»*¹⁴, *«я ходила на площадку (садик), нам, каждому ребенку, давали 50 г хлеба ... дети лазали под столами, собирали крошки, которые трудно было отыскать»*¹⁵, *«парнишка вез на паре лошадей горючее тракторам. Одна лошадь пала ... не прошло и часа, как эта дохлая лошадь была раз-*

рублена на части пришедшими жёнами. Эти куски не понесли, а просто поволокли»¹⁶, «на улицах Краснодара не успевали подбирать мертвые тела. Не стало слышно лая собак. Из-за опасения попасть в аркан люди боялись выходить по вечерам на улицу»¹⁷, «умирали целыми семьями. Ели собак, собирали дохлых ворон вдоль дорог, лазили по мерзлым полям в поисках колосков или качанов кукурузы. Ели дохлых курей. Были случаи и людоедства»¹⁸, «каждую ночь на подводы грузили детские трупы и вывозили на городское кладбище в общую яму. Работники детприемника организовали преступную группу. Умышленно умерщвляли детей. Об их смерти заявляли только на третий день, хотя пайку хлеба они исправно получали на каждого ребенка и делили между собой»¹⁹, «я сам был свидетелем, как одну старушку тянули с печки, а она еще живая была и очень просила не трогать ее, и все же ее отвезли и бросили в яму. Одного парня ... еще живого бросили в яму прямо на трупы. Он очнулся, и ему удалось при помощи ножичка вылезть из ямы, и он до сих пор живой»²⁰, «у моей родной тети была корова, и соседки ее, и в их обязанности ввели ежедневно ... собирать мертвых и вывозить на кладбище, а там была выкопана траншея и стояла палка ... Если траншея заполнялась, эту палку переносили к другой траншее»²¹, «лошади дохли с голоду, и мы их ели; свиньи дохли – тоже ели, собак, кошек, ежей, лягушек. Вот такой у нас террор был. Были такие случаи – людей ели. Жили всегда в страхе ... мне уже пошел 80-й год. Сейчас жить да радоваться, а годы кончились»²².

«Традиционные» историки могут вполне резонно возразить, что эти воспоминания читателей не являются документальными и нуждаются в проверке, что здесь возможны гиперболизация и уже упоминавшаяся выше «абберрация памяти». Формально с этими доводами трудно спорить. Но именно в этом конфликте «официальной» истории и неофициальной, «всемирно торжествующей» коллективной памяти, описанном Пьером Нора²³, и кроется одна из причин забвения голодомора вместе с другими трагическими страницами нашей недавней истории.

Сотрудница редакции журнала «Знание – сила» Ирина Прусс наглядно отобразила этот конфликт на примерах трансформации исторического сознания россиян в последнее десятилетие. Она сравнивает данные опросов ВЦИОМ и «Левада-центр» 1989 и

1999 годов. За это десятилетие в общественном сознании немного возросла значимость победы в Великой Отечественной войне (с 77 до 85%) и полета Юрия Гагарина в космос (с 35 до 54%), в то время как репрессии 1930-х годов резко (в три раза) потеряли в значимости для наших соотечественников: в 1989 году их как важное для судьбы страны событие отметило 30% опрошенных, а в 1999 – только 11%. В то же время, по данным Льва Гудкова, примерно две трети россиян демонстрируют терпимое отношение к истории органов безопасности, наряду с полным безучастием к ней. К этому стоит добавить установку власти (при молчаливой или явной поддержке в обществе) на изъятие из новых школьных учебников наиболее трагических страниц советской истории – например, упоминаний о репрессиях.

Этот поток (тип) коллективной памяти, который Прусс называет «официальным», резко контрастирует с материалами, присылаемыми старшеклассниками на конкурс «Человек в истории. Россия – XX век», организованный обществом «Мемориал». Здесь происходит инверсия публичного и частного в представлениях о ранге событий. Например, в школьных сочинениях, посвященных не государственной, а семейной истории, Октябрьская революция, прочно занимающая по всем опросам второе место после победы в Великой Отечественной войне, оказывается почти вытесненной из частной памяти. В то время как первое место в этой «табели о рангах» решительно принадлежит коллективизации; второе и третье делят война и репрессии. Причем репрессии в представлениях школьников становятся по преимуществу репрессиями против крестьян, а не против партийно-государственной и военной элиты. Коллективизация у авторов конкурсных работ неразрывно связана с раскулачиванием. По мнению И. Прусс, это память крестьянской России. Коллективная память провинции, а не мегаполисов²⁴.

В читательских откликах на публикации И. И. Алексеенко, как и в рассказах, записанных старшеклассниками последних лет, на первый план выходят не победы на трудовом фронте, а страдания людей от голода и насилия. Из вышеприведенных отрывков видно, что зачастую «наивные мемуары», написанные непрофессионалами и людьми, не включенными в письменную культуру, богаты красочными, эмоционально насыщенными де-

талями о практиках выживания. В личных воспоминаниях свидетелей пережитой трагедии исторические события и переживания, с ними связанные, сохраняются в виде «картинок», образов, целостных, нерасчлененных впечатлений, которые резко преобладают над логическими и аналитическими замечаниями и выводами.

Большинство откликов не содержат рефлексии о причинах голода. Далеко не все читатели в своих письмах пытаются найти виновных в этой трагедии. Складывается впечатление, что этими рефлексивными практиками отличаются в основном письма образованных людей (учителей, профессоров вузов и т.д.). Пожалуй, самый яркий пример в этом ряду – отклик бывшего учителя И. С. Куля, который вложил в свое письмо фрагмент воспоминаний, написанных для своих детей. Назвал его он весьма образно: «Мыши и зеленые усы». Куля вспоминает о своей встрече с Л. М. Кагановичем, который лично инструктировал группу мобилизованных партийцев, куда входил и автор мемуаров, на борьбу с «кулацким саботажем». Далее он описывает свои потрясения от череды жутких картин нашествия мышей в районах Северного Кавказа. Оставшийся неубранным урожай зерновых стал причиной резкого увеличения популяции грызунов, которые начисто съедали все остатки хлеба на полях, проникали в жилища крестьян, в палатки мобилизованных. Под Нальчиком огромная масса мышей даже остановила поезд, колеса которого забуксовали в толще грызунов, переваливавшихся через рельсы. Соотнося жесткие репрессивные меры вплоть до расстрела со стороны власти по отношению к «стригунам», срезавшим несколько неубранных колосков, с тем ущербом, который нанесло урожаю нашествие мышей, Куля справедливо заключает: «... *хороший урожай хлеба съели преступная политика Сталина и мыши*»²⁵.

Считаю уместным завершить свое эссе в логике трактовки Жилем Делезом смысла знаменитой эпопеи Марселя Пруста «В поисках утраченного времени». Если следовать этой аналогии умозаключений, мы не должны рассматривать осмысление голода начала 1930-х годов как очередную попытку «освежения» исторической (социальной) памяти россиян, актуализирующую накопление воспоминаний очевидцев трагических событий. Представляется, что в действительности «поиски утраченного времени» голодомора 1930-х должны стать поисками *истины*, имеющей очень

тесную связь со временем. В этом смысле наши поиски истины о массовом голоде обращены не к прошлому, а к *будущему*, и память здесь является всего лишь средством постижения истины.

После конъюнктурного развенчания «культа личности» в 1950–60-е и паллиативного осуждения отхода сталинского руководства от «ленинской концепции социализма» в 1980-е гг. в российском обществе до сих пор публично не осуждена политика государственного террора и массовых репрессий, в частности, инициаторов и исполнителей «голодомора». Забвение советской разновидности «маккартизма» грозит нашему обществу устойчивым манкуртизмом, в результате чего мы рискуем надолго остаться народом со спутанной коллективной и национальной идентичностью. К сожалению, попытка преодоления этого забвения, предпринятая в свое время на региональном уровне профессором И. И. Алексеенко и другими подвижниками, оказалась недостаточной. Между тем она не была бесполезной.

Судя по письмам читателей, люди надеялись на увековечение памяти жертв голодомора, предлагали свои скромные взносы. Разумеется, монументализация «мест памяти» голодомора в России необходима. Но намного актуальнее расширение и углубление дискурса о голоде, где коммуникативную инициативу должны взять на себя специалисты-историки. В этом плане давно назрело издание полновесного сборника документов о массовом голоде на Кубани, состоящего из синхронных и ретроспективных материалов, официальных документов и источников личного происхождения. Убежден, что подборка откликов читателей на публикации И. И. Алексеенко займет в этом ряду источников свое достойное и полезное место.

Примечания

¹ См., напр.: Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: К 70-летию начала голода 1932–1933 гг. в СССР. Материалы I региональной научной конференции / гл. ред. С.А. Кропачев. Краснодар, 2003; Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию голода 1932–1933 годов. Материалы II региональной научной конференции / гл. ред. С.А. Кропачев. Краснодар, 2004.

² См., напр.: Картава В.Ф. Кубанский крематорий // Вольная Кубань. 2007. 13 окт.

³ См., напр.: Кропачев С.А. Черные доски // Полит. собеседник. 1990. № 1; Его же. Черная доска: «Нам теперь осталось одно – смерть...» // Юг. 1993. № 24; Его же. Кубанские станицы осенью 1933 г.: последствия коллективизации и массового голода (анализ оригинального источника из фондов ГАКК) // Казачество в истории России: тез. докл. междунар. науч. конф. Краснодар, 1993; и др.

⁴ Алексеенко И.И., Ларкин В. Председатель комиссии: штрихи к политическому портрету Л.М. Кагановича // Сов. Кубань. 1988. 23 нояб.; Алексеенко И.И. «Кубанское дело»: кризис колхозного строя и местных парторганизаций // Панорама. 1991. № 7; Его же. «Дело Н.В. Котова» как зеркало социальных экспериментов // Кубанские новости. 1992. 6 авг.; Его же. Пусть не повторится трагедия 1933 года! Наказание голодом // Казачьи вести. 1992. № 27; и др.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225.

⁶ Письмо О. Кобозевой (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 5.

⁷ Письмо Г.И. Алексапольского (с. Гришковское) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 26.

⁸ Письмо Ф.Г. Проценко (Армавир) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2.

⁹ Письмо К.А. Соколовой (Славянск-на-Кубани) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 9.

¹⁰ Письмо А.В. Бардановой (Кропоткин) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 4.

¹¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С. 337.

¹² Дубин Б. Память, война, память о войне: конструирование прошлого в социальной практике последних десятилетий // Отеч. записки: сетевой журн. 2008. URL: <http://www.strana-oz.ru/numid458/article/1701> (дата обращения: 12.01.2009).

¹³ См., напр.: Сорокин П.А. Голод как фактор: влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Голод: 1932–1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза, 2002; Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне. Пенза, 2003; Его же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008; Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР. М., 2009; и др.

¹⁴ Письмо Ф.Г. Проценко (Армавир) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 2.

¹⁵ Письмо А.В. Бардановой (Кропоткин) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 4.

¹⁶ Письмо К.А. Соколовой (Славянск-на-Кубани) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 9.

¹⁷ Письмо И.С. Куля (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 20.

¹⁸ Письмо И.И. Ермакова (ст. Куцевская) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 40.

¹⁹ Письмо Л.В. Белова (пос. Яблоновский) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 44, 45.

²⁰ Письмо Г.И. Алексапольского (с. Гришковское) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 27.

²¹ Письмо Д.И. Шеня (ст. Платнировская) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 59.

²² Письмо А.С. Смирнова (Апшеронск) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 23.

²³ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005. С. 390–401.

²⁴ Прусс И. Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки // Неприкосн. запас: сетевой журн. 2005. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/pr-14pr.htm> (дата обращения: 28.03.2009).

²⁵ Письмо И.С. Куля (Краснодар) // ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 15–16а, 22.

НОВЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАСШТАБАХ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА» В СССР

В данной статье будут рассмотрены отечественные исследования 2000-х годов о жертвах «большого террора»¹. Необходимо отметить, что первые публикации, в которых назывались цифры потерь советского государства в период сталинских репрессий, появились в конце 1980-х годов². Это было время острых политических дискуссий, столкновений различных общественных мнений и взглядов. Исторические сюжеты являлись важнейшим фактором размежевания политических сил, а выводы о величине потерь СССР в годы «большого террора», Великой Отечественной войны, депортаций и голода, предлагавшиеся в средствах массовой информации, стали одними из главных аргументов в спорах «демократов» и «номенклатурщиков». Дискуссии и споры не всегда были результативными, но период конца 1980-х – середины 1990-х годов был весьма важным в отношении определения истинных масштабов потерь советского государства, в т.ч. и в годы «большого террора», приближения исторической правды о преступлениях советского тоталитарного государства. Без этого периода сомнений, исканий, полемик, выявления и публикации ранее закрытых документов невозможно было собрать богатый «урожай» публикаций 2000-х годов.

Новейшую отечественную историографию о потерях СССР в годы «большого террора» отличают попытка учесть всю полноту данных исторических источников и научной литературы, появление фундаментальных коллективных и иных работ. В последних с позиций объективности и непредвзятости освещаются не только масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х годов, но и судьбы репрессированных, смертность заключенных в местах лишения свободы, влияние террора на демографические процессы и социально-экономическую ситуацию в стране накануне Второй мировой войны.

В начале 2000-х годов один за другим увидели свет несколько глубоких трудов по демографической истории России первой половины XX века – коллективная работа «Население

России в XX веке» Т. 1³, монографии В. Б. Жиромской⁴ и В. А. Исупова⁵. Академичность, последовательность, широкий охват проблем – вот, что отличает указанные исследования. Впервые в отечественной историографии были названы истинные масштабы массовых политических репрессий в середине 1930-х годов. В 1937–1938 гг. в СССР подвергались аресту 3 141 444 чел., из них 1 575 259 – по обвинению в политических преступлениях и 1 566 185 – уголовных. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1 344 923 человека, из них 681 692, или 50,7%, приговорено к расстрелу⁶. Кроме того, в исправительно-трудовых лагерях (далее – ИТЛ), исправительно-трудовых колониях (далее – ИТК) и тюрьмах⁷ в эти годы от различных причин умерло 160 084 заключенных⁸, часть из которых была осуждена по политическим мотивам⁹. Добавив к двум последним цифрам некоторый процент тех политических, кто был осужден и расстрелян по уголовным статьям или умер в эти годы в ГУЛАГе, получим неутешительный итог. «...в 1937–1938 гг. в результате карательной деятельности государства страна потеряла около 1 млн. человек погибшими»¹⁰. Если принять во внимание, что большинство из «политических», уничтоженных в эти годы, были мужчины в трудоспособном возрасте, многие из которых имели определенный социальный статус, профессиональный опыт, образование, то не трудно представить катастрофические последствия «большого террора» для судеб страны и армии за несколько месяцев до начала Второй мировой войны¹¹.

Публикациями 2000–2001 годов была поставлена окончательная точка в многолетней дискуссии о количестве репрессированных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам, заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах в годы «большого террора». Период, когда исследователи, публицисты, а зачастую и антиученые жонглировали цифрами, многократно преувеличивая масштабы потерь в 1930-е годы, закончился. Это важно не только с позиций исторической правды и справедливости. Период политической стабильности 2000-х годов свел на нет необходимость партиям и общественным движениям привлекать «жареные» факты, в т.ч. и о количестве жертв «Большого террора», для достижения своих конъюнктурных целей, решения тактических задач.

За последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении видов репрессий и категорий репрессированных¹², механизмов массовых политических акций¹³, динамики численности заключенных в местах лишения свободы, их качественного состава¹⁴, национальных операций НКВД¹⁵, депортаций¹⁶ и истории спецпоселенцев¹⁷.

В фундаментальном исследовании коллектива сотрудников Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук «Демографические модернизации России, 1900–2000», под редакцией А. Г. Вишневого¹⁸, выделяются три главных вида репрессий, имевших прямые демографические последствия: – массовое применение смертной казни, заключение миллионов людей в тюрьмы, лагеря и колонии и массовые депортации¹⁹, дается описание механизма осуществления печально известного оперативного приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г. Центральная власть выдавала разнарядку («квоты») по всем административным районам страны на арест, в т.ч. и с последующим расстрелом²⁰. Категории («контингенты») лиц, подлежащих репрессиям по социальным и политическим признакам, подробно были описаны в упоминавшемся приказе²¹. Современные исследователи проанализировали еще одну группу советских граждан, подвергнувшихся массовому государственному террору вслед за «врагами народа». Это так называемые ЧСИРы – члены семей изменников Родины, жены и дети репрессированных²². Менее чем за полтора года, по неполным данным, по стране было арестовано более 43 тыс. жен и детей «шпионов» и «диверсантов»²³. Судьбы их весьма трагичны.

Особой глубиной и новизной отличаются исследования, посвященные динамике численности заключенных в местах лишения свободы в разрезе ИТК и ИТЛ, а также по регионам СССР, их качественным характеристикам, причинам и масштабам смертности в 1930–1940-е годы. Тема эта, как известно, не изучалась в отечественной историографии. Это было связано со строго секретным характером необходимых для работы источников. Их постепенное рассекречивание в 1990-е годы позволило историкам впервые обратиться к этой новой проблеме²⁴. В Т.1 коллективной монографии «Население России в XX веке» дается подробная ха-

рактеристика системы ГУЛАГа. Количество ИТК, ИТЛ и тюрем в 1930-е годы постоянно росло. Так, в 1932 г. в СССР насчитывалось 11 ИТЛ, в начале 1935 г. – 15, в начале 1939-го – уже 42²⁵. Быстро росла численность заключенных в ИТЛ, ИТК и тюрьмах. К середине 1937 г., моменту принятия решений о начале массовых политических репрессий, Архипелаг ГУЛАГ был готов поглощать сотни тысяч новых жертв. С июля 1937 г. в лагеря, колонии и тюрьмы²⁶ хлынул небывалый поток осужденных. За 9 месяцев (с 1 июля 1937-го по 1 апреля 1938 г.) число заключенных (уголовных и политических) в местах лишения свободы увеличилось более чем на 800 тыс. человек²⁷. По состоянию на январь 1939 г. в ИТК, ИТЛ и тюрьмах насчитывалось 2 022 976 заключенных²⁸. ГУЛАГ образца середины 1930-х годов фактически превратился в фабрику постепенного уничтожения заключенных. Тяжелый труд, болезни, сложные климатические и бытовые условия, издевательства конвоя, плохое питание²⁹ и другие негативные факторы привели к массовому истощению и всплеску смертности «населения» ИТЛ, ИТК и тюрем³⁰. В 1938 г. в тюрьмах и колониях умерло в 4,4 раза больше заключенных, чем в 1937г. В ИТЛ в этом году смертность была в 3,6 раза выше предыдущего года³¹. Об итогах такого отношения к заключенным в 1937–1938 гг. мы уже упоминали.

В 1937–1938 гг. было проведено несколько «национальных» операций НКВД СССР. Наиболее крупные из них – «польская» и «немецкая» – в 1990-е годы были достаточно изучены отечественными историками³². К исследованию других ученые только приступили («латышская»³³), а некоторые «национальные» операции, например репрессии против «харбинцев» – бывших служащих КВЖД, еще ждут своего часа. Мощным толчком к изучению «греческой» операции НКВД (декабрь 1937-го – май 1938 г.) явилось осуществление с мая 2004 г. Ассоциацией греческих общественных объединений России проекта «Греческий Мартиролог» (История репрессий против греков в СССР). В рамках этого проекта в 2006 и 2008 гг. вышли три книги И. Г. Джухи³⁴. Первая из них была посвящена «греческой» операции. Обширный исторический и личный материал позволил автору сделать ряд принципиальных выводов, в т.ч. и о количестве репрессированных греков. В ходе осуществления «греческой» операции, по утвер-

ждению автора, было репрессировано от 21 200 до 25 200 человек, из них от 17 000 до 21 200 расстреляно. Это составляет более 80% от всех репрессированных. В масштабах всей страны «греческая» операция вышла (вместе с «финской» и «эстонской») в «лидеры». У них был самый высокий процент расстрелянных³⁵. Всего по «национальным» операциям НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, по данным Н. Охотина, было осуждено около 350 тыс. человек, 71% из них – к смертной казни³⁶.

В годы «большого террора» государство «опробовало» новый вид репрессий – массовое насильственное переселение народов. Депортации и раньше применялись большевистским режимом, например, на Северном Кавказе, в Семиречье, – в период Гражданской войны и начале 1920-х годов. Только в 1930–1931 гг. в ходе «кулацкой ссылки» на спецпоселения были выселены 1803 тыс. крестьян³⁷. В 1930-е, а затем и в 1940-е гг. насильственное переселение приняло характер национальной катастрофы. Десятки народов полностью были депортированы в окраинные районы страны, что привело к необратимым демографическим, экономическим и иным последствиям, а в более позднее время – межнациональным конфликтам. В 1930–1950-е годы, в ходе трех этапов формирования спецпоселений (1930–1940 гг. – «кулацкая ссылка», 1941–1945 гг. – депортация народов, 1946–1953 гг. – послевоенные пополнения)³⁸, было депортировано от 6 до 6,4 млн. человек³⁹. При транспортировке в места ссылки и в период нахождения там умерло не менее 1,2 млн. человек⁴⁰, или каждый пятый.

Депортации были организованы, как известно, по социальному («кулаки»), этническому («наказанные» народы), религиозному (представители «неправильных» религиозных вер) и политическому («власовцы», оуновцы) признакам. Примером первых массовых депортаций середины 1930-х годов, осуществленных по национальной принадлежности, стало насильственное переселение в 1935 г. из Ленинградской области и Карелии 23 217 финнов, в 1936 г. из УССР (районы вблизи границы с Польшей) 69 283 поляков, в 1937 г. из Армении, Азербайджана, Туркмении, Узбекистана и Таджикистана 4280 курдов⁴¹. Но самым массовым и трагичным было переселение в конце сентября 1937 г. с территории советского Дальнего Востока в одночасье 171 781 корейца

(36 442 семьи)⁴². В 2000-е годы именно эта, первая по времени осуществления самая массовая этническая чистка изучалась исследователями наиболее глубоко. Данной теме были посвящены научные конференции, исследовательские работы, публикации мартирологов жертв депортаций и репрессий⁴³. Всего в годы «большого террора» было депортировано по этническому признаку 268 561 человек. Учитывая высокую смертность на спецпоселениях, можно предположить, что около 50 тыс. из них погибло. Их также отнесем к жертвам «Большого террора».

В последние годы изучение истории принудительных миграций, спецпоселений и реабилитации репрессированных граждан и народов вышло на качественно новый уровень. Увидели «свет» ряд монографий, охватывающих весь период существования этих исторических явлений. Отметим прежде всего новую монографию Н. Ф. Бугая⁴⁴, работы П. М. Поляна⁴⁵, В. Н. Земскова⁴⁶, В. А. Бердинских⁴⁷. Они раскрывают механизмы и направления принудительных переселений отдельных групп и целых народов, характеризуют географию и качественный состав специальных поселений, его трудовое использование, обращают внимание на процессы освобождения из спецпоселений и реабилитацию репрессированных граждан. Исторический феномен депортаций, формирования и функционирования системы специальных поселений раскрывается на протяжении длительного хронологического отрезка, включая «пик» советского государственного террора в середине 1930-х годов.

Особо хочется остановиться на работах П. М. Поляна. Его несомненной заслугой является определение ключевых понятий в избранной области, установление четкой хронологии депортаций и их масштабов. По данным ученого, с 1919–1920 по 1952–1953 гг. «было депортировано около 15 млн. человек, из них 6 млн. пришлось на внутренние и 9 млн. – на внешние (международные) депортации (из них 5,8 млн. на депортации в СССР и 3,2 млн. – депортацию советских граждан за пределы СССР)»⁴⁸. За эти годы было проведено «53 сквозные депортационные кампании и около 130 операций» разных масштабов⁴⁹.

Работы В. Н. Земскова и В. А. Бердинских насыщены публикациями архивных материалов. Причем в последнем случае они, а также источники личного происхождения занимают льви-

ную часть книги. Отсутствуют последовательность и системность в анализе судеб отдельных личностей и целых народов на спецпоселениях. Иное можно сказать о труде В. Н. Земскова. Он, безусловно, вносит большой вклад в историографию насильственных переселений и спецпоселенческой системы в СССР. В нем содержится богатейший материал об этом уникальном историческом явлении. И нельзя до конца согласиться с резкими оценками одного историографического обзора о том, что «издание трудно назвать монографией в полной мере» и «фактическому материалу... не хватает аналитического подхода»⁵⁰.

Региональный аспект историографии «большого террора» заслуживает отдельного внимания. В последние годы выросло не только количество, но и качество публикаций. Увидели свет десятки монографий, сборников, сотни статей⁵¹. Состоялись конференции, участники которых обсуждали различные аспекты репрессивной политики советского государства⁵². Мощным фактором, влияющим на определение масштабов политических репрессий в регионах, стала работа по обнародованию имен незаконно репрессированных граждан. Публикация таких списков была начата еще в условиях существования СССР. В начале 1990-х годов стали выходить первые Книги памяти⁵³. В мае 2000 г. по инициативе Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал» в Нижнем Тагиле была проведена научно-практическая конференция «Проблемы создания Единого электронного банка данных жертв политических репрессий в СССР». По итогам конференции был начат проект «Возвращенные имена». За десять прошедших лет создана единая база данных, составленная из материалов региональных Книг памяти, которые уже вышли в свет или только подготовлены к изданию. Результаты этой титанической работы, дополненные информацией из ряда других источников, составляют основное содержание электронного издания Международного общества «Мемориал» «Жертвы политического террора в СССР». В 2007 г. вышла четвертая версия, которая содержит 2 614 978 имен репрессированных из бывших республик СССР⁵⁴. Количество тех из них, кто был арестован и осужден по политическим мотивам на территории РСФСР в разные годы, составляет примерно 1,6 млн. человек. Как видим, работа

по обнародованию имен жертв государственного террора находится вначале. Масштабы репрессий были настолько чудовищными, что завершить ее в ближайшие годы не представляется возможным.

В разных субъектах Российской Федерации итоги работы по подготовке и изданию Книг памяти жертв политических репрессий весьма неодинаковы. Примерно в полутора десятках субъектов Книги еще не изданы. В Самарской области издана 21 Книга, Республике Татарстан – 18, Псковской области – 15, Ставропольском крае – 13. В Республике Коми работа по выпуску Книг памяти приобрела характер серьезной республиканской государственной программы. Здесь выпущено уже восемь фундаментальных томов серии «Покаяние», охватывающих не только тех, кто был репрессирован на территории республики, но и тех, кто отбывал здесь свои лагерные сроки, и тех, кто был отправлен сюда на спецпоселение⁵⁵. Всего по состоянию на апрель 2009 г. в регионах России издано около 300 Книг памяти жертв политических репрессий⁵⁶.

Одним из свидетельств глубокого изучения проблемы потерь СССР в годы «большого террора» является выход историографических работ. В последние годы увидели свет статьи О. В. Хлевнюка⁵⁷, В. Э. Багдасаряна⁵⁸, А. С. Кана⁵⁹, О. Климковой⁶⁰, монография Дж. Кип и А. Литвина⁶¹. В последней – две части. Автором той, которая посвящена достижениям западных исследователей, является канадский ученый Дж. Кип, второй – о российской историографии сталинизма – профессор Казанского государственного университета А. Литвин⁶². Он представил отдельный историографический обзор о жертвах государственного террора в СССР в 1920–1950-х годах⁶³.

Подведем некоторые итоги исследования.

1. В 2000-е годы отечественная историография массовых политических репрессий пополнилась рядом фундаментальных работ. Их отличают академичность, последовательность, широкий охват проблем, глубокий анализ исторических источников и литературы. Бурный период 1990-х годов подготовил почву для «урожая» серьезных публикаций последующего этапа. Канули в лету конъюнктурные работы, называвшие миллионы и даже де-

сятки миллионов арестованных, осужденных и расстрелянных по политическим мотивам в 1930-е годы.

2. Уровень современной отечественной исторической науки позволяет назвать истинные масштабы политических репрессий в 1937–1938 гг. В эти годы по политическим мотивам было осуждено 1,3 млн. человек, из них 680 тыс., или 50,7%, расстреляно. В среднем государство ежедневно убивало тысячу своих граждан.

3. В последние годы исследователи существенно продвинулись в изучении динамики численности заключенных в местах лишения свободы в 1930-е годы, их качественного состава, причин и масштабов смертности, географии ИТК, ИТЛ и тюрем. В целом система ГУЛАГа – тема ранее совершенно закрытая – изучалась как неотъемлемая часть карательно-репрессивной политики советского тоталитарного государства.

4. Продолжилось изучение истории спецпоселений, депортаций и «национальных» операций НКВД. В 1937–1938 гг. в СССР в ходе осуществления «национальных» операций было осуждено около 350 тыс. человек. Чудовищно высоким был процент приговоренных к высшей мере наказания. Более 70%, а по отдельным операциям – свыше 80%, было расстреляно.

В середине 1930-х – начале 1950-х годов только по национальному признаку в СССР было репрессировано более 3,5 млн. человек⁶⁴. В эти годы тотальной депортации подверглись 11 народов и 48 народов – частично^{65–66}. Первой жертвой полного насильственного переселения в 1937 г. стали корейцы. В последующие годы государство использовало принудительные миграции активно, широко; их демографические, экономические, культурные, социальные последствия приняли характер национального бедствия.

5. Региональные исследования проблемы масштабов потерь в годы «большого террора» вышли на качественно новый уровень. Этому способствовало формирование Единой базы данных «Жертвы политического террора в СССР» и издание около 300 томов Книг памяти в субъектах Российской Федерации, созданных усилиями государственных органов власти, местных администраций и общественных организаций. Однако в стране не существует государственной программы увековечения памяти жертв политических репрессий. Нет федерального нормативного

акта, предписывающего готовить и издавать Книги памяти, не разработаны единая методика и общие критерии отбора сведений. Поэтому качество этих книг совершенно разное. Но в целом они приближают нас к пониманию истинных масштабов потерь в годы массовых политических репрессий и их пика – «большого террора».

В заключение отметим, что период 2000-х годов стал временем глубоких, серьезных публикаций отечественных историков о государственном терроре 1930-х годов. Сделано очень многое в изучении его причин, масштабов, механизмов, видов репрессий и категорий репрессированных. Определены масштабы «большого террора», названа поименно часть его жертв. Однако работа по изучению всех проявлений политических репрессий, тем более увековечению памяти репрессированных не завершена. Она продолжается во имя правды и исторической справедливости, создания государственных и общественных демократических механизмов и институтов, которые сделали бы невозможным повторение гуманитарного бедствия, поразившего нашу страну в годы тоталитаризма.

Примечания

¹ Впервые термин «Большой террор» был введен в научный оборот английским ученым Р. Конквестом в 1968 г. Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. В данном случае речь идет о событиях 1937–1938 гг., когда в стране осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов.

² Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября; Максудов С. Потери населения СССР. М., 1989; Земсков В.Н. Численность и состав спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 39; Он же. Численность и состав ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных по состоянию на 1 января 1953 г. // Аргументы и факты. 1989. № 40; Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // Вопросы истории. 1989. № 6 и др.

³ Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. М., 2000.

⁴ Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001.

⁵ Исулов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

⁶ Население России в XX веке. Т. 1. С. 318.

⁷ Без учета контингента спецпоселений.

⁸ Население России в XX веке. Т. 1. С. 320; Исупов В.А. Указ. соч. С. 118; Голо-
тик С.И., Минаев В.В. Население и власть: очерки демографической истории СССР
1930-х годов. М., 2004. С. 161.

⁹ Земсков В.Н. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и
высланные (Статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 152.

¹⁰ Исупов В.А. Указ. соч. С. 118.

¹¹ За 1418 дней Великой Отечественной войны Красная Армия потеряла 180 че-
ловек высшего комсостава – от командира дивизии и выше, а за несколько предвоен-
ных лет (в основном в 1937 и 1938 гг.) было по надуманным сфабрикованным полити-
ческим обвинениям арестовано и опозорено более 500 командиров в звании от комбри-
га до Маршала Советского Союза, из них 29 умерли под стражей, а 412 расстреляны // Су-
вениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. М., 1998. С. 317.

¹² Печенкин А.А. Военная элита СССР в 1935–1939 гг. Репрессии и обновление.
М., 2003; Рогинский А., Даниэль А. «Аресту подлежат жены...» // Узницы «Алжира». Список женщин – заключенных Акмолинского и других отделений Карлага. М., 2003; За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002; Демографиче-
ская модернизация России, 1900–2000. М., 2006 и др.

¹³ Кропачев С.А. Десять лет, изменившие страну. Проблемы отечественной ис-
тории и историографии середины 1930–1940-х годов. Краснодар, 2006; Ватлин А.Ю. Террор районного масштаба. «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Мос-
ковской области. 1937–1938. М., 2004; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и ре-
прессии 1936–1938 гг. М., 2009 и др.

¹⁴ Население России в XX веке. Т.1.; Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006; Демографическая модернизация России, 1900–2000 и др.

¹⁵ Джуха И.Г. Греческая операция: история репрессий против греков в СССР. СПб., 2006; Бугай Н.Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла». М., 2002 и др.

¹⁶ Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века). М., 2006; Бердинских В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М., 2005 и др.

¹⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005; Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001; Белко-
вец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1955 гг.: историко-правовое исследование. М., 2008 и др.

¹⁸ Демографическая модернизация России, 1900–2000.

¹⁹ Там же. С. 413.

²⁰ Там же. С. 414.

²¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Стали-
на. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 274.

²² Рогинский А., Даниэль А. Указ. соч.

²³ Там же. С. 22, 24.

²⁴ Население России в XX веке. Т.1. С. 311.

²⁵ Там же.

²⁶ Тюремные не входили в систему ГУЛАГа НКВД.

²⁷ Иванова Г.М. Указ. соч. С. 193.

²⁸ Там же; Кропачев С.А. Указ. соч. С. 21.

²⁹ Увеличенная в 1939 г. до 3000 калорий в день норма питания для заключенных ГУЛАГа просуществовала недолго и была снижена примерно на половину в первые месяцы Великой Отечественной войны // Население России в XX веке. Т.1. С. 318.

³⁰ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 428–431.

³¹ Население России в XX веке. Т.1. С. 318, 319, 321.

³² Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. М., 1999; Дель О., Мусиенко Н. Между Гитлером и Сталиным // Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М., 2004. С. 291–314; Ченцов В.В. Трагические судьбы. Политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930-е годы. М., 1998; Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Пермские поляки. Пермь, 2001; Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997 и др.

³³ Штраус В. Латышский дневник // Бутовский полигон. Вып. 8. С. 261–290.

³⁴ Джуха И.Г. Греческая операция; Он же. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008. Он же. «Пишу своими словами...». История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа. СПб., 2009.

³⁵ Джуха И.Г. Греческая операция. С. 396–397.

³⁶ Российская история. 2009. № 1. С. 212.

³⁷ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 423.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 424; Земсков В.Н. Указ. соч. С. 281.

⁴⁰ Земсков В.Н. Указ. соч. С. 281.

⁴¹ Там же. С. 78–82.

⁴² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 651.

⁴³ 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация). М., 2004; Бугай Н.Ф. Российские корейцы и политика «солнечного тепла»; Пак Б.Д., Бугай Н.Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. М., 2004; Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–10. М., 2000–2008 и др.

⁴⁴ Бугай Н.Ф. Реабилитация репрессированных граждан России (XX – начало XXI века).

⁴⁵ Полян П.М. Указ. соч.

⁴⁶ Земсков В.Н. Указ. соч.

⁴⁷ Бердинских В.А. Указ. соч.

⁴⁸ Полян П.М. Указ. соч. С. 239–240.

⁴⁹ Демографическая модернизация России, 1900–2000. С. 422.

⁵⁰ Введение // История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР. М., 2004. С. 29–30.

⁵¹ Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943–1959. Элиста, 2007; Максимов К.Н. Трагедия народа: репрессии в Калмыкии. 1918–1940-е годы. М., 2004; Яковлев Н.М. Жертвы сталинских репрессий в Якутии // Вопросы истории. 2003. № 12; Ватлин А.Ю. Указ. соч.; Кропачев С.А. Указ. соч. и др.

⁵² Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: материалы V Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2008; Политические репрессии в России. XX век. (Материалы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7–8 декабря 2000 г.). Сыктывкар, 2001 и др.

⁵³ Расстрельные списки. Вып. 1. Донское кладбище. 1934–1940. М., 1993; Расстрельные списки. Вып. 2. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995 и др.

⁵⁴ Помимо Российской Федерации представлен материал из Беларуси, Казахстана, Киргизии, Узбекистана и Украины.

⁵⁵ Текущий архив Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Хлевнюк О.В. «Большой террор» 1937–1938 гг. как проблема научной историографии // Историческая наука и образование на рубеже веков. М., 2004.

⁵⁸ Багдасарян В.Э. «Загадочный тридцать седьмой»: опыт историографического моделирования // Историография сталинизма: сборник статей. М., 2007.

⁵⁹ Кан А.С. Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. № 1.

⁶⁰ Климова О. ГУЛАГ: от мифотворчества к изучению // Ab Imperio. 2005. № 3.

⁶¹ Кип Дж., Литвин А. Эпоха Иосифа Сталина в России. Современная историография. М., 2009.

⁶² Там же. С. 11.

⁶³ Там же. С. 283–299.

⁶⁴ Там же. С. 283.

⁶⁵⁻⁶⁶ Там же; В. А. Бердинских в своей книге называет 17 народов, которые были полностью выселены на спецпоселения: немцы, ингерманландцы, калмыки, карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, крымские татары, армяне, болгары, ингуши, чеченцы, корейцы, греки, финны, турки-месхетинцы, курды, хемшилы (Бердинских В.А. Указ. соч. С. 15). Согласиться с этим перечнем нельзя. В него попали народы, не подвергавшиеся массовым депортациям (кабардинцы, армяне), а также представители этнических групп (болгары, финны), которые подвергались депортациям из мест компактного проживания, и это нельзя считать тотальным выселением народа.

ЯЗЫК СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

О языке как историческом источнике никто не спорит. Хуже – с использованием языка в исторических исследованиях. Между тем здесь таятся большие возможности. Задача настоящего доклада – показать формирование советского новояза под влиянием сталинизма, разрушительные последствия названного явления, процесс мучительного избавления от влияния сталинского новояза на общество и государство.

Известно, что государство и общество живут, пока жив язык. «Убийство народа начинается с убийства языка». Это слова известного философа, культуролога и писателя Юрия Карякина. Справедливые слова. В школе мы неоднократно слышали тургеневские слова о «великом и могучем» языке, и это справедливо. По словам В. Даля, в русском языке было примерно 220 тысяч слов. Но позднее в государстве и языке пошли сложные процессы. В издаваемом Большом академическом словаре русского языка (вышло десять томов) обещано 150 тысяч слов. Для сравнения, в современном английском языке – около миллиона.

Д. С. Лихачев с гордостью писал, что в «Повести временных лет» 3729 слов, из которых 2000 употреблены по одному разу. Однако он же выражал беспокойство по поводу языковых процессов в XX веке. Это же беспокойство сегодня звучит в словах и других специалистов. «Каждый язык имеет тот словарь, которого он заслуживает», – говорит культуролог и философ М. Эпштейн и подкрепляет свои наблюдения примерами. Так, слова «добро» и «зло» претерпевали изменения в разных пропорциях. Было 146 слов с корнем «добр», осталось – 52. Ушли: «добродей» («злодей» – осталось), «добромыслие», «добрословить», «добролюбие». Из 254 слов с корнем «зло» осталось 85. Это не значит, что словарный запас не пополнялся. Являлись слова «импортные», блатные. Пополнение за счет русских корней замерло.

В языковых процессах особое место заняла сталинская эпоха. При ее анализе нас интересует общественно-политическая,

социокультурная и историческая стороны процесса и в первую очередь – политический язык.

Россия первой половины XX века пережила цепь событий, приведших к глубокому расколу: революция 1905 года, незавершенные реформы, мировая война, падение монархии, хозяйственная разруха, развал государственности и распад страны, захват власти большевиками, Гражданская война, коллективизация, репрессии... Не много ли на долю одного народа?

Содрогалась страна, содрогался и язык. Мало того, слово стало не зеркалом, а властителем жизни. Слово вершило судьбы людей, то подымая человека (стахановец, ударник, передовик), то клеймя на всю жизнь (враг народа, вредитель, кулак, двурушник, троцкист и т.п.).

Оказавшись у власти, большевики все больше теряли общественную поддержку. Власть для них стала самоцелью. Достижения раздувались, недостатки и провалы скрывались. Соответственно вырабатывался «свой» политический язык. Остановимся на некоторых его характерных чертах.

1. Гиперболизация успехов. О достижениях трубили даже если их и близко не было. Типичным примером является статья И. Сталина «Год великого перелома», опубликованная в газете «Правда» 3 ноября 1929 г. Вся статья – образец демагогии. Написана она в типично сталинском стиле. За внешней стройностью и показным оптимизмом скрываются провалы и раздуваются «достижения». «...Мы имеем величайшее достижение на фронте труда в виде трудового энтузиазма и трудовой переклички миллионных масс рабочего класса во всех концах нашей необъятной страны». О конкретных результатах вождь умалчивает. В разделе «В области строительства и промышленности» Сталин осторожнее. Он говорит о трудностях в создании тяжелой промышленности, проблеме кадров, лягнув мимоходом «господ капиталистов», в кабалу к которым большевики не пошли.

Наиболее подробно Сталин описывает успехи сельского хозяйства (чем глубже провалы, тем ярче «успехи»). Тут и поворот к колхозам среднего крестьянства, и обещание в два-три года стать самой хлебной страной в мире. Если вспомнить, что вскоре Сталину придется искать виновников провалов («головокруже-

ние от успехов»), прибегать к использованию подразделений Красной Армии для подавления крестьянских восстаний, а позднее воспользоваться голодомором, то его демагогия становилась преступной.

2. Другим атрибутом тоталитарного языка является отпор «врагам». Если их нет, то они придумываются. В рассматриваемой статье это «группа Бухарина», «левые фразеры», «правые головотяпы», все темные силы от «кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов». Но этим вождь не удовлетворился. В заключение он заклеил противников социализма, устроивших «...злбный вой против большевизма, который подняли в последнее время цепные собаки капитала, всякие там Струве и Гессены, Милюковы и Керенские, Даны и Абрамовичи».

3. Обеднение языка. Это явление характерно для любого тоталитарного режима. Пример – гитлеровская Германия. В 30-е годы XX века там в ходу были лексически опустошенные выражения: всенародный праздник, народное единство, выходец из народа и т.д. Большинство мероприятий были «историческими» (съезд, собрание, речь и т.п.). Не правда ли, знакомые выражения?

Обедняли язык и «новшества» (примеры уже приводились) в виде политических и иных ярлыков, приклеиваемых к мнимым и реальным противникам. На этот счет Сталин даже давал специальные указания. Так, в телеграмме из Сочи от 23 июня 1932 г. на имя Л. М. Кагановича генсек потребовал в «Правде» «...обругать грубо и резко всех лакеев капитализма». И сатрапы старались. Доклад Кагановича на расширенном бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) «Задачи Северо-Кавказских большевиков в борьбе за хлеб и укрепление колхозов» от 23 ноября 1932 г. так и пестрит большевистскими ярлыками: классово-враждебные элементы, кулацкие элементы, мелкобуржуазные настроения, мелкобуржуазная распушенность, левацкие загибы, примиренчество, двурушничество и т.д.

4. Перегрузка языка «злой» терминологией. Эта особенность тесно связана с предыдущей, но мы сознательно ее выделили по причине ее живучести. Родившись в тоталитарное время, она дожила до наших дней (язык консервативен). Ушли ругательские

ярлыки, но осталась грубая лексика. Лингвисты тоже отмечают перегрузку языка «злой» терминологией.

Сталинская эпоха завершилась со смертью «корифея науки». Начался медленный процесс расставания с тоталитарным языком. Сегодня политики говорят на другом языке. Но проблемы есть. По-прежнему язык испытывает влияние бюрократизации (поставить во главу угла, развернуть мероприятие, идя навстречу знаменательному юбилею, поставить вопрос, поднять на должную высоту, провели большую работу и др.), блатной лексики (бабки, вкалывать, дешевка, закосить, кодло, линять, мандраж, мужик, пахан, погореть, сдать, срок, темнить, шпана и др.), импортных слов и выражений (брокер, баксы, дилер, маркетинг, консенсус, паритет, саммит, имидж, консалтинг, импичмент, дисконт и др.), лексически опустошенных фраз.

Освобождение от языкового тоталитаризма дело трудное и долгое. Важным событием на этом пути стало издание «Толкового словаря языка Совдепии» (Санкт-Петербург, 1998 г., тираж 10 000). В словаре описываются советизмы – слова, идиомы, поговорки, афоризмы, отражающие реалии и идеологемы советского времени. Нельзя не отметить и содержательную книгу Б. Сарнова «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма» (М., 2005).

Выход названных книг – дело хорошее, но явно недостаточное. Необходима систематическая работа в сфере культуры речи. Носителями образцового языка должны быть интеллигенция, политические и общественные деятели. Важным защитным средством остается художественная литература, в том числе русская XIX века.

Защищается и народ. В ответ на новояз, появляются анекдоты, остроумные выражения («Новый Арбат», – «вставная челюсть»). Борьба за язык – задача постоянная. Достойное место в этой борьбе должно принадлежать и историкам. В заключение позвольте привести текст стихотворения Ф. Ницше «Живое слово» (перевод Н. Голя):

Как я люблю живое слово!
Оно, как мир, старо и ново.
Оно встречает нас кивком,
Оно пронзает нас клинком

И, даже оступаясь в грязь,
Нас веселит, развеселяясь, —
Лишь становясь еще живей
В самой неловкости своей.
Оно, как человек, страдает,
Когда порой больным бывает.
Оно, испытывая страх,
Трепещет стоном на устах,
Когда слова мы губим сами,
Их подменяя словесами.
А мы их словоблудьем душим,
Мы мрак несем их светлым душам,
Забыв, что слово без души —
Лишь звук пустой в глухой тиши.
Когда грустим мы молчаливо —
Слова не слышимы, но живы,
А если ложь слетает с губ,
То фраза — склеп, и слово — труп!

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» 1937–1938 гг.: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Начавшееся на рубеже 1980-х – 1990-х годов изучение политических репрессий в СССР и их кульминации – «Большого террора», прежде всего на основе рассекреченных архивных документов, позволило более детально подойти к таким вопросам, как численность репрессированных в 1937–1938 годах, проведение массовых операций органами НКВД, суть и предназначение «Большого террора» и его периодизация. На сегодня среди тех, кто причисляет себя к исследователям политических репрессий, физически преобладают последователи американской школы советологов-«ревизионистов». С появлением «ревизионистской школы» в западной советологии ее приверженцы стали уделять основное внимание социально-историческому и социально-политическому контекстам террора, интерпретируя его как результирующую суммы конфликтов в традиционном обществе, каким они считали общество советское, когда руководство не в состоянии ни контролировать правящую бюрократию, тем более ее структуры на местах, ни эффективно регулировать и направлять развитие структур традиционного общества, занимающих место подножия или даже фундамента пирамиды исторически сложившихся социально-экономических и политических отношений. Суть их воззрений выразил Дж. А. Гетти, утверждающий, что сталинское государство порождено традиционным крестьянским обществом по своему образу и подобию. Он усматривает в Большом терроре вышедший из-под контроля (чьего? – А.С.) конфликт между бюрократическими структурами центра и периферии. Видный представитель «ревизионистской школы» в США Роберт Маннинг, например, связывает «Большой террор» 1937–1938 гг. с кризисом и застоем в ведущих отраслях промышленности, с общим снижением темпов роста в экономике СССР, с расширением отраслей военной промышленности¹.

Исторически первыми проблематику «Большого террора» стали осваивать те исследователи, которые рассматривали сталинизм и советское общество 30–50-х годов XX века как тоталитар-

ное. Автор данной работы в основном разделяет выводы «тоталитаристов», а главное, совсем не разделяет выводы и версии «Большого террора», изложенные в работах сторонников «реви-зионистской школы».

Патриарх советологии Леонард Шапиро отмечал, что главной целью Сталина было «полное обновление партии» путем истребления тех, кто сделал революцию и выиграл гражданскую войну, а также осуществил сталинскую «революцию сверху», заменив ветеранов на «новых людей, обязанных ему всем». Л. Шапиро выделил три главных результата «Большого террора»: 1) «Профилактический – устранение всех потенциальных соперников или оппонентов Сталина»; 2) «Созидательный – пополнение элиты страны людьми, всем обязанными Сталину, знавшими, что их жизнь и карьера зависят от беспрекословного повиновения его воле»; 3) «Возможно, самый главный результат» – «в рядах партии и за ее пределами террор разбил успешно и надолго любую возможность общественной консолидации, солидарности или какого-либо объединения... «Атомизация» общества, в которой иногда усматривается сущность тоталитаризма, как раз и была завершена в годы [Большого] террора»².

Сходное мнение о «Большом терроре» как о тщательно подготовленном и осуществленном проекте упрочения личной диктатуры Сталина на большом фактическом материале обосновывал видный историк Роберт Конквест³. Другой видный советолог, начинавший как талантливый политолог, а затем ставший крупным вашингтонским чиновником и политиком-русофобом – Збигнев Бжезинский, сформулировал как бы «носившийся в воздухе» тезис о перманентных чистках как двигателе – в отсутствие внутренних источников развития сталинской модели социализма – любого тоталитарного строя, особенно в период его становления⁴. Забегая вперед, отметим, что сходное мнение высказывал известный правозащитник брежневских времен Валерий Чалидзе, подчеркивавший, что для проведения широких чисток внутри правящей номенклатуры Сталину (впрочем, как и любому другому диктатору аналогичного типа) был необходим очень густой кровавый фон непрерывных массовых репрессий против реальных и потенциальных противников тоталитарного строя⁵. Верно и обратное, что «именно на фоне разоблачения руководителей

высокого ранга как «врагов, шпионов, заговорщиков и вредителей» и проведения показательных процессов против них с шумихой и истерией стала возможной организация массовых арестов среди населения...»⁶

Наиболее последовательным и ярким сторонником «тоталитарной» школы среди российских исследователей эпохи сталинизма является бывший ведущий научный сотрудник СО РАН д.и.н. Павлова И. В. «Строительство социализма, – доказывает И. В. Павлова, – он (Сталин) представлял как военную операцию, необходимость которой обосновывал прежде всего существованием внешней угрозы, внешнего заговора против советской России» (добавим – и постоянных внутренних заговоров. – А.С.). Для сталинщины понятия «строительство социализма» и «репрессии» оказывались органически связанными. Действие посредством репрессий было наиболее быстрым, дешевым и эффективным для такого типа власти, как сталинизм, средством преобразования экономики и общества. Репрессии служили и основным способом мобилизации общества, его дисциплинирования, и основным стимулом к труду для подавляющей части населения. Используя в полной мере такой рычаг давления на общество, как репрессии, власть всякий раз, говоря словами Сталина, «подхлестывала страну». «Логическим завершением операции по построению социализма в СССР стал «Большой террор», или так называемая «Великая чистка» партии, армии, интеллигенции и народа. В этой операции репрессии стали не способом действия власти, а сутью всего мероприятия». «...«Большой террор» для Сталина был способом подготовки к войне: он одновременно и уничтожал остатки революционеров из «ленинской гвардии» в своей партии, и сдавал «козлов отпущения» строительства социализма, и «зачищал» население страны...» «Зачистка» населения страны от всех сколько-нибудь потенциально активных и мыслящих людей, которые могли бы представлять опасность для правящего режима, была не импровизацией, а спланированной акцией». Большой террор, заключает И. В. Павлова, являлся «не только многофункциональной акцией, но и суперчрезвычайным механизмом сталинского властвования»⁷.

По последнему вопросу на сегодня зафиксированы две основные позиции: «Большой террор» начался летом 1937 года и в

своем развитии прошел два этапа. Сторонники иной версии считают, что «Большой террор» прошел три этапа: 1-й – лето 1936 г. – лето 1937 г.; 2-й – июль 1937 г. – январь 1938 г.; 3-й – с января по ноябрь 1938 г., когда массовые операции НКВД были запрещены постановлением ЦК ВКП(б) и политические репрессии вновь вошли в свое «естественное» русло⁸. Слабым местом обеих версий является, как не покажется странным на первый взгляд, плохая изученность репрессий против партийно-хозяйственного актива и руководящих партийно-советских кадров в 1936–1938 годах. Даже после выхода чрезвычайно богатой фактами монографии В. Хаустова и Л. Самуэльсона вопрос остается пока открытым⁹.

Оригинальную версию периодизации «Большого террора» предложили одни из его ведущих исследователей – Н. Охотин и А. Рогинский. Исходя из документально подтвержденной посылки о «Великой чистке» 1937–1938 гг. как о тщательно спланированной и подготовленной аппаратной акции, целенаправленно, жестко и последовательно осуществленной в государственном масштабе, они выделяют в этой операции четыре основных функциональных этапа (периода), начиная не с лета 1936 г., времени подготовки и проведения первого открытого судебного процесса над представителями «старой» большевистской гвардии (дела Г. Зиновьева, Л. Каменева и др.), а с октября 1936 г., когда было обновлено руководство НКВД, а политбюро впервые санкционировало осуждение 585 человек через Военную коллегию Верховного суда СССР, создав прецедент списочных осуждений, и заканчивая 1939 годом: 1-й (октябрь 1936 г. – февраль 1937 г.) – вхождение в «Большой террор»: перестройка карательных органов, установка на чистку партийной, военной и административной элиты от потенциально оппозиционных элементов в условиях угрозы «империалистической агрессии», создание прецедента осуждения по спискам; 2-й (март–июнь 1937 г.) – разгон репрессивного механизма и его пропагандистского обеспечения: декретирование тотальной борьбы с «двурушниками» и «агентами иностранных разведок», продолжение чистки элиты, планирование и разработка массовых репрессивных операций против социальной базы «союзников» потенциальных агрессоров – кулаков, «бывших людей», представителей национальных диаспор и т.п.; 3-й (июль 1937 г. – октябрь 1938 г.) – работа репрессивного ме-

ханизма на полную мощность (по синусоиде, вершина которой приходится на сентябрь 1937 г. – март 1938 г.): декретирование и реализация массовых репрессивных операций – «кулацкой», «национальных», против ЧСИР; интенсификация борьбы с «военно-фашистским заговором» в РККА, с «вредительством» в сельском хозяйстве и др. отраслях; 4-й (ноябрь 1938 г. – 1939 г.) – выход сталинской системы из стресса «Великой чистки», режима кризисного управления и управления кризисом с переналадкой политико-репрессивного механизма на работу в «спокойном» и относительно «бескровном» режиме, упорядочение репрессий, так называемая «бериевская оттепель»: прекращение массовых операций, упразднение большинства чрезвычайных механизмов внесудебной расправы (троек и двоек), частичное освобождение (около 110 тысяч) арестованных, ротация и уничтожение «ежовских» кадров НКВД, консолидация и иерархическое упорядочение политической элиты СССР с помощью традиционных механизмов – региональных партконференций и 18-го съезда ВКП(б)¹⁰.

Данная концепция выдвинута Н. Охотиным и А. Рогинским в виде тезисов и не подкреплена пока ими соответствующей фактологической базой (статистикой арестов в целом и по отдельным категориям репрессированных, данными исследований о «слитности-раздельности» проводимых под руководством политбюро основных репрессивных акций НКВД, прежде всего массовых операций, и т.д.).

Проведенные историками исследования позволяют определить основные социальные слои и группы населения, в наибольшей степени подвергшиеся особенно жесткому преследованию в ходе массовых операций в годы «Большого террора» в масштабах страны в целом, в том числе – в сравнении с их долей в населении страны и каждого конкретного региона. Другим направлением исследования является анализ основных целевых групп «кулацкой» операции: имели ли они в разное время разный состав, насколько увеличивался в ходе операции охватываемый ею круг лиц, и, наконец, проводились ли репрессии прежде всего на основании объективно вменяемых (императивно заданных) властью признаков, независимо от индивидуальных поступков или намерений (корыстного умысла) жертв.

Поскольку решением политбюро ЦК ВКП(б) руководство и исполнение операции было передано провинциальным учреждениям НКВД, выносимые *тройками* приговоры не требовали утверждения московским центром. При сплошном просмотре протоколов *тройки* НКВД ТАССР выясняется, что формулировки обвинения были довольно типичными, среди квалифицирующих признаков были значимы прошлые аресты, судимости, ссылки (неважно – реальные или выдуманные), а квалифицирующая статья обвинения в подавляющем случае была одна та же – 58-10, хотя многие из репрессированных обвинялись во вредительстве и даже терроре актива. Согласно нашим наблюдениям, лишь малое количество арестов было абсолютно произвольным с позиции заданных целей и задач операции, поскольку на различных «этажах власти» органов НКВД при трансформации списков на аресты райотделений и горотделов НКВД в списки на аресты опергрупп, а затем – в списки осужденных *тройкой* НКВД ТАССР, происходил целенаправленный отбор, в результате которого в редких случаях было возможно даже освобождение арестованного, другие передавались в судебные органы, также работавшие на полную мощь.

Выдвинутые в свое время Дж. А. Гетти тезисы о «слепом терроре» и об «эскалации и хаосе» (если под хаосом надлежит рассматривать собственно репрессии, а не многообразные последствия «Большого террора» практически во всех сферах жизни страны) не подтверждаются фактическими материалами, полученными нами в ходе изучения «кулацкой» массовой операции в Татарии. Жертвы этой репрессивной акции не были безликой массой – в большинстве своем они выбирались по вполне определенным социальным и политическим критериям, заданным изначально. Приводимый в наших работах материал о массовых репрессиях в ТАССР опровергает предложенную Дж. А. Гетти характеристику террора 1937–1938 годов как последовательности «слепых» и «произвольных» репрессий и нагромождения «случайных ликвидаций в целях выполнения разнарядки»¹¹. В гораздо большей степени, чем индивидуальная вина, решающими для ареста были такие факторы (точнее – данные, зафиксированные в официальных документах, в том числе в агентурных донесениях, доносах и показаниях «штатных свидетелей»), как классовая

принадлежность, политическое и социальное прошлое либо происхождение¹² и, что касается уголовных преступников и маргинализированных групп населения, рецидивизм, связи с преступной средой, отсутствие определенных занятий и определенного места жительства. Факты подтверждают, что многие жертвы «кулацкой» операции в 1937–1938 годах не в первый раз попали под прицел госбезопасности и подчиненной ей милиции, а давно состояли на учете: в 1937–1938 гг. органами НКВД производились аресты лиц, служивших в годы Гражданской войны в белой гвардии; участвовавших в 1918–1922 гг. в крестьянских восстаниях; протестовавших позднее против коллективизации и раскулачивания; весьма целенаправленно преследовались священнослужители и бывшие члены политических партий (социалисты-революционеры и меньшевики); среди уголовников осуждались в первую очередь бандиты и рецидивисты; из маргинализированных групп населения – прежде всего безработные и бездомные или лица, жившие за счет случайных заработков, либо произвольно причисленные к учетному контингенту органами власти¹³. Согласно данным отчета НКВД ТАССР в Москву, 62,2% осужденных *тройкой* НКВД Татарской АССР лиц в прошлом имели судимость или административную ссылку на спецпоселение, а еще 7,7% избежали готовившегося для них наказания, совершив побег¹⁴, но остались на учете в ОГПУ-НКВД. Все это служит признаком того, что, вопреки утверждениям Гетти, приказ № 00447 применялся очень целенаправленно.

Только в рамках жестко и централизованно организованного политико-административного репрессивного механизма, действующего в соответствии с директивами вышестоящих инстанций, можно было почти безопасно для партийной верхушки («узкого руководства») проводить не только массовую чистку широких слоев населения, но и чистку самого партийно-советского аппарата и его средних и высших слоев, ликвидацию неугодных «старых» вождей и большевиков «ленинского призыва» и выдвижение новых, удачно проявивших себя в ходе «Большого террора».

Первый и естественный вопрос при определении состава репрессированных в 1937–1938 гг. – против кого был направлен «Большой террор»? Понятно, что он не сводим к вопросу о целях и задачах Великой сталинской чистки на исходе второго десяти-

летия захвата власти в России партией большевиков. Цели и задачи «Большого террора», в свою очередь, не могут быть раскрыты только на таком специфическом материале, как статистика жертв репрессий, сколь бы полной она ни была. Тем не менее без выяснения этого вопроса мы не сможем приблизиться к решению проблемы в целом.

Долгое время принято было считать, что главный удар в тот период сталинское руководство наносило по руководящим партийным, советским, хозяйственным и военным кадрам. Действительно, в годы Большого террора, по имеющимся подсчетам, пострадал каждый девятый коммунист Союза ССР. Как видим, доля репрессированных среди коммунистов была выше, чем доля репрессированных среди беспартийных. Но те же подсчеты показывают, что из учтенных на момент подсчета 1 372 392 пострадавших в 1937–1938 гг. по политическим мотивам в ВКП(б) состояли лишь 116 885 человек (55 428 в 1937 г. и 61 457 человек – 1938 г.), или 8,5%¹⁵.

В посвященных сталинскому террору публикациях неоднократно приводились и цифры, характеризующие репрессии среди высшего и среднего звена партийно-советского и хозяйственного руководства, офицерского состава армии и НКВД. За два года «Большого террора» было уничтожено 70% состава ЦК ВКП(б) и 56% делегатов 17-го партсъезда, 87% высшего командно-политического состава РККА (720 человек из 827), практически все «ягодинское» руководство НКВД, почти половина командного и начальствующего состава армии от командира полка и бригады и выше¹⁶.

Кем же были остальные пострадавшие, и зачем Сталину и его окружению понадобилось на одного партийца репрессировать девять беспартийных? В 1937–1938 годах было репрессировано около 2% самодеятельного населения страны около 1,6–1,7 млн. из 77,9 млн. человек (по переписи 1937 г.), или 1,5% взрослого населения страны. Даже если взять цифру, предложенную Н. Земсковым и его американскими коллегами, – около 2,5 млн. репрессированных или 2,5% взрослого населения страны (3,2% самодеятельного населения СССР), или еще большую цифру, предложенную Н. Охотиным и А. Рогинским, – 1710 тыс. арестованных, 1440 тыс. осужденных по де-

лам ГУГБ НКВД СССР (в т.ч. 725 тыс. – к расстрелу), еще свыше 2 млн. осужденных судами общей юрисдикции, из них не менее 800 тысяч отправленных в лагеря¹⁷, – это не изменит общей картины.

Параллельно с уничтожением кулаков, уголовников и прочих контрреволюционных, социально-опасных и социально-вредных элементов (КРЭ, СОЭ, СВЭ) с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. НКВД СССР проводились одна за другой массовые операции по «изъятию» так называемых национальных контингентов «врагов народа». В их состав включались выходцы с территорий тогдашних соседей СССР, хотя бы и родившиеся в Российской империи, если указанные территории вошли в состав новообразованных государств: Польши (включая Западную Украину и Западную Белоруссию), прибалтийских государств, в общем – из всех пограничных с СССР государств, от Финляндии на севере до Греции на юго-западе и до Китая и Японии на востоке. К ним были приравнены так называемые харбинцы – сотрудники КВЖД и члены их семей, переехавшие в СССР после ее продажи в 1934 году.

Обычно массовые операции против «враждебных национальностей» рассматривают только в плане борьбы сталинского руководства с потенциальной «пятой колонной» в условиях растущей угрозы войны. Нам представляется такой подход сильно зауженным. Эти операции преследовали и другую, не менее важную, задачу в контексте Великой чистки. Если операция по приказу № 00447 была направлена прежде всего против старой российской деревни, особенно на первых этапах ее осуществления, то «национальные» операции должны были охватить прежде всего города и новостройки. Основными мишенями этих операций становились широкие слои рабочих и служащих, представители практически всех городских – традиционных и новых промышленных социально-профессиональных групп населения: от счетовода до инженера, от современного квалифицированного промышленного рабочего до портного и сапожника. Этим и обеспечивалась хорошо просматриваемая на конкретном документальном материале относительная равномерность при проведении репрессий в городе и деревне и в целом по стране. Согласно имеющимся подсчетам, по всем «национальным» операциям с 25 августа

1937 г. и до 15 ноября 1938 г. «двойкой» (Комиссией наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР в составе Ежова и Вышинского или их заместителей) и сформированными осенью 1938 г. по приказу НКВД СССР № 00606 *Особыми тройками* НКВД было осуждено 335 513 человек, из них 247 157 человек были приговорены к расстрелу¹⁸.

Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день подсчетам, в результате указанных массовых операций НКВД СССР, проведение которых инициировалось или санкционировалось политбюро ЦК ВКП(б), в СССР было осуждено свыше 1,1 млн. человек, т.е. более 2/3 репрессированных в 1937–1938 годах.

Ряд исследователей связывает «Большой террор» с желанием сталинского руководства ликвидировать «пятую колонну» внутри страны в условиях надвигавшейся войны. А также с возобладанием «идеи национальной государственности» над прежним интернационализмом. Последним мотивом, в частности, объясняется направленность «национальных» операций НКВД 1937–1938 гг. «против всех, кто прямо или косвенно [был] связан с государствами “враждебного окружения”»¹⁹.

Не отвергая версии о том, что Большой террор 1937–1938 гг. решал задачу ликвидации потенциальной «пятой колонны» в условиях растущей военной опасности, мы придерживаемся мнения, что основной (и традиционной) целью нового масштабного всплеска политического террора было уничтожение остатков не-социалистических классов, социальных слоев и групп населения. Об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении факты, в частности, представленные в настоящем исследовании. Если предположить, что главной задачей «Большого террора» была лишь ликвидация «пятой колонны» в преддверии надвигавшейся войны, почему репрессиям подверглись не все состоявшие на учете НКВД «неблагонадежные элементы»? Почему разнарядки на аресты, исходившие из Центра, не выходили за рамки 1–2–3% нормы?

И чем была продиктована эта норма, само ее существование? Почему правящему режиму потребовалась равномерность в проведении репрессий, не привязывая их исключительно к одному-двум классовым врагам или местностям типа «казачьей Вандеи»? Не потому ли, что репрессии перманентные, профилакти-

ческие и массовые чистки – мероприятия разные? Что «выявление» неблагонадежных элементов и проведение массовых репрессий суть разные политические и оперативно-технические мероприятия, прямо не состыкованные – ни функционально, ни политически, ни предметно (объектно). Массовые репрессии регулировались по глубине и размаху (числу арестованных, осужденных, расстрелянных), по объекту главного удара и другим параметрам в соответствии с теми задачами, которые высшее партийное руководство в тот момент перед собой ставило, – в целях обеспечения самосохранения и преемственности власти на базе и в рамках осуществлявшейся социалистической реконструкции.

Террор выступал главным инструментом строительства нового общества и нового человека. Старое общество должно было быть не просто побеждено, но и полностью уничтожено – вплоть до последних «родимых пятен». Не отвергая вышеуказанные немаловажные причины проведения репрессий 1937–1938 гг., объяснение им, на наш взгляд, следует искать в самой природе тоталитарного строя, формирующегося методами перманентного террора (революция должна быть непрерывной!) и время от времени требующего проведения генеральных чисток. Такие чистки должны были быть направлены не только против представителей «отживших» классов и социальных групп, бывших политических противников, но и (по разнарядке) против самих строителей нового общества, чтобы те лучше работали и ретиво исполняли указания начальства и за страх, и за совесть, в общем и целом – против «подозрительных и потенциально подозрительных»²⁰.

Особенность «Большого террора» в том, что Сталин сумел совместить политическую чистку в рядах руководства правящей номенклатуры, чистку рядового состава партии и чистку социальную – против «родимых пятен» старого общества, а также тех элементов нового советского общества, которые, по мнению тогдашнего руководства СССР, нарушали его гомогенность²¹.

Но универсальный подход к отбраковке «неблагонадежных элементов» методом массовых чисток требовал и универсальных критериев. Такие критерии могли быть только формальными, по-

строенными на анкетных данных и на данных формуляров агентурных разработок ОГПУ-НКВД. Иначе нельзя было бы контролировать поведение репрессивных органов, предупреждать их потенциальный выход из-под контроля, проводить чистку самих «органов». Репрессии по чисто формальным признакам (социальное происхождение и/или положение, национальность, место рождения, место службы, формальная (т.е. официально зафиксированная) позиция по тому или иному вопросу текущей политики, «связь» с границей и т.д. и т.п.) придавали этим репрессиям необыкновенную эффективность.

А также – непредсказуемость, поскольку почти невозможно было предугадать, кто станет объектом следующего тура массовых репрессий. Чего, собственно, власть и добивалась. Вдобавок, поскольку террор играл и «профилактирующую» роль, какую-то часть людей арестовывали просто для острастки, чтобы и выпущенные на волю («условно освобожденные», по меткому выражению А. Солженицына), и те, кому посчастливилось не попасть в лапы «органов», вели себя предельно послушно и выполняли любое пожелание начальства.

Поэтому правильнее, на наш взгляд, определить «Большой террор» 1937–1938 годов как политические децимации, осуществленные в государстве-казарме, где «весь народ – солдаты», формировавшегося демиургом советского общества – руководством партии большевиков по критериям и принципам единого военного лагеря (В. И. Ленин), проведенные по заранее намеченному плану с заранее определенным количеством (или долей) отстрела представителей всех социально-профессиональных категорий и групп населения, страт, слоев и кланов партгосаппарата и армии. Естественно, для каждого слоя они были разными.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты, на наш взгляд, однозначно свидетельствуют о том, что операция по приказу № 00447, начавшись с концентрированного удара по прежде уже не раз репрессировавшимся и давно стоявшим на учете «кулакам» и другим «КРЭ», по мере своего развертывания все больше приобретала характер всеобщей социальной и политической чистки. Тем не менее она оставалась вполне регулируемым и управляемым из всесоюзного центра и центров региональной власти мероприятием, в рамках которого в целом удавалось

удерживать произвол властей на местах. Все существенные изменения по количеству и составу репрессируемых людей в обязательном порядке должны были получать санкцию Центра. Виновных в отступлении от заданных правил игры жестоко наказывали.

Данная акция, хорошо продуманная, в общем и целом четко спланированная и проведенная, не была чем-то новым для Советской власти. Исследования последних лет показывают, что имеется база для сравнительно-исторических исследований таких специфических акций репрессивной политики большевистского режима, какими являлись сопровождавшие политкампании массовые операции. Даже если не брать во внимание опыт репрессий в годы Гражданской войны, имеется достаточно свидетельств, что и в мирное время власти Советской России – СССР постоянно проводили массовые репрессивные акции, отрабатывали те их элементы, которые станут специфическими признаками массовых операций эпохи «Большого террора». Сравнительное изучение их – задача дальнейших исследований.

Примечания

¹ Трагедия советской деревни. Т. 4. М., 2002. С. 8.

² Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1900. С. 600–602.

³ Конквест Р. Большой террор. Т. 1–2. Рига, 1990.

⁴ Brzezinski Zb. K. The permanent purge: Politics in Soviet totalitarianism. Cambridge, 1956; Бжезинский Збигнев. Перманентная чистка. Политика советского тоталитаризма // США-ЭПИ, 1990. № 7, 8.

⁵ Чалидзе В. Победитель коммунизма: мысли о Сталине, социализме и России. Нью-Йорк, 1981. С. 34–41.

⁶ Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 119.

⁷ Павлова И.В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 125, 127, 308, 249; Она же. Механизм власти и строительство сталинского социализма: автореф. дисс... д.и.н. Новосибирск, 2002. С. 40, 52.

⁸ Первую версию отстаивают Н. Петров, М. Янсен, М. Юнге, Р. Биннер и другие. См.: Петров Н.В., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008; Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. Вторая версия восходит к Р. Конквесту; ее поддерживают также А.Ю. Ватлин, Г.И. Чернявский и др.

⁹ Хаустов В.Н., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009.

¹⁰ Газета «30 октября». 2007. Спецвыпуск № 74. Подчеркнутые в тексте слова принадлежат Степанову А.Ф.

¹¹ Getty J.A. «Excesses are not permitted»: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s // *Russian Review*. 2002. Vol. 61. № 1. P. 135 и др. В данном случае Гетти сам себе противоречит: если были разнарядки («лимиты»), выбитые у Центра периферийной партноменклатурой, то почему операция носила характер «слепых» и «произвольных» репрессий и нагромождением «случайных ликвидаций» целых групп населения?!

¹² Социальное происхождение, в том числе кровнородственное («сын кулака»), всегда указывалось в обвинительных заключениях и приговорах тройки и, насколько мы можем судить, было особо значимым для обоснования выносимого жертве приговора.

¹³ Анализ протоколов тройки НКВД ТАССР показывает, что, например, квалификации «без определенных занятий» и «без определенного места жительства» (аббревиатуры: БОЗ и БОМЖ) были одними из ключевых признаков для выбора жертвы репрессии, а в ряде случаев достаточным основанием для вынесения приговора тройкой.

¹⁴ См.: Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Из истории полит. репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань, 1999. С. 94–95; Он же. Проведение «кулацкой» операции в Татарии // Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «Большим». М., 2003. С. 292.

¹⁵ Правда. 1991. 13 апреля; Источник. 1995. № 1. С. 120.

¹⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 137; Вопросы истории КПСС. 1991. № 6. С.8; Военно-исторический журнал. 1990. № 2. С. 21–24; 1993. № 1. С. 56.

¹⁷ Газета «30 октября». 2007. № 74. Спецвыпуск.

¹⁸ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С.33. Подсчет Н. Петрова и А. Рогинского.

¹⁹ Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 32.

²⁰ Выражение Николая Бухарина // Родина. 1993. № 2. С. 52.

²¹ Как отмечают ведущие российские исследователи «Большого террора», существовала своя иерархия не только в подсудности советских граждан разного ранга и положения, но и в мере наказания, выносимой в годы «Большого террора» соответствующим карательным органом. Так, доля приговоренных к расстрелу составила 85% от осужденных Военной коллегией Верховного суда СССР, 73,7% от общего числа осужденных «националов» и 49,3% среди осужденных тройками НКВД по приказу № 00447, а спецколлегии судов приговорили к расстрелу лишь около 3,5% от общего числа осужденных (подсчеты Н. Охотина и А. Рогинского). См.: Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М., 1999, С. 60. Чем выше было должностное положение человека, тем суровее могло быть наказание при общей меньшей численности социальной страты, к которой он принадлежал, и, наоборот, чем ниже был социальный статус жертвы и, одновременно, многочисленнее репрессируемая масса, тем больший упор в карательной политике делался на заключение в ГУЛАГ.

СОВРЕМЕННАЯ УКРАИНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ 20–50-х ГОДОВ XX ВЕКА

Тяжелым наследием советского прошлого являются массовые политические репрессии, совершенные сталинским режимом и его последователями в Украине.

Провозглашение независимости украинского государства дало возможность раскрыть одно из многочисленных белых пятен истории – политический террор.

Украина, как и другие бывшие советские республики, пережила репрессии 20-х – начала 50-х годов XX века, унесшие сотни тысяч жизней граждан, проживавших на ее территории.

Открытие архивов бывшего КГБ, как в Киеве, так и областных центрах Украины, дало возможность исследователям беспрепятственно освещать поднятую проблему.

Историография массовых политических репрессий в Украине прошла несколько этапов. Но автор остановится лишь на исследованиях, вышедших с 90-х годов XX столетия, до 2009 года.

Появлению солидных монографических трудов в Украине предшествовали многочисленные журнальные и газетные статьи, посвященные отдельным вопросам преступной политики сталинизма и трагичной судьбе жертв репрессий¹.

Первая монография, посвященная непосредственно теме массового террора в Украине, принадлежит доктору исторических наук Ю. Шаповалу². Опираясь в основном на материалы, документы архива ЦК КП(б)У и прессу, автор дал общую картину осуществления политики сталинизма в УССР, показал, как отобразились трагические события 30-х – начала 50-х годов на социально-экономическом, духовном и политическом развитии Украины. Ученый дал конкретный ответ на вопрос, кто непосредственно несет ответственность в республике за политику террора. Раскрыл вопрос, как велась непрерывная «работа» по удушению нарастающего национального сознания украинского народа, под видом преодоления различных проявлений «национал-уклончества» и буржуазного национализма. Дальнейшие труды историка рас-

крывают всестороннюю и объемную картину жестоких сталинских преступлений в СССР³.

Ю. Шаповал особенно сосредоточил внимание на том, как органы ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ фабриковали дела о несуществующих преступлениях, вредительстве, шпионаже, убедительно показав, что насаждение шпиономании стало одним из средств обеспечения «морально-политического единства» советского народа⁴.

Серьезной работой в исследовании данной проблемы стала книга В. Даниленко, Г. Касьянова и С. Кульчицкого⁵. В ней тема сталинизма раскрыта более обширно. Авторы исследуют, как в процессе утверждения командной экономики осуществлялась сталинская линия автономизации Украины, освещают борьбу советского руководства против созданных официальной пропагандой национализма и национал-уклончества, раскрывают постепенное свертывание «украинизации», освещают расширение массового террора против интеллигенции.

Актуальным проблемам сталинского периода истории посвящена книга Г. Касьянова и В. Даниленко⁶, освещающая террор против интеллигенции Украины в 1920–1930-е годы. Авторы основное внимание обратили на взаимоотношения интеллигенции и командно-административной системы, проанализировали последствия сталинской политики относительно квалифицированных специалистов. Также ученые возвратили немало забытых имен деятелей науки и культуры Украины. Позже, в 1992 году, вышла монография Г. Касьянова⁷, посвященная трагической судьбе украинской интеллигенции.

Глубокому анализу массовых репрессий в СССР посвящена книга «Жертвы репрессий»⁸. Она раскрыла три основных типа предпосылок, которые сопутствовали террору: политические, правовые, организационные. Авторы книги показали наиболее трагические для украинского народа моменты истории.

Труд И. Биласа⁹ раскрывает функционирование массивного репрессивно-карательного аппарата в Украине. Историк исследует процесс его создания в тесной связи с формированием тоталитарной системы СССР.

Значительный интерес представляют многочисленные публикации С. В. Кульчицкого¹⁰. Автор на основе закрытых фондов архивов соприкасается с различными аспектами данной пробле-

мы. Рассматривая проблемы концептуальных основ НЭПа, историк утверждает, что сталинское руководство, стремясь к усилению экономической и политической диктатуры партии, стало на путь разрушения этой политики. Таким образом, партия постепенно превратилась в носителя установленной в советской республике диктатуры. От ее имени диктатуру осуществлял ЦК РКП(б). Но диктатура, как правило, требует индивидуального носителя – диктатора, которым стал Сталин.

Эта проблема нашла свое отражение в трудах О. Рублева и Ю. Черченко¹¹.

В книге исследователя П.Г. Вакалюка¹² детально раскрыты массовые политические репрессии против работников лесного хозяйства в 30-е годы прошлого века.

Первым попытку точно воссоздать хронологию и размах принудительного переселения советских граждан осуществил И. Винниченко¹³.

Позже, в 1994 году, в Украине появляются первые солидные публикации о советском терроре в регионах, в частности, Винницкой¹⁴ и Николаевской¹⁵ областях.

Раскрытию зарубежными средствами массовой информации политических репрессий в республике посвящена монография М.Г. Житарюка¹⁶.

В 1998 году по инициативе Демократической партии Украины издана «Чорна книга України»¹⁷. Но научная и историческая ценность ее снижается тем, что в большинстве научных документов отсутствуют архивные ссылки, также большинство их просто переписаны из других изданий.

Существенным вкладом в разработку исследуемой проблемы стала публикация фундаментальной книги «Репресоване краєзнавство»¹⁸. К ее подготовке привлекались ученые Института истории Украины Национальной Академии Наук Украины, преподаватели высших учебных заведений, архивные и музейные работники. На страницах книги опубликованы солидные труды о многих известных деятелях науки и культуры, которые стали жертвами репрессий.

В 1999 году серьезное исследование, посвященное массовому террору, опубликовал старший научный сотрудник Института

истории Украины Национальной Академии Наук Украины С. И. Билокин¹⁹.

Историк Н. Шитюк издал первое обобщающее исследование массовых политических репрессий, направленных против населения юго-западного региона УССР в период сталинизма. На основании преимущественно архивных источников автор исследует причины, механизм и последствия антинародной политики Сталина в то время, когда массовый террор являлся одним из главных методов государственного управления²⁰.

В монографиях В. Ченцов²¹ раскрывает трагические судьбы немецкого населения в 20–30-е годы, политические репрессии в советской Украине 20-х годов.

В XXI веке в Украине вышел ряд солидных публикаций, посвященных эпохе тоталитаризма. В монографии В. Никольского²² анализируется деятельность органов государственной безопасности СССР в Украине в 1920–1930-е годы, определяются основные направления репрессивной деятельности органов государственной безопасности, их реальная антинародная направленность, социальные и национальные аспекты террора.

Монографию, посвященную крестьянству в период становления тоталитарного режима, опубликовала О. Ганжа²³. Репрессированным педагогам посвящена публикация В. Марочко и Г. Хиллига²⁴.

В 2002 году Институтом истории Украины Национальной Академии Наук Украины опубликован фундаментальный труд «Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX століття»²⁵. Также с интересными научными публикациями монографического направления выступили М. Безотосный²⁶, И. Белебежа²⁷, О. Бут²⁸ и Г. Бурнашов²⁹.

С 1993 года в Украине выходит солидное многотомное издание «Реабилитированные историей». На сегодняшний день опубликованы десятки областных томов, непосредственно посвященных массовым репрессиям в 20–50-е годы.

Значительным вкладом XX столетия в объективное и глубокое изучение данной проблемы стал выход в 1994 году научно-публицистического журнала «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ». Идея его издания связана с реализацией государственной программы по подготовке научно-документальной серии книг «Реабилитированные историей». Кроме того, рес-

публиканским «Мемориалом» издается журнал «Зона», где публикуются очерки о репрессированных, воспоминания узников ГУЛАГа и т.д.

В первые годы независимости Украины появились первые воспоминания репрессированных в период функционирования тоталитарного режима. В мемуарах Л. Б. Акиниковой³⁰, С. М. Абдула³¹, М. М. Андрусика³², Б. Д. Буяльского и О. М. Грищука³³, О. И. Воловича³⁴, В. М. Гридина³⁵, И. М. Дузя³⁶, А. Княжинского³⁷, И. Кривуцкого³⁸, М. П. Кудели³⁹, С. А. Кудина⁴⁰ повествуется о нечеловеческих условиях пребывания в лагерях системы ГУЛАГ.

В это время появились первые коллективные сборники воспоминаний тех, кто прошел ГУЛАГ.

На сегодняшний день в Украине защищено около 50 диссертаций ученой степени кандидата, доктора исторических и политических наук, рассматривающих различные аспекты функционирования тоталитарной системы в СССР.

Работа по изучению архивных данных в Украине продолжается для полного анализа проблемы массовых сталинских репрессий.

Примечания

¹ Усенко Г. Позасудова репресія, як це починалось / Усенко Г. // Комуніст України. – 1990. – № 2; Бажан О. Війна проти власного народу / Бажан О., Войнолович В. // Літературна Україна. – 1993. – 29 липня; Безотосний М. Опір сталінізму в Україні (1920–1950) / Безотосний М. // Український історичний журнал. – 1993. – № 2; Панчук М. Під пресом тоталітарного режиму / Панчук М. Польовий Л. // Політика і час. – 1992. – № 9; Чистки націоналістів у школах // Кур'єр Кривбасу. – 1996. – № 45/46; Церковна контрреволюція: вигадка ДПУ-НКВС // Київська старовина. – 1992. – № 6; Гусев В. Процес 24, або як радянська влада приборкувала харківську інтелігенцію / Гусев В., Верба І. // Політологічний часопис. – 1998. – № 1; и др.

² Шаповал Ю. І. У ті трагічні роки / Шаповал Ю. І. – К.: Політвидав, 1995. – 142 с.

³ Шаповал Ю. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії / Юрій Шаповал. – К.: Наукова думка, 1993. – 350 с.; его же: Україна ХХ століття: особи та події в контексті важливої історії / Юрій Шаповал. – К.: Наукова думка, 2001. – 560 с.

⁴ Шаповал Ю. Людина і система. Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні / Юрій Шаповал. – К.: Інститут національних відносин і політології НАН України, 1994. – 270 с.; Шаповал Ю. І. «Справа спілки визволення України» / Шаповал Ю. І. Пристайко В. І. – К.: Інтел, 1995. – 448 с.

⁵ Даниленко В.М. Сталінізм на Україні: 20–30-ті роки / Даниленко В.М., Касьянов Г.В., Кульчицький С.В. – К.: Наукова думка, 1991. – 344 с.

-
- ⁶ Касьянов Г.В. Сталинизм и украинская интеллигенция / Касьянов Г.В., Даниленко В.М. – К.: Наукова думка, 1991. – 96 с.
- ⁷ Касьянов Г.В. Українська інтелігенція 1920–1930 років. Соціальний портрет та історична доля / Касьянов Г.В. – К.: Глобус, 1992. – 176 с.
- ⁸ Жертви репресій. – К.: Юрінформ, 1993. – 296 с.
- ⁹ Білас І.Г. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз. Кн. 1 / Іван Григорович Білас. – К.: Либідь: Військо України, 1994. – 432 с.; его же: Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953: Суспільно-політичний та історико-правовий аналіз: Кн. 2. / Іван Григорович Білас. – К.: Либідь: Військо України, 1994. – 686 с.
- ¹⁰ Кульчицький С.В. 1933 рік: трагедія голодомору / Кульчицький С.В. – К.: Знання, 1991. – 47 с.; его же: УРСР в добу нової економічної політики (1921–1928 рр.). – К., 1995.; его же: Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919–1928 рр.). – К.: Основа, 1996. – 396 с.; его же: Україна між двома війнами (1921–1939). – К.: Альтернатива, 1994. – 336 с.; его же: Ціна «великого перелому». – К.: Україна, 1991. – 431 с.; и др.
- ¹¹ Рубльов О.С. Сталінщина і доля західноукраїнської інтелігенції / Рубльов О.С., Черченко Ю.А. – К.: Наукова думка, 1994. – 350 с.
- ¹² Вакалюк П.Г. Справа ВУПЛУ (репресії проти лісоводів у 30-ті роки) / Вакалюк П.Г. – К., 1994. – 241 с.
- ¹³ Винниченко І. Україна 1920–1980: депортації, вислання, заслання / Винниченко І. – К.: Рада, 1994. – 126 с.
- ¹⁴ Вінниця: злочин без кари. Матеріали про більшовицькі розстріли у Вінниці в 1937–1938 роках. – К.: Воскресіння, 1994. – 333 с.
- ¹⁵ Шитюк М. З власним народом війна / Шитюк М. – К.: Акант, 1994. – 75 с.
- ¹⁶ Житарюк М.Г. Четвертована, але жива. Закордонна преса про політичні процеси в Україні напередодні II світової війни / Житарюк М. Г. – Львів, 1997. – 123 с.
- ¹⁷ Чорна книга України. – К.: Просвіта, 1998. – 782 с.
- ¹⁸ Репресоване краєзнавство (20–30-ті роки). – К.: Рідний край, 1991. – 506 с.
- ¹⁹ Білокінь С.І. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.) Джерелознавче дослідження / Білокінь С. І. – К., 1999. – 447 с.
- ²⁰ Шитюк М.М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20-ті – 50-ті роки ХХ століття / Шитюк М.М. – К.: Тетра, 2000. – 533 с.
- ²¹ Ченцов В.В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки / Ченцов В.В. – Тернопіль: Збруч, 2000. – 481 с.; его же: Трагические судьбы: политические репрессии против немецкого населения Украины в 1920–1930 годы / Ченцов В.В. – М.: Готика, 1998. – 208 с.
- ²² Нікольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920–1950-ті рр.) Історико-статистичне дослідження / Нікольський В. М. – Донецьк: ДонДУ, 2003. – 616 с.
- ²³ Ганжа О. Українське селянство в період становлення тоталітарного режиму (1917–1927) / Ганжа О. – К.: Інститут історії НАН України, 2000. – 208 с.
- ²⁴ Марочко В.І. Репресовані педагоги України: жертви політичного терору (1929–1941 рр.) / Марочко В.І., Хіллів Г. – К.: Науковий світ, 2003. – 302 с.
- ²⁵ Політичний терор і тероризм в Україні ХІХ–ХХ століття. Історичний нарис. – К.: Наукова думка, 2002. – 952 с.
- ²⁶ Безосотний М.Т. Україна в добу сталінщини: історія опору / Безосотний М.Т. – К.: НАН України Інститут політичних і етносоціальних досліджень, 2002. – 128 с.

-
- ²⁷ Белебеха І.О. Україна і сталінізм. Сталінізація України 1924–1953 / Белебеха І.О. – Харків, 2003. – 607 с.
- ²⁸ Бут О. Економічна контрреволюція в Україні в 20–30-ті роки ХХ століття: від нових джерел до нового осмислення / Бут О. – Донецьк, 2002. – 314 с.
- ²⁹ Бурнашов Г. Злочин більшовизму / Бурнашов Г. – Івано-Франківськ: Зоря, 2001. – 184 с.
- ³⁰ Акиникова Л.Б. Жизнь как сказка / Акиникова Л.Б. – Одеса: Документальна серія книг Реабілітовані історією, 2000. – 191 с.
- ³¹ Абдул С.М. Жертви тоталітаризму: спогади, документи / Абдул С.М. – Хмельницьк, 2003. – 134 с.
- ³² Андрусяк М.М. Сповідь лідера покутського села / Андрусяк М.М. – Івано-Франківськ, 1991. – 92 с.
- ³³ Буяльський Б.Д. Свідок більшовицького зла. Спогади про 1937–1940 рр. / Буяльський Б.Д., Грищук О.М. – Вінниця: 2000. – 96 с.
- ³⁴ Волович О.І. Спомини про «світле минуле» / Волович О.І. – Кіровоград: Мавік, 2003. – 76 с.
- ³⁵ Гридин В.М. Мы, которых не было... Воспоминания о ГУЛАГе / Гридин В.М. – Одесса: Астропринт, 1996. – 2002 с.; Иванова Р.Б. Дорога за колючей проволокой: сборник воспоминаний / Иванова Р.Б., Копелева Г.В. – Одесса: Астропринт, 1996. – 259 с.
- ³⁶ Дузь И.М. Сквозь тернии ГУЛАГа / Дузь И.М. – Одесса, 1993. – 127 с.
- ³⁷ Княжинський А. Спогади в'язня Гулагу / Княжинський А. – Львів: Кент, 2001. – 295 с.
- ³⁸ Кривуцький І. За полярним колом: спогади в'язня Гулагу / Кривуцький І. – Львів: Духовна вісь, 2001. – 376 с.
- ³⁹ Куделя М.П. Під мурами луцької тюрми. Спогади колишнього в'язня / Куделя М.П. – Луцьк, 2001. – 128 с.
- ⁴⁰ Кудін С.А. В лабетах Гулагу. Автобіографічна повість колишнього політв'язня Гулагу / Кудін С.А. – Львів, 2000. – 65 с.

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО КИНОМИФА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЙ КИНЕМАТОГРАФ

В истории человечества создание очередной после падения Рима империи всегда сопровождалось конструированием определенной мифологии. Причем процесс ее формирования практически одновременно происходил как сверху, так и снизу. Влияние античности в той или иной мере при этом ощущалось значительно. Однако, что убедительно доказывает, в частности, К. Хюбнер, прошлые мифы не возвращаются в неизменном виде (1). Требовалось создать свою систему образов и символов, соответствующих эпохе и национально-культурным традициям, ибо невозможно «проникнуть в мир, которому наш опыт полностью чужд» (2). Создание и внедрение мифа было тем более важным, что он должен был заменить собой действительность, снять вопросы, ею порождаемые.

Европейская философия последнего столетия, вслед за построениями позднего Ф. Шеллинга, нередко обращается к мифу (3). Наиболее значимым представляется подход А. Ф. Лосева, создавшего свою концепцию мифа в условиях закладывания основ мифа советского (4). Искусство по Лосеву – аллегория реальной жизни, что не мешает ему быть символичным (5). «Искусство для искусства» – невозможная вещь для античности. По-видимому, в любой системе, основанной на мифологизации, искусство служит определенной цели (6). Эту цель Ю. Лотман, к примеру, видит в стремлении не просто отобразить тот или иной объект, а сделать его носителем значения (7).

При всем многообразии объяснений термина «культура» как в широком, так и в узком смысле, существовавших в советской научной литературе, его тесная связь с идеологией, за редкими исключениями, заметно подчеркивалась. Соответственно искусство в качестве составной части культуры должно было выполнять определенную функцию, удовлетворявшую идеологические потребности общества (8). Отрицание привычной концепции истории, свержение старых идеалов и кумиров, изменение облика страны требовали осмысления и объяснения, в том числе и худо-

жественными средствами. Внедрение социалистического реализма должно было сделать киноискусство «назидательным», а художественный язык, ввиду подчинения детерминистской идеологии, должен был бы «сводиться к словам приказа». Но даже в условиях строго канонизированного искусства не могло не возникнуть образов живых и привлекательных (9).

Герои кинолент сталинской эпохи не тронули бы сердца зрителей, если бы последние не могли идентифицировать себя с ними. Миф Чапаева родился только после картины братьев Васильевых. Александра Соколова, героиня фильма Хейфеца и Зархи «Член правительства», вполне соответствовала мифу о «раскрепощении русской крестьянки благодаря сталинской коллективизации» и «народному характеру власти» (10). Однако сцены, в которых Александра Соколова проявляет свои человеческие, не героические качества, создают достоверность персонажа. В «Трилогии о Максиме» Козинцева и Трауберга ключом к центральному образу стала песня «Крутится, вертится шар голубой...», казалось бы, вовсе не подходящая к картине историко-революционного жанра. Примеры можно продолжить ...(11)

В советском кинематографе реализовывалась проблема культурного синтеза современности, слагаемого из индивидуально-исторического понимания и идеи масштаба. Сложность состояла в двойном обращении – к прошлому и будущему. И то и другое измерялось идеалами современности, в том виде, разумеется, в каком их представляла господствующая доктрина.

Единственным покровителем советских героев мог быть только вождь как носитель абсолютной идеи, иногда приобретавший ипостась местного партийного руководителя. Античная драматургия вслед за мифологией строилась на столкновении человека с судьбой. Советские герои проявляли себя во взаимодействии с исторической необходимостью, обоснованной интересами классовой борьбы как основного двигателя общественного прогресса. Однако герои, совершая всевозможные подвиги, трудовые или ратные, не забывали, если так можно выразиться, о своей личной жизни, влюбляясь, разочаровываясь, ошибаясь, завидуя и т.п. Вольно или невольно создатели советского эпоса при общей заданности тенденциозного искусства смогли в лучших своих произведениях создать выразительные образы, привлека-

тельные для современников. Речь не идет об адекватном воспроизведении реальности. Возможно ли загнать в рамки обыденной правды романтику светлого будущего, уже создавшегося? Решалась задача воспроизведения идеала, зовущего в заоблачные дали самоутверждения и самоидентификации личности как созидателя.

Идеал при этом неразрывно связывался с очищением от скверны сохранившихся остатков прошлого. В число врагов попадали все те, кто был связан с сопротивлением генеральной линии партии, которую и представляли на экране партийные лидеры, тем более что им не мешали никакие личные качества. Подобные герои практически никогда не были обременены семьями, и единственные чувства, которые их обуревали, – стремление очастливить человечество и ненависть к врагам.

В одном из своих трактатов, рассуждая о сверхчувственной красоте, Плотин высказал следующее соображение: «Пока форма предмета... не воспринята нашим сознанием, этот предмет не возбуждает в нас никакого чувства, и лишь когда восприятие его формы произошло, мы получаем от него эстетическое наслаждение» (12). Принимая данный тезис и учитывая естественное стремление человека к прекрасному, а образно-символической системы мифа – к эстетическому воплощению, попробуем обозначить ту «форму», которую принимает советский миф в кинематографе.

С одной стороны, революционеры, от религиозных (например, Реформация) до сексуальных, отвергают красоту, противопоставляя ей мораль (13). С другой – создаваемая ими традиция не может обойтись без помощи искусства как наиболее симптоматичного вида человеческой деятельности, особенно чуткого к состоянию человеческого духа.

Для того чтобы приблизиться к идеалу и сохранить его жизнённость, необходимо было отыскать его в жизни и воссоздать в искусстве. Однако идея социальной справедливости, сопоставимая с вековыми народными чаяниями, отнюдь не была безобразной. Тем более что к 1930-м годам выработался помпезный ритуал поклонения верховному носителю идеи как выразителю того, что В. Соловьев называл естественным тяготением к идеалу сверхчеловека (14). В картине М. Чиаурели «Клятва» на Сталина как бы спускался святой дух Ленина, что делало его большим,

чем сверхчеловек, – живым божеством со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Тому, что являлось ареалом обитания высшего, должно было соответствовать и пространство, заселенное субъектами, поклонявшимися высшему. Действительность же, а именно она питала миф, была непригодна для этой цели. И тогда на помощь пришла сказка. Показательно, что многие серьезные исследователи сказочного феномена миф и сказку воспринимают как синонимы (15).

Думается, миф и сказка не являются противостоящими понятиями. Отметим, тем не менее, что фильмы, серьезно исследовавшие проблемы социального и экономического состояния творившихся преобразований, не могли создавать достоверный облик эпохи, выполняя мифо-сказочные нормативы. Сатирическая комедия, как правило, имела слишком узнаваемый объект осмеяния и анализа. Не случайно, наверное, первые творения будущего создателя образа социалистического континуума Ивана Пырьева подверглись официальной критике (16). Комедия должна была быть не столько обличающей (серьезной борьбе с врагами будут посвящены картины других жанров), сколько оптимистической. Какие бы черные деяния и ужасы социализма не рисовали документы, невольно осознается, что облик эпохи 1930-х годов прочно сросся с тем мифом, в котором живут персонажи киномюзиклов И. Пырьева и Г. Александрова.

Размышляя над тем, почему именно 1930-е годы, время массовых репрессий и чисток, назидательности и всеобщей бдительности, породили жанр музыкальной комедии, стоит вспомнить некоторые исторические параллели. Расцвет карнавальной, смеховой культуры приходится на период «темного» средневековья, связанный с распространением и утверждением христианского мировоззрения (17). Христианская культура, основанная на строгой аскетичности и серьезности, вынуждена была терпеть рядом смеховые элементы, которые позволяли людям воплощать свою любовь к жизни. Надо полагать, советские идеологи также чувствовали, что человек не может быть постоянно озабочен бесконечной борьбой со вселенским злом в лице мирового империализма и его агентов.

Традиции, повлиявшие на становление отношения художников и зрителей к среде обитания кинематографических героев, имеют глубокие корни. Вспомним также «оперный стиль» (18), то воздействие, которое оказали на русское искусство XX в. раскрытая из-под позднейших записей на рубеже XIX–XX веков русская икона XII–XVI вв. и супрематический знак Малевича. Необходимо учитывать популярность лубочного дивописания с его неутомимым стремлением к красоте. Не отсюда ли буйство природы пырьевских лент?!

Киномифология сталинской эпохи приобрела два варианта воплощения. Легкий, парящий, сладкий мир советской комедии, преимущественно музыкальной, сосуществовал с лентами героическими, посвященными перевоспитанию неправильно ориентирующихся граждан и борьбе с врагами. Одним из немногих, если не единственным, случаев соединения характерных черт обоих вариантов стал фильм Г. Александрова «Светлый путь». Трудно представить, что авторы могли в то время сознательно кодировать в свое творение пародийность. Однако сегодня эта картина во многом выглядит как пародия если не на советский кинематограф, то на самое себя, на миф. Тем не менее именно здесь, так же как, и в картине М. Чиаурели «Падение Берлина», вызывающей сходное чувство, вполне нашел свое воплощение сталинский академизм, получивший название социалистического реализма.

Вершиной же героического кинематографа стала картина Ф. Эрмлера «Великий гражданин». Здесь воссоздавалась атмосфера неминуемой и непримиримой борьбы, которую ведут враги против социалистического строительства и его лидеров. Идеальный герой, не обремененный обыденными устремлениями (для «оживления» действия существовали другие персонажи), гибнет от руки врага, становясь своеобразной искупительной жертвой, призванной вдохновить на уничтожение противников советской Отчизны. Сюжет картины был навеян убийством С. М. Кирова.

Советский художник-авангардист Мироненко называет соцреализм одним из последовательных направлений модернизма, поминая в числе его предтеч «агитаторов авангардизма». С этим достаточно парадоксальным утверждением, возможно, стоит согласиться, особенно с точки зрения того, каким образом мифология сталинского академизма исследуется в современном киноискусстве.

Эстетика так называемого сталинского ампира оказалась столь привлекательной и жизненной, что ее не смогли отринуть ни «документализация» 1960-х, ни тем паче «академизм побрежневски». Попытка же разрушить ее в кинотворениях перестроечного и постперестроечного времени не увенчалась успехом. В первую очередь, стоит учесть изолированное от зрителя состояние кинематографа в целом и кинопроката в частности. Та правда, которую кинематографисты обрушили на публику, утомила ее и разочаровала. Во-вторых, провозглашение деидеологизации обернулось идеологизацией даже тех сфер культуры, которые раньше принципиально противопоставляли себя официальной идеологии, например, авангард.

Как бы то ни было, с самого начала в отношении к эстетике прошлого с его мифологической основой наметились различные подходы, получившие развитие в дальнейшем. С одной стороны, десакрализация, выраженная в том, что понимается под термином «китч», определяемым иногда как синоним лубка, а чаще как примитивное упрощение мифа. Это – «Пирсы Валтасара», «Поездка товарища Сталина в Африку», «Дом под звездным небом», «Переход товарища Чкалова через Северный полюс» и другие. Пожалуй, самая интересная картина этого направления – «Трактористы-2» братьев И. и Г. Олейниковых, римейк знаменитого фильма И. Пырьева «Трактористы». Для авторов социалистический реализм – явление эстетики. В большинстве же кинематографических произведений подобного рода превалировало стремление рассказать историю как анекдот.

Другое направление, которое можно условно выделить, вольно или невольно вело к демифологизации, причем в зависимости от убедительности и настроения публики по-разному воспринималась знаковая система. Это картины биографические, посвященные историческим деятелям, пострадавшим от режима. Как правило, в таких картинах прошлое рисовалось в черных красках. Речь шла обычно о бесчеловечности режима, где человек рассматривался в качестве «колесика» и «винтика»

В какой-то степени обе названные тенденции воплотились в «Прорве» И. Дыховичного, «Серпе и Молоте» С. Ливнева, «Детях чугунных богов» Т. Тота. Если другие ленты воспроизводили прошлое в рамках стиля «ретро», то теперь речь шла даже не

просто о воспроизведении кинематографической традиции сталинского академизма, а о его эстетизации. Вышедшая раньше других «Прорва» вызвала неприятие и отечественных ревнителей борьбы с тоталитаризмом, и западных ценителей русской экзотики. В эстетизации высокого стиля, оперности композиции, соединении зримых символов эпохи (ВДНХ, парады, музыкальные мотивы) сказалось стремление художника увидеть прошлое со стороны, в некоем отстранении. В кинематографе 1930-х пространственной организацией, которая воплощает мечту о будущем страны в настоящем, является Москва. Однако чаще всего Москва в картинах тех лет – город на реке (в 1930-е столица еще не была отстроена). И «Прорва» начинается с реки, которая дает начало не только великому городу, но и судьбам героев. Москва светла и красочна подобно нарисованной декорации (как в «Цирке» Г. Александрова). Тем трагичнее становится рассказ о том, что скрывается за величественными интерьерами. Пространство картины почти всегда заливают свет. Чуть позже мы увидим такой же свет в «Утомленных солнцем» Н. Михалкова. Солнечные радостные блики, как на картинах Дейнеки, купают все окружающее. Они подобно ярким софитам освещают разворачивающуюся трагедию, осененную гигантским ликом вождя как незаходящим солнцем эпохи. Интересно, что по отношению к картине Н. Михалкова об эстетизации никто не поминал.

Герои сталинского кинематографа пребывали в «невинности», которую С. Кьеркегор связывал с неведением. В отличие от них герои «Прорвы» и других картин за кажущейся беззаботностью скрывают страх. Авторам вовсе не обязательно было следовать привычным для эстетизируемого времени клише. Стержневым образом «Утомленных солнцем» стала девочка Надя. Может быть, ненормальный и абсурдный мир взрослых ненормален и абсурден для нее. Может быть, на ее взгляд поступки и поведение окружающих напоминает нескончаемую игру.

Искусственность реальности, окружающей героев «Серпа и Молота», подчеркивается самим сюжетом. Искусственный мужчина, подобно Гомункулусу, должен был следовать заветам вождя, выполняющего функцию создателя. Но является любовь, и образ мифического цветущего сада уже не вдохновляет героя. Он борется и побеждает, принося себя в жертву.

Кубофутуристические конструкции, характерные для «Детей чугунных богов», выделяют картину из общего ряда. К тому же она существенно отличается от определенного стиля предыдущих. Ей присущи аскетизм и отсутствие «света». Персонажи далеки от света и тепла. Место действия – своеобразный «котлован», «адский рай», где героя подстерегают испытания и неожиданности. Но прямые и косвенные отсылы к былинному эпосу и культовому кино позволяют увидеть ту эстетическую модель, куда помещается сталинская образно-символическая система.

Коль скоро социалистический реализм может быть связан с модернизмом, о чем говорилось выше, его современная эстетизация включается в ситуацию постмодерна. Иначе рассматриваются и образы, выполняющие в том и другом случае сходные функции. Например, пространство. В кинематографе прошлого это – воплощенная мечта о будущем. В кинопроизведениях последних лет складывается децентрализованность существования людей (персонажей в данном случае) в предлагаемой культурной ситуации, подвижность, незакрепленность переживаний и представлений, то есть их маргинальность. В данной ситуации можно говорить о разрыве связей, которые оказалось невозможным поддерживать во имя того, чтобы заменить их чем-то более подходящим. Москва ли это в «Прорве» и «Серпе и Молоте», дачная зона в «Утомленных солнцем» или «лунные» пейзажи «Детей чугунных богов» – для героев картин это не привычная среда обитания, а, скорее, осваиваемое пространство. Отсюда возникают и сложности ролевых особенностей их существования. В пространстве кинематографа прошлого герои ощущали себя и чувствовались органично. Теперь диссонанс между старательно воспроизводимым контуром пространства и современным обликом персонажей изначально создает противоречие, приводящее к конфликту. Эстетизируемое пространство отторгает включаемые в него чужеродные элементы, чем достигается эффект трагичности происходящего. В прошлом реальность окружающего мира, при всей условности его изображения, не вызывала сомнения. Сегодня даже скрупулезное воспроизведение антуража эпохи выглядит как театральная декорация.

Таким образом, эстетизация сталинского академизма не есть воспроизведение стиля, но новое прочтение эпохи, основанное на

отстраненном, взвешенном подходе к объекту исследования. К сожалению, за исключением «Утомленных солнцем» Н. Михалкова, картины, эстетизирующие «Большой стиль», не получили широкого общественного резонанса.

Позже кинематографисты обратились и к другим периодам советской действительности. В то время как в исторической науке шли политически окрашенные споры по поводу отношения к историческим реалиям, в искусстве и особенно в публицистике продолжало преобладать стремление к разоблачению. Но опыт отношения к прошлому как к прошлому не прошел бесследно. В кинематографических произведениях конца 1990-х – начала 2000-х годов все чаще проявляется стремление понять время, соответствующие ему поведенческие стереотипы, мотивы поступков. И основным приемом все чаще становится эстетизация. Достаточно назвать картины «Мечты идиота» В. Пичула, «Тоталитарный роман» В. Сорокина, «Над темной водой» и «Папа» Д. Месхиева, «Зависть богов» В. Меньшова, недавнюю премьеру – «Многоточие» Ф. Эшпая и целый ряд других. Задача эстетизации не абсолютизировать прошлый миф, напротив, освободиться от него. «Разглашение мифа», по В. Я. Проппу, ведет к исчезновению его священного характера, а одновременно его магической силы.

Примечания

¹ Хьюбнер К. Истина мифа. М., 1966. С. 383–384.

² Там же. С. 383.

³ См. Хьюбнер А. Мыслители нашего времени. М., 1994. С. 23.

⁴ Характеристику некоторых других теорий мифов XX века см.: Мелетинский Е.М. Миф и культура // История и философия культуры. М., 1996. С. 107–111.

⁵ Лосев А.Ф. Логика символа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 50.

⁶ Его же. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 77.

⁷ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин, 1973. С. 7.

⁸ См.: Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 331–336.

⁹ Это соответствует одному из типов эстетических норм, действующих в искусстве, которые анализирует Я. Мукаржовский: Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 167.

¹⁰ Маматова Л. Машенька и зомби. Мифология советской женщины // Искусство кино. 1990. № 6. С. 118.

¹¹ Ее же. Модель киномифов 30-х годов / Кино: политика и люди (30-е годы). М., 1995. – С. 77.

¹² Плотин. Избранные трактаты: В 2 т. Т. I. М., 1994. С. 93–94.

¹³ К примеру, А. Камю замечает, что Французская революция не породила ни одного художника, но лишь блестящего журналиста Демулена и подпольного писателя Сада. – Камю А. Указ. соч. С. 316.

¹⁴ Соловьев В. Смысл любви. М., 1991. С. 286.

¹⁵ Пропп В.Я. Мифология сказки. М., 1928 (в этой книге помещена статья Е.М. Мелетинского «Структурно-типологическое изучение сказки»); Его же. Русская сказка. Л., 1984; Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976; Его же. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса // Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983.

¹⁶ 1929 г. – «Посторонняя женщина», 1931 г. – «Государственный человек».

¹⁷ Об этом см., напр.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965; Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1989.

¹⁸ См. напр.: Сукманов И.Б. Прикосновение зла, или Оперность как принцип кинематографа // Киноведческие записки. 1994. № 21. С. 171.

3. ПРЕДЫСТОРИЯ «БОЛЬШОГО ТЕРРОРА»

Протоиерей Сергей Токарь

РЕПРЕССИИ ПРОТИВ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ РПЦ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ КУБАНСКИХ НОВОМУЧЕНИКОВ)

Началу политических репрессий против священнослужителей предшествовало появление Декрета Совета Народных комиссаров РСФСР от 23.01.1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». 27 декабря 1921 г. был издан Декрет, по которому изымались ценности, находящиеся в церквях и монастырях.

На Кубани применение этих законодательных актов имело самые серьезные последствия. Тем более что дополнение к ним шло секретными циркулярами Совнаркома, предписывающими искоренять священнослужителей на корню.

Советская власть проводила массовое выявление и уничтожение православных священнослужителей. Эти действия объяснялись универсальным тезисом «враг народа». Таким образом уничтожалась православная вера, разрушались многовековые традиции, навязывалась идеология новой власти.

В архивах ФСБ хранится множество документов, подтверждающих факты арестов, допросов, расстрелов истинных хранителей православия. В настоящее время эти документы рассекречены и проходят стадию обработки в Армавирском Православно-социальном институте на кафедре религиоведения, для предоставления сведений о канонизации невинно убиенных епископов, монахов, священников и др.

Среди них можно выделить:

священника Андрея Ковалева (родился 12 августа 1871 г., расстрелян 8 сентября 1921 г.), заведовал и преподавал в одно-классной церковно-приходской школе. Он оказывал спасительное влияние не только на верных чад РПЦ, но и на иноверцев.

14 июля 1901 г. он стал членом Александровского отделения Ставропольского училищного совета. Преподавал закон Божий в женской одноклассной школе Министерства народного просвещения. Во время допросов от РПЦ не отрекся и вины своей не признал;

священника Григория Конокотина (родился 1 августа 1869 г., расстрелян 23 сентября 1921 г.). Был законоучителем в с. Медведском Ставропольской губернии в 1894 г. В 1898 г. был назначен членом Темрюкского отделения училищного Совета. Имел множественные награды, в том числе фиолетовую скуфью (1908), орден Св. Анны – за труды по школьному делу (1913) и др.;

священника Михаила Лекторского (родился 9 ноября 1872 г., расстрелян 27 октября 1921 г.). Был учителем одноклассной церковно-приходской школы в ст. Динской, в 1893 г. был рукоположен в иереи и состоял заведующим и законоучителем одноклассной церковно-приходской школы с. Благодатного. С 5 апреля 1913 г. состоял настоятелем приходской церкви станицы Новотитаровской и являлся духовником окружного духовенства второго округа. Был неоднократно награжден, в том числе грамотой за труды и заботы по открытию библиотеки-читальни при церковно-приходской школе в 1908 г.;

священника Иоанна Яковлева (родился 11 ноября 1866 г., расстрелян 23 сентября 1921 г.) В течение восьми лет (1891–1899) преподавал Закон Божий в Новониколаевском станичном училище. Был утвержден в должности законоучителя 2-го гор. училища г. Ставрополя; также находился на должности законоучителя Екатеринодарского епархиального женского училища. Имел множественные награды; в 1910 г. Св. Синод наградил его камиллавкой;

священника Григория Троицкого (родился 1 октября 1870 г., расстрелян 28 сентября 1921 г.). Состоял в должности учителя церковной школы станицы Должанской два года (1894–1896), а также заведующим и законоучителем в станицах Ставропольской губернии; противобуддийским миссионером – четыре года (1898–1901); противосектантским миссионером – семь лет (1897–1903); духовным следователем в 5-м благочинническом округе Кубанской области – семь лет (1906–1913).

Уже одно то, что они не признали за собой вины против Родины, не отреклись от православия, является колоссальным воспитательным фактом для нас и наших потомков.

Парадокс: Советская власть пыталась вытравить из сознания людей память о пострадавших священниках, однако Бог управил, что из небытия возродились имена новомучеников, раскрылись белые пятна истории, и теперь помнят не мучителей и палачей, а почитают великих подвижников, пострадавших за веру.

История репрессий против Русской Православной Церкви на Кубани может служить убедительным доказательством того, что религиозный фактор (почитание новомучеников) является действенным средством повышения духовного уровня населения. Истинно православный человек никогда не унижится до расовой, религиозной или межнациональной ненависти, не будет осквернен ею. Как писал апостол Павел в Послании к Колоссянам: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни... варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем – Христос» (Колос. 3: 11).

Человек, который воспитывается с самого детства в традициях православия, чтит закон и традиции как своего народа, так и других народов. Соответственно, истинно верующий православный уважительно относится к представителям других конфессий. При этом утверждать обратное невозможно исходя из самой сути православного учения, ведь сам Христос говорил: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7: 1). Нелепой выглядит мысль, что истинно православный человек будет осуждать другого, устрашая его мыслью об аде или страшном посмертии, ведь не он судья им – только Бог истинный судья в этом учении. Православная церковь учит, что с тех, кому открылся свет истины, будет и больший спрос. Православие предлагает, просвещает, но не заставляет. Оно уважает свободу выбора, дарованную человеку Богом.

В основе православного учения лежит идея личной душевной чистоты и борьба со злом во всех его проявлениях. И противник в этой борьбе – грех, а не человек, то есть православие противостоит злым деяниям человека, а не ему самому. Оно учит, что нет безнадежно плохих людей, – есть люди, которые обмануты злом и потому погрязли во зле и не осознают своей беды.

Как ни парадоксально, именно за это и пострадали священнослужители РПЦ в годы Гражданской войны.

В заключение хотелось бы заметить, что мы забываем о подвигах истинно православных людей. В учебниках постоянно описываются подвиги и жизнь полководцев Кутузова, Суворова, просветителей Карамзина, Ломоносова и др., но нигде не встречаются жизнеописания российских священнослужителей. Поэтому мы предлагаем внести в светские учебники, особенно в учебник «Кубановедение», информацию о жизни и просветительской деятельности репрессированных российских, в том числе и кубанских, священников, которые своими деяниями находятся на одной ступени с другими выдающимися патриотами России.

Процесс реабилитации священнослужителей РПЦ был начат в 1990-е годы.

Дела новомучеников кубанских Михаила Лекторского, Григория Конокотина, Андрея Ковалева, Иоанна Яковлева и Григория Троицкого были 3 февраля 1993 г. прокуратурой Краснодарского края пересмотрены, и в соответствии с законом РСФСР «О жертвах политических репрессий» от 18.10.1993 г. все убиенные священнослужители реабилитированы.

Сегодня мы можем смело говорить о восторжествовавшей исторической справедливости, в памяти потомков будут звучать имена убиенных кубанских священнослужителей. Однако омрачает эту историческую справедливость тот факт, что город, являющийся столицей Кубани, носит название Краснодар, – в честь тех, кто умыл свои руки в крови мучеников. А ведь наши предки этот город основали в честь православной святой великомученицы Екатерины и Епархия наша называется Екатеринодарской и Кубанской. Будем же милосердны к памяти тех, кто ныне является духовным примером для будущих поколений.

ГЕНОЦИД ХУТОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЦАРИЦЫНСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ, 1921–1922 гг.

Действия карательных отрядов ВЧК-ГПУ в заволжских степях Царицынской губернии в 1918–1922 годах подпадают под определение «геноцид»¹. В ходе спецопераций по выселению степных хуторов совершались многочисленные преступления против человечности, явно и косвенно нацеленные на уничтожение хуторского населения. Имели место многочисленные факты сознательного посягательства на существование, физическую и психологическую целостность данной дискриминированной группы людей, помещение ее членов в условия существования, способные привести к полному разрушению группы. Срок давности к подобным преступлениям не применим.

К моменту Октябрьского переворота в Царицынском Заволжье, благодаря реформаторским усилиям Петра Столыпина, сформировалась особая группа россиян – хуторское население. Хуторяне имели ряд особенностей, существенно отличавших их от иных групп, проживавших на территории Поволжья. По свидетельству советских чиновников, «до (большевистского. – В.Я.) переворота население (Царицынского Заволжья. – В.Я.)... не знало той нужды, которую испытывали крестьяне Пензенской, Нижегородской и др. губерний, и рука старого режима, благодаря широкому приволью, была для них почти не чувствительна»².

С приходом к власти большевиков положение в регионе в корне меняется. Крестьяне степных хуторов подверглись массовому грабежу и репрессиям.

9 апреля 1918 года в газете «Борьба» на севере Царицынского Заволжья была декларирована Николаевская уездная трудовая коммуна. В заметке сообщалось, что «с введением коммуны со 2 апреля отменяется частная собственность на земли, леса, недра и прочее. Отменяются собственности на дома, дачи, торговые заведения, сверх пяти тысяч рублей, не обслуживаемые личным трудом. Частная торговля отменяется, кроме предприятий с доходностью до 3500 руб., обслуживаемых личным трудом. Вводится обязательная трудовая повинность. Лица, уклоняющиеся от

работ, рассматриваются как враги народа. Ввоз предметов роскоши воспрещен».

Власти Николаевской коммуны установили твердые цены на хлеб и рыбу, а также монополизировали торговлю овчинами. В то время эта продукция являлась главным источником дохода в крае. Сдача овчин была строго обязательной. Нарушение предписания каралось расстрелом. При этом «сознательное» население обязано было «осведомлять» власти о нарушениях данного постановления³.

Мероприятия Николаевской коммуны имели скорые и плачевные последствия: летом 1918 года в уезде до предела обострилась продовольственная проблема, уровень безработицы и обнищания масс достиг катастрофических масштабов. Всю ответственность за неудачи коммунитарного эксперимента власти возложили на местную буржуазию и кулачество.

В степях Николаевского уезда в то время «свирепствовали» чекисты. Председатель уездного Чревкома «некто Довиат» с отрядом в 100 солдат, «не зная быта и условий, в которых выросло население, объявили крестьян буржуями и своими репрессивными мерами терроризировали их»: производили поголовные аресты, обыски, реквизиции, контрибуции, конфискации даже тех вещей, которые ей не подлежали. Особенно возмутили местное население национализация всех домов в уезде⁴ и «отобрание вечных участков земли»⁵. Активно применялся институт заложенчества⁶.

Продовольственный кризис не заставил себя долго ждать. В урожайный 1918 год среди городского населения уезда начался голод. Поэтому не удивительно, что вскоре в крае появилась мощная «оппозиция крестьян, привыкших к широкому приволью жизни»⁷. Строители новой жизни считали хуторян Заволжья кулаками. В то же время местные чиновники указывали на то, что крестьяне таковыми не являются. Они настойчиво объясняли пришлым коммунистам разницу между методами ведения сельского хозяйства в центральных губерниях и в заволжских сухих степях и полупустынях. Если в Пензенской губернии в то время для обеспечения воспроизводства крестьянского хозяйства было достаточно пяти десятин земли и хотя бы одной лошади, то заволжскому крестьянину для получения того же урожая нужно

было обработать более 20 десятин земли. Для обеспечения своего прожиточного минимума хуторянам-степнякам необходимо было использовать большее количество лошадей и крупного рогатого скота, чем это нужно было пензенскому крестьянину. Таким образом, тот, кого называли в Пензе кулаком, в Заволжье был, в лучшем случае, середняком⁸.

В ответ на действия большевиков хуторяне перешли к вооруженным методам сопротивления. Большую роль в зарождении повстанческого движения в Заволжье сыграли толпы дезертиров, в изобилии наводнившие слабо населенные степи. Во всем Поволжье в 1919 году дезертировало до 60% от мобилизованных граждан (216 592 человека)⁹. Сколько было беглецов, не прошедших регистрацию, не известно. Несомненно, столь массовое бегство из армии являло собой протест мужского населения сельских районов против большевистской антикрестьянской воинственной политики. Активную помощь в укрывательстве уклонистов оказывало сельское население. Селяне давали беглецам приют и пропитание, предупреждали их об опасности, участвовали в сокрытии награбленного шайками дезертиров имущества¹⁰.

К осени 1918 года в Заволжье сложились все предпосылки для зарождения народного восстания. Перефразируя изречение Ленина, можно сказать, что в то время в Заволжье верхи пока не могли управлять по-новому, а низы по-новому жить уже не хотели. Движущей силой бунта были дезертиры некоторых разложившихся частей 9-й, 10-й и 11-й красных армий. Они стали основным ядром организации «Степные партизаны», поднявшей в сентябре 1918 года «крестьянско-дезертирское» восстание¹¹. Кроме крестьян, степных партизан поддерживали антисоветские профсоюзы и большая часть интеллигенции, которая, по свидетельству местной милиции, имела в основном «лево-право-эсеровские взгляды»¹².

С самого начала восстания руководители организации «Степные партизаны» разделили степь Николаевского и Царевского уездов на 12 районов (штабов), во главе которых были поставлены распорядители, знающие местность и «даже международное положение страны». Этими штабами производилась мобилизация местного населения и его военное обучение. Возглавляли крестьянское движение «помещики и военные специали-

сты»¹³. Население Заволжья «частью насильственно, но в большинстве добровольно, продовольствовало повстанцев с сентября по день изгнания». В воззваниях бунтовщиков угадывалась их стратегическая цель: ударить в тыл 10-й Красной армии и пойти на соединение с донской армией Краснова, связь с которой поддерживалась с помощью посыльных¹⁴. Восстание «Степных партизан» было подавлено в начале апреля 1919 года с помощью крупных войсковых соединений. Тем не менее повстанческое движение в крае продолжало существовать до конца 1920 года; в Царицынском Заволжье действовало несколько крупных групп партизан, численность которых в разное время варьировалась от нескольких сотен до тысячи бойцов.

В 1921 году в заволжских и донских степях неурожай предыдущего года повторился. Зимой 1921–1922 годов ситуация еще больше усугубилась. Начался мор. С мест стали поступать донесения о том, что люди «пухнут и умирают с голоду». Появились первые вопиющие случаи помешательства¹⁵ и трупоедства «на почве голода»¹⁶. Число голодающих в крае достигло 600 тысяч человек: «голодающие распродают за бесценок имущество и неорганизованными массами устремляются на Запад [в Белоруссию. – В.Я.]»¹⁷. За голодом следовали эпидемия холеры¹⁸ и финансовый кризис¹⁹. В переполненных детских домах голод и эпидемические заболевания уносили жизни сотен детей²⁰.

В условиях голода в заволжских степях расцветало повстанчество. Появились новые «видные партизанские вожди»: братья Солохины, Еркины, Маслов, Шувалов, «принимавшие энергичные меры к пополнению своих рядов»²¹. В марте в Николаевском уезде и Самарском Заволжье (современная Саратовская область) вспыхнуло восстание «Реввоенсовета Пяти», организованное Повстанческой армией Вакулина-Попова. Южнее в это же время действует объединенная группировка бывшего комбрига Первой конармии Колесова и партизана Носаева²².

В 1921–1922 годах Советской власти в сельских районах Николаевского и Ленинского уездов не было. Там царило безвластие²³. Один из ответственных советских работников так описывал сложившуюся ситуацию: «С уверенностью можно сказать, что большинство населения, населяющего степь, осо-

бенно восточной и прилегающих к Ленинскому уезду окраин уезда [Николаевского – *В.Я.*], относятся с презрением и ненавистью [к Советской власти – *В.Я.*], о чем свидетельствуют факты: набеги дезертирских банд на совхозы и хутора беднейшего крестьянства, сопровождаемые грабежами и насилием, укрывательство дезертиров... хлеба и т.п. Оказываемая материальная поддержка [со] стороны кулацкого элемента дезертирам, уголовные преступления, воровство, грабежи... и варка самогона процветают без наказания и не прекращаются». «Найти какой-либо способ борьбы в этих случаях почти невозможно»²⁴, – разводит руками чиновник.

19 июля 1921 года в Царицыне состоялось заседание Президиума Царицынского губернского исполкома, посвященное мерам борьбы с бандитизмом в Николаевском и Ленинском уездах. Решено было уничтожить базу повстанцев – степные хутора. Протокол № 13 обязывал власти Заволжья создать тройки, ведающие переселением хуторян. В состав троек должны были войти представители Губчека, руководители Политбюро, чиновники отдела управления и земотдела. В течение осени (до 1 октября) необходимо было выселить хуторян, проживавших дальше десятиверстной полосы от уездных и волостных центров. Им было предписано «в обязательном порядке выселиться по месту приписки к волостному или уездному центру или в указанный тройкой поселок». Но были исключения. Так, вселению и выселению не подлежали коллективные хозяйства (коммуны, совхозы и артели), зарегистрированные в уезмотделах по уставу от 29 сентября 1920 года. Правда, таких хозяйств к концу 1921 года в Заволжье практически не осталось. Также вселению и выселению не подлежали крупные хутора, насчитывающие более 300 душ или 50 дворов. Постройки хуторов, замеченных в поддержке бандитизма, предполагалось перемещать в волостные и уездные центры. Семьи, потворствовавшие повстанцам, препровождались в концлагеря. Их дети отправлялись в детские дома, а имущество подлежало конфискации²⁵.

Репрессии совмещались с заметными послаблениями. Первый «пряник» был предложен партизанам 13 августа 1921 года. В этот день на хуторе Пирожков встретились представители властей Николаевского уезда и полевые командиры повстанцев.

Власти были представлены чиновниками уездного Политбюро, уездного исполкома, Ревкома. Присутствовал представитель Губчека Сазыкин. Партизан представляли Самарский, начальник Рахинско-Уральского района, и партизанские командиры. Повстанцам предлагалось перейти на сторону Советской власти: не сдавая оружия влиться в отряд Сафронова, председателя Ревкома Степано-Разинской станицы, «с целью агитации среди других банд». Власти со своей стороны обещали вернуть крестьянам Рахинского района весь конфискованный у них во время карательных операций скот. Чиновники заявили о своем намерении освободить всех задержанных за пособничество бандитизму крестьян и обязать красноармейцев не притеснять селян. Стороны договорились о создании мирной зоны «в полосе на 50 верст в глубину от берега Волги и вдоль от села Рахинки до Верхних Балыклеи». Отряд Сафронова, включивший в себя партизанские группы, обязан был пресекать вторжение в мирную зону чужих повстанческих отрядов. Спустя шесть дней в сводный отряд Сафронова вступили также партизанские группы Шувалова, Чернявина, Подмосковного, Попова, Дубовченко, Юдина и Конова-лова²⁶.

Первый опыт насильственного переселения хуторян был обнадеживающим. С 15 августа по 1 сентября наблюдался рост сочувствия степняков к советской власти. Связано это было с усталостью обывателей от грабежей, чинимых партизанами. Впрочем, уже в сентябре вновь начались налеты на села Заволжья²⁷.

В октябре власти пошли на новые уступки. Директива о переселении хуторов была дополнена некоторыми исключениями: правило десятиверстной полосы не распространялось на хутора, прилегающие к селам Новый Эльтон, Джанкой, Сайхин и Житкур. В Займище (в Волго-Ахтубинской пойме) выселению не подлежали хутора Тумак, Ямы, Песчаный, Покровка и Репино. Срок переселения переносили несколько раз: с 5 октября по 5 ноября²⁸, затем с 10 по 15 ноября. При этом указывалось на то, что уклонисты будут рассматриваться как активные пособники бандитизма со всеми вытекающими из этого последствиями: расстрел заложников, конфискация²⁹.

В то же время власти усилили борьбу с непримиримыми партизанами. В конце октября в Заволжье были отправлены под-

разделение 80-й бригады и бронемашин. На время проведения карательной операции в район боевых действий была выслана Выездная сессия Ревтрибунала³⁰.

Первая попытка вернуть повстанцев к мирной жизни не увенчалась успехом. Почти все вступившие в сговор с властями партизаны ушли в степи, вновь перейдя на нелегальное положение. Причины оборотничества были понятны: слишком уж круто войска приступили к переселению хуторян – родственников и знакомых сдавшихся партизан. Зрело новое восстание.

4 ноября из Заволжья в губернский центр приходят тревожные донесения о том, что, «несмотря на ряд обещаний, данных крестьянством степей Ленинского и Николаевского уездов, оказать активную помощь рабоче-крестьянскому правительству в борьбе с бандитизмом... бандитизм в этих районах не только не уменьшился, а, наоборот, усилился... и имеет склонность к переходу к восстанию»³¹. В начале декабря из Заволжья в Царицын стали приходить неутешительные донесения: «большинство хуторян Займища и степей за «Хорой» не выселяются, несмотря на то, что срок давно истек; к неподчиняющимся применяются и будут применяться репрессии»³². Испытанным методом репрессий было сожжение хуторов, оказывавших сопротивление властям. Так, во время карательных операций в Николаевском районе части 239-го полка активно применяли эти меры террора по отношению к хуторянам, которые стали оказывать «упорное сопротивление» войскам³³. Войсковые части иногда производили грабежи. К примеру, граждане станицы Кайсацкой жаловались на беззакония, творимые конной группой товарища Петракова во время проведения ими операции по выселению хуторян. 14 декабря разразился скандал. Против репрессий и переселения крестьян Заволжских степей выступили члены Саратовского губчека Иванов, Жуков и Дмитриев. Они указывали на недопустимость карательных мер по отношению к населению и заявляли о фактах произвола армейских частей. Вскоре чекисты были арестованы и преданы суду Ревтрибунала «за остановку переселения хуторян». По факту преступных действий отряда Петракова было назначено расследование³⁴.

Жесткие меры по выселению хуторов привели в декабре к усилению повстанческого сопротивления³⁵. Повстанцы объеди-

нились под знаменами казака Серова, но осенью повстанческая армия Серова распадается. Партизаны вновь начинают переходить на сторону Советской власти. 8 октября сдался Зельман, помощник Пятакова. Он предложил властям свой план борьбы с бандитизмом. 24 ноября Тимофеев привел свой отряд в Савинку для сдачи. Два дня спустя произошло поворотное событие в истории повстанческого движения Заволжья – сдался один из идеологов и организаторов мартовского восстания «Реввоенсовета Пяти» Михаил Пятаков. Он привел свой отряд численностью в 140 сабель в Палласовку. Видимо, организовав сдачу Зельмана и Тимофеева, Пятаков пытался понять, какую участь ему готовят большевики. Большевики предложили Пятакову изгладить свою вину перед властями. Он возглавил комиссию по ведению переговоров с полевыми командирами о сдаче партизанских групп на территории Царицынского Заволжья, Киргизской республики и Уральских степей. Таким образом, Пятаков получил самые широкие полномочия³⁶.

Пятаков с большим рвением и революционной принципиальностью приступил к выполнению возложенных на него властями обязанностей. Благодаря его напору и красноречию к сдаче оружия удалось склонить больше половины партизан, оперировавших в заволжских степях. 28 и 29 ноября в Савинке сдались отряды Солохина, Шаповалова и Рассохина, общей численностью в 77 сабель. 10 декабря на станции Кайсацкой сложили оружие 20 партизан Болтышева. Два дня спустя в Палласовке сдались группы Чугунова, Журавлева, Алешина и 81 кавалерист отряда убитого в бою 11 ноября атамана Чупринина (Чупрына). Еще через три дня в Палласовку явились 24 повстанца во главе с Виздоевым. 17 декабря на станции Кайсацкой сдали оружие партизаны Копейкина, Еркина и Юдина. В двадцатых числах декабря сложить оружие решили партизанские отряды Дубовченко, Шувалова, Подмосковного, Чернова, Орляка. Они объединились в одну группу и стали осторожно «прощупывать» обстановку. 23 декабря партизаны попытались сдать на станции Кайсацкой, но «испугались Красных частей и ушли в степь». Спустя четыре дня они сосредоточились в районе села Житкур. Власти уезда установили с ними связь и вели переговоры об их сдаче³⁷. Н. И. Шувалов собственноручно

описал условия сдачи: дать свободу гражданам Зиновьевской станицы; дать полную амнистию партизанам, при этом обязательно «оповестить власти и граждан о том, что мы действительно сдались»; оставить сдавшимся партизанам по одной лошади... и дать уполномоченному лицу «распоряжения о выдаче нам надлежащих документов, без выезда за таковыми в город Николаевск; во время переговоров карательные отряды из степи отозвать»³⁸.

Михаил Пятаков, несмотря на свое темное прошлое, смело защищал права хуторян. Он открыто, от имени комиссии, издавал приказы, запрещающие войсковым частям проводить операции по выселению хуторов. Пятаковские приказы шли вразрез с репрессивной политикой, проводимой Москвой. Логика бывшего партизанского лидера была проста. Зачем выселять хутора, если партизаны сдаются в массовом порядке? Губернские чекисты на это отвечали: недавние события показали, что партизанам доверять нельзя. В любой момент они могут предать и вновь выйти на «большую дорогу», используя при этом хутора как базы. Поэтому приказы Пятакова аннулировали.

В начале нового, 1922 года разоружение партизанских групп достигло своего апогея. По всем уровням власти прошло сообщение о полной ликвидации «политического бандитизма» на Нижней Волге. Военские части и Выездная сессия ревтрибунала вследствие окончания работы по борьбе с «бандитизмом» из уездов были отозваны³⁹. Был также приостановлен процесс выселения заволжских хуторов⁴⁰.

Несмотря на заявления В. И. Ленина о жесточайшем пресечении «малейшего усиления бандитизма», высказанные им в конце января 1922 года⁴¹, власти Царицынской губернии крайне осторожно относились к процессу добровольного разоружения степных партизан. Местным органам власти (от волисполкомов до профсоюзных организаций) губернские чекисты настоятельно напоминали, что они «должны соблюдать самое дружественное взаимоотношение с [сдавшимися. – В.Я.] партизанами: как в целом с отрядами, так и в отдельности с их представителями, ни в коем случае, как с той, так и с другой стороны, не допуская антагонизма и личных счетов... не бросать друг другу упрека в прошлом в какой бы то ни было форме»⁴². Но «в поле-

вых условиях» подобная осторожность у карателей отсутствовала. Практически все степные хутора в Заволжье были сожжены. Движимое имущество конфисковано. Многие взрослые хуторяне были расстреляны либо отправлены в концлагеря за оказание помощи повстанцам. Их дети оказались в переполненных детских домах, где многих из них ждала смерть от холеры, тифа и голода.

Ранее многочисленная и богатая группа заволжских хуторян к 1923 году была полностью уничтожена, как база повстанческого антибольшевистского движения.

Примечания

¹ См.: Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г., ст. II.

² См.: Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

³ ГАВО. Ф. 494. Оп. 2. Д. 1. Л. 40, 45.

⁴ См.: ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

⁵ ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.

⁶ См.: ГАВО. Ф. 497. Оп. 3. Д. 48. Л. 4, 7.

⁷ См.: ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Кондрашин В.В. О некоторых количественных и качественных характеристиках крестьянского движения в Поволжье в 1918–1921 гг. // Исторические записки: межвузовский сборник научных трудов. Пенза, 1999. Вып. 3. С. 102.

¹⁰ См.: Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: документы и материалы / под. ред. В. Данилова и Т. Шанина. М.: РОССПЭН, 2002, С. 320.

¹¹ См.: ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

¹² См.: ГАВО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

¹³ См.: ГАВО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 172.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ «В х. Чернушкине Нижне-Чирской станицы Второго Донокруга гражданин Мирошников на почве голода сошел с ума, убил у своего соседа девочку, ранил его жену и мальчика, который обратился в местный исполком за помощью» (ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 73).

¹⁶ В марте 1922 года уездные власти получили следующую телеграмму – «молнию» от Уполномоченного Губполитуправления: «Ввиду наблюдающихся в районах, пораженных голодом, случаев трупоедства и убийства с той [же] целью, в целях борьбы с такими явлениями... предложено руководствоваться следующими мерами борьбы: 1) уличенные в людоедстве должны привлекаться к суровым административным взысканиям; 2) уличенные в трупоедстве люди, как психически ненормальные, подлежат передаче органам здравоохранения, где таковые и находятся до приведения их до нормального состояния; 3) обратить самое сугубое внимание на те районы, где зарегистри-

рованы случаи трупоедства и туда, в первую очередь, в ударном порядке, направить питательные... отряды или другие виды помощи» (ГАВО. Ф. 2370. Оп. 1. Д. 34. Л. 146). Обычный пример трупоедства. В Верхнем Балыклее в одной семье умер от голода мужчина. Его жена распотрошила супруга и скормила детям его сердце, печеньку и легкое (См.: Ф. 497. Оп. 4. Д. 8. Л. 43).

¹⁷ ГАВО. Ф. 2370. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.

¹⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 959. Л. 19.

¹⁹ В Царицынской губернии ощущался «денежный голод» в размерах, превышающих 60 млрд. рублей. (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 14. Д. 958. Л. 1).

²⁰ См.: ГАВО. Ф. 2370. Оп. 1. Д. 34. Л. 66.

²¹ См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 27.

²² См.: Ященко В.Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону, 1918–1923 гг. М.: Изд-во «Лироком», 2008.

²³ См.: ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 2. Л. 41.

²⁴ См.: ГАВО. Ф. 516. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.

²⁵ См.: ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 55.

²⁶ См.: ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 236–239.

²⁷ См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 302. Л. 33, 34.

²⁸ См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 67. Л. 1.

²⁹ См. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 246–247.

³⁰ См.: ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. Л. 270.

³¹ См.: ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 221. Л. 246.

³² ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 42. Л. 36.

³³ См.: ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 42.

³⁴ См.: Там же. Л. 52.

³⁵ См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 375. Л. 48, 50–52, 54–55.

³⁶ См.: ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 43. Л. 45.

³⁷ См.: ГАВО. Ф. 122. Оп. 1. Д. 375. Л. 51, 52, 55.

³⁸ См.: ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 3.

³⁹ См.: Там же. Л. 58.

⁴⁰ См.: ГАВО. Ф. 497. Оп. 4. Д. 9. Л. 4.

⁴¹ «Малейшее усиление бандитизма и т.п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 144).

⁴² ГАВО. Ф. 497. Оп. 3. Д. 178. Л. 17.

ФОРМЫ КРЕСТЬЯНСКИХ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К НЭПУ В КУБАНО-ЧЕРНОМОРСКОЙ ОБЛАСТИ

Россия подошла зимой 1920–1921 гг. к грани полномасштабной войны между государством и крестьянством. На X съезде РКП(б) В. И. Ленин оценил обстановку: «Мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм». Наиболее быстрым и эффективным методом решения политических и экономических проблем было использование регулярных воинских частей. Военная диктатура с неограниченными полномочиями могла решить эту проблему противостояния. На Северном Кавказе первые признаки ухудшения ситуации были отмечены в октябре–ноябре 1920 г. Показатель остроты кризиса – массовое дезертирство из Рабоче-крестьянской Красной Армии. Красная Армия была преимущественно крестьянской по составу. За 1921–1922 гг. зарегистрировано 58 397 дезертиров и 27 773 (56%) из них бежали из РККА именно при «подавлении контрреволюции и антисоветских выступлений». Обычно дезертиры прибегали к пассивному протесту, но зимой 1920–1921 гг. они все чаще переходят к вооруженному сопротивлению. На Кубани мятеж подняли части подразделений 4-й, 7-й и 16-й дивизий. Глубокий кризис системы «военного коммунизма» угрожал самому существованию власти РКП(б) на Северном Кавказе. В информационной сводке Донского ЧК за первую половину февраля 1921 г. отмечена угроза восстаний с участием рядовых коммунистов. Неэффективность управления войсковыми частями, антисоветские настроения в широких слоях населения способствовали нарастанию военнорепрессивных мер со стороны властей. 12 января 1921 г. ЦК РКП(б) создал две комиссии с целью «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма». Участники закрытого заседания руководства Кубани и Черноморья просили Кавбюро ЦК 13 марта усилить военное присутствие, создать отряды по борьбе с «бандами» из бывших красных партизан, заменить сочувствующих казакам милиционеров выходцами из центральной России.

Способы умиротворения области оставались преимущественно силовыми. Мозговым центром региональной системы управления стали чрезвычайные тройки органов РКП(б), созданные на краевом, областном и местном уровнях. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б) направило обкомам и губкомам циркулярное письмо, в котором предложило усилить агитацию против «бандитизма». Для «явно контрреволюционных сел» предусматривалась система заложников, а в случае упорного сопротивления применяли карательные меры вплоть до полного уничтожения станицы и жителей. Были проведены кадровые перемены с целью усиления потенциала местных органов власти (с июля 1921 г. утверждены командующий К. Е. Ворошилов, члены РВС – С. М. Буденный и А. С. Бубнов). 9 июля РВС СКВО создал областное и окружные военные совещания по борьбе с бандитизмом. В состав совещаний входили: командир воинского соединения (председатель), секретарь парторганизации и представитель ВЧК. Совещания получили верховную власть в области. Наряду с привычным насилием объявлялись амнистии для главарей «банд», которые могли вернуться к мирной жизни и привести с повинной всех бойцов с оружием и снаряжением. Амнистия охватывала также дезертиров из РККА и беглецов из концлагерей. Приказ № 1 крайвоенсовещания сулил им «особые охранные листы», а в случае полного раскаяния – восстановление гражданских прав. Все сдавшиеся подлежали учету в ВЧК и военкоматах. Срок добровольной явки истекал 1 сентября, после чего должно было последовать беспощадное уничтожение. Двадцатый год для Кубано-Черноморской области характеризовался неуверенностью. Военно-политическая ситуация с каждым днем накалялась. Власть находилась в состоянии неопределенности. Население занимало выжидательную позицию и не проявляло каких-либо действий в поддержку советской власти. Тревога существовала в отношении возможности высадки военного десанта на побережье Таманского полуострова. Военные организовывали воздушную разведку по Керченскому проливу и Азовскому морю. Результаты воздушных разведок свидетельствовали, что ведется подготовка к морскому десанту со стороны белых. Постоянно осуществлять контроль за морскими границами воинским частям не представлялось воз-

можным из-за отсутствия достаточных материальных и военнотехнических средств. Обстрелы береговых батарей с морских орудий заставили части Красной Армии перейти к тактике выжидания. На территории Ейского укрепрайона находились следующие воинские части: 1-й отдельный стрелковый полк 1-й Кавдивизии (ком. Песчанов), Караульный батальон (Зацепа), Отдельная саперная рота 9-й Армии (Тидман), батарея «КАНЭ» (Вороновский), 2-я Легкая батарея (Соловьев)¹. Им было вменено соответствующим приказом организовать оборону Ейского отдела в случае высадки десанта и поддержки его со стороны «бело-зеленых» банд. Кубано-Черноморский ревком требовал ежедневной информации по установленной форме для оценки текущей ситуации. Ревкомы передавали телеграммы об обстановке на местах и отношении населения к советской власти. Лето 1920 г. оказалось жарким и захватывающим. Активизировались «бандиты» в тылу частей Красной Армии, которые отличались хорошим вооружением и тактической выучкой. В июле 1920 г. были организованы нападения на станицы Ейского отдела, в которых приняло участие до 300 человек. Бандиты 27 июля совершили рейд и оккупировали ст. Стародеревянковскую, убили милиционера и забрали весь хлеб.² В Тимашевском отделе банда в количестве 150–299 человек под руководством Иващенко готовила восстание. 17 июля было совершено нападение на ст. Куцевскую бандой в количестве 900 человек под руководством полковника Сухенко. В Майкопском отделе войсковая разведка обнаружила несколько бандформирований, рассредоточенных вокруг ст. Ханской. Одна банда, в количестве 20 человек под руководством Комиссариевича, находилась в 2 верстах от станицы, еще одна – в количестве 50 человек под руководством Малеева и третья банда – в количестве 20 человек под руководством Абранцева. Именно эти формирования совершили нападение на ст. Ханскую 3 августа 1920 г. Общее руководство действиями этих групп осуществлял есаул Чемельзинский. Состав этих банд был неоднороден, но основную массу составляли дезертиры и уклонисты от службы в Красной Армии.³ В связи с участвовавшими нападениями бандитов на станицы и советские учреждения, убийствами милиционеров и служащих органов местной власти наметились панические настроения среди руко-

водящего состава на местах. Высадка десанта Врангеля на Таманском полуострове стали серьезным испытанием для советской власти. Появление морского десанта возле ст. Ахтырской оказалось весьма неожиданным для частей Красной Армии. 14 августа 1920 г. в 10 часов начался обстрел ст. Ахтырской. Началась паника. Обстрел продолжался до часу дня. Затем началась высадка десанта. В ходе высадки десанта, по воспоминанию офицера, принимавшего участие в операции, военного сопротивления со стороны частей Красной Армии не было оказано. Возможно, если была бы организована оборона, высадка десанта не состоялась. Прибывшие белые части хотя были измождены, голодны, но фактов мародерства не было зафиксировано. 15 августа продолжилась операция и на берег были доставлены кавалерийские части, артиллерийские установки и часть пехоты. На высвободившиеся десантные баржи было погружено 15 вагонов муки, оставленных отступавшими частями Красной Армии. Военное командование белых объявило мобилизацию мужчин в возрасте от 20 до 30 лет. Это решение было вполне обоснованным по объективным причинам. Войсковые части были смешанными, представлены как казаками, так и иногородними. Но большая часть десанта была представлена офицерами. Командование десанта понимало, что, если будет организовано хоть какое-то военное сопротивление частями Красной Армии, в этом составе десант потерпит поражение. Но сам факт объявления мобилизации мужчин призывного возраста вызвал скрытое негодование среди населения. Были добровольцы, но коренным образом решить вопрос пополнения частей десанта они не могли. Высадившийся десант, в свою очередь, был разделен на три отряда в зависимости от оперативного направления. Первое направление – это Екатеринодар, второе – Ейск, третье – ст. Славянская. Станица Тимашевская была занята 20 августа 1920 г. пехотным полком в количестве 4 тыс. человек при поддержке двух броневинов. В этом же направлении выдвинулись из станицы Брюховецкой части, состоящие из калмыков. Станицы Роговская и Новоджериевская были оккупированы наступающими частями белых. В районе Новороссийска (Абрау) высадился десант, к которому присоединились местные бандформирования под руководством полковника Лебедева.⁴ Решение проблемы

было найдено в усилении репрессивных мер по отношению к мирному населению. Представители Кубчека (Костаренко), Реввоенсовета 9-й Армии, Облревкома (Атарбеков), Особого отдела (Когон) на совместном заседании 4 сентября 1920 г. приняли решение Кубано-Черноморскую область разделить на 5 районов: 1. Тимашевский отдел и Новороссийский округ; 2. Екатеринодарский отдел, Туапсинский и Сочинский округа; 3. Кавказский отдел; 4. Лабинский, Баталпашинский и Майкопский отделы; 5. Ейский отдел. Каждый отдел, в свою очередь, разбивался на 10 участков. Для успокоения кубанской станицы на места выезжали особые тройки в сопровождении воинских частей. Действовали они по инструкции, которая предписывала проводить сходы казаков, где им предлагалась добровольная сдача оружия, и вводился комендантский час. После обысков и в случае обнаружения оружия – расстрел на месте. Данное мероприятие повторялось до полной конфискации оружия. Членов семей, входящих в состав «бело-зеленых», вывозили в различные регионы России или концентрационные лагеря. Действенным оружием, по мнению руководителей местной милиции, было изъятие заложников и их расстрел. Но в последующем было принято решение не расстреливать на месте, а направлять подозреваемых в ЧК.⁵ Однако население продолжало поддерживать «бело-зеленых» в снабжении продовольствием, снаряжением и информировать о всех передвижениях воинских частей. Милиция в организации и проведении действенных мероприятий в отношении «бело-зеленых» не могла оказать существенной помощи воинским частям и ЧК. По определению Облисполкома, милиция была бессильна противостоять «бело-зеленым», хотя к этому времени они насчитывали 2–3 тыс. человек, а сама милиция имела личный состав в количестве 8000 чел. Но при этом боеспособными были признаны лишь 25% от личного состава.⁶ Предполагалось для эффективной борьбы с «бело-зелеными» сформировать отряд казаков с последующим его внедрением в состав «бело-зеленых». Основные части «бело-зеленых» вели организованное сопротивление в Краснодарском, Тимашевском, Майкопском и Ейском отделах, только на Черноморском побережье отсутствовали их структуры. Эти отделы были центрами организации сопротивления, но взаимо-

действие между ними отсутствовало. В октябре 1920 г. первая конференция Кубчеробластка вынуждена была признать факт полного нейтралитета казачества и крестьян по отношению к советской власти. Информация, поступавшая из станиц, свидетельствовала о полном непонимании или нежелании понять суть и значение новой власти. Отсутствовала какая-либо политическая или просветительская работа. Местные партийные структуры были недееспособны.⁷ Десант Врангеля послужил экзаменом для советской власти и местного населения. «Нейтралитет» казачества способствовал успешному отражению провокации. В последующем работа была сконцентрирована на укреплении первичных партийных ячеек и усилении работы среди казачества. С этой целью принимались меры по формированию крепкого и многочисленного среднего слоя казачества. Землеустроительная работа в станицах была направлена на то, чтобы обеспечить малоимущих земель и не допустить уменьшения количества середняка. Казаки, обладая значительной частью земельных угодий, засеяли лишь половину, что естественным образом сказалось на урожайности. Объяснить это возможно той продовольственной политикой, которую проводила советская власть. «Здесь нужно учесть психологию казака, никогда не платившего налога, чтобы понять ту упорную злобу, с какой они отнеслись к выполнению продналога».⁸ Многие крестьяне реализовали свой товар и часть инвентаря с целью рассчитаться с государством, что привело к дефициту продовольствия в самой станице. По отношению к населению городов, представленному различными политическими течениями и социальными слоями, партийные органы требовали принятия решительных, репрессивных мер. Рабочие, малочисленное по составу, в перспективе должны были пройти политический ликбез и стать орудием для достижения поставленной цели партии. Однако информация с мест свидетельствовала о тяжелом положении рабочих и нарастании политического недовольства в их среде. Ряд крупных по меркам области предприятий простаивал. Рабочие бывшего завода «Саломас», находясь в крайне тяжелом положении из-за отсутствия продовольствия, отказывались выходить на работу.⁹ Они переходили от экономических лозунгов к политическим требованиям. Ситуацию на местах, в особенности в сельской

местности, стали контролировать те, кто имел военное превосходство, а в основном это были «бело-зеленые» формирования. Тяжелое экономическое положение, выразившееся в большом недосеве полей, в природных катаклизмах, хозяйственной разрухе, способствовало нарастанию политического кризиса. Но меры, принимаемые властью с целью преодоления последствий кризиса, и в первую очередь продовольственного, встречались населением враждебно. Мелкая буржуазия в городе, по мнению партийных руководителей области, была открыто враждебно настроена. Часть ответственных работников советского аппарата покидали свои рабочие места и отказывались выходить на работу. По итогам работы за второе полугодие 1920 г. было признано, что «некоторые ревкомы явно помогают “бело-зеленым”». Коммунистические ячейки полностью бездействуют. В станицах плохое настроение. Станичники недовольны составом ревкомов и комячеек. Центр оторван от местных проблем».¹⁰ Часть «бело-зеленых» формирований вели постоянную активную деятельность. Они держали в напряжении местные органы власти, милицию, военные части. Оперативные сводки военных комиссариатов свидетельствуют о том, что нападения на станицы стали явлением закономерным. В Ейске с целью принятия превентивных мер летом 1920 г. стали проводить поголовные обыски. Поиски оружия, пропагандистского материала дали определенный результат, но поставленных целей не достигли.¹¹ Население занимало выжидательную позицию, негативно относилось к иногородним, на которых делала ставку советская власть. На них казаки смотрели как на пришельцев, желающих узурпировать власть и отнять землю. Например, в Ейском отделе 65% населения составляли казаки, и, естественно не приходилось говорить о положительном отношении населения к советской власти.¹² Если беднейшая часть казаков проявляла политические симпатии по отношению к советской власти, то большая часть казаков в лице середняков выжидала, а кулаки и интеллигенция не скрывали своего враждебного отношения. Экономическая политика, основанная на постоянных реквизициях продовольствия, вызывала открытое недовольство казачества.¹³ Областное руководство предпринимало политические шаги по сближению с населением и возможности получить под-

держку. В дни празднования третьей годовщины Октябрьской революции было издано Постановление Кубано-Черноморского Революционного комитета от 26 ноября 1920 г., в котором объявлялась амнистия противникам советской власти.¹⁴ Ряд местных партийных организаций обратились к членам ВКП(б) с призывом организовать боевые партийные отряды. Эти отряды особого назначения в случае крупномасштабного вторжения на территорию Кубани должны были стать одновременно основой партизанских отрядов. Эти отчаянные призывы на фоне полного недоверия к милиции, отсутствия боеспособных воинских частей свидетельствовали о критическом положении советской власти. Существовала угроза ее ликвидации.¹⁵ Воинские части, дислоцированные на административной границе Кубани, по мнению самих военных, снабжались неудовлетворительно: «продовольственное обеспечение – посредственное, обмундирования – нет, вооружение – плохое, боеспособность неудовлетворительная, уставшие».¹⁶ В Ейском отделе «бело-зеленое» формирование под руководством полковника Сухенко численностью в 150–200 человек держало под постоянным давлением станицы Каневскую, Новодеревянковскую, Привольную и близлежащие хутора. Снабжение продовольствием и обмундированием производило местное население и главным образом жители станицы Новодеревянковской. В приказе руководителя местного военного комиссариата перед военными ставилась задача ликвидировать банду и первым делом переселить жителей хуторов в станицы и тем самым лишить «бело-зеленых» оперативной информации и поддержки местных жителей.¹⁷ Активизация «бело-зеленых» формирований в конце 1920 г. объясняется еще и тем, что успешные действия частей Красной Армии в Украине заставили их передислоцироваться на Кубань. Части Красной Армии, дислоцированные на Кубани, вынуждены были принять упредительные меры. Были установлены стационарные и передвижные пункты наблюдения. Но они оказались малоэффективными по ряду объективных причин, в том числе из-за отсутствия достаточного количества военнослужащих.

С целью активизации населения были организованы митинги и собрания в части станиц Кубани. Информация по итогам этих мероприятий поступала в Екатеринодар. Отрицательное от-

ношение к советской власти высказали в таких станицах, как Старо-Корсунская, Бело-Сельская, Ново-Дмитриевская, Васюринская, Рязанская, Пашковская.¹⁸ В населенных пунктах городского типа с преобладанием иногороднего населения советская власть получила поддержку – Усть-Лабинске, Черноморской, Северской.¹⁹ В отчетном докладе партийной ячейки ст. Георгие-Афипской признается факт тяжелого положения советской власти. Малограмотные и молодые члены парткома не имеют опыта работы. Бездействует местная школа. Большие площади земли не засеяны. Недовольство высказывают по поводу отсутствия предметов, необходимых для крестьянского хозяйства и быта. Отсутствие какой-либо работы, слабость партийных и советских органов способствуют тому, что члены «бело-зеленых» формирований и дезертиры чувствуют себя свободно. «Необходимо нейтрализовать кубанское казачество и сделать своими союзниками иногороднее население».²⁰ Ряд партийных организаций в своих отчетных докладах отмечали, что с решением проблем текущего момента, а это проведение продовольственной разверстки и посевных мероприятий, необходимо было организовать широкую агитацию против «контрреволюционно настроенного казачества», особое внимание при этом уделяя ликвидации безграмотности и восстановлению транспортной инфраструктуры.²¹ Воспитательная работа среди населения велась в основном с помощью лекций, бесед, собраний, митингов,²² что было малоэффективным. Выявляемые злоупотребления в деятельности советских чиновников вызывали открытое недовольство населения. Политическая ситуация была сложной и запутанной. Часть партийных функционеров ситуацию характеризовала как скверную. Отсутствовала какая-либо связь между партийными ячейками и областным комитетом. На местах шел процесс разложения еще до конца не сформировавшейся партократии. Те, кто выступал в защиту новой власти в момент высадки десанта Врангеля, в последующем стали противниками советов и воевали в составе «бело-зеленых». А с мест поступали предложения вернуться к политике 1918 г. И в этих условиях прозвучали такие слова. «Контрреволюция кроется в нас самих, и мы должны подумать о том, чтобы управлять достойно», – из выступления партийного функционера т. Смирнова на партийной конференции.²³ Невозможно было пе-

ревести государственную систему управления с военных методов руководства на мирные без серьезных проблем, нарушений действующего законодательства или устоявшихся норм, политических и экономических потрясений. Именно этот период переживала молодая Советская Россия. Выстроить вертикаль политического диалога с населением оказалось сделать труднее, чем победить на полях сражений.

Части 9-й Армии были на этот период политически благонадежны, но с учетом боевых действий, совершенных переходов находились в состоянии сильной физической усталости. Это оказывало влияние на их общую боевую подготовку и результаты боевых столкновений с «бело-зелеными» формированиями. В тех 18 станицах, в которых побывали части Красной Армии, констатировали факт полного отсутствия ни то что руководства, а в целом партийного аппарата. В станицах полным хозяином оставался зажиточный казак, который продолжал успешно вести свое хозяйство. Он поддерживал членов «бело-зеленых» формирований продовольствием и оружием. Поэтому мобильные военизированные формирования из местных жителей становились и политической силой, и местной властью, и источником политической информации. Они определяли общественно-политическую ситуацию в станице и отделах и тем самым оказывали серьезное давление на власть большевиков и ставили под сомнение ее легитимность. Зачастую информацию о состоянии дел в стране интерпретировали с учетом собственных интересов, что создавало видимость близкой гибели новой власти. Ситуация была напряженной и угрожающей. Бедняки и середняки в станицах пытались сохранить позицию нейтралитета. И была надежда на то, что в связи с переходом к продовольственному налогу ситуация в станицах станет более благонадежной. Крестьянская война в России, как в центре, так и на ее окраинах, могла свести на нет политические победы коммунистов последних лет. Постоянное присутствие частей Красной Армии снижало политическое и военное противостояние. Но постоянно держать части регулярной армии на территории области не представлялось возможным. Приходилось реагировать по принципу пожарной бригады. 30 мая 1921 г. Юго-Восточное бюро РКП(б) направило обкомам и губкомам циркулярное письмо, в котором предложило усилить агитацию

против «бандитизма». Для «явно контрреволюционных сел» предусматривалась система заложников. В отношении станиц и деревень, упорно, активно содействующих бандам и неисправимо контрреволюционных, предусматривались меры карательные, вплоть до полного уничтожения станицы или села и массовых расстрелов.

Примечания

-
- ¹ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 757. Л. 8.
 - ² ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 786. Л. 45–46.
 - ³ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 788. Л. 28.
 - ⁴ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 784. Л. 52.
 - ⁵ ЦДНИИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249. Л. 1–2.
 - ⁶ Там же. Л. 3.
 - ⁷ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
 - ⁸ ЦДНИИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 193. Л. 2.
 - ⁹ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 20. Л. 17.
 - ¹⁰ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.
 - ¹¹ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 785. Л. 12.
 - ¹² ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 794. Л. 3.
 - ¹³ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 791. Л. 62.
 - ¹⁴ ЦДНИ КК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.
 - ¹⁵ Там же. Л. 86.
 - ¹⁶ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 793. Л. 5.
 - ¹⁷ ГАКК. Ф. Р. 756. Оп. 1. Д. 770. Л. 4.
 - ¹⁸ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 88. Л. 2.
 - ¹⁹ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.
 - ²⁰ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 171. Л. 27.
 - ²¹ ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 166. Л. 1 об.
 - ²² ЦДНИИ КК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 274. Л. 1.
 - ²³ ЦДНИИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85. Л. 8.

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕГЕМОНИИ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ В 20-х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ЮГА УКРАИНЫ)

Одним из базовых принципов развития демократического общества является наличие политических партий, отображающих интересы, потребности и цели максимально большего числа граждан. Приход к власти большевиков обозначил отказ правящего режима от открытого политического единоборства, установления диктатуры пролетариата, единственным выразителем интересов которого являлась большевистская партия.

В первую очередь жестоко преследовались остатки враждебных большевикам партий, костяк которых составляли «классово чуждые и контрреволюционные элементы». Так, в июне 1920 года в Одессе была раскрыта объединенная Врангелевско-Петлюровская организация. 54 человека, которые, согласно обвинительному заключению, принимали активное участие в ее работе, были расстреляны [1].

В июле этого же года в Николаеве была раскрыта и ликвидирована монархическая организация. По данным следствия, в городе имелась целая сеть явочных квартир, а их сторонники работали на местном телеграфе и в учреждениях Советской власти [2].

В дальнейшем, для борьбы с монархистами ЧК был разработан ряд мер, включавших в себя следующие пункты: держать на постоянном учете и чаще проверять всех бывших кадетов, монархистов и других антисоветских элементов (профессоров, общественных деятелей); выделить среди них группу наиболее видных и активных, установив за ними непрерывное наблюдение, максимум внимания уделить увеличению числа секретных осведомителей среди них и окружающей их среды; установить контроль всей корреспонденции, приходящей на лиц антисоветского актива; взять на учет семьи близких и родственников лиц, эмигрировавших за границу; следить за характером их общественной работы, особенно за содержаниями докладов, лекций [3].

С окончанием Гражданской войны большевики потеряли интерес к сотрудничеству с партиями и движениями коммунистической и социалистической ориентации. Начался процесс полного вытеснения их с политической арены.

Одной из самых влиятельных небольшевистских партий в Украине была РСДРП(м). В 1919 году на VIII съезде РКП(б) В. Ленин назвал меньшевиков «худшими врагами социализма» и таким образом обозначил отношение официальной власти к ним. Начиная с 1920 года репрессии против членов РСДРП приняли системный характер. Большевиков не устраивало, что социал-демократы пользовались авторитетом в рабочей среде Украины, сохранили перевес в руководстве целого ряда профсоюзных организаций (Киевской, Полтавской, Катеринославской и других). В начале 1922 года ГПУ признает РСДРП наиболее активной оппозиционной партией Украины.

В марте 1923 года Ф. Дзержинский обозначил комплекс мероприятий, направленных на окончательное прекращение деятельности РСДРП. Главными из них были: слежение за ячейками меньшевиков на промышленных предприятиях, внедрение в них собственной агентуры, чистка от меньшевиков советских и учебных заведений, контрагитация и дискредитация их лидеров в рабочей среде и др. [4].

На протяжении 1920–1923 годов состоялся целый ряд судебных процессов над меньшевистскими лидерами, представителями молодежного движения. В июне 1921 года в Одессе был закрыт клуб меньшевиков имени Маркса и выявлен источник, снабжающий их типографию бумагой. В результате арестов, происшедших в ноябре 1921 года, была полностью прекращена издательская работа меньшевиков Одессы.

В начале 1923 года в Одессе состоялся суд над 30 меньшевистскими лидерами. Вместе с тем политбюро ЦК КП(б)У запретило меньшевикам работать в профсоюзных органах.

Тем не менее деятельность организации продолжалась. Поэтому в феврале 1923 года ГПУ перевело в Одессу из Николаева секретного сотрудника, внедрившегося в состав меньшевиков. Это позволило чекистам получить исчерпывающую информацию об Одесском меньшевистском комитете, выяснить каналы посту-

пления литературы (московский «Социалистический вестник») и взять на учет всех членов организации [5].

В 1923 году большевики, борясь с РСДРП, заставляли политических оппонентов публично отрекаться от партийной деятельности. Стимулировалась позиция о самороспуске партии. На проходившем 1–3 февраля 1924 года в Харькове Всеукраинском съезде бывших социал-демократов было принято решение о ликвидации партии и вступлении в РКП(б). На протяжении года 2164 украинских меньшевика подали заявления о выходе из партии [6].

Данные спецсводок Николаевского окружного и районных отделений ГПУ за апрель–ноябрь 1923 года об экономическом и политическом состоянии г. Николаева и сельских районов округа позволяют сделать вывод о плачевном состоянии меньшевиков Николаева: «...За отчетный период группировка РСДРП бездействует, но все же отдельные члены ее при случайных встречах между собой питают надежду на восстановление связи с Центром и другими городами, предполагая этим оживить свою работу. Но вместе с тем фактическая работа никакая не проводится и только в отдельности члены таковых агитируют среди рабочих масс, но понимания среди них не находят...» [7].

Проводимые меры дали основание ГПУ констатировать, что к 1925 году оперативный разгром партии завершен, а роль ее в социально-экономической жизни страны сведена к нулю. В этот период работа ГПУ будет сводиться преимущественно к слежению за отдельными социал-демократами и мероприятиям, препятствующим их объединению и установлению связей с эмигрантскими партийными кругами.

Подтверждением этому служат донесения ОГПУ за сентябрь–декабрь 1925 года в Николаеве: «...члены группировки от меньшевиков ничем себя не проявляют, утратив внимание рабочих масс. Все же некоторые члены проводят свою агитацию, как например, среди рабочих-грузчиков. На заводе «Серп и молот» бывшими членами группировок ведется агитация на экономической почве. Существенных результатов она не имеет.

Кроме того, в Николаевском отделении состоит на учете 10 человек бывших членов РСДРП, игравших некогда видную роль в меньшевистской организации города Николаева. По социаль-

ному положению они все являются интеллигентами и работают сейчас в общегородских учреждениях. Вследствие оторванности от политической жизни активности не проявляют...» [8].

Из двух существовавших в Украине до 1920 года социал-демократических партий – УСДРП и УРСДРП – продолжала функционировать лишь первая. Еще в 1919 году большая часть УРСДРП объединилась с украинскими левыми эсерами в партию боротьбистов, а меньшая, на съезде в январе 1920 года, провозгласила себя Украинской коммунистической партией (УКП). Тогда же УКП провозгласила большевистскую власть оккупационной и призвала украинских коммунистов создать единый фронт против КП(б)У.

Логично, что власть отреагировала на это преследованиями укапистов, следствием чего стала растерянность в рядах УКП, местные организации практически прекратили активную деятельность, впоследствии выступив за самоликвидацию партии.

Утомленное гражданской войной и разрухой крестьянство, – социальная база украинских национал-коммунистов – хотя и поддерживало некоторые их лозунги, но политической активности не проявляло. В Ново-Юрьевском сельсовете Ново-Бугского района на протяжении апреля–июля 1925 года находился укапист, который стремился создать ячейку УКП, но его действия были осуждены местным населением. Не добившись никаких результатов, он оставил сельсовет [9].

Несмотря на это власти внимательно отслеживали публикации западной и эмигрантской прессы касательно положения дел в Украине. Согласно аналитическому обзору зарубежной прессы, проведенному Николаевским окружкомом КП(Б) Украины в сентябре 1925 года, особое внимание уделялось статьям, посвященным ликвидации УКП.

Одна из таких публикаций вышла в журнале «Новая Украина», издаваемом «Революционным демократическим союзом» в Праге. С точки зрения авторов статьи, причины ликвидации УКП были следующими: «Главной причиной было, разумеется то, что укаписты не имели московского великодержавного чувства. Объективный анализ желаний УКП о принятии их наравне с РКП в Коминтерн означал ограничение московско-централизованной

диктатуры РКП. С ликвидацией УКП в Украине не осталось больше ни одной украинской партии, через которую, как через рупор, украинское крестьянство и пролетариат могли бы в легальной форме высказывать свои мысли. Вместе с тем не вызывает сомнений, что и после этого украинский трудовой народ будет использовать всяческие возможности для активной защиты своих интересов путем участия в органах управления советского государства» [10].

Еще одним ключевым объектом преследования властей являлись разнообразные партии и организации эсеров. До 1920 года в Украине действовало несколько эсеровских партий: партия правых эсеров (ПСР), партия левых эсеров (ПЛСР). С точки зрения официальной власти, именно правые эсеры проявили наибольшую активность в области воссоздания партии, выступая инициаторами объединения всех партий эсеровского толка.

Широкомасштабные репрессии против эсеров прошли в Украине во время избирательной кампании в советы весной 1920 года. В Николаеве эсеры, избранные депутатами в местный совет, были исключены из его состава за то, что воздержались при голосовании за избрание В. Ленина почетным членом президиума совета [11].

Руководящим центром всех эсеровских организаций Правобережья, с точки зрения ЧК, в 1922 году оставалась Одесса. Это объясняется пребыванием в городе Южного бюро всеукраинского комитета партии. Кроме того, организация умело вела подпольную работу, в первую очередь среди рабочей молодежи, в то время как остальные аналогичные группы Украины, кроме Харькова, практически ликвидированы [12].

12 апреля 1923 года по распоряжению Одесского Губотдела Госполитуправления посредством арестов была произведена ликвидация Николаевской организации ПСР. Арестовано 32 члена.

В связи с арестами членов организации ПСР работа отдельных членов оставшихся нетронутыми антисоветских группировок совершенно замерла. Боязнь арестов заставила часть уйти в более глубокое подполье, других – прекратить даже случайные встречи между собой.

Арестованные члены ПСР, в количестве 28 человек, подали заявление, указывая на свою лояльность и признание Советской власти, руководимой ВКП(б), а также отправили телеграмму с приветствием XII Съезда ВКП(б) как защитницы пролетариата [13].

Утратившие связь с центром группы эсеров Николаева не предпринимали активных попыток возобновить активную деятельность.

В связи с перевыборами 1924 года в Николаевский Горсовет среди правых эсеров наметилось некоторое оживление. Более того, отдельные партийцы планировали выставить собственные списки. Но, по мнению эсеровского активиста Соколова, данное мероприятие не даст результата и в момент выборов члены анти-советских партий стушевались, ничем себя не проявив. Единственным эпизодом стало выдвижение кандидатуры эсера Асиолова по списку рабочих завода имени А. Марти, но, учитывая неизбежность провала, он впоследствии взял самоотвод.

В Николаевском округе во второй половине 1924 – начале 1925 годов также не наблюдалось проведения активной работы среди эсеров. Исключением стало выступление левого эсера Хромейко в селе Горожено на общем собрании крестьян с неодобрением политики о предполагавшемся едином натуралоге. Но поддержки среди крестьян, из-за плохой осведомленности оратора в этом вопросе, его позиция не получила [14].

На момент окончания 1925 года в Николаевском ГПУ состояло на учете 35 человек – бывших членов ПСР, из них 10 работающих на предприятиях, остальные являлись рабочими-одиночками и безработными. Со времени последней ликвидации этой организации в апреле 1925 года их деятельность активно не проявлялась, преобладали настроения о вхождении в Компартию. Никакой связи с Центром установлено не было, и периодические издания эсеров в Николаев не поступали.

Но вместе с тем шла работа по организации общегубернского съезда бывших эсеров, а в Николаевском районе райсъезд проходил под сильным напором группы беспартийных с резко выраженными эсеровскими настроениями, во главе которых стоял Задорожный. ОГПУ на это ответило усилением внутреннего наблюдения за политически не благонадежными лицами [15].

Особое отношение у большевиков было к анархистам. Следует учитывать, что до ноября 1920 года на юго-востоке Украины действовала армия Махно. Как следовало из отчета «О секретно-оперативной деятельности ЧК на Украине», составленного в 1921 году: «...партии анархистско-авантюристической окраски, выметенные железной метлой из Советской России, собрались на Украине, где им позволяет держаться слабость и неорганизованность местной власти...» [16].

В феврале 1921 года в Одессе против анархистов была проведена спецоперация, по итогам которой было арестовано 30 человек. Несмотря на это отдельные члены анархистских групп продолжали работу. Как правило, основной упор делался на получение литературы и установление связи с Центром.

В сентябре 1922 года николаевские анархисты предприняли попытку связи с Центром для получения свежей литературы и ознакомления с тактикой анархистов, работающих в центре. Был получен журнал «Почин», издаваемый в Москве известным анархистом Атобекиным, весь номер которого был конфискован. Кроме того, получена брошюра под заглавием «Великий опыт», в которой резко критиковались действия Компартии.

14 мая 1924 года несколько николаевских анархистов решили собрать деньги, дабы иметь возможность связаться с московскими анархистами, выписывать оттуда литературу [17].

Таким образом, необходимо отметить, что наиболее последовательными своими противниками правящая партия считала членов оппозиционных партий и организаций. Особую тревогу режима вызывало влияние на население партий коммунистической и социалистической ориентации. Несмотря на демократический потенциал НЭПа органы ЧК-ГПУ применяли весь арсенал средств для установления режима однопартийности, что привело к исчезновению в середине 1920-х годов политических конкурентов большевиков. Рядовые члены оппозиционных партий, как правило, переходили в ряды РКП(б), а их лидеры были высланы либо арестованы в ходе политической борьбы. Разгром оппозиционных партий в итоге приведет не только к формированию тоталитарного общества, но и утвердит практику политического террора против членов компартии, нарушающих ее «генеральную линию».

Примечания

¹ Государственный архив Службы Безопасности Украины (далее – ГА СБУ). – Д. 414. – С. 76–78.

² Государственный архив Николаевской области (далее – ГАНО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 170. – С. 68–71.

³ ГА СБУ. – Д. 420. – С. 23–24.

⁴ Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 268–269.

⁵ Бриндак В. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопартійної системи в Україні в 20-ті роки ХХ століття. – Одеса – 1998. – С. 123.

⁶ Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 270.

⁷ ГАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 170. – С. 83.

⁸ Там же. – Д. 155. – С. 116–118.

⁹ Там же. – Д. 155. – С. 132.

¹⁰ Там же. – Д. 156. – С. 72–75.

¹¹ Політичний терор і тероризм в Україні. ХІХ–ХХ ст. Історичні нариси. – К.: Наукова думка, 2002. – С. 272.

¹² Бриндак В. Ліквідація більшовиками політичної опозиції та встановлення однопартійної системи в Україні в 20-ті роки ХХ століття. – Одеса. – 1998. – С. 129.

¹³ ГАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 158. – С. 27–28.

¹⁴ Там же. – Д. 160. – С. 94.

¹⁵ Там же. – Д. 158. – С. 44–46.

¹⁶ ГА СБУ. – Д. 422. – С. 31–32.

¹⁷ ГАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 158. – С. 103–105.

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА В ЧЕРНОМОРСКОМ ОКРУГЕ В ПЕРИОД ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ (1927–1929 гг.)

Провал кампании по сбору хлеба осенью 1927 г. вызвал широкомасштабное наступление на зажиточное крестьянство. Трудности со снабжением хлебом и рост цен на него руководство страны объясняло тем, что «частник и кулак... прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены...», в связи с чем выдвигалось требование чрезвычайных мер – «арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен». Судить их следовало «в особо срочном и не связанном с формальностями порядке» [1]. Средства массовой информации усиленно и настойчиво формировали образ врага – кулака-миroeда, укрывающего от справедливого изъятия тонны зерна. Крестьяне, попадающие в категорию кулаков, стали в массовом порядке подвергаться репрессиям.

Цель настоящей работы – рассмотреть особенности осуществления репрессивной политики в отношении зажиточных слоев населения черноморской деревни.

В силу определенных причин Черноморский округ не являлся зерновым регионом. Эта территория занимала узкую полосу, включающую в себя побережье от Анапы до Сочи, а также предгорные и горные районы. Природно-климатические условия Северо-Восточного Черноморья благоприятствуют выращиванию фруктов, винограда, табака, кукурузы. Но несмотря на ярко выраженную товарность сельскохозяйственного производства, свыше 60% хозяйств округа считались бедняцкими. В рассматриваемый период доля зажиточных крестьян составляла менее 3%. Причиной столь бедственного положения черноморской деревни являлись: отдаленность большинства сельских поселений от рынков сбыта; бездорожье; отсутствие необходимой техники и посадочного материала; недостаточное финансирование мероприятий по повышению уровня агрокультуры населения.

Производство полевых культур занимало важное место лишь в отраслевой структуре Анапского и Крымского районов.

Однако собранного хлеба не хватало даже для обеспечения жителей округа. Так, в 1926/27 хозяйственном году сельскому населению требовалось свыше 4000 тыс. пудов зерна, тогда как урожай составил чуть более 1500 тыс. пудов [2]. В 1927 г. из-за стихийных бедствий были уничтожены значительные площади посевов в Анапском районе. В результате товарная часть зерновых и масличных культур по округу снизилась с 1375 тыс. пудов до 395 тыс. Тем не менее план хлебозаготовок на 1927/28 гг. составил 70 тыс. пудов, и это задание было признано окружными властями выполнимым [3]. Хлебозаготовительную кампанию предполагалось проводить в «тесной увязке» с такими мероприятиями, как взыскание просроченных ссуд и недоимок по единому сельхозналогу, госстраху и т.п. [4]

В октябре 1928 г. задание по сбору хлеба было выполнено на 44%, в ноябре – на 38%. К 1 декабря процент выполнения годового плана составил 74,4% [5]. Для исправления сложившейся ситуации окружным комитетом партии был разработан ряд мер. Наряду с такими предложениями, как «бесперебойное и своевременное снабжение бронированными, дефицитными товарами хлебозаготовительных районов», предполагалось применение комплекса мероприятий репрессивного характера [6]. Постановлением окружного партийного комитета от 14 декабря 1928 г. вынесенные ранее предложения по «усилению» выполнения плана хлебозаготовок были оформлены как руководство к действию на местах. Всем районным комитетам партии в обязательном порядке предписывалось «срочно принять ряд практических мероприятий, связанных с усилением темпов поступления разного рода просроченных государственных и кооперативных платежей»; окружные торговые организации обязывались «при завозе промтоваров и... фуража учитывать в первую очередь хлебозаготовительные пункты при строгом соблюдении 15% бедноты»; всем местным органам власти указывалось на необходимость «заострить внимание общественного мнения села на вредную деятельность спекулирующего хлебом элемента и необходимость оказания... содействия по борьбе с ними... усилить борьбу со скупщиками хлеба... однако, чтобы эти мероприятия не стесняли рыночный хлебный оборот и свободную продажу хлеба» [7]. Несмотря на решительную борьбу с «хлебными спекулянтами» в конце

1920-х гг. в округе продолжала существовать частная торговля продукцией сельского хозяйства.

Тяжелое положение, сложившееся в Черноморском округе в ходе хлебозаготовительных кампаний, не осталось без внимания краевого руководства. Северо-Кавказский крайком партии в телеграмме, датированной декабрем 1928 г., охарактеризовал «темп развертывания текущих кампаний» в округе как «явно неудовлетворительный», и подчеркнул, что «совершенно недопустимым является снижение хлебозаготовок...» [8]. В качестве неотложных мер для исправления ситуации были предложены (в приказном порядке) следующие: «районным комитетам максимально усилить организационно-политическую работу среди батрацко-середняцких и середняцких масс деревни, организуя их вокруг безусловного выполнения плана хлебозаготовок и практического осуществления нажима на кулака и преодоления его сопротивления»; «немедленно... проверить работу в низовых организациях по хлебозаготовкам... за искривление линии в хлебозаготовках... не останавливаться перед снятием виновных с работы и преданием их суду»; «фракции окружного суда дать указания нарсудам о внеочередном разборе дел, связанных с хлебозаготовками. При вынесении приговоров... обеспечить твердое проведение классовой линии» [9]. Жесткий тон директивы вполне соответствовал атмосфере, которая установилась в стране на закате НЭПа, – атмосфере, насыщенной страхом, борьбой с непокорными и инакомыслящими, поисками врага.

Судебные органы принимали самое непосредственное участие в деле усиления хлебозаготовок. Как следует из отчета Черноморского окружного суда за 1928 г., его работа в период проведения хлебозаготовительных кампаний заключалась в следующем:

«а) в быстроте рассмотрения дел, связанных с кампанией, причем срок рассмотрения дел был установлен в 1 сутки с момента поступления дела к слушанию;

б) в жестокости карательной линии по отношению к спекулянтам, кулакам и другим частным лицам, так или иначе вредившим хлебозаготовкам» [10].

За два месяца 1928 г. районными судами были рассмотрены с вынесением приговора 18 уголовных дел по ст. 107 УК, связан-

ных со спекуляцией хлебом; 40 дел по обвинению в сокрытии доходов от торговли, а также в злостных неплатежах и мошенничестве с целью избежать платежа; 5 дел, возбужденных против должностных лиц за их «бездействие и халатность». Социальный состав осужденных был следующим: 18 человек – кулаков и владельцев мельниц, 27 – середняков, 10 – бедняков; 35 человек были отнесены к категории «спекулянтов, перекупщиков и других частных лиц», 6 – к «должностным лицам». Осужденным назначалась разная мера наказания: наложение штрафов, конфискация имущества, высылка. К лишению свободы были приговорены 34 человека из «спекулянтов, торговцев, скупщиков», 17 кулаков, 11 середняков, 6 бедняков и 5 должностных лиц.

Классовая линия в работе окружного суда проявилась в том, что все дела на бедняков и середняков были истребованы в порядке надзора и рассмотрены председателем окружного суда и окружным прокурором. В результате были кассированы приговоры по 16 делам, возбужденным в отношении середняков. Только 1 осужденный-середняк отбыл наказание в виде 1 месяца лишения свободы, остальные были приговорены к штрафу в размере 15 руб. В отношении бедняков также все дела были кассированы, из них по 3 делам произведена замена меры наказания с лишения свободы на денежный штраф, по остальным делам уголовное преследование было прекращено. Приговоры по другим категориям осужденных были оставлены высшими инстанциями без изменения [11].

8 февраля 1929 г. было опубликовано постановление ЦИК и СНК СССР «О едином сельскохозяйственном налоге и облегчении обложения середняцкого хозяйства». Местным руководящим органам было дано право самим решать, какие хозяйства относить к кулацким и какие налоги устанавливать применительно к условиям данного сельскохозяйственного региона [12].

В соответствии с этим Северо-Кавказский крайисполком 27 марта 1929 г. вынес постановление, в котором указывались признаки кулацкого хозяйства. В первую очередь к кулакам относили скупщиков сельскохозяйственной продукции, которых обвиняли в «подрыве» политики цен, и ростовщиков. К ним же были отнесены и мелкие капиталисты, к которым причислялись владельцы мельниц, маслобоек, крупорушек, плодовых и овощных

сушилок или других предприятий, оборудованных механическими двигателями и использующих наемный труд, а также владельцы молотилок и тракторов, получающие доход от их эксплуатации в чужих хозяйствах. К кулакам не причисляли владельцев мелких ветряков и водянок, оборудованных одним поставом; владельцев мелких сушилок, используемых лишь в своем хозяйстве.

Крестьяне, которые широко применяли в своих хозяйствах труд постоянных и сезонных наемных рабочих, также были зачислены в кулаки. Однако хозяйство не считалось кулацким, если наемный труд применялся не более 75 человеко-дней в плодоводстве, 125–150 человеко-дней – в садоводстве, огородничестве и виноградарстве и 250 человеко-дней – в табаководстве. Эти нормы были разработаны в соответствии с условиями ряда регионов Северо-Кавказского края, в том числе и Черноморского округа, где использование наемного труда было необходимо при производстве таких трудоемких культур, как табак и виноград.

Кроме перечисленных категорий населения к кулакам относили служителей культа не зависимо от вероисповедания; квартиросдатчиков, имеющих доход свыше 300 руб. в год; арендаторов больших участков садов и виноградников в случае, если аренда имеет целью их эксплуатацию, а не восстановление [13]. По поводу двух последних категорий заметим, что сдача квартир составляла значительную часть неземледельческих заработков для жителей прибрежных селений, а арендаторами садов и виноградников являлись, как правило, предприимчивые крестьяне, которые производили товарные культуры, дающие хороший урожай в условиях Черноморья.

В сентябре 1929 г. Черноморским окружным земельным управлением была организована проверка «нетрудовых классово-чуждых» элементов в сельских местностях округа. Целью ее являлось лишение кулаков избирательных прав, при этом доля лишенцев должна была составить не менее 13% крестьянства. Такая цифра привела в недоумение некоторых ответственных работников, которые заявляли, что «в Черноморском округе, где кулацких хозяйств очень мало, там догнать процент лишенных избирательных прав до тринадцати, это дело совсем несуразное...» [14]. Всего было обследовано 1794 хозяйства, в их числе 471 хозяйст-

во было признано нетрудовым, принадлежащим к «явно чуждому, контрреволюционному элементу». Классовая принадлежность хозяйства определялась на сходах деревенской бедноты, по спискам сельсоветов и по данным райисполкомов. По результатам проверки Черноморский окружной исполнительный комитет вынес решение «в срочном порядке рассмотреть все дела на выявленных классово-чуждых элементов в судебных комиссиях — на предмет их лишения землепользования и удаления из пределов Черноморья» [15].

По спискам, составленным налоговыми органами, в 1929 г. в округе насчитывалось 34 834 крестьянских хозяйства [16]. Таким образом, в результате работы комиссии было лишено прав только 1,3% хозяйств, то есть в десять раз меньше планового задания. Основная причина заключалась в крайне низком экономическом уровне развития крестьянских хозяйств округа, где даже в период расцвета НЭПа совокупная доля зажиточных крестьянских хозяйств составляла не более 3%. Также важное влияние на результат проверки оказал и тот фактор, что окружные власти довольно осторожно вели борьбу с кулаками. Так, в докладе секретаря Черноморского окружного комитета партии т. Подгорного, сделанном на VI окружном пленуме (апрель 1928 г.), было заявлено: «У нас была определенная директива не церемониться с кулаком, если он срывает наши практические мероприятия; брать у него хлеб, навязывать заем, но... это не должно приводить к политике полного уничтожения кулака и ликвидации НЭПа. Мы должны хозяйственно (выделено в источнике — *О.Б.*) вытеснять капиталистические элементы» [17]. Иными словами, руководство округа предпочитало экономические, а не административно-правовые методы воздействия на зажиточные слои населения, заявляя о необходимости сохранения основных принципов НЭПа: «Существование простого товарного крестьянского хозяйства требует методов НЭПа (свободный товарооборот и денежное обращение), и только политика НЭПа гарантирует нам нормальные отношения с середняком деревни, и даже с бедняком» [18].

Однако эти заявления шли вразрез с политикой партии. Центральная власть взяла твердый курс на ускоренное вытеснение из аграрного сектора единоличных хозяйств. Война с кулачеством набирала обороты и постепенно распространялась на все

крестьянство. Вскоре ее жертвами станут предприимчивые владельцы как «нетрудовых», так и «трудовых» хозяйств, а также местные власти, предпочитающие экономические методы чрезвычайным мерам. Черноморские крестьяне разделят горькую участь всего сельского населения страны, а значительная часть окружного руководства вместе с А. Подгорным будет репрессирована.

Примечания

¹ Цит. по: Данилов В.П., Ивницкий И.А. О деревне накануне и в ходе сплошной коллективизации. // Документы свидетельствуют. – М., 1989. – С. 21.

² Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 2443. Оп. 2. Д. 1188. Л. 20 об.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). Ф. 9. Оп. 1. Д. 840. Л. 1.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 841. Л. 152.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 892. Л. 13.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 841. Л. 154.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 892. Л. 14.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 841. Л. 283.

⁹ Там же. Л. 283.

¹⁰ Там же. Л. 122 об.

¹¹ Там же. Л. 123.

¹² Архив музея истории Хостинского района г. Сочи (далее – АМИХРС). Ф. ВФ-1. Д. 164. Л. 5.

¹³ Там же. Л. 5–6.

¹⁴ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 285. Л. 37.

¹⁵ Архивный отдел администрации города Новороссийска (далее – АОАГН). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1158. Л. 54.

¹⁶ ГАРО. Р-98. Оп. 2. Д. 58. Л. 47.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 896а. Л. 6–7.

¹⁸ Там же. Л. 7.

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» 1929–1930 ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ ХОПЕРСКОГО И БАЛАШОВСКОГО ОКРУГОВ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ

В череде советских политических репрессий 1920–1930-х годов особое место по демографическим последствиям занимает так называемый Великий перелом, начатый Сталиным 80 лет назад с насильственной коллективизации села, продолженный в 1930-м насильственной депортацией миллионов крестьян «на Соловки» и завершенный в 1933-м голодомором, особенно сильно сказавшимся в Украине, на Кубани и в Нижнем Поволжье.

И поныне немалая часть народа, воспитанная на советских учебниках истории, верит, что альтернативы сталинскому варианту коллективизации не было, а в последующих жертвах виноваты кулаки. Этому способствовала не только тотальная секретность архивных документов, но и «чистка» газетных фондов библиотек. Например, даже в Российской Государственной библиотеке – бывшей «Ленинке» – по ряду районов, где свирепствовал голодомор, районные газеты за 1932–1933 годы оказались изъятыми, с библиографическим пояснением, что по ним «Сведений нет».

Начиная «Великий перелом», руководители многих регионов торопились доложить о своих округах сплошной коллективизации, но опытно-показательным был определен Хоперский округ Нижне-Волжского края. Именно о хоперских делах шла речь в 1929 году на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) и на декабрьском съезде «аграрников-марксистов». Но помимо широко публикуемых речей Сталина там были и тайные операции ОГПУ с политическими мистификациями и превентивными арестами.

8 октября 1929 года Шеболдаев, ответственный секретарь Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), направил в ЦК ВКП(б) Кагановичу, «с коммунистическим приветом», докладную записку о том, что «за последние месяцы в крае вскрыты три крупные контрреволюционные организации, имеющие своей основной задачей вооруженное восстание». Наиболее оформленной ОГПУ считало, естественно, хоперскую. Здесь планировалось изъять

более 500 «нежелательных элементов». Второй организацией считалась «заволжская», в том числе в АССР немцев Поволжья, а третья – национальная, «калмыцкая».

Шеболдаев писал, что из «хоперской организации» арестовано 200 человек, заволжской – 50, калмыцкой – свыше 100, и предстоит еще арестовать по этим делам более 1000 человек.

В материалах «Особая папка» Политбюро ЦК ВКП(б) имеются документы, что 23 ноября 1929 года Политбюро рассмотрело информацию Шеболдаева об «эсеров-кулацкой повстанческой организации» в Нижнем Поволжье и поручило ОГПУ принять соответствующие меры, расстреляв до 50 руководителей. *(Центр документации новейшей истории Саратовской области. Ф. 55. Оп. 1. Д. 64. Лл. 143–146; Вопросы истории. 1996 г. № 8. Стр. 18).*

А краевая газета «Поволжская правда» еще 5 ноября 1929 года оповестила: *«ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю раскрыта и ликвидирована в Хоперском округе белогвардейская контрреволюционная организация, ставившая целью вооруженное выступление против советской власти.*

Бывший генерал-майор белой армии Якушев Павел Мартынович, бывшие хорунжие-резмигранты, бывший есаул расстреляны. Остальные заключены в концлагеря на различные сроки...».

Но маховик политического террора только начинал раскручиваться. Насильственная коллективизация и раскулачивание, а затем депортация части крестьян в северные и сибирские регионы толкали народ на противодействие. *И если в 1928 году по стране было арестовано 33 757 человек, из них 869 расстреляно, то в 1929 году арестовали 56 220 человек, из которых расстреляли 2109, а в 1930 году было арестовано уже 208 069 человек и расстреляно 20 201 («Отечественная история», 1997 г., № 6, стр. 59).*

По Нижне-Волжскому краю ОГПУ зафиксировало за 1929 год пять массовых выступлений народа «на почве колхозного строительства» и пять – из-за ареста крестьян. Это составляет около 10% от всех выступлений того года. *(ЦДНИСО, там же, д. 180, лл. 35–41).* По мере развертывания репрессий против крестьян по сводкам ОГПУ наглядно виден и рост сопротивления народа. В 1930 году по краю за январь зафиксировано 5 выступлений на почве колхозного строительства и 2 – из-за ликвидации

кулаков, за февраль – 4 и 15 соответственно, за март – 44 и 68, за апрель – 26 и 66 соответственно. Задавленный Хоперский округ в январе–феврале молчал, за март ОГПУ зафиксировало здесь 8 выступлений и 4 – за апрель. Но за один лишь февраль 1930 года из 45 зафиксированных краевым ОГПУ терактов против активистов раскулачивания 6 отмечены на Хопре (*Там же*, л. 89). А более трети всех массовых выступлений прошли тогда в соседнем Балашовском округе (*Там же*, л. 142). *Как же было не бунтовать, если, например, 25-тысячник Семенов, в Мало-Сердобинском районе, напившись пьяным, требовал себе жену кулака (Там же, д. 176, лл. 140–142). Изнасилования пьяными активистами жен раскулачиваемых на глазах мужей отмечались не раз, не говоря уже об иных преступлениях. Вот ОГПУ и отметило рост массовых протестов по всей стране: в январе – около 400, феврале – 1048, а в марте – 6528.*

Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» предписало ликвидировать в среднем 3–5% крестьянских хозяйств, которые по сведениям налогово-финансовых органов считались кулацкими. Нижнее-волжскому краю предписано было 4–6 тысяч глав хозяйств заключить в концлагеря, а 10–12 тысяч – выслать за пределы края. Остальные попадали в третью категорию для выселения на районные кулацкие точки.

Нижнее-волжский крайком ВКП(б) план выселения рассмотрел еще 24 января (*Там же*, д. 150, лл. 21–22), а 26 января ОГПУ разработало подробный «План массового выселения кулацко-белогвардейского элемента...», которым предусматривалось вывезти из края 15 тысяч кулаков и 60 тысяч членов их семей (*Там же*, лл. 2–6). По третьей категории предусматривалась высылка семей в другие округа в пределах края, а по четвертой – из пределов колхозов внутри района.

Этот план пришлось корректировать с вышедшим постановлением ЦК: крайком утвердил раскулачить «5% хозяйств по краю (т.е. 50 тыс. хозяйств)», но накладки были, поэтому хозяйства произвольно перебрасывались в списках из одной категории в другую и сгонялись в три «московских» категории. Хоперскому округу предписали ликвидировать 5500 хозяйств: 400 – по первой

категории, 1000 – по второй, 200 – по третьей и 3900 – по четвертой (Там же, д. 153, лл. 22–25).

Утвержденные крайкомом цифры жестоки втройне. Во-первых, процент раскулачивания был взят по максимуму. Во-вторых, цифру раскулачивания определяли из условия наличия в крае миллиона крестьянских хозяйств, хотя фактически их было 950–970 тысяч. К тому же к 1930 году по стране порядка 250 тысяч хозяйств «самоликвидировались» и растворились по городам и новостройкам, и по Нижне-Волжскому краю тоже было несколько десятков тысяч таких хозяйств, вместо которых активисты раскулачили середняков и бедняков. В третьих, краевой комитет ВКП(б) в своем решении отметил: «В указанные ориентировочные цифры не включены арестованные ГПУ по 1 февраля с.г. Предложить ГПУ и Прокуратуре немедленно максимально разгрузить места заключения и подготовить в необходимом размере новые».

Хоперский окружной комитет ВКП(б) (ответственный секретарь Г. К. Махарадзе) своим решением от 4 февраля утвердил раскулачивание 5500 хозяйств, не включая в это число арестованных ОГПУ, и определил цифры по районам. Изъятие «1-й категории» предписывалось завершить к 8 февраля, а высылку раскулаченных закончить к 15 февраля (*Там же, д. 179, л. 169*).

Но у ОГПУ был свой план работы. В политоперсводке № 1 ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю говорится: на 1 февраля 1930 года по делам Хоперской контрреволюционной организации по семи районам в 180 населенных пунктах арестовано 440 человек, из них 43 офицера, 283 кулака, 8 попов, 25 служащих, 70 середняков, 4 бедняка и 48 прочих бывших белоэмигрантов; «Оружие предполагалось изыскивать путем захвата у милиции, кружках ОСОАВИАХИМА и захвата военных складов в гор.гор. Урюпино и Камышин».

Помимо этого, по другим мифическим районным «организациям» на Хопре провели аресты реэмигрантов, бывших офицеров и рядовых Белой армии и прочих, кого ОГПУ считало необходимым изъять: *по Усть-Медведицкой – 66 человек, Березовской – 21, Михайловской – 39, Преображенской – 20, Ново-Николаевской – 19.*

Аналогично массовые превентивные аресты прошли и в других округах края, а также в АССР немцев Поволжья и Калмыцкой области. Глава краевого представительства ОГПУ Каширин резюмировал: «В целях предупреждения возможных вспышек при массовом выселении кулаков нами проводится ликвидация всех имеющихся контрреволюционных организаций и группировок... Всего с участниками до 3000 человек. Кроме этого снимается наиболее злостный контрреволюционный элемент, действующий одиночным порядком» (*Там же*, д. 180, лл. 28–34).

А ведь в октябре Шеболдаев писал в ЦК о предстоящей тысяче арестов, но из оперативной сводки ОГПУ следует, что на 21 февраля 1930 года было арестовано по краю уже 5048 человек (*Там же*, л. 122).

Секретарь крайкома Ф. Густы, расследовавший массовые выступления декабря 1929-го – января 1930 года в Немреспублике, в выводах своей комиссии отметил: начиная с 1921 года здесь не было ни одного массового антисоветского выступления, и причины всех выступлений теперь одинакова. Это – «резко усилившийся за последнее время нажим на кулачество», «недовольство обобществлением нерабочего скота», «недовольство закрытием церквей, снятием колоколов», требование освобождения арестованных крестьян. Причем Густы признал, что веяние по закрытию церквей сопровождалось «часто путем мошенничества голосами “большинства” народа» (*Там же*, д. 150, лл. 23–26).

И по Хопру «Поволжская правда» в номере от 4 мая 1930 года сообщала, что церкви были закрыты «в самый короткий срок». Аналогично было и по всей стране, ведь Союз воинствующих безбожников объявил первую пятилетку «пятилеткой безбожия». 20 января 1930 года прошел пленум Нижне-Волжского краевого отделения этого Союза, и ответственный секретарь Дайковский отметил: закрыто до 60% церквей, а в некоторых районах – до 100%; церкви занимались под ссыпку зерна, под клубы, но есть и ряд «ненормальностей» – «зачастую церкви стоят неиспользованными, что вызывает законное нареkanie со стороны масс» (*Госархив Саратовской области*, ф. 522, оп. 3, д. 147, лл. 67–76). Не удивительно, что по краю ОГПУ зафиксировало массовых выступлений на религиозной почве за 1929 год – 47, а

только за январь–апрель 1930 года – 104, и каждое такое выступление заканчивалось арестами зачинщиков.

В. Карпов, фальсифицируя историю, в «Полководце», названном историко-документальным изданием, показывает Сталина защитником религии. Поэтому приведу один документ, обнаруженный мною в архиве Саратова: «Строго секретно. № 21090/с. 18 марта 1930 г. т. Шеболдаев. По поручению тов. Сталина посылается Вам для сведения (не для печати) постановление ЦК ВКП(б) от 18 марта с.г. о редакции «Рабочей Москвы». Пом. секретаря ЦК (подпись Товстуха)». Текст постановления: «За напечатание в «Рабочей Москве» от 18 марта сообщения о массовом закрытии церквей (56 церквей) объявить выговор редактору газеты «Рабочая Москва» т. Лазьяну с предупреждением, что в случае допущения впредь таких сообщений будет поставлен вопрос об его исключении из партии» (*ЦДНИСО, там же, д. 159, л. 96*).

Руководство Нижне-Волжского, Средне-Волжского и Северо-Кавказского краев настояло перед Молотовым провести высылку раскулаченных не за 4 месяца, согласно постановлению ЦК, а за два. Молотов с этой инициативой согласился, при условии, если краевое руководство договорится с ОГПУ (*Там же, д. 179, лл. 65–66*). Итог этого договора известен: февральско-мартовские эшелоны доставляли раскулаченных в северные регионы, оставляя людей на неподготовленных местах. Пошла массовая смертность от голода и холода, в первую очередь – детей. Писали, что только за 1931 год и только по одной Сибири вымерло 250 тысяч детей раскулаченных.

А ведь раскулачивали на местах в основном безвинных людей. Архивный фонд Хоперского окружного комитета ВКП(б) выглядит ныне весьма тощим. Полагаю: раз он был «образцово-показательным», его документы и «чистили» потом в первую очередь. Теперь лишь из местных газет и архивных районных фондов можно установить, как тогда шло раскулачивание. На моей малой родине, в Преображенском районе, раскулачили, например, 11% хозяйств (*Госархив Волгоградской области, ф. 636, оп. 1, д. 14, лл. 2–3*), а в ряде населенных пунктов Хопра раскулачивание коснулось 50% хозяйств, главным образом – середняков, как писала «Поволжская правда» 13 марта 1930 года.

Архивный фонд соседнего Балашовского ОК ВКП(б) (ответственный секретарь В. Бородаевский) сохранен хорошо, поэтому о методах партийной работы при раскулачивании в крае можно судить по этим документам.

Краевой комитет ВКП(б) определил Балашовскому округу раскулачить 5550 хозяйств, что составляло около 4,4% хозяйств округа, хотя в протоколе № 7 от 11 февраля 1930 года заседания Балашовского ОК ВКП(б) стоит заниженная цифра 3,9%. На этом заседании окружной комитет определил для 10 районов контрольные цифры раскулачивания по категориям и подчеркнул необходимость немедленного обеспечения на всех телефонных станциях политконтроля (*ЦДНИСО, ф. 466, оп. 1, д. 196, л. 8; д. 189, л. 8*). В этом округе в целом ряде сел шли тогда массовые волнения, поэтому вывоз раскулаченных на Север планировали провести чуть позже, чем в Хоперском, – 960 семей пятью потоками с 26 февраля по 8 апреля (*Там же, л. 14*).

Высылка репрессированных 1-й категории проводилась исключительно по планам ОГПУ, согласовывалась с ним из-за графика подачи вагонов и высылка по 2-й категории. А вот по 3-й и 4-й категориям сплошь и рядом сельсоветы, районные и окружные комиссии, выполняя партийные решения «о ликвидации кулака как класса», не скупились, стремясь раскулачить как можно больше. Инструкции требовали раскулачивать хозяйства после утверждения списков районными особыми комиссиями (РОКа-ми), но на местах активисты раскулачивали хозяйства сразу же, после внесения в списки сельскими особыми комиссиями, чтобы эти хозяйства не успели поспрятать и распродать свое имущество. Именно по этой причине и Молотов согласился с ускорением раскулачивания. Поэтому официальные цифры районных комиссий не соответствуют истине.

Количество раскулаченных хозяйств, выселенных по 1-й и 2-й категориям, по архивным документам известно, но точных сведений по 3-й категории нет, и их невозможно уже выявить. Ведь после письма Сталина «о головокружении» все, начиная с сельсоветов и заканчивая краевыми властями, стали занижать цифры устроенного на селе погрома. А с августа 1930 года невывезенных зимой–весной раскулаченных – третью категорию – разместили на районных кулацких точках, которые постепенно

сокращались, во-первых, из-за вывоза части народа в Сибирь и Казахстан, во-вторых, из-за постоянных побегов, в-третьих, из-за восстановления в правах некоторой части репрессированных.

Эти точки через комендантов были в ведении административных отделов райисполкомов и существовали вплоть до 1935 года, когда оставшимся женщинам и детям разрешили вернуться в свои населенные пункты. Конфискованное имущество им, естественно, никто не вернул. Многие из них не реабилитированы и поныне, т.к. к уничтоженной части архивных документов налагается «местный» фактор – стремление регионального руководства спрятать от народа имеющиеся документы.

Весь апрель и часть мая 1930 года ушло в районах и округах страны на уточнение итоговых цифр первого этапа раскулачивания. По Балашовскому округу плановые (контрольные) цифры для районов были утверждены на бюро ОК ВКП(б) 4 февраля 1930 года (*Там же*, д. 146, л. 32), а уточнены 11 февраля. Балашовский ОК ВКП(б) доложил краевому комитету, что в округе по состоянию на 25 мая 1930 года раскулачено 4747 хозяйств (*Там же*, д. 190, лл. 96–97): мол, за плановые 5550 хозяйств не вышли, и никакого «головокружения» у нас нет.

Но если просмотреть районные сводки, цифра получается иной. По Балашовскому округу в этом случае говорить следует, как минимум, о 6219 раскулаченных хозяйствах, т.е. план был перевыполнен более чем на 12%. И это не предел, т.к. перед раскулачиванием указывалось, что в округе числится 10 993 кулацких хозяйства (*Там же*, л. 192). Порайонные дела таковы:

Аркадакский район: первоначальный план – 860 хозяйств, уточненный – 807; выездная редакция газеты «Беднота» указала, что в ряде сел этого района раскулачивание коснулось от 45 до 70% хозяйств (*Там же*, д. 191, лл. 46–49), но в край ушла скромная цифра о раскулачивании 821 хозяйства.

Балашовский район: первоначальный план – 860, уточненный – 876; в сводке от 15 мая указано, что раскулачено именно 876 хозяйств (*Там же*, л. 71), а в край сообщило 260. То есть цифра занижена более чем в три раза.

Бековский район: первоначальный план – 376, уточненный – 335; в сводке от 15 мая указаны 642 раскулаченных хозяйств, а в край сообщило – 303, занизив результат более чем в 2 раза.

Колышлейский район: первоначальный план – 405, уточненный – 360, в сводке от 15 мая – 575, а в край сообщили о 456.

Романовский район: первоначальный план – 325, уточненный 11 февраля – 478; зампред окружного исполкома Бедринцев 16 февраля телеграфно сообщает Бородаевскому, что контрольная цифра «недостаточна, т.к. фактически осужденных и выселяемых уже больше» (*Там же*, л. 33), а в край сообщили о 168 хозяйствах. То есть результат занижен почти в три раза.

Ртищевский район: первоначальный план – 528, уточненный – 475, а в майских сводках – скромные 460.

Самойловский район: первоначальный план – 562, уточненный – 709; сельские комиссии дали списки на 808 хозяйств, но в майских сводках фигурирует плановая цифра 709.

Сердобский район: первоначальный план – 710, уточненный – 671, а в край сообщили о 596.

Тамалинский район: первоначальный план – 316, уточненный – 388, в край сообщили о 523 раскулаченных хозяйствах, согласившись тем самым, что план раскулачивания в районе был перевыполнен почти на 35%.

Турковский район: первоначальный план – 698, уточненный – 451; эта же цифра подозрительно фигурирует и в майских сводках, хотя сельсоветы подали списки на 658 хозяйств (*Там же*, лл. 14–18).

В марте 1930 года Нижнее Поволжье посетил член правительства, секретарь ВЦИК А. С. Киселев, который опубликовал 19 апреля в «Известиях» большую статью «О прорывах на колхозном фронте», обвиняя в «перегибах» краевое руководство. Шеболдаев написал в Политбюро жалобу на Киселева, требуя опровержения в «Правде» и публикации своей статьи. Переложив грехи на низовых исполнителей, он резонно обобщал, что дискредитация политической линии крайкома – это «дискредитация линии партии в целом и означает прямое выступление против решений центральных органов...» (*Там же*, ф. 55, оп. 1, д. 159, лл. 126–127, 138–150). Поэтому Шеболдаев и не настаивал на иных цифрах с округов. По некоторым районам результаты сообщались более-менее достоверно, т.к. ряд районных руководителей был определен в «козлы отпущения».

Насколько великим был в стране процесс фальсификации итогов раскулачивания, и как теперь тяжело искать истину, для примера сошлюсь на книгу историка П. П. Поляна «Не по своей воле...», капитальный труд по истории принудительных миграций в СССР. Полян, работавший в московских архивах, утверждает: на первом месте по раскулачиванию за 1930–1931 годы была Украина – 63,7 тысячи семей; на втором – Западная Сибирь – 52,1 тысячи; на третьем – Северный Кавказ – 38,4 тысячи (из них 26 тысяч вывезены на Урал и 12,4 тысячи – внутрикраевое переселение); на четвертом – Нижнее Поволжье – 30,9 тысячи. А ведь Шеболдаев в мае 1930 года на Нижне-Волжской партконференции говорил, что в крае было раскулачено вместо плановых 50 тысяч хозяйств – 39 494, и никакого «головокружения» нет. Хотя и эта цифра, как видно из документов Балашовского округа, сильно заниженная. К тому же было еще и раскулачивание 1931 года с «довыявлением кулаков» и двумя этапами массовых вывозов в Казахстан.

Бородаевский в 1933 году являлся начальником политотдела Моздокской МТС и за успешное участие в голодоморе был награжден в мае 1934 года, в числе других политотдельцев, орденом Ленина, но это – другая тема.

В печати не раз приводили слова из воспоминаний Черчилля, что в ответ на вопрос о цене коллективизации Сталин, молча, показал десять пальцев, означавших 10 миллионов крестьянских судеб. Ряд наших политиков и историков оспаривают эту цифру, считая ее завышенной. А я же, зная ситуацию по Хоперскому и Балашовскому округам, верю Молотову, который на закате лет уже не лукавил и признался в беседах с поэтом Чуевым: «Я сам лично размечал районы выселения кулаков... Сталин говорил, что мы выселили 10 миллионов. На самом деле мы выселили 20 миллионов».

Таковы секреты советской демографии.

РЕПРЕССИИ В СЕЛЬСКИХ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВКП(б) НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. 1932–1933 гг.

Бюро северокавказского крайкома ВКП(б), совместно с представителями ЦК, ввиду особо позорного провала хлебозаготовок и озимого сева по районам Кубани своим решением от 4.11.1932 г., опубликованным в газете «Молот» от 5.11.1932 г., поставило задачу – сломить саботаж, но самое главное – сломить сопротивление сельских коммунистов. 5.11.1932 г. на заседании президиума краевой КК ВКП(б) были заслушаны сообщения ее руководителя С. А. Новоселова и секретаря партколлегии ЦКК ВКП(б) Шкирятова. В сообщениях говорилось, что ЦК снизил для Северокавказского края план хлебозаготовок на 59 млн. пудов, и что оставшийся план вполне реален и, безусловно, выполним. Всем районным, областным и городским КК-РКИ было предложено провести в отстающих районах чистку-проверку обслуживающего персонала отстающих колхозов (завхозы, кладовщики, учетчики и т.д.) с целью «освобождения этих должностей от чуждых, классово-враждебных и преступных элементов». Затем принятые решения были растиражированы прессой по всему краю. Районные власти, через прессу, тоже объявляли о занесении на черную доску отстающих станиц района. Например, в Отрадненском районе на черную доску совместным решением райкома, районной КК и райисполкома от 7 ноября 1932 г. были занесены станицы Удобная, Преградная, Спокойная и Подгорная. Ряд председателей колхозов предавался суду, с проведением над ними показательных процессов по месту деятельности¹.

Чистку колхозов² предполагалось закончить не позднее 1 декабря 1932 г. в кубанских районах и к 1 января 1933 г. – в остальных районах края. Местная пресса требовала покончить с кулаком, выполнить хлебозаготовки, посвящая целые выпуски этой теме. «Общественность» призывала районные КК-РКИ уничтожить саботаж в зародыше³. Всего к чистке было намечено 19 районов⁴. Характерным было то, что чистке подлежали как коммунисты, так и беспартийные.

В одном из этих районов, Брюховецком, сразу же было создано 4 тройки для чистки аппарата в станицах Батуринской, Роговской, Новокорсунской и Джерелиевской как самых отстающих в районе. В станице Батуринской была проведена чистка пяти наиболее отстающих колхозов, в которых прошли проверку 50 человек: 20 из них были сняты с работы и подверглись репрессиям. По линии прокуратуры с 1 по 15 ноября 1932 г. в Батуринской за кражу колхозного имущества было привлечено к ответственности 43 человека (кулаков – 11, зажиточных – 3, середняков – 14, бедняков – 7, колхозников – 6, комсомольцев – 2). Из них были приговорены к расстрелу 8 человек, лишены свободы на 10 лет – 30 человек. Срок от 2 до 7 лет получили 5 человек. В тот же период за невыполнение плана хлебозаготовок были привлечены к ответственности (по ст. 61) 27 человек (зжиточных – 11, середняков – 15, один коммунист). Из них 8 человек осудили на 2 года лишения свободы, остальные 19 получили сроки от 1 года до 1,5 лет. Решением президиума Брюховецкой районной КК нарсудья района Горькуша за затяжку дел (рассматривались месяц и более) был исключен из партии, прокурор и начальник управления милиции района Подопригора получили строгие выговоры. Одновременно районная КК сообщила в краевую КК, что находившийся в районе член краевого суда Райский (или Раевский) посмел высказаться, что «допущенные судом и прокуратурой политические ошибки» были допущены по объективным причинам. В дальнейшем он был привлечен к партийной ответственности.

Остальные районы тоже «не отставали». На выездном заседании парттройки Ванновской районной КК 10.11.1932 г. разбиралось дело о сопротивлении хлебозаготовкам, разбазаривании и укрытии зерна руководителями колхозов хутора Северо-Кубанский. Из партии были исключены и привлечены к судебной ответственности председатели и ряд ответственных работников колхозов им. Шевченко, им. Пивоварова, и им. Северо-кубанских партизан. Так, в колхозе им. Пивоварова был роздан аванс в размере 32% от обмолота (вместо положенных 15%), что уже само по себе являлось по меркам того времени уголовным преступлением. В рамках проведенной чистки ряд работников получил разного рода взыскания⁵. С 15.11.1932 г. по 5.12.1932 г. проводилась чистка соваппаратов советов, колхозов, потребкооперации, заготов-

ганизаций Ейского⁶, Каневского⁷, Краснодарского⁸ и многих других районов. Начало 1933 г. также характерно огромным количеством контрольных дел, бывших в производстве, касавшихся перерасхода хлебных фондов⁹. В Темрюкском районе за первый квартал 1933 г., за срыв посевной, за разбазаривание зерна и т.д., в соответствии с постановлением крайкома от 4.11.1932 г. было привлечено сначала к партийной, а затем и к уголовной ответственности 710 человек¹⁰.

Известно, что прямым следствием проводимой политики явился голод. ЦКК ВКП(б) издала целый ряд постановлений¹¹, предусматривавших экономию продуктов, с целью их перераспределения, но безуспешно. Зимой–весной 1933 г. от голода умерла значительная часть сельского населения Кубани. Сельские парторганизации были просто не в состоянии полноценно провести весеннюю посевную кампанию в связи с массовым истощением и падежом рабочего скота, разрухой на МТС, физическим истощением людей¹².

Однако власть находила «крайних». Так, за полный провал весенней посевной кампании 1933 г., в начале марта того же года, решением президиума краевой КК-РКИ был распущен президиум Славянской районной КК, сняты с работы ее председатель и два члена; их дела были переданы в комиссию по чистке с рекомендацией об их исключении из партии. По состоянию на март 1933 г. семян в районе было собрано 9,3% от плана. Из 12 тысяч лошадей, числившихся в колхозах района, 7413, т.е. более 60%, были, как застенчиво говорилось в постановлении, «плохой упитанности» и работать не могли¹³.

Во многих партийных организациях края прекратился рост их численного состава. Так, на 1 января 1932 г. в Отрадненской районной парторганизации ВКП(б) числилось 780 человек, а на 1 января 1933 г. – 781¹⁴. В 1933 г. партийные организации стали «таять». По распоряжению ЦКК был прекращен прием заявлений о переводе из кандидатов в члены ВКП(б), а также разбор заявлений об изъятии и отмене партийных взысканий¹⁵.

В конце 1932 г. в своем стремлении переложить вину за начавшийся голод на плечи местных парторганизаций партийное руководство санкционировало массовое снятие с постов и аресты местных кадров. Особенно много исключенных из партии ком-

мунистов (подвергнутых суду, осужденных по закону о «пяти колосках» и т.д.) было весной–летом 1933 г. – за нежелание работать в поле, необеспечение сбора хлеба, невыполнение плана по весеннему севу, злоупотребления и т.д.

Сложившееся положение способствовало такому явлению, как бегство коммунистов с места работы и жительства. По данным сводки Северокавказской краевой КК, только за четыре месяца 1932 г. 21 районной КК было привлечено к ответственности 1145 человек, из них 796 работников-коммунистов сельского актива и 349 работников районного звена. За тот же период, по сообщению 25 районных КК края, без разрешения партийных органов самовольно выбыли с работы 487 человек¹⁶. Обычными становились сообщения такого рода: заведующий книжным магазином в станице Приморско-Ахтарской ушел в отпуск и по его истечении на место работы и жительства не вернулся. Или: кладовщик совхоза им. Ковтюха (Темрюкский р-н) исчез и т.д.¹⁷ В Туапсинском районе в конце ноября 1932 г. 6 коммунистов бежали, из них двое вернулись, получив строгие выговоры. Четверых невернувшихся исключили из партии. Примечательно, что все они занимали ответственные должности, да и вины за ними никакой не было. Среди них – инструктор райкома, директор кирпичного завода, инструктор по заготовкам райтабаксоюза, секретарь партячейки райпромсоюза. Постановление Туапсинской районной КК утверждало, что любой самовольный выезд, без санкции райкома ВКП(б), является прямым нарушением партийного устава и дисциплины и несет за собой ответственность¹⁸.

В Белоглинском районе на 1 января 1933 г. числилось 829 коммунистов. С 1 января по 10 февраля 1933 г. там исчез (скрылся) 31 член ВКП(б)¹⁹. Бежали как должностные лица, так и рядовые колхозники. Таким образом, подобное явление приняло массовый характер.

По данным на первый квартал 1933 г., многие партийные организации Кубани и Дона потеряли более половины своего состава. Мотивами исключения из партии, например, 393 коммунистов 17 кубанских станиц были: «проникновение в партию с контрреволюционной целью, связь с классово чуждым элементом» (22,9%), «пассивность и примиренчество к кулацкому саботажу, попустительство и содействие воровству и хищению хлеба»

(39,1%), «балласт» (14%) и др. Применительно к Кубани, где под руководством Кагановича с конца 1932 г. осуществлялись массовые репрессии, эти обвинения были абсурдны²⁰.

Конечно, многие коммунисты, председатели колхозов, секретари партячеек действительно выступали против грабительских планов сдачи зерна, протестовали против произвола и беззакония сталинских заготовителей, стремились спасти хотя бы часть хлеборобов от голода. Так, председатель Таманского стансовета Трегубов 11.02.1933 г. одобрил выделение зерна 347 хозяйствам колхозов «Красный Таманец» и «Красный боец», нуждавшимся в питании. За это он был обвинен в пособничестве саботажу хлебозаготовок, исключен из ВКП(б), снят с должности и привлечен к судебной ответственности²¹.

Как следует из постановления Президиума Северо-Кавказской Краевой КК-РКИ от 8.02.1933 г. «О ходе чистки низового, советского, колхозного, хозяйственного и кооперативного аппаратов по 17 районам Кубани», с поставленными задачами КК справились. Колхозы были очищены от засевших на руководящих постах врагов, контрреволюционных и антисоветских элементов, были выполнены планы хлебозаготовок²². Однако за этими трескучими фразами, как показали дальнейшие события, стояло мало истины. Планы по заготовкам провалились, и власти продолжали поиск виновных.

Вслед за чисткой 17 кубанских районов, в июле 1933 г. была проведена чистка колхозных аппаратов еще 23 районов (в основном кубанских и донских) и 3 нацобластей края. Было проверено 1140 колхозов, где персональную чистку прошли 5171 человек, из которых 1815 (891 бухгалтер и 924 кладовщика) были признаны непригодными для работы и классово чуждыми, уволены и изгнаны из колхозов. 283 человека из них подверглись судебному преследованию. По окончании этих чисток, последним этапом, прошла чистка колхозных аппаратов в тех районах и областях Северокавказского края, где она еще не проводилась²³.

Приведем, как пример, постановление Павловской районной КК-РКИ ВКП(б) от 23 марта 1933 г. «В связи с тем, что кулацкий саботаж был не сломлен, в целях принятия своевременных мер на кулацкие вылазки штат прокуратуры решено увеличить на две единицы: помощника прокурора и нарследователя»²⁴. Казалось

бы, что это решение парадоксально, ведь фактически никакого сопротивления при выполнении хлебозаготовок уже не существовало. Однако поиски виновников провала зернозаготовок, которых власти, пытаясь оправдать свои чудовищные ошибки, активно вели и находили, как раз и привели к тому, что суды были завалены и перезавалены возбужденными уголовными делами против колхозников и их покровителей (в лице сельских должностных лиц-коммунистов). По-прежнему в большинстве районов прокуроры, начальники РУМ и УГРО, нарсудьи получали указания райкомов и районных КК как можно быстрее рассматривать такого рода дела и доводить их до суда²⁵.

Набравший обороты маховик репрессий было нелегко остановить. КК ВКП(б), ОГПУ, милиция, политотделы МТС и т.д. собирали компромат как на коммунистов (в первую очередь), так и на всех прочих. Компроматом, в том числе, становились любые упоминания о голоде.

Армавирская районная КК-РКИ, например, в течение зимы-весны 1933 г. собрала компромат в 38 организациях (учреждениях, предприятиях) района на 235 коммунистов. В Спецсводке армавирского оперсектора ОГПУ СКК от 11.02.1933 г. были подобраны высказывания городских коммунистов, которые характеризовали настроения города (Армавира) в целом по отношению к «продзатруднениям проводимых мероприятий на Кубани». Например, с 7 по 23 апреля 1933 г. в Ростове-на-Дону были беспрецедентные перебои в снабжении горожан хлебом²⁶. Если учесть, что черный рынок торговли продуктами фактически был под запретом, то можно представить себе всю сложность ситуации. Большие перебои в снабжении хлебом были в Армавире с 18 по 23 июля²⁷. Естественно люди обсуждали эти явления, иногда даже на партийных собраниях. Характерным было высказывание председателя месткома районного рабпроса Дудина: «Партия довела до того, что дети вымерли, с кем же будут строить социализм?» (из строго-секретной сводки ОГПУ от 1.07.1933 г., адресованной армавирской районной КК-РКИ ВКП(б))²⁸.

Откровенно высказывавшихся по этому поводу исключали из партии, изгоняли с работы. Хотя не всех, некоторым везло. Сивоха Герасий Тимофеевич, 1888 г.р., член ВКП(б) с 1925 г., работавший в ст. Тихорецкой кузнецом на железной дороге. Бу-

дучи секретарем партийной ячейки, на ее собрании сказал следующее: «Теперь не время разговаривать о распространении лотерейных билетов, когда люди пухнут (от голода – *И.И.*). Вот до чего довела диктатура пролетариата!». За неосторожные слова Г. Т. Сивоха был исключен из партии на собрании руководимой им ячейки, но после разбирательств восстановлен районной КК-РКИ. Исключение было заменено ему строгим выговором²⁹.

За болтунами охотилось и ОГПУ. Из секретного донесения Туапсинской погранкомендатуры ОГПУ председателю Туапсинской районной КК: Каневский Денис Прохорович, член ВКП(б), заведующий туапсинским районным отделением связи. При чтении газет в кругу подчиненных позволял себе бросать следующие реплики: «Здорово охаживает Виссарионович трудящихся..., еще немного потерпите, тов. колхозники, Виссарионыч Вас сделает зажиточными..., политотделы МТС и колхозов дело не проверенное, но проводится потому, что это идея Виссарионыча... ». Попутно Каневский и ряд сотрудников райсвязи обвинялись в пьянках, аморальном поведении, растратах и воровстве. ОГПУ призывало районную КК-РКИ провести глубокую ревизию и обследовать деятельность райотдела связи, исключить из партии и уволить с занимаемых должностей Каневского и ряд его подчиненных³⁰.

Документом, положившим конец массовым репрессиям, явилась Инструкция ЦК и СНК от 8.05.1933 г. за подписями Сталина и Молотова, адресованная «всем партийно-советским работникам, органам ОГПУ, суда и прокуратуры». Эта директива-инструкция ставила перед следственно-судебными органами задачу сокращения и ликвидации массовых репрессий «в связи со сложившейся новой благоприятной обстановкой в деревне»: «Наступил момент, когда у нас уже нет потребности в массовых репрессиях, которые, как известно, касаются не только кулаков, но и единоличников и части колхозников».

Но это решение длительное время не выполнялось, причем не только по отношению к беспартийным колхозникам и единоличникам, но и по отношению к коммунистам, поскольку чистки низового, советского, колхозного, хозяйственного и кооперативного аппаратов продолжались с прежним размахом. В Павловском районе только во второй половине 1933 г. было возбуждено 287 партийных дел против коммунистов, касавшихся хлебозаго-

товок³¹. За период с 28.11.1932 г. по 1.04.1933 г. в районе было исключено из партии 666 коммунистов (общее количество членов ВКП(б) в районе составляло 1362 человека), т.е. без малого половина. На довольно значительную часть до исключения занимавших хозяйственные должности, вдобавок, заводились и уголовные дела³².

Частая смена руководства колхозов, МТС, совхозов вызывала большое напряжение в их работе. В сентябре 1933 г. Северо-кавказский крайком партии в целях борьбы с текучестью руководящих работников МТС и совхозов согласно решению ЦК ВКП(б) постановил закреплять их на срок не менее трех лет. По новым правилам, любое смещение, перемещение, снятие директоров МТС осуществлялись только с предварительного согласия Наркомзема СССР и сельхозотдела ЦК; старших механиков, агрономов и зав. МТМ – с санкции соответствующих органов Крайтрактора. Директоров совхозов – с согласия и решением Коллегии наркомата совхозов, Крайзу и т.д. (в зависимости от ведомственной принадлежности совхоза).

«Однако за два месяца действия этого распоряжения ряд районных КК-РКИ (Зимовниковская, Изобильно-Тищенская, Ново-Александровская, Петровская, Ремонтненская) прямо допускал нарушения директив ЦК и крайкома по этому вопросу». Все эти категории руководителей по-прежнему снимались с должностей решениями райкомов ВКП(б), КК-РКИ и политотделов МТС³³.

Наверное, необходимо заметить, что исключение из партии в это непростое время фактически было равносильно судебному приговору и ставило крест на какой-либо карьере. Как правило, исключенный из партии снимался с должности, не зависимо от формы учреждения, в котором он работал, лишался служебного жилья и права отовариваться в распределителе и т.д. Исключенные из партии колхозники зачастую исключались из колхозов (совхозов), что тоже имело для них пренеприятнейшие последствия.

Инструкция ЦК и СНК от 8.05.1933 г. четко требовала прекращения репрессий. «Однако она не была понята», как говорилось на пленуме Армавирской районной КК-РКИ, состоявшемся 10.11.1933 г. Повсеместно продолжались: 1. Незаконные аресты лицами, не имеющими на то права. 2. Осуждение судами к лише-

нию свободы на длительный срок за маловажные преступления. 3. Содержание арестованных в арестных помещениях при РУМе свыше установленного срока. 4. Нарушались лимиты, установленные для домзака (тюрьмы), где вместо 350 содержалось 863 человека³⁴. Пленум потребовал от следственно-судебных органов немедленно выполнить инструкцию ЦК И СНК. Конечно, ее старались выполнять, хотя многие ретивые исполнители уже привыкли к творимому беззаконию и безнаказанности, зачастую сопровождаемой снисходительностью вышестоящего начальства к подобным «шалостям». В ноябре 1933 г. президиум северокавказской краевой КК-РКИ ВКП(б) отмечал «достижения» в этой области:

1. Судебные репрессии, ранее выражавшиеся в долгосрочных заключениях, с 1.09.1933 г. уступили место исправительно-трудовым работам без содержания под стражей. Если за первую декаду августа (1933 г.) по 57 судебным участкам из 1355 осужденных было приговорено к 10 годам лишения свободы 457 человек, а к ИТР – 416, то за первую декаду сентября по 74 судебным участкам к 10 годам было приговорено 60, а к ИТР – 509 человек.

2. Значительно уменьшились судебные репрессии в отношении середняков и бедноты.

3. Крайсуд и крайпрокуратура освободили по Северокавказскому краю из-под стражи (в сентябре–ноябре) 3578 человек.

Но по-прежнему отмечались превышение лимитов по числу заключенных, скученность в отдельных закрытых ИТУ (Армавир, Благодарное, Георгиевск, Майкоп, Нальчик, Таганрог, Темрюк), перебои с питанием, размещение во временно приспособленных местах и многое другое³⁵.

Итак, свою немалую роль в осуществлении репрессивных чисток, направленных как против членов партии, так и против беспартийных, сыграли контрольные комиссии ВКП(б). Созданные с целью укрепления рядов партии, борьбы с нарушениями партийной дисциплины, а также для выполнения задач обеспечения партийной линии в деятельности государственных органов, борьбы с бюрократизмом, органы КК-РКИ перестали выполнять функции чисто внутривластной партийной дисциплины и превратились в подсобный репрессивно-карающий орган (некое подобие политической полиции, причем тайной), контролировавший партийно-

политическую лояльность членов ВКП(б) решениям высшего руководства правившей партии.

Примечания

¹ Красное знамя. Орган Отраденского райкома ВКП(б), райисполкома и райсовпрофа. № 47. 8 ноября 1932 г., ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 8486. Оп. 1. Д. 26. Л. 179–180.

² ЦДНИКК. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–3.

³ Пролетарский контроль. Ежемесячный бюллетень рабочего РКИ-ского актива Северо-Кавказской краевой РКИ. Октябрь–ноябрь. 1932 г. № 10–11.

⁴ ЦДНИКК. Ф. 10587. Оп. 1. Д. 22. Л. 32–40.

⁵ ЦДНИКК. Ф. 10587. Оп. 1. Д. 25. Л. 23–45.

⁶ ЦДНИКК. Ф. 439. Оп. 1. Д. 64. Л. 116–117.

⁷ ЦДНИКК. Ф. 10581. Оп. 1. Д. 5. Л. 104.

⁸ ЦДНИКК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 29а.

⁹ ЦДНИКК. Ф. 12174. Оп. 1. Д. 9. Л. 171.; Ф. 10581. Оп. 1. Д. 5. Л. 88, 102, 108; Ф. 3470. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

¹⁰ ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1. Д. 43. Л. 5.

¹¹ См. например: Постановление Президиума ЦКК ВКП(б) и коллегии НК РКИ СССР от 8.04.1933 г. о разбазаривании мясопродуктов и яиц.

¹² ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 61. Л. 2, 14, 70.

¹³ ЦДНИКК. Ф. 10577. Оп. 2. Д. 37. Л. 1–3.

¹⁴ ЦДНИКК. Ф. 8486. Оп. 1. Д. 33. Л. 7.

¹⁵ ЦДНИКК. Ф. 10578. Оп. 1. Д. 39. Л. 1.

¹⁶ ЦДНИКК. Ф. 10578. Оп. 1. Д. 34. Л. 11–11 об.

¹⁷ ЦДНИКК. Ф. 8265. Оп. 1. Д. 17. Л. 6; Ф. 4387. Оп. 1. Д. 54. Л. 2.

¹⁸ ЦДНИКК. Ф. 3669. Оп. 1. Д. 97. Л. 16.

¹⁹ ЦДНИКК. Ф. 12172. Оп. 1. Д. 22. Л. 12; Д. 25. Л. 2.

²⁰ Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» // Отечественная история. Ноябрь–декабрь. 1992. № 6. С. 48.

²¹ ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1. Д. 51. Л. 51–53.

²² ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 54. Л. 173–174.

²³ ЦДНИКК. Ф. 9777. Оп. 1. Д. 39. Л. 168; Ф. 8485. Оп. 1. Д. 13. Л. 24.

²⁴ ЦДНИКК. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 45а. Л. 9.

²⁵ ЦДНИКК. Ф. 4387. Оп. 1. Д. 51. Л. 106, 180.

²⁶ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

²⁷ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 61. Л. 270.

²⁸ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 53. Л. 33–41, 44–84, 146–163, 179–191.

²⁹ ЦДНИКК. Ф. 3643. Оп. 1. Д. 35. Л. 1.

³⁰ ЦДНИКК. Ф. 3669. Оп. 1. Д. 123. Л. 1–9.

³¹ ЦДНИКК. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 44.

³² ЦДНИКК. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 45а. Л. 200–201.

³³ ЦДНИКК. Ф. 9777. Оп. 1. Д. 39. Л. 220–221.

³⁴ ЦДНИКК. Ф. 10703. Оп. 1. Д. 59. Л. 2–3.

³⁵ ЦДНИКК. Ф. 8485. Оп. 1. Д. 13. Л. 111.

ЛИШЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ КАК ФОРМА РЕПРЕССИЙ: ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ¹

В последние десятилетия теме политических репрессий в СССР уделяется существенное место в отечественной историографии. При этом исследователи прежде всего обращаются к «Большому террору» и политическим процессам 1930–1950-х гг., созданию и функционированию системы ГУЛАГа. Между тем советское государство использовало широкий комплекс мер социально-правовой дискриминации отдельных категорий населения. К их числу относится и лишение части граждан избирательных прав, сравнительно недавно привлечшее внимание историков.²

Следует отметить, что советы как органы власти с самого начала имели определенный классовый характер, представляя интересы не всего общества, а социальных низов, поскольку пришедшие к власти большевики провозгласили «диктатуру городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства». В Конституции РСФСР 1918 г. утверждалось, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству». При этом юридически закреплялось неравенство среди самих трудящихся: голос одного городского рабочего приравнивался к голосам пяти крестьян. К выборам допускались и другие категории граждан, «добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом», а также домохозяйки. Сохранявшиеся надежды на мировую революцию выразились в том, что избирательными правами наделялись и иностранные граждане, относящиеся к категории трудящихся. В то же время не могли избирать и быть избранными лица, использовавшие наемный труд с целью извлечения прибыли, жившие на нетрудовой доход (проценты с капитала, доходы с предприятий и т.п.), торговцы, монахи и священники, бывшие полицейские, жандармы, члены царской семьи, душевнобольные, находившиеся под опекой и осужденные за ко-

рыстные и порочащие преступления.³ Практически без изменений указанные положения повторялись в конституциях СССР 1924 г. и РСФСР 1925 г.

Порядок проведения выборов и состав лиц, лишавшихся избирательных прав, регламентировали специальные подзаконные акты, требования которых менялись в зависимости от поворотов в политике руководства страны. Так, в условиях стабилизации обстановки в стране 13 октября 1925 г. была принята Инструкция ВЦИК о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов. В ней подчеркивалось, что не должны лишаться избирательных прав лица, применявшие наемный труд в сельском хозяйстве, если это не влекло за собой его расширения за рамки трудового. Основным признаком трудового хозяйства считался подсобный характер наемного труда и обязательное участие в работе его трудоспособных членов. Не отстранялись от выборов кустари и ремесленники, владельцы и арендаторы мельниц, сложной сельскохозяйственной техники даже при условии наличия в хозяйстве одного наемного работника или двух подмастерьев (учеников), если они лично участвовали в работе.

Напротив, новая инструкция о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов, утвержденная декретом ВЦИК от 4 ноября 1926 г., значительно расширила круг лишенцев. В их число попали лица, «закабальвавшие окружающее население путем систематического предоставления в пользование» сельскохозяйственных машин, рабочего скота или «постоянно занимающиеся снабжением населения кредитом (товарным или денежным) на кабальных условиях», бывшие офицеры и военные чиновники белых армий. Избирательных прав лишались земледельцы и владельцы предприятий (мельниц, маслобоен и других), а также ремесленники и кустари, применявшие наемный труд, не только постоянно, но и временно, «в таком объеме, который расширял их хозяйство за пределы трудового».⁴ К тому же местные избирательные комиссии, составляя списки лишенцев, могли по-своему интерпретировать правовые нормы и включать в списки лишенных избирательных прав любого, кто казался им «классовым врагом».

С целью изучения результатов применения новой инструкции ВЦИК в конце 1926 г. проводилась проверка инструктором

организационного отдела Донского областного исполкома Уча-
киным в двух специально намеченных для этой цели сельсоветах
Приазовья – Кагальницком и Высочинском.⁵ Составленная по ее
итогах докладная записка является ценным свидетельством ли-
шения избирательных прав тех самых трудящихся, от лица кото-
рых выступало большевистское руководство.

В Кагальницком сельсовете насчитывалось 2524 хозяйства и
12 594 жителя, среди которых преобладали крестьяне и казаки,
значительную часть составляли также кустари и ремесленники.
На занятия населения существенно влияли два фактора: с одной
стороны, малоземелье, крестьянский надел составлял чуть более
0,5 десятины на человека; с другой – близость Азовского моря,
Дона и его притоков, богатых рыбой, а также Ростова-на-Дону
как промышленного центра. Основная масса хозяйств – 1629
(64,5%) – с 8264 жителями (65,6%) занималась земледелием. При
этом, исходя из площади обрабатываемой земли 68% хозяйств
попадали в категорию середняцких, однако и они жили не только
за счет земледелия, но и побочных доходов от рыболовства и
других занятий. Показательно, что лишь 33% хозяйств обрабаты-
вали свои наделы собственным скотом. Если даже прибавить к
ним хозяев, имевших одну лошадь и, в большинстве случаев, ра-
ботавших в «скопщину», совместно, то обеспечено рабочим ско-
том оказывалось 55% хозяйств. Нехватка рабочего скота не по-
зволяла расширить посевные площади, в результате часть насе-
ления переходила к занятиям ремеслами, торговлей и рыболовст-
вом. Отдельные крестьяне, получив землю, возвращали ее обрат-
но, не имея возможности вести обработку из-за отсутствия тягло-
вой силы.

Многосемейность хозяйств, с одной стороны, небольшой
размер посевов – с другой препятствовали применению в более
широких размерах наемно-батрацкого труда. Свою роль также
играла практиковавшаяся «супряга» как одна из традиционных
форм крестьянской трудовой кооперации, заключавшаяся в со-
единении рабочей силы, скота и инвентаря ряда хозяйств для со-
вместного выполнения отдельных работ. Указав на неполноту
предоставленных ему данных, проверяющий, тем не менее, сде-
лал вывод о незначительности применения наемного труда. По-
стоянно он применялся только в 13 хозяйствах (от 1 до 3 батра-

ков в каждом), не только в хозяйствах, обеспеченных рабочим скотом и посевной площадью, но и в хозяйствах малопосевных, имевших трудоемкие культуры посева, для обработки которых собственных рабочих рук не хватало. Тяговая сила, имевшаяся у середняков, нередко использовалась в других хозяйствах на условиях «трудообмена» или за плату. Временно – в период уборки урожая, сенокоса, прополки подсолнуха, кукурузы, картофеля – наемный труд применялся не менее чем в 30% хозяйств, при этом, по словам проверяющего, «условия этого найма маскируются различными способами – родством, трудообменом, частичной помощью и т.п., поэтому учет такого наемного труда чрезвычайно усложняется». Около 12% хозяйств села Кагальник помимо наделной земли пользовались арендованной, из них более десятины арендовали 102 хозяйства (около 6,3%). Все это свидетельствовало о том, что Кагальницкий сельсовет относился к «местностям, населенным близкими к середнякам слоями крестьянства», а вовсе не к тем, где бы широко применялась аренда земли зажиточным крестьянством у бедняков.

Похожая ситуация складывалась и в отношении хозяйств ремесленников, которых в Кагальницком сельсовете насчитывалось 478. При этом только 149 хозяйств использовали труд учеников, подмастерьев и мастеров, и лишь в 4 хозяйствах это являлось обязательным условием производства. 6 хозяйств имели подмастерьев и мастеров, остальные – от 1 до 3 учеников, общее количество которых составляло 193 чел.

Применение новой инструкции ВЦИК привело к значительному увеличению численности лиц, подлежащих лишению избирательных прав. В избирательную кампанию 1925–1926 гг. в Кагальницком сельсовете насчитывалось 5960 чел., достигших избирательного возраста. Из них было лишено избирательных прав 57 торговцев, 12 священников, 1 чел., находившийся под опекой, 1 осужденный с лишением избирательных прав, 3 офицера – всего 74 чел., или 1% от общего количества избирателей. В предстоящую избирательную кампанию 1926 г. под действие инструкции попало уже 683 чел., или 10,2% от общего количества избирателей. Численность лишенцев выросла на 609 чел., или в 9,2 раза. Основную массу новых лишенцев составили кустари и ремесленники, использовавшие труд учеников и подмастерьев, –

145 хозяйств с 414 чел. (60,6%). Затем шли торговцы – 62 хозяйства с 155 чел. (22,7%), лица, использовавшие наемный труд в обработке земли, – 13 хозяйств с 38 чел. (6%), священники – 9 хозяйств с 18 чел. (3%) и различные категории «бывших» – бывшие волостные старшины, торговцы, полицейские и т.п. – 16 хозяйств с 48 чел., или около 7%.

Высочинский сельсовет включал 539 хозяйств, в которых проживало 2697 чел. В отличие от Кагальника здесь значительно преобладали крестьянские земледельческие хозяйства, их насчитывалось 523 (97%) с 2628 чел. (97,4%). В Высочинском сельсовете также сказывалось малоземелье, но середняки составляли 80,4% хозяйств. 40% хозяйств были способны собственным скотом обрабатывать наделные земли, а в совокупности с 28% однолошадных хозяйств всего было обеспечено рабочим скотом 68% хозяйств. Постоянно наемный труд применялся в 15 хозяйствах, временно – в период уборки урожая или покоса трав – в 19, в основном в хозяйствах, имевших 10 и более десятин (16 хозяйств). 12 хозяйств перерабатывали молоко на сепараторах за соответствующую плату, что подходило под определение «систематического предоставления инвентаря в пользование окружающему населению». Однако, по оценке проверяющего, это не имело «кабального характера», что не позволяло ставить вопрос о включении этих хозяйств в состав подлежащих ограничению в избирательных правах.

В докладной записке отмечалось, что составление списков лишенных избирательных прав было произведено «чрезвычайно не точно». Поэтому «многие лица, должные по занимаемому положению попасть в списки, в таковые не попали». Всего в предыдущих выборах было лишено избирательных прав 5 чел., включая 2 священников и 3 чел., находившихся под опекой, или 0,4% от общего количества избирателей. В предстоявшую избирательную кампанию под действие новой инструкции подпадали 15 хозяйств, применявших наемный труд как основной (40 чел.), 4 хозяйства, имевшие паровые молотилки (16 чел.), 2 хозяйства священнослужителей (8 чел.), 2 хозяйства, временно занимавшиеся торговлей мясом (4 чел.), 3 душевнобольных и лиц, состоявших под опекой. Всего отстранялось от участия в выборах 24 хозяйства с 74 чел., достигшими избирательного возраста, или 5,3% от

общего количества избирателей. Увеличение произошло по сравнению с прошлым годом примерно в 15 раз. В Высочинском сельсовете, как и в Кагальницком, практиковалась дача средств займа, но учесть таких лиц не представлялось возможным.

В целом, докладная записка отражает стремление проверяющего отнестись к реализации новой инструкции «строго, но справедливо». Учакин несколько раз подчеркивает необходимость более тщательного учета лиц, использовавших наемный труд и дававших займы «на кабальных процентах». Он отмечает, в частности, что обучение ремеслам в Кагальнике – «обычное явление, и применяется оно во многих случаях не в целях извлечения прибыли, а чаще в целях добрососедского уважения – научить сына или дочь соседа, родственника или знакомого ремеслу, однако это не исключает наличия ряда фактов, где ученичество практикуется как добавочный труд».

В то же время инструктора облисполкома волнует тот факт, что рост количества лиц, подлежащих лишению избирательных прав, мог отразиться на настроении массы ремесленников, «особенно если принять во внимание то обстоятельство, что до 29% из них служило в рядах Красной Армии». Более того, согласно новой инструкции в Кагальницком сельсовете подлежали лишению избирательных прав 10 членов прежнего состава сельсовета, из которых 8 являлись ремесленниками, а в Высочинском сельсовете – 2 чел.

Действительно, по установленным инструкцией критериям можно было лишить избирательных прав почти все крестьянское население. За применение «наемного труда» в число лишенцев попал, например, крестьянин деревни Мушино Удомельской волости Тверской области М. М. Марков, писавший: «Мне... ставят в вину, что у меня были плотники при производстве надворных построек. В деревне нет такого крестьянина, который не пользовался бы наемным трудом при ведении построек. Строить дом или двор одному невозможно». 73-летний житель деревни Брусово той же волости А. А. Соловьев был лишен избирательных прав за то, что вместе с братом приобрел патент и торговал лесом, хотя за него ходатайствовало 40 односельчан. В своем обращении они писали, что Соловьев в молодости батрачил, предприятий не имел, жил всегда небогато. В 1926 г. у него сгорел дом, пала ко-

рова «и старик обнищал, живя только огородом, имея болезнь рака, в результате чего у него удалена нижняя челюсть, и получает питание только молочное через искусственный аппарат».⁶

Лишение избирательных прав советских граждан предусматривалось и в качестве меры уголовного наказания. Согласно Уголовному кодексу РСФСР 1926 г., поражение политических и отдельных гражданских прав могло назначаться осужденному как полностью, по всей совокупности прав, так и по отдельным их категориям, среди которых закреплялось и непосредственно лишение активного и пассивного избирательного права. Суд рассматривал вопрос о поражении прав осужденного при вынесении приговора о лишении свободы на срок свыше года. Поражение в правах назначалось в качестве и самостоятельной, и дополнительной меры социальной защиты. В то же время она не могла соединяться с условным осуждением и общественным порицанием и назначаться на срок свыше пяти лет. В случае назначения рассматриваемой меры в качестве дополнительной к лишению свободы поражение прав распространялось на все время отбывания заключения и сверх того на срок, определенный приговором. При досрочном освобождении в силу амнистии или помилования срок поражения в правах исчислялся со дня освобождения от лишения свободы.⁷

В результате численность лишенцев в Советской России постоянно росла. В 1924 г. в РСФСР лишенцы составили 700 тыс. чел., или около 1,6% от общей численности избирателей. В 1926 г. – 4,5% избирателей, а в 1927 г. – 7,7% (в сельской местности, соответственно, 1,1% и 3,3%).⁸ Численность лишенцев в городах РСФСР в 1926 г. составила 219 745 чел. (4,2%), в 1927 г. – 612 236 (7%), в 1929 г. – 727 365 (7,2%), т.е. в абсолютном выражении за три года увеличилась более чем в три раза. В других республиках количество лишенцев, как правило, оказывалось еще выше. В 1929 г. их численность составила 11,8% избирателей Украины, 13,7% – в Узбекистане. В целом же, согласно опубликованным данным, в СССР в 1929 г. были лишены избирательных прав 8,6% взрослого населения, тогда как в 1927 г. – 7,7%. Ш. Фицпатрик приводит данные, согласно которым численность лишенцев в РСФСР в 1930 г. составила почти 2,5 млн. чел., и значит, как минимум, 4 млн. чел. в СССР. Приблизительный характер

указываемых цифр, по ее мнению, свидетельствует о том, что власти, скорее всего, и сами точно не знали, сколько человек было лишено избирательных прав.⁹ Увеличение численности лишенцев было связано не столько с более тщательным выявлением лиц, не имевших права голоса, сколько с поворотом к административно-волевым методам руководства в связи со сворачиванием НЭПа.

При анализе данной проблемы необходимо учесть, что выборы всех уровней власти в Советской России происходили путем прямого и открытого голосования. При этом на избирательном собрании могли присутствовать лишь лица, пользующиеся соответствующим правом. Открывая избирательное собрание, председатель оглашал список лиц, не имеющих права участвовать в выборах. В Уголовном кодексе 1926 г. специальная статья предусматривала уголовную ответственность за участие в выборах лиц, не имевших на то право.¹⁰

Право избирать и быть избранным всегда относилось к числу основных политических прав граждан, обеспечивающих им возможность в прямой и непосредственной форме участвовать в управлении государством. Однако избирателям в Советской России в рассматриваемый период фактически отводилась роль статистов, так как на их рассмотрение представлялся заранее подготовленный безальтернативный кандидат или список, утвержденный партийными органами. Кворум не имел значения; избирательное собрание в случае недостаточного присутствия избирателей откладывалось на два часа, после чего считалось правомочным принимать любые решения, не зависимо от количественного состава.¹¹

В то же время лишение избирательного права отнюдь не являлось простой формальностью, поскольку вместе с ним человек терял и другие права и возможности пользоваться теми или иными социальными благами. Лиц, лишенных избирательных прав, а вместе с ними и членов их семей не принимали в партию и комсомол, учебные заведения, у них возникали серьезные проблемы с трудоустройством. Лишенцев не брали в колхозы, они не могли стать членами кооператива, артели, а при налогообложении им полагалось «твердое задание». После введения карточной системы в 1928 г. лишенцы не получили карточек и были вынуждены

покупать продукты по коммерческим ценам; их также лишали пенсий и пособий. В 1929–1930 гг. в государственных учреждениях прошли «чистки» с целью удаления из них лишенцев и других «социально чуждых» лиц. Больницы и суды, жилищные и налоговые ведомства, другие структуры должны были проводить по отношению к ним дискриминационную политику.

Секретное постановление правительства, изданное в августе 1930 г., запрещало трудоустраивать лишенцев и других служащих, потерявших работу в результате недавних чисток, их предлагалось «отправлять на лесозаготовки, торфоразработки, на уборку снега, и только в такие места, где испытывают острую нехватку рабочей силы». Новой дискриминации подверглись лишенцы и при выдаче паспортов, хотя в правилах, установленных комиссией Политбюро, не говорилось прямо, что лишение избирательных прав само по себе может быть основанием для отказа в выдаче паспорта. Однако местные должностные лица, как правило, автоматически отказывали в выдаче паспортов лишенцам, членам их семей и вообще всем, в ком интуитивно чувствовали «социально чуждых».¹²

Немало лишенцев пыталось обжаловать принятые в отношении них меры. Только за первые два месяца 1930 г. от граждан РСФСР было получено 17 тыс. жалоб на необоснованное лишение избирательных прав (за те же месяцы 1926 г. – менее 500). В большинстве из них упор делался не на само лишение прав, а на сопутствующие дискриминационные меры: выселение из квартир, исключение из профсоюзов и учебных заведений, увольнение с работы, обложение специальными налогами, раскулачивание и т.д. Восстановлением в правах занимались различные учреждения: сельские советы, райисполкомы, ЦИК автономных республик, ВЦИК РСФСР. Для этого в них создавались специальные комиссии по рассмотрению жалоб лишенцев. В последнее время опубликован ряд писем лишенцев к различным властным структурам – от поселковых и районных избирательных комиссий до обращений к Председателю Президиума Верховного совета СССР М. И. Калинину как главе государства, а также в редакции газет.¹³

Однако на практике восстановление в правах, как правило, сопровождалось достаточно унижительными публичными ритуа-

лами. Например, священнослужителям приходилось публично отречься от собственного сана, а то и от веры в Бога. Ради восстановления в правах люди отказывались от членов своей семьи, от собственного прошлого, порой шли на откровенную ложь и подкуп должностных лиц, от которых зависело принятие положительного решения. Пожалуй, одним из немногих «нормальных» способов являлась служба в Вооруженных силах СССР, дававшая в 1930-е гг. возможность после демобилизации восстановиться в правах.

Только согласно Конституции СССР 1936 г. и Конституции РСФСР 1937 г. все совершеннолетние граждане страны, за исключением умалишенных и осужденных судом с лишением избирательных прав, получили право избирать и быть избранными. Лишение прав как мера социальной и правовой дискриминации была официально отменена, просуществовав 18 лет. На практике же в советских анкетах, заполнявшихся при приеме на работу, и после этого сохранялся пункт: «Были ли вы когда-либо лишены избирательных прав?», позволявший осуществлять дискриминацию в отношении бывших лишенцев и членов их семей.

Таким образом, лишение избирательных прав стало одной из важнейших мер советской политики, направленной на кардинальную трансформацию общества. Отказавшись от «красного террора» эпохи Гражданской войны, власть в годы НЭПа перешла к иным способам ликвидации социальных групп и слоев, которые она полагала для себя потенциально враждебными. С отказом от НЭПа эти меры только усиливались, лишенцы превращались в изгоев, нередко подвергались дальнейшим репрессиям. В то же время документы свидетельствуют о том, что многие лишенцы в реальности достаточно лояльно относились к советскому строю, воспринимая произошедшее с ними как результат некоей ошибки и обращаясь с просьбами восстановить справедливость. Они не успели разобраться с переменами в правящем курсе и быстро к ним приспособиться.

Анализ лишения избирательных прав как правовой нормы и его реализации на практике позволяет понять общий ход, направленность и тенденции в развитии репрессий в СССР в 1920–1930-х гг. Рассматриваемая проблема также красноречиво характеризует сам стиль взаимоотношений власти и общества: совет-

ским гражданам приходилось самостоятельно догадываться, чего от них ожидают, и искать способы демонстрации всемерной поддержки режима. Впрочем, и в этом случае они не были полностью застрахованы от таких «неприятностей», как ложный донос или простая ошибка судебно-следственных органов.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Комплексное исследование сельских населенных пунктов Приазовья» Подпрограммы фундаментальных исследований президиума РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтническом макрорегионе» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2006–2011 гг.

² Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Екатеринбург, 1996; Хлынина Т.П. Чистки и лишение избирательных прав советских граждан в 1930-е годы: штрихи к портрету времени // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып. 3. Пятигорск, 2004. С. 94–103; Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 483–496 и др.

³ Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 561–562.

⁴ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР. 1926. № 75. Отд. 1. С. 889.

⁵ Докладная записка заведующему организационным отделом Донисполкома // Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник. Фонд документов.

⁶ Ильин Н. Реализация партийно-государственной политики по отношению к кулачеству Северо-Западного региона Тверской области // Удомельская старина. Краеведческий альманах. 2003. № 30. Январь.

⁷ Уголовный кодекс РСФСР. В редакции 1926 года. Издание официальное. М., 1927. Ч. 1. Ст. 20, п. «д». Ст. 31, п. «а». Ст. 32. Ч. 2. Ст. 23, 32, 34. Ч. 3. Ст. 34.

⁸ Итоги выборов в Советы РСФСР в 1927 г. М., 1927. Вып. 1. С. 21.

⁹ Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / пер. с англ. М., 2001. С. 295.

¹⁰ Уголовный кодекс РСФСР. В редакции 1926 года. Ст. 91.

¹¹ Тимофеева Л.С., Федорова Н.А. Советская избирательная система при переходе к НЭПу // История государственности Республики Татарстан и современность. Казань, 2000. С. 43–53.

¹² Фицпатрик Ш. Указ. соч. С. 145–147.

¹³ См.: Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. М., 2001, и др.

4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕССИЙ

Семенов С. В.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Объективное понимание проблемы политических репрессий в СССР невозможно без глубокого переосмысления их влияния на развитие народного образования страны. Ведь именно в образовательных заведениях осуществляется преемственность поколений, формируется гражданская и политическая позиция личности. Вследствие этого актуализируется задача изучения репрессивной политики советского государства в 30-е годы XX века в образовании не только в масштабах страны, но и на региональном уровне.

В данной работе мы будем рассматривать Южный Урал в границах Челябинской, Оренбургской и Курганской областей (до 1943 года территория ныне Курганской области находилась в составе Челябинской). Башкирскую Республику исследователи традиционно относят к данному региону: мы считаем, что данное административно-территориальное образование может стать предметом самостоятельного исследования.

В числе первых работ, посвященных политическим репрессиям на Южном Урале в 30-е годы XX века, были труды Л. И. Футорянского. Он одним из первых выявил сущность политических репрессий в Оренбуржье. Л.И. Футорянский оценил характер влияния политических репрессий против интеллигенции, рассмотрел судьбу некоторых репрессированных преподавателей институтов Оренбурга¹.

Нельзя не обратить внимания и на труды другого южноуральского историка А. В. Федоровой. Среди них следует выделить работы о жертвах политического террора в Сельскохозяйственном институте².

Проблемы образования в годы политического террора на Южном Урале в начале 90-х годов XX века рассматривали В. М. Войнов, А. Л. Михашенко, Р. К. Кузахметов и другие³.

В 1998 году вышла работа А. Г. Крючкова и С. А. Кушнيرا, посвященная жизни и деятельности профессора Сельскохозяйственного института Оренбурга С. С. Бажанова. Авторы знакомят читателей с биографией ученого, подробно анализируют селекционную работу профессора на оренбургской земле. А. Г. Крючкову и С. А. Кушнiru не удалось избежать неточностей: они сообщают, что профессор С. С. Бажанов умер в тюрьме в 1943 году⁴. Хотя доктор исторических наук Л. И. Футорянский в исследованиях по данному вопросу отмечает, что С. С. Бажанов был расстрелян в феврале 1938 года⁵.

В работах, посвященных истории высших учебных заведений Южного Урала, авторы рассматривают некоторые проблемы политических репрессий. Как правило, сообщаются конкретные фамилии преподавателей, студентов, служащих, пострадавших в годы террора⁶.

В современной отечественной историографии появляются работы, авторы которых сосредотачиваются на изучении репрессивной политики государства, направленной против отдельных профессиональных категорий граждан. Важное значение для дальнейшего понимания политики террора имеют работы на общую тему: репрессированная наука Советского государства. Внимание ученых направлено на исследование механизма политических репрессий в отношении преподавателей высших учебных заведений, работников НИИ, учителей школ и других⁷.

В настоящее время среди исследователей, занимающихся подобной проблематикой на материалах Южного Урала, следует выделить работы Л. И. Футорянского, С. С. Загребина, А. Л. Худобородова, А. Н. Терехова, А. В. Федоровой и других⁸.

В работе А. Ф. Васенева, посвященной проблеме репрессий в образовании Курганской области, применен дифференцированный подход в определении числа жертв политических репрессий в народном образовании: среди репрессированных «свыше 300 человек – это учителя»⁹. Автор справедливо отмечает, что жены репрессированных, работавшие в сфере культуры, арестовыва-

лись органами НКВД с обвинительной формулировкой «жены врагов народа».

В историческом очерке о средней школе № 1 Челябинска, вышедшем в 2004 году, автор приводит факты о репрессивной политике государства в школе. Так, сообщается, что учителя географии Е. И. Котельникову арестовали вместе с дочерью Т. П. Котельниковой 12 декабря 1937 года и расстреляли в один день. В книге опубликованы воспоминания учеников, в одном из них – сведения о детском восприятии политических репрессий. Если в школу не приходил ученик, то одноклассники «гадали: по болезни или арестовали кого-то из родителей»¹⁰. Мы полагаем, что повседневный взгляд простых людей на политические репрессии позволит исследователям приблизиться к пониманию исторической действительности трагических событий 30-х годов XX века.

Таким образом, мы рассмотрели основные работы, посвященные различным аспектам политических репрессий в сфере образования на Южном Урале в 30-е годы XX века.

В начале 1930-х годов в стране развернулась борьба с «социально чуждыми» для нового общества людьми. В результате в южноуральских вузах, техникумах и школах начинают изгонять преподавателей, служащих и учащуюся молодежь из учебных заведений, по сути, руководствуясь только сведениями об их социальном статусе.

В 1931 году из филиала Уральского института механизации сельского хозяйства в Челябинске исключили 31 студента с не пролетарским происхождением, а за три месяца 1932 года парторганизацией института было выявлено 23 студента-чужака¹¹.

Поворотным событием в истории политических репрессий в стране и на Южном Урале в частности стало убийство С. М. Кирова 1 декабря 1934 года. Принятое после этого события постановление о рассмотрении дел, по сути, санкционировало «быстрый» арест и суд, объявив виновными «троцкистско-зиновьевских заговорщиков». Тем самым центральные власти дали команду на поиск таковых в регионах. В народном образовании Южного Урала выявляли троцкистов, зиновьевцев и других.

На очередном партийном собрании в пединституте Оренбурга было констатировано: «Убийство Кирова обязывает нас быть бдительными»¹². Пособников «правотроцкистского» блока

стали искать и в стенах института. В пединституте создавалась атмосфера тотальной слежки. В результате партийными органами было выявлено 13 «врагов народа» в стенах института.

В 1935 году среди студентов Оренбургского Агрозооветинститута был обнаружен «чуждый элемент» Дуньков – студент зоофака, написавший дневник под названием «Дневник абсолютно свободной мысли», по содержанию он был объявлен «антисоветским». Также была выявлена «троцкистская вылазка» В. Г. Мигачева. Суть «вылазки» заключалась в следующем: во время беседы со студентами и сдающими испытания на рабфак «о троцкистско-зиновьевском процессе» в присутствии студентов (5 человек) он утверждал, что «Троцкий, Зиновьев и Каменев совершили революцию, за что им надо сказать спасибо, а потом судить», и признавал Троцкого мировым оратором. Вскоре Мигачев В. Г. получил взыскание со стороны партийных органов.

В марте 1935 года в Оренбургском Агрозооветинституте расследовали дело Круглова. Круглов – студент первого курса второй группы зоофака – обвинялся в том, что излагал студентам-сокурсникам «непролетарские взгляды о политике Советской власти»; выразил сомнение в «ортодоксальности экономического учения Карла Маркса». Все это партийные органы квалифицировали как «антисоветскую вылазку Круглова». В срочном порядке на борьбу с «кругловщиной» «мобилизовали внимание студентов». Итогом борьбы с «кругловщиной» стали собрания 20–21 марта 1935 года, где дали негативную политическую оценку Круглову. На собрании было решено: Мешкову – парторгу группы, где учился Круглов, – вынесли неудовлетворительную оценку его работы; определили основную задачу для второй группы – «выкорчевывать корни кругловщины»¹³.

В Челябинском пединституте, согласно приказу от 28 января 1935 года, была уволена библиотекарь Поздеева как «классово чуждая» и «скрывшая свое социальное происхождение при поступлении на работу»¹⁴. Вскоре жертвой политических репрессий стал и директор института: И. Я. Щукина обвинили в «троцкизме».

В начале октября 1935 года Наркомпрос РСФСР назначает директором Челябинского пединститута И. К. Зеленского. На партийном собрании пединститута 22 августа 1936 года обсуждали материал, помещенный в областной газете «Челябинский рабо-

чий» под общим заголовком «Политическая близорукость». Директора института И. К. Зеленского обвинили в «гнилом либерализме», так как он не разоблачал якобы контрреволюционную деятельность своих сотрудников. В частности, преподавателя В. М. Нефедова объявили «неразоружившимся педологом», который, по мнению доносителей, продолжает «вредить... делу навешения большевистского порядка в школе»¹⁵.

Важным этапом политических репрессий в СССР в 30-х годах XX века стал июль 1937 года, когда был принят печально известный приказ НКВД № 00447, согласно которому репрессировали «бывших кулаков, социально-опасные элементы, состоявших в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях, членов антисоветских партий, бывших белых, жандармов, чиновников, карателей, бандитов, бандопособников, переправщиков, реэмигрантов, наиболее враждебных и активных участников... казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований, сектантских активистов, церковников, уголовников». Таким образом, для НКВД был определен широчайший круг людей для репрессирования.

Согласно решению № 26 пункта 2 Челябинского обкома ВКП(б) 1 ноября 1937 года И.К. Зеленского уволили из института, а уже 14 декабря 1937-го его арестовали органы НКВД Челябинской области¹⁶.

Вскоре после ареста И. К. Зеленского арестовали преподавателей М. С. Давидова, И. П. Ибшмана, П. М. Бобровского и обвинили в активном участии в правотроцкистской организации и ее враждебной деятельности в стенах Челябинского государственного педагогического института.

Катализирующим фактором политических репрессий в народном образовании Южного Урала на протяжении 30-х годов XX века являлись открытые судебные процессы, проходившие как в столице, так и в областных и районных центрах Южного Урала. Решения суда широко обсуждались в вузах, техникумах и школах Южно-Уральского региона, а затем, как правило, проецировались на собственный педагогический коллектив.

В начале 1937 года в Оренбургской ВКСХШ была вскрыта «контрреволюционная группа», возглавляемая директором В. И. Третьяковым и включавшая в свой состав следующих: И. Ф. Гаркушу, Кузьмичеву – жену Гаркуши, М. С. Федотова и других. 23 февраля 1937 года Оренбургский обком ВКП(б) решил снять с работы В. И. Третьякова. Вскоре его расстреляли. В результате тотального контроля над школой к концу 1937 года была вскрыта очередная «контрреволюционная группа», возглавляемая Л. И. Хайкиным и Г. И. Эпштейном¹⁷. Через некоторое время они были приговорены к расстрелу.

Сложная обстановка была в техникумах и школах Южного Урала в 30-е годы XX века. В Оренбургском музыкальном техникуме освободили от работы педагогов «старых академических и педагогических установок». К таковым были отнесены А. В. Бuzдыханов, Л. С. Матковский, Е. П. Чубинская и другие. Репрессии в техникуме вызвали острую нехватку квалифицированных специалистов. Так, из 20 человек основных преподавателей с высшим образованием было 4, с незаконченным высшим – 4, со средним – 12 человек¹⁸.

Директора Бугурусланского сельхозтехникума Оренбургской области К. Н. Шарапова обвинили в непринятии мер к «очищению и оздоровлению педколлектива». Партийные органы отмечали, что педагогический коллектив был «засорен чуждо-враждебными элементами: И. П. Иванов – контрреволюционер, Архангельский – сын попа». За это К. Н. Шарапову объявили строгий выговор с формулировкой «за переадминистрирование в руководстве техникума»¹⁹.

В Бугурусланском русском педагогическом техникуме уничтожили опытных педагогов: Н. Н. Никольского – 1883 года рождения, закончил Духовную академию, педагогический стаж – 27 лет; В. Г. Мельникова – 1885 года рождения, окончил Оренбургский учительский институт, преподавал 32 года; П. А. Браун – 1897 года рождения, окончила Саратовскую гимназию, работала преподавателем более 16 лет²⁰.

В январе 1935 года в Чашинском молочном техникуме Курганского района Челябинской области органами НКВД было арестовано 4 студента: А. В. Житников, А. С. Корозняков, Н. С. Кочуров, А. П. Фирсов и Н. В. Румянцев – заведующий учебной ча-

стью данного учебного заведения. Всех пятерых обвинили в антисоветской агитации, и 25 июля 1935 года ОС НКВД СССР определило их виновными по ст. 58-10, 11 и приговорило к 3 годам лишения свободы каждого²¹.

В 1937 году «вскрыта засоренность врагами народа, троцкистами, бухаринцами и другими враждебными элементами» в следующих средне-специальных учебных заведениях Челябинской области: Троицком зооветтехникуме, Талицком лесотехникуме, Троицком зооветтехникуме, Троицкой медшколе, Златоустовской медшколе, Шадринском финансово-экономическом техникуме.

В начале августа 1937 года на заседании президиума Челябинского областного исполнительного комитета обсуждались итоги 1936–1937 учебного года. Было отмечено, что «вследствие беспечности ОблОНО, ГорОНО и РайОНО враги народа – троцкистско-бухаринские агенты фашизма, пробравшиеся в органы народного образования, пытались распространить свое влияние на подрастающее поколение, разлагать работу школ» в Кизильском, Уфалейском, Камышловском, Ялано-Катайском, Агаповском районах области²². Таким образом, была дана команда на дальнейший поиск «агентов».

Менее месяца понадобилось сотрудникам НКВД, чтобы решить судьбу преподавателя географии средней школы № 1 имени Ф. Энгельса Челябинска. Е. И. Котельникову арестовали 12 декабря 1937 года и предъявили обвинение по статье 58-й пунктам 10 и 11 – контрреволюционная организация, а 27 декабря тройка УНКВД по Челябинской области приняла решение – расстрелять. В первый день нового, 1938 года приговор был исполнен²³.

В 22-й школе Челябинска учителя физкультуры Короткова исключили из кандидатов в члены ВКП(б) по причине ареста родителей жены органами НКВД и за «неискренние признания своих ошибок», которые, по сути, сводились к одному: Коротков «не рассказал, кто такие родители жены»²⁴.

Учителя литературы и русского языка Челябинской средней школы № 1 имени Ф. Энгельса Г. И. Цырлину обвинили в недоносительстве на своего мужа. Э. Б. Цырлин был арестован 15.09.1937 года как враг народа. Г. И. Цырлину арестовала опергруппа

УНКВД по Челябинской области 10.12.1937 года, ее привлекли к уголовной ответственности по ст. 58-12 УК РСФСР за «укрывательство контрреволюционной и вредительской деятельности своего мужа»²⁵.

В сентябре 1937 года вместе с директором школы № 12 города Кургана З. И. Реутовой от работы освободили и учителя математики Е. С. Фоминых с формулировкой: «жена врага народа»²⁶. В годовом отчете о работе за 1938–1939 учебный год школы № 12 Кургана сообщалось, что органами НКВД было «взято» 4 учащихся. В этой школе НКВД была раскрыта детская группа «Вред» – участников обвинили в «подрывной работе»²⁷.

В мае 1937 года с должности заведующего Оренбургским ОблОНО был снят П. П. Шапошников с формулировкой: «Ввиду разноречивости в автобиографических данных о наличии троцкистских колебаний». Вскоре он был расстрелян. Столь же трагическая участь постигла заведующего отделом профтехобразования А. К. Задорина²⁸.

Аналогичная ситуация и в Челябинской области: в октябре 1937 года арестован первый секретарь обкома К. В. Рындин. Согласно ст. 58-6, 7, 8 и 11 УК РСФСР его приговорили к расстрелу. После этого на очередном партийном собрании было отмечено, что зав. ОблОНО Челябинской области И. И. Барсуков «являлся оружием в руках врагов и часто исполнял их волю»²⁹.

Согласно архивным документам, «контрреволюционную организацию правых» в школьном образовании Южного Урала можно определить так. В 1931 году А. З. Караковский работал заместителем начальника по методической работе ОблОНО Уральского, заведующим был Перель; необходимо подчеркнуть, что последний входил в состав партии «Бунда». Перель справедливо полагал, что необходимо было «прекратить сверхиндустриалистическую горячку», тем самым, по сути, солидаризировался с точкой зрения по этой проблеме Бухарина, Рыкова, Томского. В результате всех, кто высказывался аналогично или имел близкие мысли, арестовало НКВД. В январе 1934 года, согласно постановлению Президиума ВЦИК, Уральская область была разделена на три: Свердловскую, Челябинскую и Обско-Иртышскую³⁰. В Челябинский ОблОНО перешел на работу А. З. Караковский, возглавлял его в течение полугода (был

исполняющим обязанности), а затем стал заместителем заведующего. В «признательных» показаниях А. З. Караковский отмечает, что вся его работа «была направлена на выполнение задач контрреволюционной организации правых в деле народного образования на Южном Урале».

Также следователи НКВД выявили, что участники «правых» для срыва работы школьного образования Южного Урала использовали «вредительские установки участников контрреволюционной организации в Наркомпросе РСФСР». В результате подбора подобных «доказательств» вины якобы участников «контрреволюционной организации правых» в народном образовании Южного Урала были арестованы и впоследствии расстреляны: зав. Челябинским ОблОНО И. И. Барсуков, заместитель А. З. Караковский, зав. сектором заочного образования ОблОНО Пивоваров, директор педагогического института Челябинска И. К. Зеленский, директор института повышения квалификации кадров народного образования Северный и другие.

В заключение необходимо подчеркнуть, массовые репрессии в вузах, техникумах, училищах и школах Южного Урала в 30-е годы XX века отражали общесоюзные тенденции: когда страна боролась с «кулачеством», из учебных заведений региона изгоняли «кулаков». После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 года в сфере образования Южного Урала искали «троцкистов» и их союзников. Архивные документы свидетельствуют, что к концу 1930-х годов в народном образовании Южного Урала ощущалась острая нехватка преподавателей, особенно по истории.

Репрессивная политика государства в высших учебных заведениях Южного Урала в 30-е годы XX века уничтожила профессуру с дореволюционным образованием и стажем работы, а также всех служащих и студентов, не разделявших официального курса партии. Данные действия позволили сформировать советскую высшую школу на Южном Урале в 1930-е годы, где уделяли внимание не только профессиональным умениям будущего выпускника, но и политической составляющей.

Аналогичные действия сотрудники НКВД осуществили и в средне-специальных и школьных образовательных учреждениях Южного Урала, где также были репрессированы педагоги с доре-

волюционным образованием, имевшие независимую точку зрения на происходящие в стране события. Образовательный процесс стал включать в себя и меры политического давления на молодежь.

Согласно изданным Книгам памяти и доступным для исследователей архивным документам, политическим репрессиям на Южном Урале в сфере народного образования в 30-е годы XX века подверглось более 550 человек: из них в Оренбургской области – 225 человек (41%), Курганской – 175 человек (32%), Челябинской – 150 человек (27%)³¹.

Политические репрессии в сфере образования на Южном Урале в 30-е годы XX века привели к кардинальным переменам в кадровом составе образовательных учреждений, оказали воздействие на дальнейший ход развития образования в регионе, поставив его под беспрецедентно жесткий политический и идеологический контроль.

Примечания

¹ Футорянский Л.И. Народная трагедия // Южный Урал. – 1989. – 4 марта. Он же: Посмертно реабилитирован // Урал. – 1989. – № 10. – С. 141–143. Он же: Десять лет за 10 дней // Народный учитель. – 1990. – 31 окт. Он же; Не предавать забвению! // Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998. – С. 6–16. Он же: Репрессии // История Оренбуржья. – Оренбург, 1996. – С. 239–245. Он же: Репрессии 1927–1938 годов // Оренбург, Челябинск, 1993. – С. 204–213. Он же: Трагедию не предавать забвению // На защите интересов России. Губчека-УФСБ – 80 лет / научн. рук. Л. И. Футорянский. – Оренбург. – С. 25–45.

² Федорова А.В. Бессрочная командировка // Южный Урал. – 1991. – 30 октября. – С. 1. Она же: «Ваш отец, муж, сын...» // Южный Урал. – 1989. – 19 марта. – С. 2. Она же: Время смывает клейма // Южный Урал. – 1989. – 23 марта. – С. 2. Она же: Вдохновители беззаконий // Южный Урал. – 1988. – 7, 9 августа. – С. 3. Она же: Возвращение к правде // Южный Урал. – 1988. – 4 августа. – С. 3. Она же: Забытые имена // Южный Урал. – 1988. – 6 августа. – С. 3. Она же: Край Оренбургский: люди, события факты. – Оренбург, 1999. Она же: Профессор Бажанов С.С. // Блокнот агитатора. – № 5–6. – Оренбург, 1989. – С. 36–39.

³ Войнов В.М. Культура в годы предвоенных пятилеток // Оренбург. – Челябинск, 1993. – С. 215; Он же: Виктор Серж – ссыльный и изгнанник // Урал. – 1991. – № 4. – С. 129–135; Михашенко А.Л. Общеобразовательная школа и педагогическая мысль Южного Зауралья. – Курган, 1995. – С. 76; Постовалова У.И. Очерки по истории народного образования Зауралья // Зауральское педагогическое образование. – 1995. – № 1–2. – С. 25–26; Кузахметов Р.К. Судьбы культуры в 1928–1940 годы // История Оренбуржья. – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1996. – С. 253–260; За-

гребин С.С. «Шпиономания» в школах Челябинска в 1930-е годы // Исторические чтения. – Челябинск, 1996. – С. 31–33.

⁴ Крючков А.Г., Кушнир С.А. Профессор С.С. Бажанов. – Оренбург, 1998. – С. 9.

⁵ Футорянский Л.И. Не предавать забвению! // Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998. – С. 15.

⁶ Оренбургский государственный педагогический университет / под ред. Болодурина В.С. – Оренбург, 1999; Болодурина В.С. Образование и педагогическая мысль в Оренбуржье. – Оренбург, 2001; Челябинский государственный педагогический университет. 2-е изд. испр. и доп. – Челябинск, 2004. – С. 42–43; Очерки о ректорах Челябинского государственного педагогического университета. – Челябинск, 2004. – С. 27; Федорова А.В., Бакулина С.И. ОГАУ – 75. От института к университету. – Оренбург, 2005.

⁷ Репрессированные геологи. – М. – СПб., 1999. – 452 с.; Репрессированные этнографы. Вып. 1 / сост. Д.Д. Тумаркин. 2-е изд. – М., 2002. – 343 с.; Репрессированные этнографы. Вып. 2 / сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. – М., 2003. – 495 с.; Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). Изд. подг. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. – СПб., 2003. – 496 с.; Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М., 2002. – 296 с.; и другие работы.

⁸ Худобородов А.Л. Как это было: о трагической судьбе директора Челябинского государственного педагогического института И.К. Зеленского в 1930-е годы // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): материалы научно-практической конференции. – Челябинск, 2003. – С. 168–170; Конев Л.М., Вахрушева Н.А. Первый профессор психологии Челябинска // Исторические чтения: материалы региональной научной конференции Центра историко-культурного наследия г. Челябинска. Вып. 6. – Челябинск, 2003. – С. 85; Загребин С.С. Культурная политика российского государства (общенациональные доминанты и региональные особенности). – Челябинск, 2006; Терехов А.Н. Становление высшего исторического образования на Южном Урале в 30-е годы XX века // Исторические чтения: материалы научной конференции «Культура Урала XX века», посвященной 90-летию со дня образования в Челябинске комитета по организации разумного развлечения. – Челябинск, 2007. – С. 182–197; Футорянский Л.И. Дважды юбилейный // Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России. Всероссийская научно-практическая конференция. – Оренбург, 2004. – С. 3–32; Он же: Начальный период репрессий и их пик на Южном Урале // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. К 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: материалы V Всероссийской научной конференции. – Краснодар, 2008. – С. 84–98.

⁹ Васенев А.Ф. Политические репрессии среди работников образования Курганской области // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Сборник научных трудов. Вып. 5. – Курган, 2003. – С. 120.

¹⁰ Школа на Красной: исторический очерк Челябинской средней школы № 1 имени Ф. Энгельса. – Челябинск, 2004. – С. 66–71.

¹¹ ОГАЧО. Ф. Р-1397. Оп. 1. Д. 2. Л. 15

¹² ЦДНИОО. Ф. 1465. Оп. 1. Д. 32. Л. 3об.

¹³ ЦДНИОО. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 17. Л. 6–6 об. 12 об.

¹⁴ Челябинский государственный педагогический университет. – Челябинск, 1998. – С. 18.

¹⁵ ОГАЧО. Ф. П-208. Оп. 1. Д. 4. Л. 34–34 об.

-
- ¹⁶ ОГАЧО Ф. П-288. Оп. 67. Д. 2025. Л. 3.
- ¹⁷ ЦДНИОО. Ф. 382. Оп. 1. Д. 41. Л. 19, 128.
- ¹⁸ Хавторин Б.П. Музыкальная культура Оренбурга XX столетия. – Оренбург, 1999. – С. 165.
- ¹⁹ ЦДНИОО. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 535. Л. 123 об.
- ²⁰ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998. – С. 50, 206, 266.
- ²¹ Осуждены по 58-й... Книга памяти жертв политических репрессий Курганской области. Т. 2. – Курган, 2002. – С. 299, 306, 307, 337, 348.
- ²² ГАКО. Ф. Р-1952. Оп. 1. Д. 18. Л. 193.
- ²³ Школа на Красной. С. 67.
- ²⁴ ОГАЧО. Ф. П-645. Дп. 1. Д. 4. Л. 3.
- ²⁵ Дружинина Э.Б. «Прошу ответить»: история одного поиска // Исторические чтения: материалы научной конференции «Культура Урала XX века». – Челябинск, 2007. – С. 422–433.
- ²⁶ ГАКО. Ф. Р-499. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
- ²⁷ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 2. Д. 591. Л. 2.
- ²⁸ ЦДНИОО. Ф. 645. Оп. 1. Д. 8. Л. 69 об.
- ²⁹ ОГАЧО Ф. П-2620. Оп. 1. Д. 1. Л. 437.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 45а. Д. 104. Л. 19.
- ³¹ Посчитано по: Осуждены по 58-й... Книга памяти жертв политических репрессий Курганской области. Т. 1. – Курган, 2002; Осуждены по 58-й... Т. 2. – Курган, 2003; Осуждены по 58-й... Т. 3. – Курган, 2004; Осуждены по 58-й... Т. 4. – Курган, 2005; Осуждены по 58-й... Книга памяти жертв политических репрессий Курганской области. Т. 5. – Курган, 2005; Осуждены по 58-й... Т. 6. – Курган, 2006; Осуждены по 58-й... Т. 7. – Курган, 2007; Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. – Калуга, 1998.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА УССР В 1938 ГОДУ

Исследуя массовый террор 1938 г., трудно не заметить, что в его основании имели место широкомасштабные экзекуции среди работников промышленности, которые непрерывно втягивали в водоворот репрессий тысячи невинных людей.

Стойкая тенденция к усилению преступной деятельности компартии характеризуется введением антидемократических норм в официальное советское законодательство, которое фактически приравнивало рабочих к узникам, а весь технологический процесс производства напоминал «работу» в лагерях.

В 1938 г. важное место в кровавом насилии советского руководства против работников промышленности продолжают занимать органы внесудебного преследования: Особые совещания, двойки и тройки, которые бесконтрольно осуществляли репрессии во всех сферах общественно-политической жизни [1, с. 53]. Расширялись полномочия органов внесудебного преследования и дежурной инструкцией НКВД, в которой отмечалось: решение тройки, при отсутствии возражений прокурора, должно выполняться немедленно, также исключение вредительского и деклассированного элемента необходимо проводить ежедневно [2, с. 114].

В это время значимой антинародной директивой стал приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. Ежова № 00606, «О создании Особых троек для рассмотрения дел лиц, арестованных за предыдущим распоряжением НКВД СССР № 00485» от 17 сентября 1938 г. В нем отмечалась необходимость для быстрого рассмотрения следственных дел образовывать при управлениях НКВД Особые тройки, на которые возложить рассмотрение дел контрреволюционеров [3, с. 145]. Таким образом, в состав вновь созданных органов террора должны были входить: первый секретарь обкома, начальник соответствующего управления НКВД, прокурор области или республики. В Украине Особые тройки создавались по областям. При этом нарком внутренних дел отмечал: срок следствия не должен превышать двух месяцев, а реше-

ние Особых троек относительно обвиняемых по первой категории необходимо выполнять немедленно [4, с. 146–147].

В дальнейшем политика «красного террора» против рабочих промышленности распространялась через специальную инструкцию тройкам НКВД по рассмотрению дел криминальных, деклассированных элементов и злостных нарушителей положения о паспортах, где сообщалось: для рассмотрения такого рода дел необходимо создавать тройки, в состав которых должен входить народный комиссар союзной республики или его заместитель, начальник управления милиции и начальник соответствующего отдела, чье дело рассматривается. При этом участие прокурора в заседании тройки обязательно [5, с. 111]. Так же расследовались дела нарушителей паспортного режима, то есть тех граждан, которые отказывались принудительно выезжать из определенной местности, проживать в которой им строго воспрещалось. [6, с. 112].

Необходимо обратить внимание на пагубность и абсурдность распоряжений руководства НКВД относительно арестов жен и детей «врагов народа», что привело к репрессиям против тысяч невинных людей. Такие действия властей вызывали недовольство в обществе, поэтому, идя на «уступки», нарком внутренних дел СССР М. Ежов подписал приказ № 00689, который заменял предыдущее оперативное распоряжение НКВД СССР № 00486 «О порядке осуществления репрессий против жен изменников родины, правотроцкистских шпионов». В «новом» документе от 17 октября 1938 г. предлагалось в дальнейшем арестовывать не всех жен изменников родины, а только тех, которые были в курсе дел или принимали активное участие в контрреволюционной борьбе мужей, а также тех, в отношении которых органы НКВД владеют данными об антисоветских настроениях и высказываниях. Предусматривалось принятие мер по усилению агентурного освещения настроений, поведения, связей жен и других членов семей «врагов народа». При этом агентурная сеть должна была в первую очередь охватывать жен наиболее активных и злостных контрреволюционеров [7, с. 162].

Нововведением в данном приказе является то, что пункт 36, об обязательности арестов жен «антисоветских элементов» одновременно с мужьями, отменялся. Но, к сожалению, основная про-

цедура порядка арестов жен «врагов народа» фактически оставалась без изменений.

В 1938 г. болезненная фантазия государственных и правоохранительных органов продолжала создавать, с частотой геометрической прогрессии, невероятно большое количество различных «антисоветских организаций», в том числе и на промышленных предприятиях. Глубокий анализ документов этого периода свидетельствует в первую очередь о том, что «карающий меч революции» был направлен на разоблачение «контрреволюционных групп», которые состояли исключительно из мнимых врагов народа.

Трагичности общественно-политической ситуации в стране добавляет то, что советская общественность искусно зомбировалась сталинской пропагандой, – настолько, что «контрреволюционные группы» разоблачались самими же рабочими, одна за другой, уничтожая судьбы тысяч рабочих.

Суть элементарной специфики антинародной войны советской власти заключалась в применении к подозреваемым в совершении преступления средневековых методов допросов во время следствия. В результате подавляющее большинство обвиняемых признавали свою вину во всем инкриминируемом правоохранительными органами. Неоспоримым доказательством существования такой «безотказной» практики террора является то, что непосредственно высшие органы власти открыто поощряли репрессивно-карательные органы к применению пыток. В частности, во время «десталинизации» Н. С. Хрущевым отмечалось: «...ЦК ВКП(б) считал, что метод физического влияния должен обязательно применяться... по отношению к врагам народа, как вполне правильный и целесообразный метод...» [8, с. 145].

В очередной раз убедиться в реальном существовании практики применения мер физического влияния на подсудимых можно из свидетельства рабочего «Запорожстали» В. О. Ляха об истязаниях в Запорожском городском отделе НКВД. Рабочий не знал о контрреволюционных ячейках на предприятии, но, невзирая на это, к нему применяли пытки с целью получения «нужных» показаний. Чекисты били его резиновыми дубинками, ставили под мощную электролампу, помещали в камеру без доступа кислорода, в которой некоторые «подозреваемые» умирали от духоты.

Дополнительно применялись и другие «действенные методы» дознаний во время допросов, в результате подавляющее большинство арестованных признавалось в любых преступлениях [9, с. 39].

В 1938 г. значительное место продолжают занимать многочисленные чистки на промышленных предприятиях, которые устраивались для увеличения количества арестов. Примером продолжения такого широкомасштабного сталинского репрессивного наступления служит телеграмма заместителя наркома внутренних дел СССР Г. Фриновского начальнику УНКВД Николаевской области П. Карамисеву «О ликвидации шпионно-диверсионных и контрреволюционных формирований на оборонных заводах» от 17 июня 1938 г. В документе сообщалось: несмотря на ликвидацию основных враждебных гнезд целый ряд важнейших оборонных заводов, которые занимают ключевую позицию в техническом вооружении, систематически срывают партийные задания [10, с. 187]. В частности, николаевский судостроительный завод № 198 программу первого квартала выполнил лишь на 58%. Срыв правительственных заданий объяснялся чекистами такими факторами: отсутствие планомерной и основательной борьбы с последователями вредителей; на многих заводах продолжали вести подрывную деятельность не репрессированные остатки ликвидированных враждебных формирований; большинство предприятий имели высокий процент засоренности, начиная с сомнительного и заканчивая явно антисоветским элементом; агентурная работа по ликвидации последствий вредительства на большинстве заводов не поставлена; слабо организованная работа по привлечению квалифицированной агентуры для разработки не репрессированных элементов [11, с. 187–188].

В соответствии с вышеизложенным Фриновский строго приказывал: агентурно-оперативную работу на заводах строить таким образом, чтобы развенчивать и ликвидировать замаскированных врагов до конца. Чекистский аппарат силами агентуры должен влиять на ход выполнения правительственных заданий, предупреждая процессы, которые могли бы сорвать производство; проверить на предприятиях организацию борьбы с вредительством; со всех без исключения следственных и агентурных дел немедленно пересмотреть разоблаченных, но не репрессирован-

ных врагов для осуществления их арестов в ближайшее время; в протоколах допросов полно и конкретно отображать фактическую подрывную работу врагов, для немедленного принятия мер по ликвидации последствий вредительства; начать чистку заводов от всевозможного антисоветского элемента с расчетом закончить работу до конца июля 1938 года [12, с. 191–192].

Не скрытый репрессивный характер имело постановление бюро Николаевского обкома КП(б)У «О выселении из Николаева семей репрессированных» от 11 сентября 1938 г. Из его содержания очевидно: для быстрого размещения 6800 демобилизованных красноармейцев и 300 семей их начальников, приехавших работать на заводы оборонной промышленности, принято решение немедленно «вычистить» за пределы города 700–800 семей репрессированных и осужденных «врагов народа» [13, с. 1].

Идеи партийного руководства относительно выдумывания новых причин для обоснования увеличения количества репрессий материализовались в виде распространения агентурной сети на промышленных предприятиях. Примером этого может служить справка об оперативно-агентурном обслуживании николаевских оборонных судостроительных заводов № 198 и № 200, где отмечалось, что состояние агентурной работы на предприятиях находится в крайне не удовлетворительном состоянии. При этом якобы на 21 916 лиц, работавших на заводе № 198, приходилось всего лишь 9 агентов, большинство из которых работало неудовлетворительно, а 3 совсем не выполняло поставленных партией заданий. На предприятии № 200, по версии правоохранительных органов, наблюдалась ситуация еще хуже, когда на 9 тысяч трудящихся работало лишь 3 агента и 14 информаторов. При этом отмечалось: почти со всеми информаторами утеряна связь, а подавляющее большинство агентурных разработок находятся в неудовлетворительном состоянии [14, с. 29].

Поверить в достоверность столь низкой численности агентов тяжело, но смысл директивы сводился к необходимости существенного увеличения террора именно через доносы агентурной сети. Также в документе отмечалось, что непосредственными причинами частых аварий, которые происходят на заводе № 198,

является высокий процент производства бракованной продукции и отсутствие решительных мер борьбы с антисоветскими элементами [15, с. 31].

Соответственно, констатировалось: к вредителям не принимается никаких мер. Поэтому выражалась необходимость, в ближайшее время образовать на николаевских заводах № 198 и № 200 широкую и квалифицированную агентурную сеть, главным образом, из инженерно-технического персонала. Также в дальнейшем осуществлять мероприятия, согласовывая их с обкомами КП(б)У, относительно немедленной очистки предприятий от антисоветского и социально чуждого элемента. Предусматривалось разработать конкретные мероприятия по резонансным делам и обеспечить их квалифицированной агентурой [16, с. 32–33].

Кровавый террор, развязанный большевиками на промышленных предприятиях Советского Союза, навеивал атмосферу страха на рабочих. Они не безосновательно боялись брать на себя ответственность за производство продукции, так как в случаях даже незначительных неурядиц существовала большая вероятность попадания в советские лагеря в качестве «врагов народа».

Органам террора разоблачать вредителей «помогали» рабочие корреспонденты, которые работали на большинстве предприятий и имели чрезвычайно большие полномочия для осуществления репрессий. Во время массовых репрессий основным заданием рабкоров стало выявление подозрительных лиц на производстве и тайное донесение об этом «компетентным» органам. После соответствующей доработки спецслужбами обычный донос превращался в громкую «разоблачающую» публикацию. В газетах появлялась масса статей, которые называли мнимых оппозиционеров.

Официальная коммунистическая пропаганда всячески поддерживала деятельность рабкоров, так как, обвиняя конкретных «шкодников», они значительно облегчали задание стражам порядка в обосновании и осуществлении репрессий. Например, по данному сценарию арестованы работник Новобугского лубзавода Николаевской области Броунд, директор Новобугской МТС С. С. Павлович и много других рабочих, которые на страницах

газет обвинялись в причастности к правотроцкистскому центру [17, с. 175].

Глубокий смысл таких корреспонденций непременно обрекал на преследование главного «героя» публикации. В частности, статья «Выявить агентов и подручных кулаков в городе», опубликованная в газете «Южная правда», голословно называет имена 43 «шкодников» в Николаеве, которые работали в промышленности города. Немного позже публикации «Ликвидация вредителей в рабочем снабжении» и «Разоблачение лжеударников» называют 70 фамилий «врагов», которых обнаружили и строго наказали. Рассматривались громкие контрреволюционные дела в статьях многих других газет. Страницы «Бугской правды» освещали несколько больших антисоветских дел. На одной из них, в частности, отмечалось: «...трудящиеся-рабочие дали жесткий отпор троице в составе Шепелюка, Ноновского и Среды...». Каждого из них осудили на десять лет концлагерей и пять лет поражения в правах лишь за клевету на страницах газеты. Аналогично в Херсоне осудили за вредительство четырех рабочих: Шалевая, Карпенко, Лещенко и Брильца. Первая из них приговорена к расстрелу, остальные – к длительным срокам заключения [18, с. 175].

Статьи в газетах стали мощным идеологическим обоснованием репрессий, так как в обществе господствовала напряженная атмосфера, связанная с глубоким политическим и экономическим кризисом. С последующим развитием антинародной политики идеологического давления «сталинская машина» намеревалась окончательно сломать общественное мнение в сторону полной дискредитации «врагов народа».

Обычным явлением стали аресты «контрреволюционных элементов» по анонимным сообщениям, доносам, которые являются абсурдным явлением и неопровержимым доказательством чрезвычайно сложной психологической ситуации в рабочих коллективах. Следует отметить, что цель, которая ставилась партийным руководством относительно планомерного уничтожения собственного народа, была достигнута. Поэтому во второй половине 1938 г. началось постепенное уменьшение плановой деятельности репрессивно-карательных органов и сокращение масштабов сталинского террора.

Причиной этого в первую очередь является то, что в годы «большой чистки» репрессии достигли максимально допустимых масштабов, поэтому даже встречались случаи показательной критики партийным руководством непосредственно правоохранительных органов.

В 1938 г. средства массовой информации публикуют первые сведения о перегибах в борьбе с контрреволюцией. Постановление январского пленума ЦК ВКП(б) воспринималось в обществе как знак улучшения политической ситуации в стране, потому что впервые на официальном государственном уровне осуждались массовые политические репрессии [19, с. 9].

Некоторое ослабление террора, к сожалению, не стало стойкой позитивной тенденцией, а волны протестов рабочих против логично не обоснованных многочисленных арестов, громкие высказывания антисоветского характера «вынудили» Наркомат юстиции СССР 15 апреля 1938 г. выдать директиву № 13 «О квалификации контрреволюционных террористических высказываний», в которой отмечалась острая необходимость квалификации антисоветских разговоров по статье 54-8 Криминального кодекса УССР как терактов против представителей советской власти [20, с. 39–40].

Невзирая на это в некоторых случаях публично осуждались клеветники. Газета «Бугская заря» в июне 1938 г. сообщала: за клевету исключены из комсомола рабочие николаевского судостроительного завода имени 61 Коммунара Анискевич и Пшекарский [21, с. 1].

В связи с некоторым послаблением сталинских преступлений последней надеждой на спасение и оправдание осужденных стали тысячи обращений с мест лишения свободы к высшим партийным органам государства о пересмотре их уголовных дел, в надежде на реабилитацию. К сожалению, первые шаги оправдания миллионов невинно репрессированных граждан в 1938 г. не стали массовыми, а носили в большинстве декларативный характер, исключительно с целью ослабления волны «Большого террора».

Анализируя количественный состав арестованных рабочих промышленности в 1938 г., можно отметить некоторый спад активности репрессивно-карательных органов.

Число репрессированных в УССР рабочих по политическим мотивам в 1938 г. составило 13 136 человек, или 12,2% от общего числа украинских рабочих [22, с. 272].

Таким образом, спецслужбы в 1938 г., выполнив на отлично задание морального разложения советского общества, так и не смогли выполнить задекларированного задания по улучшению производственных показателей на промышленных предприятиях после уничтожения вредителей. Вместо этого изуверенное человеческое сознание привело к увеличению ненависти к советской власти и уменьшению производительности труда. Логично понять сущность политики советского руководства в исследуемый период чрезвычайно тяжело, но вследствие детального анализа террора в промышленности четко вырисовываются его антинародная логика, причины и последствия.

Генсек Сталин и его окружение, проводя кровавый террор, пытались полностью утвердить основанный на деспотизме командно-хозяйственный механизм управления государством. Таким образом, политические преступления стали сложным процессом утверждения тоталитаризма, а физическое устранение политических конкурентов усиливало власть диктатора. Репрессивно-карательные органы, путем «охоты на ведьм» в частности, обвиняли во всех неурядицах рабочих и сеяли иллюзию о счастье в будущем после «вычищения» всех неблагонадежных с промышленных предприятий, что являлось частью целенаправленной антинародной государственной политики.

Примечания

¹ Усенко И.Б. Внесудебная репрессия. Как это начиналось / И.Б. Усенко // Коммунист Украины. – 1990. – № 2. – С. 43–53.

² Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБ Украины). – Ф. 9. – Д. 617.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ОГА СБ Украины. – Ф. 9. – Д. 672.

⁸ Хрущев Н.С. О культе личности и его последствиях. Доклад XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. / Н.С. Хрущев // Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 3. – С. 128–170.

⁹ Государственный архив Запорожской области. – Ф.Р-5747. – Оп. 3. – Д. 518.

-
- ¹⁰ ОГА СБ України. – Ф. 9. – Д. 672.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Государственный архив Николаевской области. – Ф. П-7. – Оп. 64. – Д. 1.
- ¹⁴ ОГА СБ України. – Ф. 16. – Оп. 31. – Д. 36.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Шитюк М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20-ті–50-ті роки ХХ століття / Микола Шитюк. – К.: Тетра, 2000. – 532 с.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мероприятиях к устранению этих изъянов // Большевик Украины. – 1938. – № 1.
- ²⁰ Реабилитация репрессированных: законодательство и судебная практика / сост. и глав. ред. В.Т. Маляренко. – К.: Юринком, 1997. – 461 с.
- ²¹ Бугская заря. – 1938. – № 29. – 16 июня.
- ²² Нікольський В. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х–1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження: Монографія / Володимир Нікольський. – Донецьк: ДонДУ, 2003. – 624 с.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО: РЕПРЕССИИ В СОВЕТСКОМ ТАТАРСТАНЕ

Притеснения против основного идеологического противника партии большевиков – религиозных деятелей и их объединений начались, как известно, сразу же после Октябрьской революции, причем основной удар наносился по Русской Православной Церкви. В 1917 г. в Казанской губернии было 524 каменных и деревянных церкви, 242 часовни и 15 монастырей, а численность духовенства достигала 6821 человек (1550 человек в Казани и 5271 человек в 7 уездах губернии, вошедших в 1920 г. в новообразованную Татарскую АССР)¹, не считая священно- и церковнослужителей из 4 вновь присоединенных к ТАССР уездов из других губерний. В ходе Гражданской войны некоторые храмы (особенно домовые церкви) и монастыри были ликвидированы, погибла значительная часть священнослужителей. Оставшиеся клирики подвергались всевозможным притеснениям и нападкам со стороны официальных органов и таких «приводных ремней партии», как комсомол, Союз воинствующих безбожников и др.

На начало 1929 г., по данным партийных органов, в ТАССР было 2134 мечети с 7337 членами официально зарегистрированных мусульманских общин и 4015 человек исламского духовенства, а также 630 церквей с 649 православными священниками². Уже через год около 60% всех церквей и мечетей было закрыто. В связи с этим 1-й секретарь Татарского обкома партии М. Разумов докладывал партийному активу 11 февраля 1930 г. на 4-м пленуме ОК и ОКК ВКП(б): «Заниматься их дальнейшим закрытием до посевной – не время», хотя, полагал он, «мы не откладываем, конечно, этого дела в долгий ящик»³. Параллельно с закрытием храмов шли массовые репрессии против священнослужителей и церковного актива. Основной мерой наказания были ссылка на поселение в отдаленные районы страны либо заключение в концлагеря. В те же годы «великого перелома» в Татарской АССР были окончательно закрыты все монастыри, а обитавшие в них насельники были репрессированы или изгнаны.

В последующие годы ликвидация храмов продолжалась, соответственно сокращалось и количество действующих священнослужителей всех конфессий. Так, по данным Комиссии по вопросам культов при Президиуме ТатЦИК, до 1935 г. из 1854 мечетей было закрыто 623, из 696 церквей – 165, то есть всего было закрыто 788 храмов, причем в среднем в год по ТАССР закрывалось не более 40–44 храмов,⁴. В 1935 г. наступил перелом: с 1 января 1935-го по 10 августа 1937 г. было закрыто 299 храмов – 129 церквей и 170 мечетей. Позднее были закрыты еще 133 молитвенных здания. На 15 октября 1938 г. из 1854 мечетей, существовавших до 1918 г., было закрыто 872, считались действующими 982; из 696 церквей были закрыты 348, считались действующими 348. Всего было закрыто 1220 храмов⁵. Заметно сократилось число служителей культа: к 1 января 1936 г. по сравнению с 1917 г. число мусульманских священнослужителей уменьшилось с 4000 до 1555; а православных священников – с 2250 до 484⁶. Если в ноябре 1935 г. в Казани все еще действовало 17 молитвенных зданий: 11 православных храмов (пять «тихоновских», 4 обновленческих, а также единоверческая церковь и церковь, переданная общине евангельских христиан-баптистов), а также 6 мечетей, то в мае 1937 г. в ведении Московского патриархата в городе осталось всего три православных храма, две церкви принадлежали обновленцам. Действовали также церковь старообрядческой Белокриницкой общины и находившаяся в совместном пользовании единоверческой общины 4 евангелистов и общины евангельских христиан-баптистов Пятницкая церковь. Однако уже в октябре 1937 г. Пятницкая церковь была закрыта и превращена в тюрьму, где проводились расстрелы «врагов народа». Действовали также пять мечетей, из которых в 1939 г. осталась одна – мечеть Марджани (Первая соборная). Всего при храмах Казани в 1937 году было официально зарегистрировано несколько более 40 священнослужителей⁷.

В 1937–1939 гг. все церкви Казани, кроме церкви Ярославских чудотворцев на Арском кладбище, переданной властями обновленцам в 1934 г. с целью поддержать раскольников, были закрыты, а оставшиеся на свободе священнослужители выведены за штат. Всего на территории ТАССР на 1 апреля 1939 г. физически сохранилось 1588 мечетей и 520 церквей, из них, как считалось,

действовало 612 мечетей и 372 церкви. Между тем большинство из них не работало из-за отсутствия священнослужителей, да и те, где велись службы, часто использовались под склады хранения сельхозпродукции. Что касается закрытых храмов, то, по официальным данным, 159 бывших мечетей и церквей использовались для хозяйственных нужд (склады и т.д.), а 817 – для культурно-просветительных целей (под школы – 438, под клубы – 382, остальные – под избы-читальни и т.д.)⁸. Закрытие и уничтожение храмов продолжалось и в последующие годы, в том числе и после начала Великой Отечественной войны. Например, церковь в с. Лаптевка Тетюшского района была закрыта решением сельсовета, поддержанным общим собранием большинства граждан села 26 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета ТАССР от 2 февраля 1942 г. храм изымался «для использования под культурное учреждение или под жилье»⁹.

Вызывает, однако, сомнение, что большинство закрытых храмов использовалось под школы и красные уголки. Так, в докладной Комиссии по вопросам культа при Президиуме ЦИК ТАССР от 3 августа 1937 г. на имя секретаря Татарского обкома ВКП(б) А. Лепа сообщалось, что в 1934–1935 гг. в ряде районов республики «практиковалось использование молитвенных зданий под ссыпку хлеба, частично с согласия самих верующих, а местами и без согласия последних». Далее отмечалось, что «несколько десятков таких зданий до сего времени остались или под складскими помещениями, или пустовали» и лишь «незначительная часть этих помещений были превращены под культурные учреждения». Комиссия запрашивала официальное разрешение обкома на использование молитвенных зданий под склады зерна «для сохранения обильного урожая текущего года...». В ответ бюро обкома партии, как водится, постановило «запретить занятие действующих церквей и мечетей под склады зерна как колхозами, так и госучреждениями», однако разрешило использовать «закрытые уже церкви и мечети» в качестве складских помещений «по ходатайству общих собраний колхозников и с санкции РИКов» под склады зерна¹⁰.

Та же установка была зафиксирована в отчете проверочной комиссии ТатЦИКа по обследованию деятельности Комиссии по вопросам культа при Президиуме ЦИК ТАССР, в котором отме-

чалось, что «нигде в решениях ТатЦИКа не указывалось конкретно, под какое культурное учреждение передается [закрытое] молитвенное здание, в результате их употребляют под склад и другие хозяйственные нужды». При этом было указано, что со стороны данной комиссии «не было надлежащего контроля за изъятием и реализацией церковных ценностей, вследствие чего на местах наблюдались факты незаконных действий». В докладной приводился показательный пример: из закрытой в 1936 г. церкви в с. Налим Заинского района ТАССР «большая часть церковного имущества была вывезена в соседнюю татарскую деревню, а часть [имущества] была использована лично председателем РИКа»¹¹.

Вызывают сомнение и неизменные ссылки в партийно-правительственных документах на закрытие молитвенных зданий в соответствии с решениями собраний местных жителей. В изученной проверочной комиссией ТатЦИК документации в каждом четвертом деле о закрытии молитвенных зданий отсутствовало точное определение кворума (соотношение количества лиц, присутствовавших на собрании по поводу закрытия молитвенных зданий, и общей численности сельских избирателей). Отмечались и другие возможности подлога. Так, «в ряде случаев» (число которых не указывалось) подписи под обращением в РИК о закрытии молитвенных зданий не были заверены сельсоветами. В других случаях подписные листы о закрытии церквей не имели какого бы то ни было заголовка, а следовательно, могли быть составлены в ходе проведения любой из огромного множества хозяйственно-политических кампаний, буквально замордовавших советскую деревню с конца 1920-х годов¹².

Примеров «бюрократического отношения к верующим» со стороны местных властей в документах, не предназначенных для широкой публики, в те годы приводилось немало. Так, Атинский РИК 13 января 1937 г. постановил закрыть мечети сразу в четырех деревнях на основании выписок из протоколов заседаний сельсоветов, утвердивших решения общих собраний их жителей. Однако бросалось в глаза более чем скромное число присутствовавших: 14 человек (д. Кулле-Кими), 5 человек (д. Коморгузя) и т.п.¹³. Известны и другие бюрократические уловки. Тельмановский райисполком предложил православной общине с. Се-

ленгуши произвести ремонт церкви. Ремонт был выполнен удовлетворительно, что и было зафиксировано соответствующей комиссией в акте о приемке. После этого райисполком 27 января 1937 г. вынес «неожиданный» вердикт: «Церковь закрыть и возбудить ходатайство перед ТатЦИКом об утверждении» данного решения. В проекте постановления ТатЦИКа от 27 февраля 1938 г. «О состоянии проведения в жизнь законодательства о культах в Первомайском, Тельманском и Кузнечихинском районах» отмечалось, что «в с. Селенгуши Тельманского района в течение одного года были посланы 4 (!) технические комиссии для осмотра здания церкви. Последняя комиссия признала, что вся работа по ремонту произведена удовлетворительно. Несмотря на это Тельманский РИК вынес постановление о закрытии церкви за невыполнение ремонта». Констатация нарушения закона вовсе не означала восстановление справедливости. На том же заседании Культкомиссия ТатЦИК постановила удовлетворить ходатайство Тельманского РИКа о закрытии церкви с. Селенгуши «за невыполнение распоряжения о ремонте по акту технической комиссии от 12 сентября 1937 года к установленному сроку, т.е. к 1 декабря 1937 года. Здание пустующей с 1934 года церкви передать под школу взрослых. Предложить Тельманскому РайФО при приеме имущества церкви учесть расхищенные ценности из церкви по вине общины верующих и принять меры к возмещению их стоимости»¹⁴.

Одним из наиболее распространенных методов административного подавления религиозной жизни являлось закрытие молитвенных зданий под предлогом борьбы с эпидемическими заболеваниями. По закону это можно было сделать, если на село был наложен карантин. Большинство же райисполкомов использовали случаи заболеваний как предлог для закрытия молитвенных зданий, не разрешая службу даже после снятия карантина. Например, Тюлячинский РИК в период уборочной кампании 1936 г. постановил закрыть молитвенное здание в с. Тюлячи в связи со случаями «эпидемических заболеваний» и... открыть в нем заразный барак!¹⁵.

В условиях полной безнаказанности местные органы власти издавали кощунственные директивы, творили полный произвол. Так, отдельные председатели сельсоветов в Камско-Устьинском

районе запрещали устраивать поминки по усопшим родителям на кладбищах, в Дрожжановском районе власти задерживали денежные переводы на имя членов официально зарегистрированного исполнительного органа религиозной общины, в Лаишевском районе налагали штрафы за отпевание покойников¹⁶.

После февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б), отметившего недопустимый спад в борьбе партийно-советских организаций и руководимых ими «общественных организаций», вроде Союза воинствующих безбожников и комсомола, на антирелигиозном фронте началась новая кампания наступления на сохранившиеся религиозные организации. Характерно, что любая активизация религиозной жизни, в том числе связанная с официальной кампанией по пропаганде новой Конституции СССР, воспринималась властями как вылазка недобитых контрреволюционных элементов. Получалось, что «церковники» не имели права упоминать о гражданских свободах, гарантированных основным законом страны.

9 мая 1937 г. бюро Татарского обкома ВКП(б) приняло постановление «Об усилении антирелигиозной пропаганды», в котором утверждалось, что духовенство «повсеместно повысило свою активность и добивается усиления религиозного движения в ряде районов Татарии». Утверждалось, что «за последнее время в некоторых районах увеличилось количество отправок религиозных обрядов, в особенности крещение и обрезание детей, а также посещение церквей и мечетей школьниками и молодежью»¹⁷. В постановлении не содержалось прямых обвинений священнослужителей в контрреволюции, зато таковые в изобилии присутствовали в передовице «За глубокую, систематическую антирелигиозную пропаганду и агитацию», помещенной в «Красной Татарии». Напомнив, что «священнослужители всех времен и народов постоянно выступали против угнетенных на стороне угнетателей...», а «католическая церковь и ее служители выступают сейчас на стороне фашистских варваров...», орган обкома ВКП(б) уверял, что «церковники не только живут, но и активизируются... Попы, муллы, руководители сект прикидываются сторонниками конституции... проводят энергичную кампанию за открытие ранее закрытых церквей и мечетей, собирают средства на их ремонт, активно готовятся к выборам по новой конституции»¹⁸. В качестве

примера приводился такой факт: на Пасху 2 мая 1937 г. посевные работы в большинстве колхозов Высокогорского района республики не проводились, а райуполномоченным даже было разрешено вернуться из подведомственных им колхозов домой.

Во исполнение руководящих директив Президиумом ЦИК ТАССР 16 июля 1937 года было принято закрытое постановление «О проведении в жизнь законодательства по вопросам культа в Дрожжановском р-не». В нем указывалось, что «в работе Дрожжановского РИКа имеются извращения законодательства о религиозных объединениях... Подобные извращения могли иметь место лишь в результате потери политической бдительности со стороны руководящих работников РИКа... Недооценка подрывной работы религиозных организаций, отсутствие политической работы и антирелигиозной пропаганды при наличии контрреволюционной деятельности церковников и духовенства привели к активизации их и усилению влияния на отсталые слои населения (распространение контрреволюционных слухов, срыв хозяйственно-политических мероприятий, организация незаконных собраний и выступлений и т.д.)». В постановлении делался вывод о «политической слепоте и примиренчестве к врагам» со стороны руководителей Дрожжановского райисполкома, которых пришлось наказать «за допущенное нарушение законов по вопросам культа и за примиренческое отношение к фактам реакционной и контрреволюционной деятельности духовенства и церковников»¹⁹. Поводом для издания данного постановления послужило строительство в с. Городище новой церкви.

В условиях сохраняющейся высокой религиозности населения лучшим способом окончательного решения вопроса стал политический террор против священнослужителей и наиболее активных верующих. Приказ НКВД № 00447 создал для этого наиболее подходящие условия. Он позволял без лишних правовых проволочек проводить в жизнь наказания партии.

Рассмотрим действия властей в преддверии и в период «Великой чистки» на примере вышеупомянутого дела о строительстве новой церкви в чувашском селе Городище Дрожжановского района ТАССР. 5 ноября 1937 г. в этом селе были арестованы трое «зачинщиков» строительства нового храма: бывший священник, отмеченный в представленной тройке НКВД ТАССР

справке Дрожжановского РО НКВД как лицо «без определенных занятий», церковный староста, а также один из членов церковного совета – «заштатный священник, без определенных занятий». В заведенном групповом следственном деле они были обвинены в том, что «входили в с. Городище в кулацкую группу, организованную священником Семеновым М. С. Проводили активную к-р деятельность, группировали вокруг себя к-р церковный актив из духовенства и верующих крестьян, среди которых систематически вели АСА и пораженческую КРА. Проводили нелегальные совещания, где обсуждались вопросы борьбы с Советской властью и проводимыми ею мероприятиями в деревне. Совершали нелегальные религиозные обряды. Группа выстроила в селе в 1935/36 гг. новую церковь, а в апреле 1937 года устроила массовое женское волнение, где участвовало около 150 человек». 10 декабря 1937 г. все трое были приговорены тройкой НКВД ТАССР к высшей мере наказания по ст. 58-10 ч. 1 и расстреляны 9 января 1938 г. в Казани. Реабилитированы их только в 1989 г.²⁰

В делах Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК ТАССР сохранилось Дело № 27-60 «О постройке новой церкви в с. Городище Дрожжановского р-на Татарской республики», начатое 10.06.1937 г. и оконченное 29.12.1937 г., что позволяет нам сравнить обвинительные материалы, представленные на тройку НКВД, с другими документами²¹.

В церковной общине с. Городище на начало 1937 г. насчитывалось 632 верующих. В прежние годы в селе была деревянная церковь, которая сгорела в 1927 г. После этого служба производилась в церковной сторожке. В 1929 г. сторожку отобрали под школу, но только одну зиму – вероятно, помещение под школу не годилось. На основании ходатайства общины верующих постановлением Президиума Буинского кантисполкома от 1.07.1930 г. сторожка была возвращена верующим, и служба в ней возобновилась. Весной 1936 г. священник-обновленец Семенов М. С., служивший одновременно в нескольких селах района, был арестован и осужден на 5 лет «за мошенничество». Служба в церкви с. Городище была прекращена²².

Неожиданно появившаяся в селе 14 августа 1936 г. строительная комиссия Дрожжановского РИКа предложила произвести капитальный ремонт сторожки, который, однако, оказался невоз-

можен из-за ветхости здания. После этого с санкции комиссии РИКа сторожка была разобрана. По составленной смете на 7982 руб. селянами был куплен сруб, после чего из старого и нового материала был построен новый храм размером 11 на 6 метров. Строительство было окончено к концу октября 1936 г. Ввиду ожидаемой осадки здания рабочими намеренно не была произведена обшивка стен снаружи и не отштукатурены внутренние стены помещения – эти работы отложили до следующего года. Однако вполне годное к использованию здание церкви оставалось закрытым под предлогом отсутствия формального акта о приемке его к эксплуатации. Хотя уполномоченный ТатЦИКа Курмышкин признал помещение годным к молению, председатель райисполкома Степанов заявил 2 декабря 1936 г. делегации верующих, что ремонт не соответствует своему назначению, и, если техническая комиссия РИКа это мнение подтвердит, то здание церкви будет изъято вовсе.

Получив официальный отказ, руководители приходской общины направили 18 января 1937 г. жалобу в Комиссию по делам культов ТатЦИК (по каким-то причинам она была зарегистрирована только 13 мая 1937 г.). За ней последовали новые жалобы, но все они оказались безрезультатными. Именно об этом написали в своих жалобах в вышестоящие инстанции члены исполнительного органа общины верующих колхозники Пахомов Семен Пахомович, 1882 г. р., церковный староста, и председатель ревизионной комиссии церковного совета Алин Василий Васильевич, 80 лет, неграмотный²³. Свою версию событий изложил в докладной в ТатЦИК от 10 июня 1937 г. зам. председателя Городищенского сельсовета член ВКП(б) с 1932 г. Антон Храмов. По его словам, зачинателем всей этой истории стали председатель ЦИК ТАССР Гумер Байчурин и уроженец с. Городище руководитель стройгруппы Дрожжановского райисполкома В. Головин, известный как карьерист, исключенный из ВКП(б).

Случилось так, что во время уборочной кампании 1935 г. в с. Городище приезжал председатель ТатЦИКа Гумер Байчурин. В беседе с работниками сельсовета он поинтересовался, есть ли в селе церковь. Узнав, что верующие молятся в небольшой церковной сторожке, Байчурин заявил: «А как думаете, если заставить общину верующих расширить это помещение, отремонтировать,

а к окончанию ремонта подготовить население к передаче этого здания под культурное учреждение?». По словам Храмова, он вместе с председателем сельсовета Маруськиным отнесся к этой затее отрицательно. Тем не менее «с этого времени и началась возня с постройкой церкви». «Особенное усердие в этом деле проявлял руководитель стройконторы Дрожжановского РИКа Головин», уроженец с. Городище. Биография его примечательна. Он имел 4 Георгиевских креста за службу в старой армии, в 1920-е гг. стал членом ВКП(б), в 1926 г. работал в Буинском кантисполкоме и даже избирался членом ТатЦИКа. В 1929 г. В. Головин прибыл в родное село как уполномоченный канткома ВКП(б) на проведение хлебозаготовок. Его собственное хозяйство было зажиточным, но в обход комиссии по содействию хлебозаготовкам он значительную часть хлеба отправил на базар, в чем и был уличен. Головина исключили из партии и отозвали со всех постов. Однако в 1932 г. Головин ухитрился окончить курсы плановиков в Казани и вернулся на родину, где стал работать плановиком стройгруппы Дрожжановского РИКа. Как честный коммунист, Храмов не преминул добавить в своей докладной, что свою жену Головин похоронил «по религиозным обрядам, на гроб положили крест, на могилу поставили тоже трехметровый крест». Не забыл Головин и пожелание председателя ТатЦИКа: в августе 1936 г. он приехал в Городище вместе с техником Лапочкиным, «осмотрел здание церковной сторожки, составил акт о его техническом состоянии и предложил произвести ремонт. Затем он прислал смету общине верующих, по которой предусмотрел вместо ремонта постройку новой церкви». «Усилиями родственников Головина» и была построена новая церковь, причем к этому «позорному факту», докладывал Храмов, районные работники отнеслись весьма терпимо. Вместо того чтобы приостановить постройку церкви, председатель РИКа Степанов сам лично содействовал начинанию. Во время уборки он приезжал в Городище, причем прежде, чем справляться о ее ходе, интересовался строительством церкви. 29 апреля 1937 г. он вновь приехал в Городище, лично осматривал церковь. Собралось более 100 верующих, но Степанов дал указание председателю сельсовета не допустить открытия церкви. «Виновники» схода верующих были приглашены в сельсовет, им было предложено ждать приезда начальника НКВД, которому сообщили о слу-

случившемся по телефону. Но тут вмешался Головин и распустил организаторов выступления верующих — начальник местного отдела НКВД Фролов никого из них не застал. Получалось, что Степанов абсолютно никаких мер для предотвращения собрания верующих не принял. К этому Храмов присовокупил, что побывавший в октябре 1936 г. в Городище зав. отделом нацменьшинств ТатЦИКа Яковлев взял с него письменные показания о происшествии, но никаких мер принято не было. Антипартийное поведение Степанова и Головина, по словам Храмова, состояло еще и в том, что когда в с. Городище в 1936 г. решили перестроить под школу-семилетку бывшее помещение волостного исполкома, райисполком не оказал им необходимой помощи. «Так, они не поддерживали постройку школы, а для церкви составили подробную смету и следили за ходом строительства ее», — заключил бдительный партиец. Храмов забыл лишь добавить, что за составление сметы ремонта и строительства церкви техник Лапочкин взыскал с общины верующих 120 рублей²⁴, а церковь так и не была открыта.

Несколько иную трактовку событиям дал в своей докладной от 11 июня 1937 г. председатель Городищенского сельсовета (с сентября 1936 г.) кандидат в члены ВКП(б) с 1931 г. Евдокимов Илья Назарович. В своей докладной он указал, что приезжавший в апреле 1937 г. пред. РИКа Степанов после осмотра церкви сказал ему: «Не допускай открытия церкви, удержи его во что бы то ни стало; это я поручаю лично тебе». Через день после его приезда (а не в момент пребывания председателя РИКа в селе, т.е. 1 мая 1937 г. в Страстную Великую Субботу) вокруг церкви собралась большая толпа (около 120 человек) с требованием ее открытия. Организаторы этого несанкционированного сельсоветом собрания граждан — Константинов и Калашникова — впоследствии были выявлены и отправлены в сельсовет, откуда, однако, они были отпущены по указанию все того же В. Головина, а также секретаря сельсовета А. Храмова²⁵.

Не добившись никакого решения от районных и республиканских властей, пятеро уполномоченных от церковной общины с. Городище 28 мая 1937 г. направили жалобу в Постоянную комиссию при Президиуме ВЦИК по делам религиозных культов, где вновь изложили все обстоятельства дела и пожаловались на райисполком, препятствующий началу богослужения, которого с

нетерпением ожидали до 3000 верующих села, состоящего почти из 1000 дворов. Как водится, жалоба из Москвы была возвращена в Казань для выяснения на месте²⁶.

Поскольку верующие с. Городище жаловались не только в райисполком, но также — в Казань и в Москву, местное начальство забеспокоилось. В деле имеется заявление председателя РИКа Степанова начальнику Дрожжановского РО НКВД Фролову с просьбой вмешаться в дело с характерной концовкой: «Предполагаю, что тут имеется работа антисоветских элементов». О том, что НКВД взялся за дело, свидетельствуют подшитые в деле объяснительные записки членов исполнительного органа церковной общины с. Городище с заверениями, что они не посылали 5 марта 1937 г. запрос в приемную ТатЦИКа, в том числе по причине своей неграмотности²⁷. (Сам запрос в деле отсутствует, и причину, по которой власти выделили именно его как наиболее преступное деяние со стороны руководителей приходской общины, — выяснить не удалось).

Наконец, к делу подключился ответсекретарь Культкомиссии при Президиуме ТатЦИК Мустафин, который вынужден был съездить на место и составить заключение, подтверждающее уже известные нам факты. Мустафин назвал и виновников из числа руководителей Дрожжановского района: председатель РИКа Степанов, секретарь РИКа Акташева, В. Головин, член ТатЦИКа Яковлев, не преминув донести на организаторов несанкционированного собрания в пасхальные дни 1937 г. О действиях председателя Кузнечихинского РИКа Константинова, чей отец — житель с. Городище, — участвовал в перестройке церкви и собрании верующих в момент приезда в село председателя РИКа Степанова, Мустафин рекомендовал сообщить в Кузнечихинский райком ВКП(б). Пахомов, Константинов и Калашникова «через других верующих созвали толпу граждан на площади около церкви, где участвовало около 120 человек. Эта толпа верующих кричала и требовала немедленного открытия церкви, при этом они громко говорили, что “открытие церкви задерживают только местные власти..., в 1930 году местная власть тоже закрывала нашу церковь, а мы сами открыли ее, давайте и сейчас откроем сами”²⁸.

В докладной специально было отмечено, что, окончив строительство церкви, верующие начали оборудовать ее. В отделении Татторга в с. Дрожжаное было куплено 11 поповских и дьяконских

риз. Часть церковного имущества была куплена и самим РИКом. Вся мебель в кабинете председателя РИКа Степанова и секретаря РИКа Акташевой была обита церковной парчой, на пол постелили церковные дорожки, вместо того чтобы все это отправить в Москву для переработки и извлечения серебра. Городищенские строители собрали много икон по домам верующих, а также через вторые руки закупили другое церковное имущество, распродаваемое райфинотделом. Во дворе около церкви устроили колокольню²⁹.

Особенно впечатляло резюме докладной: поскольку был произведен не ремонт, а новое строительство церкви, а на это должна была быть предварительная санкция ВЦИК, строительство церкви следовало признать незаконным и «передать ее здание под культурное учреждение»³⁰, т.е. реализовать предложение председателя ЦИК ТАССР Гумера Байчурина. В духе времени Президиум ЦИК ТАССР решил наказать виновных районных начальников, сняв их с занимаемых постов. Президиум постановил: «Гражданам с. Городище в ходатайстве [об открытии] церкви отказать со ссылкой на ст. 45 Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г., в силу которой постройка нового молитвенного здания могла быть допущена лишь в особых условиях, устанавливаемых ЦК по вопросам культа при Президиуме ВЦИК». Было решено «предложить Дрожжановскому РИКу использовать молитвенное здание с. Городище под культурное учреждение»³¹. На основании этого решения Президиум ВЦИК РСФСР 25 декабря 1937 г., в свою очередь, постановил: «Ходатайство верующих об открытии церкви в с. Городище Дрожжановского района Татарской АССР отклонить»³². Остается добавить, что ко дню заседания московского начальства тройка НКВД ТАССР уже приговорила (10 декабря 1937 г.) священника Семенова, священника за штатом Мулендейкина (имя которого в деле ни разу не было упомянуто!) и председателя церковного совета села Пахомова к расстрелу. Так – расстрелом ни в чем не повинных людей – и закончилась очередная «хитроумная» комбинация партсовначальников эпохи «Большого террора».

Какое же количество священнослужителей и церковнослужителей, а также церковного актива пострадало в Татарской АССР в годы «Большого террора»? На сегодня мы не имеем точных данных о количестве священнослужителей разных исповеданий в республике на середину 1937 г. Наиболее полные данные

были представлены властям летом 1936 года руководителями двух соперничающих православных епархий, имеющих строгую иерархию, и потому – четкий учет штатного и заштатного духовенства.

Так, по данным, представленным в ТатЦИК, летом 1936 г. в обновленческой Казанской митрополии, делившейся на 4 епархии, нес службу 81 священнослужитель³³. Из них в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 16 человек (ВМН–13, 10 лет ИТЛ–3), еще четверо были арестованы в 1938 году и осуждены в 1938–1940 годах на различные сроки заключения – от 7 до 10 лет ИТЛ. Наконец, в августе 1938 г. был арестован сам обновленческий Митрополит Казанский Иерофей Померанцев, которого вместе с тремя подельниками осудили на разные сроки заключения и ссылки, хотя трое из осужденных, включая митрополита, были сексотами НКВД. Таким образом, по имеющимся на сегодняшний день данным, в годы «Большого террора» обновленческая Казанская митрополия потеряла 22 священнослужителя из 81 (27,2%), включая обоих епископов – митрополита и архиепископа, расстрелянного в 1937 г.

По данным, представленным в ТатЦИК летом 1936 г. Казанской епархией Московского патриархата (в официальной переписке они упорно именовались «тихоновцами», а не «сергианцами»), на июнь 1936 г. было всего «приходов – 197, клира – 405 человек. Епископ штатный – 1, на покойных епископов – 2. Священников штатных – 220 (в том числе на вакансии псаломщиков – 2), заштатных – 135. Дияконов штатных – 25 (в том числе на вакансии псаломщиков – 6), заштатных – 13. Псаломщиков штатных – 6, заштатных – 3»³⁴.

Из 245 человек штатного духовенства Казанской епархии Московского патриархата в 1937–1938 гг., по нашим подсчетам, было репрессировано 86 священнослужителей (35,1%), включая дияконов и иеромонахов на священнических должностях. Тройкой НКВД ТАССР в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 80 человек: 61 из включенных в список, а также еще 19 священнослужителей, в том числе заштатных, которых в списке указано не было. Всего было репрессировано не менее 105 священнослужителей Казанской епархии Московского патриархата.

Согласно нашим подсчетам, тройкой НКВД ТАССР в ходе «кулацкой» операции было репрессировано 166 человек право-

славных священно- и церковнослужителей, в том числе 87 священно- и церковнослужителей (еще 9 – под вопросом), 16 священников-обновленцев, 24–25 монахов и монахинь, а также не менее 70 представителей актива верующих: лиц, которым вменялась в вину «религиозная агитация». Сторонники «ИПЦ-ИПХЦ», «катакомбной церкви», как они были определены в документах НКВД ТАССР, в этот список не включены.

Из четверых заштатных епископов были репрессированы трое: расстрелян живший недалеко от Казани в поселке Васильево епископ Рафаил (Гумилевский); расстрелян уволенный «на покой» митрополитом Сергием в 1930 г. епископ свщм. Иоасаф (Удалов), в начале 1920-х гг. фактически управлявший Казанской епархией в связи с тем, что митрополит Казанский и Свияжский Кирилл был арестован властями; епископ Иоанн (Братолюбов) был осужден на 10 лет ИТЛ. Не был репрессирован только тяжело больной епископ Павел (Флеринский), управлявший Куйбышевской епархией и умерший в октябре 1940 года.

В годы «Большого террора» были уничтожены все архиереи и практически все викарные епископы, управлявшие Казанской епархией с 1920 г. Так, 20 ноября 1937 г. в г. Чимкенте был расстрелян Митрополит Казанский и Свияжский Кирилл (Смирнов), находившийся в ссылке в Казахстане. В Казани был расстрелян управлявший в 1937 г. Казанской епархией епископ Никон (Пурлевский). В октябре 1937 г. был расстрелян арестованный в феврале 1937 г. и этапированный в Ленинград архиепископ Казанский Венедикт (Плотников). В ссылке 14 мая 1939 г. умер архиепископ Казанский и Свияжский Афанасий (Малинин), управлявший Казанской епархией в 1924–1933 гг., а позднее, в 1933–1935 гг., – Саратовской. 2 декабря 1937 г. был расстрелян находившийся в ссылке в Казахстане митрополит Казанский и Свияжский Серафим (Александров), управлявший Казанской епархией в 1933–36 гг., арестованный еще в ноябре 1936 года. В августе 1936 года был арестован, а в январе 1938 г. умер в заключении митрополит Анатолий (Грисюк), управлявший в 1934–1935 гг. Харьковской епархией, в прошлом – ректор Казанской Духовной Академии, епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии. В 1938 г. был расстрелян епископ Ириней (Шульмин), с 1929 г. – епископ Елабужский, затем епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии; в марте–

августе 1933 г. временно управлял Казанской епархией; с мая 1935 г. — архиепископ Куйбышевский. Были репрессированы викарный епископ Чебоксарский Симеон (Михайлов), викарный епископ Спасский Варсонофий (Лузин), викарный епископ Елабужский Палладий (Шерстенников), викарный епископ Бугульминский Антоний (Миловидов), викарный епископ Бугульминский Герман (Вейнберг)³⁵. Скорее всего, этот список не полон...

Большие и невосполнимые потери понесло также мусульманское духовенство республики. По нашим подсчетам, по приказу № 00447 в 1937–1938 гг. тройкой НКВД ТАССР было репрессировано не менее 78 мулл, муэдзинов, мухтасибов, мутавалеев и бродячих проповедников-мусульман. Отметим еще раз, что эти подсчеты — неполные³⁶.

Таким образом, согласно отчету НКВД ТАССР, в ходе «кулацкой» операции (только по приказу НКВД СССР № 00447) было осуждено 370 представителей «православного и мусульманского духовенства, церковников и сектантов», из них 281 человек (75,9%) был расстрелян, 89 человек (24,1%) осуждены на срок от 8 до 10 лет ИТЛ. В г. Казани было репрессировано 125 представителей духовенства (33,78%)³⁷.

В 1937–1938 г. в Татарской АССР были репрессированы сотни священно- и церковнослужителей, а также верующих мирян. Необходимо добавить, что имеющаяся (неполная!) статистика жертв политических репрессий среди священно- и церковнослужителей имеется только по пресловутой 58-й статье УК, но часть из них репрессировалась и по общеуголовным статьям, включая ст. 122–127 Главы IV УК РСФСР о «Нарушении правил об отделении церкви от государства». Под натиском растущего политического давления и преследований часть священнослужителей официально отказывалась от сана и переставала вести службу в храмах.

Тем не менее, по данным аппарата Президиума Верховного Совета ТАССР, к лету 1939 г. в республике все еще насчитывалось свыше 800 служителей культа, причем большинство из них не было официально зарегистрировано местными властями и, следовательно, не облагалось подоходным налогом, согласно постановлению СНК ТАССР от 28 января 1939 г. В связи с этим 20 июня 1939 г. было принято специальное постановление Президиума Верховного

Совета ТАССР, а 29 августа 1939 г. – директива совнаркома ТАССР об учете на местах молитвенных зданий, священнослужителей и обложении последних подоходным налогом³⁸. Таким образом, наступление на веру и верующих продолжалось. Не исключено, что в некоторых селах республики уцелевшие священнослужители еще и перед войной продолжали отправлять службы в еще не закрытых или полузакрытых церквях и мечетях. В глубоком подполье действовали представители «катакомбной церкви», аресты и осуждения которых зафиксированы вплоть до конца 1950-х гг.

Приведенные по Республике Татарстан данные вполне согласуются с выводами исследователей истории православия, согласно которым к 1939 году в СССР церковная организация была разгромлена, а подавляющее большинство из тех священнослужителей, которые остались в живых, находились в тюрьмах, лагерях и ссылке. Было расстреляно более 100 архиереев, десятки тысяч священнослужителей. Все это невосполнимо понизило нравственный уровень общества, привело его в состояние духовного разложения.

Примечания

¹ Журавский А. Жизнеописание новых мучеников Казанских, год 1918-й: мат-лы к истории Казанской Церкви XX в. Сб. 1. Казань, 1995. С. 106; Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 263; Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 103; Оп. 6. Д. 49. Л. 194; Д. 88. Л. 115; Оп. 13. Д. 96. Л. 295. По другим данным, до 1917 г. на территории будущей ТАССР действовало 1890 мечетей и 680 церквей.

² Из доклада секретаря Татарского ОК ВКП(б) // Стенографический отчет XIV областной партийной конференции (5–13 января 1929 г.). Казань, 1929. С. 97.

³ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 2. Д. 771. Л. 55–56; Д. 833. Л. 1–1об.

⁴ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 88. Л. 115.

⁵ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 103; Д. 3142. Л. 1; Оп. 6. Д. 88. Л. 115.

⁶ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 49. Л. 194. В очередной раз приходится отмечать, что статистика у соворганов была явно несовершенной, даже когда это касалось данных о количестве их официальных противников.

⁷ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 133. Л. 15, 22, 51, 67.

⁸ Гасырлар авазы – Эхо веков. 1995. № 1. С. 263.

⁹ НАРТ. Ф. Р-3610. Оп. 5. Д. 942. Л. 1–9. В списке якобы присутствовавших на собрании 140 человек подписи отсутствуют.

¹⁰ Решение обкома ВКП(б) было продублировано постановлением ТатЦИК от 8.08.1937 (НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 131. Л. 70).

¹¹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 3142. Л. 1, 4–5.

¹² НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 3142. Л. 2.

¹³ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 107; Как свидетельствуют документы, в 1920-х – 1930-х гг. закрытие молитвенных зданий под предлогом их ремонта являлось одним из основных (если не основным) методов ликвидации храмов и церковной жизни прихода.

¹⁴ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 107; Оп. 6. Д. 131. Л. 88.

¹⁵ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 107.

¹⁶ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 1. Д. 2760. Л. 108–109.

¹⁷ Красная Татария. 1937. 20 мая.

¹⁸ Красная Татария. 1937. 14 мая. Хотя в передовице была заклеимлена католическая церковь, адресат идеологической инвективы был самоочевиден.

¹⁹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 88–89. Показательно, что на этом заседании ТатЦИКа присутствовали не только представители Дрожжановского райкома ВКП(б), но и сотрудники районного отделения НКВД и УГБ НКВД ТАССР.

²⁰ Архив УФСБ по РТ. Ф. 109. Оп. 2. Д. 66. Л. 46–47.

²¹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 102. Дело содержит жалобы жителей с. Городище на действия местных властей, препятствующих открытию церкви и возобновлению церковной службы, их записки в разные инстанции, заявления священника-обновленца Семенова М.С. в райисполком о намечаемых им действиях по исполнению своего пастырского долга, список верующих д. Н. Чекурские на 225 человек, технические акты и сметы на строительство церкви в с. Городище, объяснительные записки работников райисполкома, другие внутриведомственные материалы, наконец, итоговое решение Президиума ТатЦИК о передаче церкви под «культурные нужды».

²² НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 36, 77. Ст. 169 п. 2 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок до пяти лет за «мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению». М.С. Семенову инкриминировалась скупка облигаций госзайма у верующих, которые он принимал от них за исполнение треб (облигации на сумму от 5 до 20 рублей). При обыске у Семенова обнаружено облигаций госзаймов на сумму 420 рублей.

²³ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 1–2, 4, 8–8 об, 9.

²⁴ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 10–15, 30 об.

²⁵ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 16 об., 45.

²⁶ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 33–34, 32.

²⁷ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 23–24; 29.

²⁸ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 38.

²⁹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 39.

³⁰ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 40.

³¹ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 88–89.

³² НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 501. Л. 102.

³³ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 49. Л. 1–2 об.

³⁴ НАРТ. Ф. Р-732. Оп. 6. Д. 49. Л. 134.

³⁵ См.: Липаков Е.В. Архипастыри Казанские. 1555–2007. Казань: Центр инновационных технологий, 2007.

³⁶ С. Багавиева, опираясь на данные статотчета НКВД ТАССР за 1937 год, дает значительно большую цифру репрессированных – 88 мулл и муэдзинов за 1937 год. Возможно, в статотчете учитывались и бывшие муллы, уже давно снявшие свой сан. // Научный Татарстан. 2004. № 1–2. С. 165.

³⁷ Степанов А.Ф. Расстрел по лимиту. Из истории политических репрессий в ТАССР в годы «ежовщины». Казань: Новое Знание, 1999. С. 86.

³⁸ НА РТ. Ф. Р-732. Оп. 13. Д. 96. Л. 286–289.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» В МАЛЕНЬКОМ СЕЛЕ (РЕПРЕССИИ 1937–1938 гг. В ИСТОРИИ СЕЛА КОЯНОВО)

Татарское село Кояново расположено в 25 км от Перми на Сибирском тракте (Пермь – Екатеринбург). В начале XX века жители села занимались сельским хозяйством и скотоводством. Число жителей составляло чуть более 2000 человек¹.

С августа 1937 г. по апрель 1938 г. в селе было арестовано 19 человек. Все они обвинялись в создании «контрреволюционной террористической организации». Причем, по версии следователей НКВД, в этом небольшом селе было даже две таких организации – «националистическая контрреволюционная повстанческая организация» и «контрреволюционная вредительская организация». Обе «контрреволюционные организации» оказались структурно очень похожи – в селе якобы были организованы повстанческие ячейки, или взводы. Этими взводами руководил Пермский повстанческий штаб, который подчинялся Уральскому повстанческому штабу. Итоговой целью обеих организаций было «свержение советской власти» путем «религиозной пропаганды» или «хозяйственного вредительства». В «националистическую» организацию следователи НКВД включили кояновское мусульманское духовенство, во «вредительскую» – действующее или недавно уволенное административно-хозяйственное руководство села. Через месяц после ареста муллы, муэдзин и активные члены совета мечети были расстреляны, также был расстрелян директор МТС (машинно-тракторная станция). Остальные арестованные жители села были осуждены на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. На основании архивно-следственных дел, отчетов колхоза и сельсовета, сводок НКВД попытаемся восстановить ход событий 1937–1938 гг. в селе Кояново.

К середине 1930-х годов политика советской власти в деревне привела к значительному ухудшению жизни крестьян, к голоду и бесконечным поборам – «дани» с крестьян. Среди крестьян росло недовольство. В НКВД увеличивался поток «оперативных сведений» о негативном настроении в деревне². Неуро-

жай 1936 г. и новая декларативная Конституция еще более обострили обстановку в обществе³. Труженики колхоза «Передовик» Кояновского сельсовета за 1936 г. получили по 230 граммов зерна на отработанный трудовой день. В марте 1937 г. в колхозе нечем стало кормить скот. Кормили скот соломой с крыш, в результате пало много коров и лошадей⁴.

Таким образом, можно констатировать, что кояновский колхоз «Передовик» в 1936–1937 гг. находился в глубочайшем социально-экономическом кризисе. Колхозники не могли прокормить свои семьи и часто обвиняли во всем руководящую партию и советское правительство.

В 1937 г. село Кояново административно входило в Пермский район и подчинялось Пермскому горсовету. Весной и летом 1937 г. горсовет отстранил от работы или рекомендовал привлечь к суду десятки руководящих работников сельсоветов, колхозов, МТФ (молочно-товарных ферм) за «развал работы и бездеятельность», в том числе правление колхоза «Передовик»⁵ и правление Кояновского сельсовета⁶.

На вопрос, действительно ли эти люди были «вредителями», можно найти ответ в следственных материалах. Например, причину того, что вовремя не были отремонтированы трактора в МТС, директор М. М. Смышляев объяснил так: «...ЦК организует МТС, но не финансирует их, и они влачат жалкое существование...»⁷. Падеж скота в колхозе «Передовик» весной 1937 г. объяснил работник Пермского райзо⁸, который на допросах рассказал, что в 1936 г. почти во всех колхозах Пермского района были изъяты даже семена в счет хлебопоставок, а также сдача сена государству привела к тому, что уже осенью 1936 г. было ясно, что весной 1937-го скот будет голодать⁹.

Большинство обвиняемых «признало» свою «вину». Протоколы допросов бывших следователей НКВД раскрывают основные методы «упрощенного ведения следствия». Это – конвейер и уговаривание арестованных: «...если же арестованные отказывались подписывать такие протоколы, то их упрашивали, «так, мол, нужно для борьбы с врагами»; а если и это не помогало, тогда держали их по 2–3 и даже больше суток без сна и тем самым вымогали их подписывать протоколы с вымышленными показаниями»¹⁰. Существовали и другие методы: «Основным методом был

у нас сговор и обман обвиняемых – заполнить автобиографию, а подсунуть протокол допроса, или составить два протокола допроса, один с признанием, а другой без признания, и постараться отвлечь внимание арестованного и подменить протокол допроса»¹¹. Еще один способ фабрикации протокола допроса с признанием – «допрос под карандаш»: «...после допроса они расписались чернилами и я их отправил в тюрьму. После этого я карандаш стер и написал то, что было написано в постановлении на арест»¹².

После ареста административно-хозяйственных руководителей села в местной газете появились несколько характерных замечаний, которые значительное ухудшение жизни крестьян объясняли деятельностью конкретных «врагов народа»: «...Вредительски срывая ремонт тракторов, они заставляли выезжать в поле на машинах с незаконченным ремонтом, у которых не было запасных частей. Враги народа делали все, чтобы вызвать недовольство среди трактористов. Трактористы не получали своевременно зарплаты, о культурном обслуживании никто не заботился»¹³. «Продажные псы, агенты фашизма, ранее орудовавшие в этом сельсовете, ныне разоблаченные... Эти гады принимали все меры к тому, чтобы развалить колхозы и сельское хозяйство»¹⁴. Таким образом власть переадресовала недовольство людей своей жизнью на конкретных «вредителей» и тем самым сняла социальную напряженность. А затем последовал еще один акт переадресации – арест Ежова и следователей, проводивших массовые аресты.

Жертвами операции в селе стали в первую очередь активные верующие мусульмане, во вторую – административно-хозяйственные работники села. Религиозные активисты, на языке секретного приказа № 00447 – «церковники», были потенциальными жертвами в атеистическом государстве. Политика Советского государства в отношении религии не могла не вызывать критику у верующих людей. Такая критика интерпретировалась как антисоветская агитация. Мулла и члены совета мечети села Кояново были включены в первую – расстрельную – категорию. Самые ранние материалы, хранящиеся в архивно-следственном деле № 26356, датируются 1926 годом; следующие документы относятся к 1934 и 1936 гг. – это доклад о съез-

де мусульман и доносы о «контрреволюционной агитации» пермских и кояновских мусульман¹⁵. Таким образом, наблюдение за «церковниками», сбор агентурного материала велись более 10 лет.

Из материалов архивных дел четко прослеживается, как из обычных людей – духовенства и колхозников, фактически даже не подпадающих под целевые группы приказа № 00447, фабрикуют контрреволюционную террористическую организацию, участники которой подходят под целевые группы приказа. Это может объясняться тем, что в приказе имелись четкий план уничтожения определенных социальных слоев, количество подлежащих репрессиям; в дополнительных инструкциях указывался срок исполнения приказа – 4 месяца. Обстановка в стране – всеобщая подозрительность и всеобщий поиск врагов – только способствовали тому, что начальство требовало выполнить и перевыполнить план на уничтожение. Бывший следователь НКВД Каменских вспоминал: «...разговоры со стороны Дашевского и Леоцкого¹⁶ были поняты сотрудниками не двусмысленно; они говорили, что малейшее понижение темпов разоблачения врагов будет расцениваться как отказ вести борьбу с классовым врагом»¹⁷.

Политика государства в отношении деревни (постоянное выкачивание средств с помощью многочисленных налогов, самообложений) вела к значительному ухудшению жизни крестьян и соответственно – недовольству, протестным высказываниям, нежеланию работать в колхозе. В Кояново зимой 1936–1937 гг. умирал от голода скот, посевы сокращались, колхозники часто не выходили на работу, так как, пытаясь выжить, занимались своим хозяйством (косили траву для личного скота, торговали, уезжали на заработки в город). Малый сбор налогов активизировал вышестоящее начальство – Горсовет, который присылал проверяющие комиссии. А сотрудники НКВД придумали широко разветвленную «диверсионную и вредительскую организацию», члены которой «специально морили голодом скот, не ремонтировали технику и всячески ухудшали жизнь простых советских людей». Этим они отчасти сняли социальное напряжение, вызванное голодом и тяжелыми условиями жизни, «найдя» и покарвав конкретных «вредителей».

Примечания

¹ По Всероссийской переписи 1920 г. – 2219 человек (ГАПО. Ф. р-19. Оп. 1. Д. 199. Л. 33 об.); данные 1923 г. – 2229 человек (ГАПО. Ф. р-17. Оп. 1. Д. 167а. Л. 256 об.)

² Например, сводки, собранные из деревень Пермского района (Кояново также входило в Пермский район): «...народ с голодудохнет сейчас, а до свежего хлеба еще не дотянешь. Пожалуй, добрая половина народа погибнет»; в селе Верхние Муллы в почтовом ящике было найдено анонимное письмо, адресованное Сталину: «Добрый день И. В. Сталин, ты зачем моришь нас...» и т.д. // ГОПАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258. Л. 259.

³ Например, Докладная записка начальника Кунгурского РО НКВД А. В. Пермякова ...о настроениях в районе в связи с опубликованием проекта новой Конституции СССР от 23 декабря 1936 г. // Политические репрессии в Прикамье, 1918–1980-е гг. Пермь: Пушка, 2004. С. 226–228.

⁴ Сведения о выбытии всех видов животных из хозяйства колхоза «Передовик» за 1937 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 3. Л. 240.

⁵ Из постановления Пермского Горсовета от 22.07.1937 г. // ГАПО. Ф. р-176. Оп. 5. Д. 769. Л. 32.

⁶ Из предписания комиссии Пермского ГОРФО от 26.05.1937 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 3. Л. 222.

⁷ Из протокола допроса Смышляева от 03.10.1937 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13706. Л. 12.

⁸ Районный заготовительный отдел.

⁹ Из протокола допроса Зверева Я.Д. от 05.10.1937 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 1. Л. 51.

¹⁰ Из показаний бывшего сотрудника НКВД Тюрина. 21–23.08.1939 г. // ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6. Л. 147.

¹¹ Из показаний бывшего сотрудника НКВД Аликина. 21–23.08.1939 г. // Там же. Л. 165.

¹² Из показаний бывшего сотрудника НКВД Ветошкина. 21–23.08.1939 г. // Там же. Л. 163.

¹³ Преступное отношение к людям // Звезда. 03.11.1937 г.

¹⁴ В Кояново неблагополучно // Звезда. 23.10.1937 г.

¹⁵ Доклад о съезде мусульман 4-го Горно-Уральского района Уральской области, 01–03.09.1926 г. // ГОПАПО. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 26356. Т. 1. Л. 3–6; Т. 2. Л. 154–155.

¹⁶ Руководители Пермского отдела НКВД в 1937 г.

¹⁷ ГОПАПО. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6857. Т. 6. Л. 165.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ОСВОЕНИИ СЕВЕРА (НА ПРИМЕРЕ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА)

Начало советской лагерной системе, т.е. системе специализированных производственных управлений, основной рабочей силой которых были спецпереселенцы и заключенные (з/к), положено Постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 года. «В целях колонизации» отдаленных районов и эксплуатации их природных ресурсов создавалась сеть исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ) ОГПУ (Объединенного государственного политического управления). К этому времени в системе ОГПУ на примере Соловецкого лагеря был накоплен немалый опыт использования труда з/к в отдаленных районах. В первой половине 1930-х годов основные лагерные управления создавались в малонаселенных районах в целях их освоения и колонизации.

Каждый регион имел свою производственную специфику. Рассмотрим, как проходил этот процесс на примере Кольского полуострова. Аборигенами полуострова являются саами (лопари) – немногочисленная народность мужественных и закаленных людей, основным занятием которых были оленеводство, рыболовство и охота. Они представляли собой небольшую группу людей, затерявшихся среди суровых сопок и непроходимых болот. С середины XIX века полуостров начинает постепенно заселяться. Так, в 1907 году его население составляло 10,3 тысячи человек. С 1920 года ежегодный прирост населения составлял 1400 человек, а к 1920 году число постоянных жителей Кольского Севера достигло 27 000 человек.

В конце 20-х годов прошлого столетия на Кольском полуострове, в Хибинах, были открыты богатейшее месторождение апатито-нефелиновой руды с высоким содержанием фосфора, а также другие виды полезных ископаемых. Для их освоения, добычи и переработки необходимо было на пустом месте, в условиях горной тундры и сурового климата Заполярья, строить город, автомобильную и железную дороги, создавать производственную инфраструктуру. Уже осенью 1928 года Ленинградский обком

партии высказался за необходимость решительных мероприятий по использованию богатств Хибинской тундры. Приезд 30–31 декабря 1929 года в Хибины С. М. Кирова предопределил будущее этого пустынного края. 1 января 1930 года здесь состоялось совещание под его руководством, положившее начало развитию апатитовой промышленности и производительных сил этого края. Начиналось большое хозяйственное и промышленное строительство: это горно-химическое предприятие «Апатит» и город Хибиногорск, первенец гидроэнергетики в Заполярье – Нивская ГЭС, освоение медно-никелевого месторождения Мончетундры. В 1932 году было начато строительство Мурманской ТЭЦ, намечалось строительство рудника по добыче слюды.

Для решения этих задач требовалась огромная армия рабочих рук, по предварительным подсчетам – несколько десятков тысяч человек. Система Соловецких лагерей уже работает в стране с 1924 года. На территории нынешней станции Апатиты организуются лагеря ГУЛАГа – управление Белречлага. На добычу хибинских богатств по решению Ленинградского обкома партии С. М. Киров направляет значительный контингент рабочей силы ГУЛАГа. Трест «Апатит» передается в ведение НКВД. Так обеспечиваются промышленные и гражданские стройки будущих горнодобывающих и горноперерабатывающих комплексов. Имеются в виду не только промышленность Хибин, Мончетундры, но и каскад ГЭС, дорожное строительство, поиск и разведка новых месторождений железной руды, меди, никеля, молибдена, хрома, титана, серы, минералов редкоземельной группы.

Только в систему треста «Апатит» входило 9 лагпунктов. В лагерь Севера, как правило, отправляли з/к с большими остатками срока, наиболее физически крепких (последнее часто не выполнялось). По сравнению с остальными лагерями в северных, особенно тяжелых по условиям содержания и характеру работ, существенно выше была доля осужденных «за контрреволюционные преступления». И без того тяжелое положение з/к усугублялось трудностями доставки даже того минимума, который выделялся на их содержание (при почти полном отсутствии местных ресурсов продовольствия), и практически бесконтрольной властью местного начальства. В подавляющем большинстве случаев лагерь для человека являлся катастрофой. Он ломал его пси-

хически и физически; ломал непосильной работой, голодом, жестокой системой психологической эксплуатации, когда человек сам выбивается из последних сил, чтобы сократить срок своего пребывания в лагере.

Кроме з/к еще одним источником подневольной рабочей силы были так называемые спецпереселенцы. Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев – раскулаченных и высланных в отдаленные районы семей – одна из самых драматических глав в истории России и ближнего зарубежья. Основные признаки кулацких хозяйств определялись как: применение наемного труда; наличие водяной или ветряной мельницы, маслобойки, крупорушки; занятие торговлей, коммерческим посредничеством; сужение култы. По своей сути, методам, средствам и формам процесс раскулачивания носил характер масштабной военно-политической операции. Были даны указания составить план, из каких районов и какое количество кулаков намечается к выселению, установить места и железнодорожные пункты концентрации выселяемых, рассчитать количество перевозочных средств и наличие войсковых сил ОГПУ и РККА. Однако на местах раскулачивание и разграбление имущества зажиточных крестьянских семейств приобрели массовый и неуправляемый характер. Разгрому подверглись не только зажиточные, но и середняцкие, бедняцкие хозяйства, а также хозяйства сельской интеллигенции, служителей различных конфессий. О том, в каких масштабах, как и в каких формах осуществлялась политика раскулачивания, можно проследить по конкретным регионам страны. Наибольшее количество раскулаченных семей было переброшено на Север из Украины, Белоруссии, Нижней и Средней Волги, Центральной черноземной области – более 46 тысяч семей. Они и з/к составили тот трудовой резерв, который требовался для решения намеченных задач развития Севера. С 1930-го по 1933 год во всех правительственных и законодательных документах высланные в процессе раскулачивания семьи получили официальный статус спецпереселенцев. Подавляющее большинство доставлялось в глухомань в сооружаемые ими же спецпоселки. Впервые этот термин появился в Постановлении СНК РСФСР № 36 от 10.12.1930 года, где отмечалось, что все кулацкие семьи, подвергшиеся раскулачиванию и выселению в отдаленные местности, «выдворяются в

специальные поселки». Они организуются в местностях, где ощущается недостаток в рабочей силе для лесозаготовительных работ, по переработке недр, для рыбных промыслов, а также для освоения неиспользованных земель.

Первый эшелон со спецпереселенцами прибыл в Хибинны 14 марта 1930 года – 918 человек. Из центральных районов страны их везли в «телячьих» вагонах, скорость движения – в среднем 140 км в сутки. В вагон набивали 40–50 человек: мужчины, женщины, дети. В центре вагона – печка-чугунка, в углу – ведро для естественных нужд. На остановках мужики, обязательно в сопровождении охранника, выносили это ведро в ближайший лесок. Первый этап после выгрузки на станции Апатиты и сортировки прибывшие шли пешком – в марте, в условиях суровой зимы, до 13-го километра; более сильные двигались дальше – 16-й, 20-й, 23-й или 25-й километры, где сооружался первый рудник. Размещались в палатках, землянках, шалманах. Сразу же по прибытии направлялись на строительство горнохимического комбината и города. В самом центре Хибинских гор на площади в несколько квадратных километров, как в кратере вулкана, днем и ночью горели сотни костров: разогревали землю под котлованы для закладки фундамента первого предприятия.

Шалман. Откуда произошло это название – неизвестно. Скорее всего, по меткому выражению и с горьким юмором одного из вновь прибывших спецпереселенцев. Это название мгновенно приобрело всеобщий характер и даже получило признание у местных властей. Остов шалмана состоял из бревен, обнесенных толем. Вдоль каркаса по обе стороны прохода шириной в 60–70 см устраивались нары. Два выхода по обе стороны шалмана, две печки-бочки для подогрева воды и обогрева. На нарах устанавливались на ребро доски, ограничивающие жилое пространство одной семьи. Туалета, естественно, не было. Количество людей, проживавших в шалмане, достигало 40–60 человек, площади на человека приходилось менее 1 квадратного метра. Ни умывальников, ни столов, ни табуреток. Вся жизнь протекала на щербатых досках нар. Эти так называемые жилища просуществовали до 1933 года, приютив на три года и две зимы более 25 тысяч человек. Отсюда на редких весточках в родные края писали обратный адрес: Ленинградская область, Мурманский округ,

Апатитовые разработки, такой-то километр. Все вновь прибывшие эшелонами спецпереселенцы прошли через шалманы и землянки. Тех, кто не выдерживал этих испытаний, шалман просто выгонял на мороз. Первая зима 1930–1931 гг. была самой ужасной: замерзло и погибло более половины прибывших спецпереселенцев. Сказывался недостаток и питания, и просто дров для обогрева. Уже с первых дней по прибытии мужики сколачивали бригады для строительства бараков и рубленых домов. Днем трудились на официальной работе, за кусок хлеба, а вечером строили жилье: судьба семьи была в их руках. В рубленых домах начальство размещало вольнонаемных, бараки доставались спецпереселенцам, каменные – специалистам треста «Апатит» и руководителям города. Следует пристальней взглянуть на барак – основное жилище тех времен.

В принципе – тот же шалман, несколько более благоустроенный. Тот же коридор, налево и направо – комнаты, разделенные перегородками; печка на две комнаты; в конце барака – общая кухня и туалет. Барак был голубой мечтой жителей шалманов.

В декабре 1930 года в округ прибыло уже более 10 тысяч спецпереселенцев, из них 9 тысяч были направлены в Хибингорск, 1200 – на строительство гидроэлектростанции, остальные размещены в поселках Мурманского берега. За 1931 год в Мурманский округ прибыло рекордное число спецпереселенцев – около 15 тысяч. К концу 1933 года общее число спецпереселенцев составило более 40 тысяч человек. Имеются точные архивные данные об их численности по крупнейшему спецпереселенческому центру округа – Хибингорску и его окрестностям. С 14 марта 1930-го по 1 января 1935 года сюда прибыло 21 325 спецпереселенцев. Основная их масса была занята непосредственно в сфере материального производства. В общем балансе работающих спецпереселенцы составляли основную производительную силу. 30 августа 1930 года Управление Соловецкими и Карело-Мурманскими исправительными трудовыми лагерями ОГПУ сдало в аренду тресту «Апатит» 18 арестантов-специалистов. Среди них были горные инженеры, экономисты и строители. Был даже один юрист. Среди работающих были и вольнонаемные, в том числе и комсомольцы-добровольцы. Места их проживания были территориально отделены от поселков спецпереселенцев. В

окрестностях Хибиногорска было сооружено 6 спецпоселков, население которых на 90% было представлено бывшими «кулаками». Спецпоселки представляли собой масштабную и стройную систему режимных поселений раскулаченных и высланных семей, управляемую районными и поселковыми комендатурами ГУЛАГа. Нарушение спецпереселенцами правил внутреннего распорядка, уклонение от выполнения поручений и плановых заданий влекли за собой штраф или арест до 30 суток. Наряду с бытовыми лишениями спецпереселенец обязан был отдавать 25% своего заработка на строительство города (в 1932 году эти поборы были уменьшены до 15%); он был лишен избирательных и политических прав, ему запрещался выезд за пределы города; дети спецпереселенца не имели права поступать в высшие учебные заведения страны. В 1933 году СНК СССР принял постановление, по которому спецпоселки были переименованы в трудпоселки, а спецпоселенцы, соответственно, в трудпоселенцев. Этот тип режимной жизни существовал до 1954 года. Совет Министров СССР 13.08.1954 года принял постановление о снятии ограничений по спецпереселению с бывших кулаков и других лиц, спецпереселенцам были выданы паспорта. Это постановление положило конец гулаговской системе, существовавшей четверть века.

Помимо создания производственных мощностей будущих промышленных гигантов спецпереселенцы и з/к внесли огромный вклад в развитие заполярной энергетики. На Кольском полуострове естественным источником энергии могли стать реки с их быстрым течением, наличием уклонов и перепадов высот. Первые строители – всего 200 человек – высадились на разъезде Пинозеро в сентябре 1930 года. Место строительной площадки представляло собой стоячее болото, покрытое мхом и еловым лесом. На 1 октября 1931 года здесь работало уже 2500 спецпереселенцев.

Проблема создания продовольственной базы тоже решалась силами спецпереселенцев. В окрестностях строительства горно-химического комбината был заложен первый в Заполярье совхоз «Индустрия», построен поселок для рабочих, подавляющее большинство которых составляли спецпереселенцы. Потомственные земледельцы умело применяли здесь свои трудовые навыки, развили скотоводство, огородничество, парниковое хозяй-

ство. Спецпереселенцы в основной своей массе представляли подлинных тружеников, способных в любых условиях преобразовать среду своего обитания.

Использование минеральных богатств Кольского полуострова изменило экономическое лицо Мурманской области. Построены гигантские предприятия: горнохимический комбинат «Апатит» (1930), медно-никелевый комбинат «Североникель» (1938), Кандалакшский алюминиевый завод, Оленегорский горнообогатительный комбинат (1954), комбинат «Печенганикель» (1946), Ловозерский и Ковдорский горнообогатительные комбинаты. В основном за счет труда спецпереселенцев и з/к в суровой полярной тундре выросли современные красивые города.

Использованы материалы:

Государственный архив Мурманской области (Кировский филиал).

Спецпереселенцы в Хибинах. – Апатиты, 1997.

Маслаков Н. И. ГУЛАГ в Хибинах. Рукопись.

Ковалевский В. К. Цена Хибиногорска. Рукопись.

ПО ЗАКОНАМ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ... ИХ СУДЬБА БЫЛА НЕИЗВЕСТНА (ОБ ЭВАКУАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ТЮРЕМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Среди наиболее трагических страниц Великой Отечественной войны особенно выделяются события, связанные с эвакуацией населения из районов, подвергшихся впоследствии оккупации врагом. Война безжалостно вмешалась в жизнь миллионов людей, вынужденных собраться в дорогу и отправиться, по сути, в неизвестность. За последние годы историкам удалось проследить, как сложилась жизнь многих людей, попавших в этот водоворот событий. Однако до нынешнего дня неизвестной оставалась судьба заключенных и подследственных, содержащихся до оккупации в тюрьмах Краснодарского края и отправленных в глубокий тыл по этапу.

В начале 1990-х годов была предпринята попытка найти очевидцев эвакуации заключенных из тюрем Краснодарского края [1, с. 39–49]. Благодаря этому удалось выяснить, что в конце июля 1942 г. заключенных попытались вывезти железнодорожным транспортом. Однако вагоны с «зеками» с краснодарского вокзала так и не тронулись, поэтому вскоре они были отправлены в дальний путь пешком. Одна из групп заключенных, находившихся до этого в Краснодарской тюрьме и камерах предварительного заключения Управления НКВД по Краснодарскому краю, была отправлена по пути следования: ст. Усть-Лабинская – ст. Белореченская – ст. Куринская. Еще одна группа заключенных вместе с обозом, в котором находились семьи работников исправительно-трудовых колоний УНКВД, отправилась по маршруту: ст. Пашковская – ст. Саратовская – пос. Кутаис. Обе группы заключенных встретились в середине августа 1942 г. между п. Кутаис, ст. Хадыженской и с. Шаумян. Сведений о дальнейшем пути их движения не было, поэтому на основе косвенных показаний исследователями было высказано предположение, что «зеки», двигавшиеся в этих колоннах и осужденные за контрреволюционные преступления, были расстреляны работниками НКВД вблизи села Шаумян Туапсинского района [2, с. 10]. О

судьбе остальных заключенных, отправленных другими этапами в эвакуацию из тюрем Краснодарского края, до сегодняшнего дня ничего не было известно [3, с. 35–76].

Документы об этапировании заключенных и подследственных из тюрем Краснодарского края долгое время хранились под грифом «Совершенно секретно» в Российском государственном военном архиве в Москве, в фонде конвойных войск. И, как это часто бывает, после рассекречивания были обнаружены в результате работы над совершенно иной темой. Все трудности, которые выпали на долю заключенных и конвоировавших их красноармейцев, в своем докладе начальнику конвойных войск НКВД СССР генерал-майору Кривенко о пешем конвоировании 980 заключенных из Новочеркасской тюрьмы и 4877 заключенных из тюрем Краснодарского края подробно описал командир 43-й бригады конвойных войск подполковник Сидорик [4, с. 4–16].

На основании этого доклада и рапортов начальников конвоев, сопровождавших этапы заключенных, отправленных в эвакуацию, которые также хранятся в Российском государственном военном архиве, мы теперь можем восстановить маршруты движения этапов и, наконец, ответить на вопрос, что же с ними произошло.

1. Краснодарская тюрьма № 1 – 1-й этап. 31 июля 1942 г. конвой в составе 126 красноармейцев 3-й роты 230-го полка принял под свою охрану 914 заключенных, осужденных за различные преступления (в том числе за воровство – 112 чел., за дезертирство – 366 чел., за контрреволюционные преступления – 131 чел.) [4, с. 8 об. – 10]. В этот же день пешим порядком этап отправился по маршруту: Краснодар – ст. Темиргоевская – ст. Петропавловская – ст. Старомихайловская – ст. Курганная – Армавир. Изматывающая дорога оказалась не под силу слабым и больным, поэтому по согласованию с заместителем начальника Краснодарской тюрьмы группа заключенных в составе 61 человека была передана в станице Усть-Лабинской другому конвою 230-го полка, перевозившему заключенных из Краснодара в товарных вагонах.

5 августа этап достиг ст. Темиргоевской, где получил от местного колхоза продукты питания. Налет вражеской авиации и поступившие от начальника районного отдела НКВД сведения о

бое с противником в районе ст. Курганной заставили начальника конвоя изменить маршрут и направить колонну заключенных через ст. Гиагинскую по дороге Майкоп – Туапсе. Для ускорения движения колонны начальник райотдела НКВД выделил парную повозку с лошадьми, на которой разместили больных.

Отступающие части Красной Армии в это время переправлялись через реку Белую. Мост был занят обозами и военной техникой, поэтому всем заключенным пришлось переправляться на другой берег вплавь, держась за длинную веревку, прикрепленную к хомутам лошадей. Вскоре движение колонны снова было изменено. Из штаба армии поступила информация о боях в районе Майкопа. Кроме этого, командование потребовало не мешать войскам и направить колонну в другом направлении.

Регулярно попадая под налеты противника, этап двинулся в сторону ст. Белореченской, обойдя пылавшую в огне ст. Апшеронскую. Перед ст. Хадыженской колонну встретили начальник I отдела штаба 43-й бригады конвойных войск капитан Макеев и начальник тюремного отдела УНКВД Краснодарского края лейтенант госбезопасности Архипов, которые отдали распоряжение расположить заключенных на отдых в районе р. Пшиш. Сами они отбыли в штаб фронта для решения вопроса, как поступить с заключенными, поскольку их дальнейшее конвоирование под непрерывными бомбежками и в непосредственной близости с противником казалось уже невозможным, а командование постоянно требовало не мешать передвижению частей Красной Армии. В штабе фронта ими было получено распоряжение Военного совета: распустить заключенных, осужденных за бытовые преступления, годных к военной службе – передать в ближайший военкомат, а заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, – расстрелять. После получения этого распоряжения колонна из 740 заключенных-бытовиков была направлена в Армянский райвоенкомат, расположенный в пос. Шаумян. Оставшиеся 110 заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления, были расстреляны.

2. Усть-Лабинский пересыльный пункт – 1-й этап. 28 июля 1942 г. на станции Усть-Лабинской были погружены в вагоны 1688 заключенных, которые должны были через Махачкалу и Красноводск прибыть в Нижний Тагил [4, с. 7–8 об.]. Для сопро-

вождения этого этапа был выделен конвой в составе 121 человек. Из-за разрушения железнодорожных путей в районе Армавира и скопления большого количества поездов заключенных отправили со станции только 3 августа. Эшелон выдержал несколько налетов вражеской авиации, во время которых из некоторых вагонов заключенные попытались бежать, выбив стены досками от нар. Однако все их попытки оказались безуспешными. В районе ст. Отрадо-Кубанской из-за разбитых железнодорожных путей поезд был остановлен. Соседние составы горели, но попаданий бомб в эшелон с «зеками» не было. Ремонт путей в ближайшем времени не предвиделся, машинисты разбежались. В силу создавшегося положения начальник конвоя принял решение конвоировать заключенных пешим порядком по маршруту: ст. Отрадо-Кубанская – ст. Михайловская – ст. Курганная.

В ночь с 4 на 5 августа заключенные были высажены из вагонов и этапом направлены в сторону ст. Михайловской. Пеший путь под палящими лучами солнца оказался для 15 человек смертельным. Нелегкая дорога, налеты авиации, непонятная ситуация с линией фронта подогрели недовольные настроения в среде заключенных, которые отказывались выполнять распоряжения конвоя. Шесть раз заключенные предпринимали попытки совершить побег, причем часть бежавших была возвращена в колонну, а 18 заключенных убито при попытке к бегству.

6 августа уже на подходе к ст. Курганной на колонну был совершен налет вражеской авиации в составе семи самолетов. Начальник конвоя приказал всем укрыться в кукурузном поле, однако эта маскировка была замечена немецкими летчиками, начавшими бомбить и обстреливать поле из пулеметов. В результате налета было убито и тяжело ранено 900 заключенных. Пострадали и красноармейцы, конвоировавшие этап, но подсчитать все потери так и не удалось: противник высадил в районе Курганной десант, и этап начал уже обстреливаться автоматчиками, окружавшими его с флангов. В такой обстановке начальник конвоя совместно с начальником тюремного отдела УНКВД Краснодарского края приняли решение отпустить из колонны 410 заключенных, осужденных за бытовые преступления, и расстрелять 378 осужденных и подследственных за контрреволюционные престу-

пления. Выполнив приказ, личный состав конвоя несколько дней с боями продвигался по маршруту Майкоп – Туапсе.

3. Краснодарская тюрьма № 1 – 2-й этап. 27 июля 1942 г. из Краснодарской тюрьмы № 1 были посажены в товарные вагоны 338 заключенных, которых необходимо было доставить в Махачкалу, а потом в Гурьев [4, с. 14–15]. По пути следования эшелон сделал остановку в Усть-Лабинске, дожидаясь пополнения этапа. Однако Усть-Лабинский пересыльный пункт не подготовил своевременно к отправке других заключенных, поэтому эшелон несколько дней простоял на запасных путях. За это время к нему была присоединена группа заключенных, отправленная из Краснодара, в составе 61 человека, которые по состоянию здоровья не могли следовать пешим порядком в колонне. Затем к составу прицепили товарные вагоны с заключенными Усть-Лабинского пересыльного пункта, и 3 августа эшелон был отправлен в путь.

До ст. Кавказской продвижению поезда еще ничего не мешало, но после этой станции в результате систематических бомбежек вражеской авиации железнодорожные пути оказались разрушенными. Регулярно попадая под авианалеты, эшелон достиг 4 августа ст. Отрадо-Кубанской, расположенной в 22 км от Армавира. Здесь состав простоял два дня. Станция пылала в огне, горели вагоны, пути были загромождены разрушенными поездами. Учитывая сложившееся положение, начальник конвоя принял решение продолжить конвоирование заключенных пешим порядком. Уже в момент выгрузки заключенных из эшелона было получено сообщение о высадке в 7 км от станции вражеского десанта. Колонну заключенных спешно направили к ст. Михайловской и далее к ст. Курганной. Из-за отсутствия повозок с собой были взяты продукты питания всего на несколько суток. Чтобы избежать столкновения с врагом, было принято решение идти к намеченной цели проселочными дорогами.

6 августа этап подошел к ст. Михайловской, в которой несколько часов назад уже побывала разведка немцев. Не задерживаясь в станице, колонна сразу отправилась в сторону ст. Курганной. За все время следования до ст. Михайловской этап ни разу не был замечен авиацией немцев, но среди заключенных уже были потери: 7 человек умерли от болезней и тепловых ударов, еще 5 были застрелены при попытке к бегству. По пути следования от

ст. Михайловской к ст. Курганной этап стал нести еще большие потери от постоянных бомбежек со стороны вражеской авиации. Почти 50% заключенных были убиты или ранены. Обстановка складывалась крайне тяжелая: впереди был слышен бой. Кроме того, не доходя 2,5 км до ст. Курганной, конвоирующим поступила информация, что станица уже захвачена противником. Колонну пришлось развернуть обратно. Тем временем разведка донесла, что ст. Михайловская тоже находится уже в руках немцев. Этап, таким образом, оказался со всех сторон окружен противником.

В такой обстановке начальник этапа совместно с начальником тюремного отдела УНКВД края принял решение заключенных по бытовым преступлениям распустить, а осужденных по ст. ст. 58 и 59-3 – расстрелять. Высшая мера наказания была приведена в исполнение в отношении 88 заключенных, осужденных за контрреволюционную деятельность. После выполнения приказа личный состав конвоя у ст. Петропавловской переправился через р. Лабу и вскоре прибыл в Майкоп. Но, попав под обстрел немецких автоматчиков, покинул город и с боями начал пробиваться за линию фронта.

4. Усть-Лабинский пересыльный пункт – 2-й этап. 2 августа 1942 г. конвой из красноармейцев 230-го полка принял под свою охрану 155 заключенных, оставшихся в Усть-Лабинском пересыльном пункте [4, с. 10–11]. В большинстве случаев они были осуждены за бытовые преступления, количество осужденных за контрреволюционную деятельность и бандитизм составляло 29 человек. В этот же день колонна заключенных отправилась пешим порядком по маршруту: ст. Усть-Лабинская – ст. Темиргоевская – ст. Михайловская – ст. Курганная – Армавир. Колонна была обеспечена продуктами питания на 8 суток. 4 августа, достигнув ст. Темиргоевской, начальник конвоя получил информацию о боях в районе Армавира и изменил маршрут движения на ст. Гиагинскую – ст. Белореченскую – Туапсе. Переправиться по мосту через р. Лабу этапу не удалось из-за непрерывного движения военной техники. Всех заключенных пришлось переправлять вплавь, прикрепив к веревке, которую тянули в воде две лошади. 10 августа этап подошел к ст. Апшеронской, где был

встречен заместителем прокурора Краснодарского края, который дал санкцию начальнику конвоя освободить 88 заключенных.

Дальнейшее продвижение этапа осуществлялась в сложной горной местности под непрерывной бомбежкой вражеской авиации и постоянной угрозой оказаться захваченными противником. Чтобы этап не оказался отрезанным от своих, передвигаться приходилось только ночью, делая переходы до 40 и более километров. Колонна заключенных двигалась в непосредственной близости от линии фронта, часто попадая под обстрел врага. Для того чтобы не мешать воинским обозам и технике, часто приходилось уходить с дороги и идти по гористой местности, преодолевая водные преграды. Ситуацию усугубляло и отсутствие нормального питания, без которого таяли силы и у заключенных, и у их конвоиров. На подходе к ст. Куринской колонну заключенных встретили начальник тюремного отдела УНКВД Краснодарского края лейтенант госбезопасности Архипов и старший помощник начальника I отделения 43-й бригады капитан Макеев, которые отдали начальнику конвоя аналогичное распоряжение, которое дали и другим конвоям, — отпустить заключенных-бытовиков и расстрелять заключенных, осужденных за контрреволюционные преступления.

5. Внутренняя тюрьма НКВД. 5 августа 1942 г. в связи с усложнившейся обстановкой в районе Краснодара было принято решение срочно эвакуировать 283 следственных заключенных, в том числе 97 человек, обвиняемых за контрреволюционные преступления, из внутренней тюрьмы НКВД. Конвой, состоящий из 86 красноармейцев 2-го батальона 230-го полка, должен был их доставить в Гурьев и Коканд [4, с. 11–11 об.]. Колонна заключенных пешим порядком направилась сначала по дороге на Армавир, однако из-за начавшихся там боев маршрут движения был скоординирован и этап пошел на Туапсе. 7 августа неподалеку от ст. Кабардинской колонна в первый раз попала под авианалет, который, тем не менее, обошелся без потерь. Но на следующий день налеты стали регулярными, от них не спасали никакая маскировка и укрытия. Частые бомбежки заставили начальника конвоя распорядиться о движении колонны только по ночам. Но даже в темное время суток этап не мог передвигаться по дорогам, занятым войсками Красной Армии, поэтому пути следования прихо-

дилось координировать, выбирая наиболее проходимые маршруты в горах. Непрекращающаяся жара, нерегулярное питание и отсутствие отдыха изматывали людей. Но больше всего положение усугублялось постоянными перехватами противником путей движения.

Бои в это время шли уже за Майкоп. В районе продвижения колонны противник неоднократно выбрасывал десанты и создавал угрозу ее захвата. Не доходя 2,5 км до пос. Шаумян, этап был встречен начальником Тюремного отдела УНКВД Краснодарского края Архиповым и старшим помощником начальника I отделения 43-й бригады Макеевым. На основании санкции Военсовета фронта здесь были освобождены 186 заключенных по бытовым статьям, которых направили в Туапсинский горвоенкомат для формирования рабочего батальона. Обвиняемые за контрреволюционные преступления были расстреляны.

6. Абинский спецлагерь. 2 августа 1942 г. на 7-ю роту 230-го полка была возложена задача отконвоировать из Абинского спецлагеря содержащийся в нем спецконтингент. На следующий день этап в составе 149 человек отправился по маршруту: ст. Абинская – ст. Афипская – ст. Имеретинская – Армавир [4, с. 12]. Достигнув ст. Имеретинской, этап дальше двигаться не смог из-за боев в районе Армавира и реальной угрозы оказаться в тылу противника. Поэтому начальник конвоя принял решение изменить маршрут в сторону ст. Тверской, поставив в конечном счете задачу выйти через пос. Шаумян к Туапсе и вдоль берега Черного моря дойти до Сухуми [5, с. 37–38].

Движение колонны проходило в сложных условиях: под постоянными налетами вражеской авиации, рядом с передвигавшимися войсками и техникой, эвакуировавшимся мирным населением. Дорога в гористой местности не превышала 5–6 м в ширину, что значительно усложняло охрану. Бывали случаи, когда заключенные цеплялись за проходящие мимо машины и пытались скрыться. Около селения Шепси колонна перенесла налет вражеской авиации с бомбежкой и обстрелом из пулеметов. В результате налета было убито 10 и ранено 19 заключенных, убит один из конвойных. При попытке к бегству конвой застрелил троих заключенных. Дальнейшее продвижение колонны осуществлялось только ранним утром и поздним вечером, когда дорога была бо-

лее-менее свободна и сокращались налеты вражеской авиации. 17 августа оставшаяся партия заключенных в составе 116 человек прибыла в Сочи, где была встречена командиром 230-го полка майором Юмашевым. Здесь в ее состав были добавлены 104 заключенных, содержащихся в сочинской тюрьме [5, с. 38]. Вскоре этот объединенный этап был отправлен в товарных вагонах по маршруту Сухуми – Тбилиси – Баку. 2 сентября все заключенные прибыли в Баку и были сданы для дальнейшего конвоирования в Красноводск.

7. Армавирская тюрьма № 2. В ночь с 31 июля на 1 августа 1942 г. со станции Армавир по маршруту Невинномысская – Минеральные Воды – Гудермес – Махачкала отбыл эшелон с 1129 заключенными, содержащимися до этого в Армавирской тюрьме № 2. Для их отправки был выделен конвой в составе 131 человека [4, с. 12–14]. Кроме этого, вместе с конвоем в эшелоне находились сотрудники Армавирской тюрьмы во главе с ее начальником Морозовым. 2 августа около хутора Вольный в эшелон посадили еще одну группу заключенных численностью в 221 человек, оставшихся в живых после бомбежки станции Армавир и перевозившихся в тюремных вагонах из Краснодара [6, с. 43–45]. В первый раз под обстрел противника эшелон попал под ст. Успенской. К переправе через р. Кубань со стороны гор подошли три немецких танка, а с гор по эшелону был еще открыт автоматный и минометный огонь. Среди заключенных началась паника, они бросились бежать в разные стороны и были остановлены конвоирами, начавшими стрелять. 6 августа вблизи ст. Овечка эшелон был снова обстрелян немецкими танками. Прибывший в это время на машине офицер связи Военсовета фронта сообщил начальнику конвоя о боях за Армавир и Невинномысскую и предложил изменить маршрут движения этапа.

Эшелон с заключенными уже находился в полукольце окружения, поэтому спасти его могло только быстрое продвижение. На коротком совещании, в котором принял участие и начальник тюремного отдела УНКВД Краснодарского края Архипов, было принято решение двигаться на ст. Бесскорбную и Майкоп. Из-за возрастающей угрозы быть захваченным врагом и с целью ускорения движения здесь же на месте были освобождены 600 заключенных, осужденных за бытовые преступления на небольшие

сроки. Остальные заключенные были отправлены ночью по этапу, пройдя за один переход 35 км, благодаря чему колонне удалось выйти из вражеского окружения.

Дальнейшее движение колонны проходило в очень тяжелых условиях. Противник постоянно бомбил железнодорожные станции, поблизости шли бои, велась постоянная стрельба. Подойти к Майкопу этапу не удалось из-за начавшихся боев за город, поэтому маршрут снова был изменен. Колонна с заключенными двинулась от ст. Бескровной по восточному склону Кавказских гор в сторону Нальчика. Но уже 12 августа шедший перед этапом артиллерийский полк в районе ст. Карданинской наскочил на немцев. Путь снова был перерезан, оставался только один выход – идти через горные перевалы к Черному морю. Продвигаясь по предгорьям Кавказского хребта, 15 августа этап достиг с. Хасаут-Греческий. Однако на следующий день ранним утром в селение ворвалась группа немецких автоматчиков в сопровождении военной техники и мотоциклистов. Конвою пришлось принять бой, в результате которого погиб один красноармеец и трое оказались ранеными. Кроме этого, были ранены и трое заключенных.

Предполагая скорое возобновление атаки противника и учитывая сложившуюся угрозу окружения, было принято решение о невозможности дальнейшего конвоирования заключенных. Основываясь на полученном распоряжении Военного совета о действиях в отношении заключенных в тяжелой фронтовой обстановке, начальник Армавирской тюрьмы совместно с начальником конвоя распустили заключенных, осужденных за бытовые преступления. Остальные заключенные (414 человек, получившие срок за контрреволюционные преступления и сидевшие в Армавирской тюрьме, а также 98 человек из присоединенной к эшелону группы) 16 августа были расстреляны. Высшая мера наказания в отношении 192 заключенных была приведена в исполнение в горах, примерно в 7 км южнее от с. Хасаут-Греческий. Вторая группа заключенных численностью в 320 человек была расстреляна в ущелье, находящемся на расстоянии 15 км юго-восточнее от этого населенного пункта [6, с. 43–45]. Личный состав конвоя, установив связь с партизанами, в конце августа перешел через перевал и вскоре достиг расположения своей части.

Найденные в Российском государственном военном архиве документы, таким образом, помогли узнать, как сложилась судьба около пяти тысяч заключенных, этапированных накануне оккупации из тюрем Краснодарского края. Несмотря на горький опыт 1941 г. год спустя, летом 1942 г., они оказались в такой же ситуации, как и многие тысячи советских граждан, отбывавших различные сроки заключения на территории Украины, Белоруссии и России, внезапно подвергнувшихся военной агрессии врага. С осени 1941 г. в условиях фронтовой обстановки в стране уже сложилась практика ликвидации содержащегося в тюрьмах контрреволюционного элемента [7, с. 23, 8–9]. «Враги народа» не должны были достаться врагу, стремившемуся захватить страну.

В битве за Кавказ наиболее трагической оказалась судьба заключенных, содержащихся в тюрьмах Краснодарского края. Несмотря на сложные условия и многочисленные трудности, впоследствии удалось справиться с эвакуацией заключенных из тюрем Орджоникидзевского края, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР [10, с. 25–33]. Дошел до пункта назначения и эшелон с заключенными из Ростова-на-Дону [11, с. 25–33]. Лишь судьба заключенных Новочеркасской тюрьмы, колонна которых двигалась по территории Кубани пешим порядком, оказалась такой же трагической [4, с. 5–7 об.]. Из 980 заключенных, отправленных в эвакуацию из Новочеркасска в ночь на 22 июля 1942 г., около 250 человек погибли при артобстрелах и авианалетах противника, а также при переправе через реки, от болезней и изнуряющей жары. При попытке к бегству было убито 34 заключенных. Из-за возникшей угрозы захвата этапов были расстреляны заключенные, осужденные за контрреволюционную деятельность: 2 человека – около ст. Аксай, 39 заключенных – неподалеку от ст. Гиагинской, 41 заключенный – за ст. Лабинской, 35 заключенных – за ст. Владимировской, 98 заключенных – в районе аула Хасаут-Греческий.

«В период, когда конвои с заключенными находились прижатые противником к горам в районе Лабинская, Отважная и были под угрозой окружения, без продовольствия, – все меры принимались к тому, чтобы вывести их из тяжелого положения, – докладывал в Москву командир 43-й бригады конвойных войск НКВД СССР подполковник Сидорик. – Но занятие противником

Невинномысской, Ворошиловска, Майкопа и его быстрое продвижение к Пятигорску и Черкесску еще больше создали угрозу отреза и даже захватов этапов» [4, с. 4]. Вопрос, что делать с заключенными в условиях, когда их дальнейшее конвоирование невозможно, командир 43-й бригады подполковник Сидорик, судя по его докладу в Москву, несколько раз задавал руководящим работникам краев и областей, подвергшихся оккупации. 7 августа 1942 г. его успокоил начальник УНКВД Орджоникидзевского края, который в присутствии секретаря крайкома сообщил о предстоящем наступлении советской армии в направлении Армавира и Ворошиловска, добавив при этом, что особенно бояться о судьбе конвоев не приходится.

8 августа, когда обстановка ухудшилась, подполковник Сидорик задал этот же вопрос начальнику УНКВД Ростовской области, находившемуся в г. Орджоникидзе. Последний дал ему письменное указание, согласно которому разрешалось распустить заключенных за бытовые преступления, а заключенных за контрреволюционные преступления и бандитизм – расстрелять [4, с. 4–4 об.]. Эта установка была направлена в район нахождения этапов из Ростовской области. Для установления связи с конвоями, этапирующими заключенных из тюрем Краснодарского края, передачи им данной установки и оказания практической помощи в выходе личного состава конвоев из фронтовой зоны из Тбилиси через Сочи в Туапсе был отправлен командир 230-го полка 43-й бригады конвойных войск НКВД СССР майор Юмашев, который должен был координировать все действия конвоев.

Вопрос о дальнейшей судьбе заключенных из тюрем Краснодарского края встал, когда этапы оказались прижатыми к горам и возникла реальная угроза захвата их противником. Для его решения начальники конвоев и следовавшие с ними старший помощник I отделения штаба 43-й бригады конвойных войск капитан Макеев и начальник тюремного отдела УНКВД Краснодарского края лейтенант госбезопасности Архипов по собственной инициативе через начальника особого отдела Северо-Кавказского фронта майора Ковалева запросили Военный совет Северо-Кавказского фронта. 11 августа 1942 г. Военный совет в лице командующего фронтом маршала Советского Союза С. М. Буденного и членов совета Л. М. Кагановича и П. И. Селезнева (секре-

таря Краснодарского крайкома) дал письменную санкцию на роспуск заключенных за бытовые преступления и расстрел заключенных, обвиняемых за контрреволюционные преступления и бандитизм. Согласно этому распоряжению распускаемых заключенных, подлежащих военному призыву по своему возрасту, необходимо было передать в ближайшие военкоматы. Подобная санкция о расстреле контрреволюционного элемента была получена начальником 43-й бригады и от командующего и членов Военного совета Южного фронта [4, с. 4 об.].

На основании этих приказов были распущены 3015 заключенных, осужденных за бытовые преступления и отбывавших ранее свои сроки в тюрьмах Краснодарского края. В военкоматы из этого количества заключенных было отправлено 800 человек. О судьбе остальных красноречиво свидетельствуют следующие данные, представленные к докладу министру конвойных войск СССР генерал-майору Кривенко: 1274 заключенных были убиты и ранены при бомбежках авиацией противника, 14 человек утонуло при переправе через реки, 46 – умерло от болезней и истощения, 78 – были убиты и ранены при попытке к бегству. В тяжелой фронтовой обстановке, когда среди заключенных находились противники советской власти, распустить которых вместе с уголовниками никто не решился, из-за угрозы захватов этапов наступавшими немецкими войсками были расстреляны 1314 человек, осужденных за контрреволюционную деятельность и бандитизм. Вопрос о правомерности подобного наказания в отношении «врагов народа» никто тогда не ставил, хотя многие из них попали за решетку по сфабрикованным делам. По законам того времени судьба этих заключенных должна была остаться неизвестной, а участники событий – хранить молчание.

Примечания

¹ Кропачев С.А. Большой террор на Кубани: драматические страницы истории края 30–40-х годов. Краснодар, 1993.

² Кропачев С.А. Хроника коммунистического террора. Трагические фрагменты новейшей истории отечества. События. Масштабы. Комментарии. Часть II. 1941–1953 гг. Краснодар, 1998.

³ Линец С.И. Трагедия эвакуации населения Северного Кавказа // Российский исторический журнал. 2008. № 1.

⁴ РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 8. Л. 4–6. «Доклад о пешем конвоировании 980 заключенных из Новочеркасской тюрьмы и 4877 заключенных из тюрем Краснодарского края конвоями 230 полка».

⁵ РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 268. Л. 37–38 об. «Доклад командиру 230 полка НКВД».

⁶ РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 268. Л. 43–45. «Доклад о конвоировании заключенных из тюрем г. Армавира».

⁷ Гурьянов А., Кокурин А. Эвакуация тюрем // Карта. Независимый исторический журнал. 1994. № 6.

⁸ «Докладная записка военного прокурора Витебского гарнизона о результатах проверки правовой и оборонной деятельности в гарнизоне» // Скрытая правда войны. Неизвестные документы: 1941 год / под ред. П.Н. Кнышевского. М., 1992 [электронный ресурс]. – URL: <http://www.rkka.ru/docs/spv/SPV.htm>

⁹ Матюх В. Без права на помилование// Белгазета [электронный ресурс]. – URL: <http://www.belgazeta.by/20070423.16/530244991/>

¹⁰ РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 8. Л. 25–33. «Доклад о пешем конвоировании заключенных из Орджоникидзевского края, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР частями 43 отдельной бригады конвойных войск НКВД».

¹¹ РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 268. Л. 31–33. «О выполнении задачи по конвоированию заключенных из Ростова-на-Дону».

5. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Оборонько И. В.

ПОЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ГРУППА ЮГА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ТОТАЛИТАРНОЙ СИСТЕМЫ В 20-х ГОДАХ XX СТОЛЕТИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ НИКОЛАЕВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Во многих постсоветских странах в настоящее время происходит актуализация этнических процессов, остро стоит вопрос возрождения этнического самосознания народов. В связи с этим особую роль приобретает проблема выбора оптимальной государственной политики в сфере межнациональных отношений. Без сомнений, способствовать этому обязан исторический опыт, составной частью которого является изучение места и роли национальных меньшинств в период формирования тоталитарной системы в 20-х годах XX столетия.

Прошлое Юга Украины содержит много интересных и вместе с тем драматических страниц, которые являются историческим наследством многих народов, в советские времена получивших статус национальных меньшинств. Весомый вклад в развитие Северного Причерноморья внесли польские колонии, основанные еще в XIX веке. Благодаря своей самоотверженной работе колонисты достигли значительных успехов в социально-экономическом развитии поселений.

Однако большевистский переворот 1917 года и Гражданская война привели к разорению колонистских хозяйств, обострению проблем землепользования. Большевистское руководство вынуждено было принять экстренные меры по нормализации обстановки, сделав ставку на привлечение национальных меньшинств к строительству социализма.

Согласно решениям X (1921) и XII (1923) съездов РКП(б) национальная политика в Украине проводилась по двум основным направлениям: украинизация и мероприятия по отношению

к национальным меньшинствам. По результатам переписи 1926 года, количество проживавших в УССР поляков составляло 476 тысяч человек, что является четвертым показателем численности (после украинцев – 23 218 тыс. человек, россиян – 2667 тыс. и евреев 1574 тыс.). В том числе на территории современной Одесской области проживало 27 277, Херсонской – 4700, Николаевской – 12 369 человек [1].

Анализ этнических процессов в Украине середины 1920-х годов показывает, что при всей идеологизации государственной национальной политики в процессе ее реализации были достигнуты некоторые положительные результаты в обеспечении интересов национальных групп. Для реализации этнической политики была создана система специализированных административных, советских, учебных и других учреждений.

Так, довольно активно действовали Отдел национальных меньшинств, Совет национальных меньшинств Наркомата образования, Центральная Комиссия по делам национальных меньшинств, Подотдел национальных меньшинств Отдела агитации и пропаганды ЦК КП(б)У. На Николаевщине в 1924 году создано Польское бюро коммунистов при агитпропе окружкома большевистской партии, возглавляемое Ржепинским.

Деятельность указанных учреждений направлялась на содействие созданию системы национальных районов и сельских советов, осуществлению издательской деятельности на языках этнических групп. На Николаевщине на польском языке печатались газеты «Молот», «Серп», «Голос молодежи» и детский журнал «Штандарт пионера» [2].

С 1925 года в районах, где преобладало польское население, согласно постановлению СНК УССР от 29 августа 1924 года образовывались национальные сельские советы. Всего их было создано 139 [3]. Логично, что подавляющее их большинство возникло в западных областях, на Подолье, тем не менее формировались они и на Юге Украины. Так, на территории Лепетинского и Н.-Сирагозского районов современной Херсонской области действовали 3 польских сельсовета, в которых проживало 1930 поляков [4].

26 марта 1926 года состоялось совещание граждан-переселенцев хутора Октябрь Балановского сельсовета Очаковского

района, где рассматривался вопрос организации польского совета и школы для 32 детей. Решение сельской общины было поддержано областным комитетом КП(б)У [5].

Кроме хутора Октябрь на Николаевщине поляки компактно проживали в других населенных пунктах: село Киселевка Снегиревского района, где польский сельский совет в составе 15 депутатов был создан в 1925 году, и хутор Иваницкий Привольнянского, со временем Новоодесского, района.

Необходимо подчеркнуть, что население польских сел было, как правило, зажиточным. Жители Киселевки имели в своем распоряжении в 1927 году 437 коней, 308 коров, 72 овцы, 321 свинью. Подавляющее большинство польских земледельцев не воспринимало партийную политику коллективизации. Архивно-криминальные дела сохранили сотни примеров протестных выступлений польских переселенцев против большевистской политики в аграрном секторе.

Житель хутора Октябрь Феликс Васютинский активно агитировал против коллективизации, своими призывами фактически развалив работу артели «Союз». «Злостное сопротивление» коллективизации оказывали жители села Щербани Людвиг и Василий Яворские [6].

После того, как в начале 1930 года Сталин выступил в газете «Правда» со статьей «Головокружение от успехов», в которой осуждал «перегибы» коллективизации, среди польского населения начался массовый выход из колхозов. Станислав Вишневский из села Софиевка Благодатниевского района забрал из колхоза своих коней [7].

Теофилия Токарная, забрав свое имущество из коллективного хозяйства «Польский коммунар» Очаковского района, призвала односельчан следовать ее примеру, отмечая, что: «В Польше землю у крестьян никто не конфисковывает, а в СССР нас беспощадно грабят» [8].

Бывший офицер польской армии Шламбович Вячеслав Константинович, занимая должность заведующего Торговым отделом Варваровского райпотребсоюза, заявлял: «Пока Советская власть не изменит свою политику по отношению к крестьянству, не даст им самостоятельно работать, до тех пор все мы будем пухнуть от голода» [9].

О том, что «в Польше крестьяне имеют в личном пользовании землю, держат собственное хозяйство и живут намного лучше, чем в Советском Союзе», в 1930 году перед сельской общиной села Нечаяное высказывались братья Йосиф и Михаил Яблонские. Показательно, что Михаил Яблонский был в это время членом ВКП(б), закончив в 1925 году Киевскую Советскую партийную школу, после чего его из партии исключили.

В целом Михаил Францевич Яблонский имел очень интересную, трагическую и показательную для того беспокойного времени биографию. В 1912 году эмигрировал в США, работал на заводе; в 1917 году возвратился в родной город Владимир-Болынь, который в то время принадлежал Польше. Служил в армии Петлюры, в 1919 г. попал в плен к красным и остался в их рядах. В 1920–1921 годах дважды побывал уже в польском плену, откуда в 1921-м совершил неудачную попытку побега. После освобождения в 1922 году попробовал нелегально перейти на Советскую территорию, снова был задержан и арестован. Освободился в 1924-м, через год, на этот раз удачно, перешел вместе с братом границу СССР. Дальше – партийная карьера, исключение за антисоветские высказывания из ВКП(б). В 1937 году братьев Яблонских арестуют, предъявят обвинение в шпионаже, после чего обоих расстреляют в 1938 году [10].

С трудностями столкнулась большевистская этническая политика в городе Николаеве. Согласно статистическим данным, на 1.01.1926 года в Николаеве проживало 1800 поляков, основная масса которых работала на заводах имени А. Марти и стекольном. Коммунистов и кандидатов среди них насчитывалось 100 человек, комсомольцев – 72 [11].

Координировать работу с ними должно было Польское Бюро Николаевского окружного партийного комитета КП(б)У. С 15 мая 1925-го по 1 января 1926 года состоялось 8 заседаний Бюро, на которых было рассмотрено 28 вопросов. Летом 1925 года прошла городская конференция польских рабочих, где присутствовало 56 делегатов [12].

Перед Бюро ставились разнообразные задачи по привлечению польского населения к «строительству социализма». Типичным примером является План работы на январь–март 1926 года. Среди основных мероприятий в нем значатся:

1. Произвести учет владеющих и не владеющих польским языком коммунистов и комсомольцев.

2. Взять на учет беспартийных поляков.

3. Организовать из учеников польской школы Николаева пионерский отряд [13].

Впрочем, работа с польской молодежью шла пассивно. В пионеры удалось завлечь лишь 3 ребят. Отвечающий за комсомольскую агитацию Котович к своим обязанностям относился халатно, вследствие чего на общее комсомольское собрание в декабре 1925 года пришло лишь 2 человека [14].

Значительно лучше обстояла ситуация с формированием системы учебных заведений и библиотек. В Николаевской польской школе функционировало 5 групп, в которых обучалось 85 учеников. Работало 5 преподавателей, ежемесячно выходила стенгазета. В ноябре 1925 года новая польская школа открылась в поселке Щербани Вознесенского района. В 1926 году действовала вечерняя школа, 17 учащихся которой изучали польский язык и историю революционных движений Польши.

При польском рабочем клубе города Николаева была создана библиотека, насчитывавшая более 2000 томов польских книг. Количество читателей – 130 человек [15].

Вместе с тем в докладе т. Олдаковского на заседании Польского бюро Николаевского окружного партийного комитета ВКП(б) от 5.10.1925 года о состоянии дел по организации Польского Долбишевского района констатировалось усиление деятельности католического духовенства. Подчеркивалась необходимость ускорения набора и направления рабочих в село, поощряя их материально и продвижением по партийной линии. Также речь шла об организации по одной школе в каждом сельском совете и предоставлении району советской литературы на польском языке [16].

Однако в своей работе Польское бюро, по утверждению ее руководителя Ржепинского, имело большие трудности: отсутствие работников для ведения агитационно-пропагандистской работы на польском языке, сокращение на две трети смет на клубную работу. Массовой школьной и секционной работой было охвачено лишь 500 человек, других поляков привлечь к общественной работе не удалось.

Учитывая тот факт, что в 1926 году в составе размещенного в Николаеве 44-го полка Сивашской дивизии проходило службу 57 поляков-красноармейцев, при содействии Бюро был открыт польский кружок, в который записалось 28 военнослужащих; проведено для них 2 спектакля.

Вместе с тем среди поляков-красноармейцев не существовало единодушия в поддержке Советской власти. Командир 89-й зенитной батареи Веселовский Марцелий Францевич неоднократно подвергал критике большевиков, восхвалял Й. Пилсудского. В 1930 году его арестуют за шпионскую деятельность в пользу Польши [17].

Фигура Й. Пилсудского, несмотря на официальную пропаганду, которая изображала его правительство фашистским и реакционным, была чрезвычайно популярной среди поляков. Архивные дела донесли к нам огромное количество высказываний в поддержку Маршала Польши, основателя польской армии и лидера государства.

Одной из форм агитационной работы Польского Бюро было проведение конференций польских рабочих и лекций. На конференции 27 июня 1925 года о международном и внутреннем положении Польши докладывал Сидорович. После чего ему были заданы следующие вопросы: «Кто является Президентом Польши? Сколько часов работают рабочие на польских заводах? Можно ли выехать в Польшу и каким образом принять польское подданство?».

Среди тематики выступлений 1926 года следует выделить доклады, посвященные 40-й годовщине учреждения польской партии «Пролетариат». Именно их количество было наибольшим. Ораторы провозглашали: «Честь и почет организатору партии «Пролетариат», борцу за мировую революцию товарищу Феликсу Кону» [18].

На заводе имени А. Марти был создан польский рабочий клуб имени тов. Ю. Мархлевского. Впрочем, большой популярностью он не пользовался. Несмотря на количество в 130 членов на общее собрание собиралось лишь по 20–30 человек. В клубе отсутствовала надлежащая мебель. На протяжении декабря 1926 года из-за отсутствия кворума не удавалось провести партийное собрание, на которое приходило лишь 4 человека.

Провозглашая СССР страной «победившего атеизма», советская власть жестко проводила антирелигиозные мероприятия. Не учитывалось, что религиозность является национальной чертой польского населения. Попытка создать антирелигиозные кружки при Польском клубе в Николаеве провалилась. С октября 1925-го по 1 июля 1926 года были прочитаны на польском языке два доклада о происхождении религии и три лекции о возникновении жизни на земле, профессором Сапожниковым, которые посетило всего несколько десятков поляков [19].

Обратную реакцию вызвала воинственная атеистическая пропаганда в сельской местности.

Учительница польской школы села Щербани Секлюцкая Антонина устроилась на работу в 1924 году. Школа несколько раз проходила проверку окружной и районной инспекций народного образования, отмечавших высокое качество работы учителя. Впоследствии выяснится, что, пользуясь отдаленным положением села, Секлюцкая устраивала в нем католические богослужения, крестила новорожденных, подменяя собой ксендза. Свою религиозную агитацию Секлюцкая проводила также в отдаленных от школы районах. В октябре вместо Секлюцкой в село была направлена учительница-комсомолка Голодова. Характерно, что на общем собрании крестьян Секлюцкая заявила, что ее снимают не за преподавательскую деятельность, а за религиозные взгляды, подчеркнув, что пора уже власти научиться уважать не только своих, «красных», а и других граждан [20].

Вокруг защиты костела от его закрытия сплотилась польская община районного центра Кривое Озеро. Ее секретарь Горбач вместе с 23 односельчанами провели в июне 1924 года сбор средств на содержание молитвенного учреждения. Особой популярностью среди прихожан пользовался ксендз Лаврецкий, который во время служб призывал к объединению поляков и католиков-украинцев вокруг костела [21].

Таким образом, этнополитические и социально-экономические преобразования, проведенные советской властью, значительно повлияли на жизнь польской общины. Вместе с положительными явлениями, которые помогали сохранять культурные традиции населения, в начале и в середине 1920-х годов властью проводились политика уничтожения католической церкви, кол-

лективизация сельских хозяйств, приведшая к разрушению эффективных единоличных хозяйств. Пропагандистский характер и репрессивный способ проведения национально-культурной политики советской власти логически привели к ее ликвидации в середине 1930-х годов, и, как следствие, – к политическому террору, который искалечил жизнь преобладающей части польского населения края.

Примечания

¹ Чирко Б.В. Немецкая национальная группа в Украине в 30-х гг. XX ст. // Вопросы германской истории. – Днепропетровск, 2007. – С. 204.

² Государственный Архив Николаевской области (далее – ГАНО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 298. – С. 62–63.

³ Чирко Б.В. Немецкая национальная группа в Украине в 30-х гг. XX ст. С. 205.

⁴ Шитюк Н.Н. Политика советской власти относительно поляков южных районов Украины (20–30-е гг.) // Украина и Польша в XX столетии: проблемы и перспективы взаимоотношений. – Киев; Краков, 2002. – С. 81.

⁵ ГАНО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 298. – С. 37.

⁶ Там же. – Ф. 5839. – Оп. 2. – Д. 5985. – С. 27.

⁷ Там же. – Д. 5897. – С. 73.

⁸ Там же. – Д. 4754. – С. 41.

⁹ Там же. – Д. 5678. – С. 5.

¹⁰ Там же. – Д. 5574. – С. 87–93.

¹¹ Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 298. – С. 32.

¹² Там же. – Д. 118. – С. 84–85.

¹³ Там же. – Д. 298. – С. 52–53.

¹⁴ Там же. – С. 56.

¹⁵ Там же. – С. 73.

¹⁶ Там же. – Д. 118. – С. 78.

¹⁷ Там же. – Ф. 5839. – Оп. 2. – Д. 1014. – С. 63–66.

¹⁸ Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 298. – С. 95–98.

¹⁹ Там же. – С. 32.

²⁰ Там же. – С. 85–86.

²¹ Там же. – Ф. 5839. – Оп. 2. – Д. 5932. – С. 54–55.

КАРАТЕЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРОТИВ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УССР В ПЕРИОД ТОТАЛИТАРИЗМА (20–30-е ГОДЫ XX СТОЛЕТИЯ)

На современном этапе постройки украинского государства мы с особой бдительностью всматриваемся в страницы советской истории, пытаемся переосмыслить пережитые в прошлом события, ликвидировать белые пятна истории. К этим пятнам относятся проблемы репрессий против жителей немецкой национальности, которые компактно проживали в южной Украине.

В перечне репрессированных представители немецкой национальности занимают третье место, пропустив вперед лишь украинцев и русских. Только в 2004 г. из большинства документов, переданных государственным архивам, установлены следующие данные: в Николаевской области репрессировано 1212 граждан, из них расстреляно – 585; в Херсонской – арестовано 965, Одесской – 4624 человека¹.

Эти цифры не дают полной картины репрессий, так как значительная часть архивно-следственных дел отправлялась вместе с осужденными в ИТТ, места ссылки, а возвращались оттуда не все дела.

Отношения немецкого населения с советским режимом складывались непросто. Их интересы, как и представителей других национальностей, игнорировались в процессе административно-территориальных реформ в Украине 1921–1923 гг. Создание новых районов вместо существующих волостей и уездов не всегда осуществлялось с учетом национального состава населения. В результате укрупнений жители немецкой национальности были разорваны по разным административно-территориальным единицам, что приводило к упадку традиционных форм хозяйственной деятельности, разрушало национально-культурный уклад жизни немцев.

Проводя в жизнь сталинский курс подавления сопротивления национальных меньшинств политике национального нигилизма большевиков, партийное руководство страны в начале

1930-х гг. усилило давление на население немецких районов. Это проявлялось в устранении неугодных кадров местных органов власти, усилении террора против зажиточных крестьян, проведении широкомасштабных пропагандистских кампаний.

Первые репрессивные мероприятия против людей немецкой национальности были осуществлены в период массовой коллективизации. В результате применения насильственных методов жизненный уклад в немецких колониях, который складывался в течение многих веков, фактически разрушили. Хозяйства приходили в упадок, угасала культурная жизнь. Разрушались этнические, моральные нормы человеческого сожителства, которые были традиционно крепкими в немецкой общине.

В Радштадской волости Вознесенского уезда колонистов вынуждали продавать скот и на вырученные деньги покупать хлеб для выполнения продразверстки, выкачивали все зерно и муку. В колониях Вознесенского уезда повторно провели разверстку – таким образом, население подверглось двойному раскулачиванию. Эти мероприятия нанесли неисправимый вред крестьянам и народному хозяйству².

Заведующий немецкой секцией Одесского губкома Мюллер в письме к центральному бюро немецкой секции при ЦК КП(б)У писал о завышенных нормах сельскохозяйственного налога для немецких колоний, где указывал, что немецкие колонии облагаются налогами больше, чем не немецкие сельсоветы³.

В феврале 1930 г. на заседании секретариата ЦК КП(б)У рассматривался вопрос об эмигрантском движении среди колонистов. В декабре 1930 г. Государственное политическое управление (ГПУ) сообщало ЦК КП(б)У о намерении выехать до 90% немецкого населения. При этом некоторые колонии уже на 50% распродали хозяйство⁴. ЦК обратил внимание Одесского, Николаевского, Херсонского и некоторых других окружных партийных комитетов на необходимость проведения массово-политической работы среди бедняцко-середняцкого населения колоний для ликвидации попыток антисоветского элемента вести работу по подготовке и организации эмиграции, обеспечив проведение в жизнь мероприятий, намеченных ЦК в письме относи-

тельно ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации⁵.

Раскулаченные немецкие семьи, без исключения, высылались в северные и северо-восточные районы страны. Одно из многочисленных архивных дел рассказывает о судьбе жителя села Зельци Р. Я. Айсбергера, хозяйство которого раскулачили в 1930 г., а сам он, как кулак, был выслан на север. Вернувшись из ссылки, якобы вел контрреволюционные разговоры о том, что колхозы – гибель для крестьян и вскоре наступит время голода. Несмотря на то, что обвиняемый Айсбергер вины не признал, его следственное дело направили на рассмотрение областной тройки для принятия решения по 1-й категории⁶.

На заседании оргбюро ЦК КП(б)У 27 марта 1929 г. принято постановление «О выселении немцев из Николаевского округа». С предложением комиссии о необходимости выселения прежних помещиков – немцев – из Николаевского и других округов ЦК согласился⁷.

Трагическими для немцев Юга Украины стали 1932–1933 гг. Немецкое население почти полностью проживало в селах, поэтому пострадало от голода не менее украинцев.

Сталинское правительство приняло решение препятствовать любой помощи голодающим со стороны международной и советской общественности. О голоде знали все, информация проникала и за границу. Граждане Германии собирали средства, создавали общества и комиссии по предоставлению помощи голодающим. В период с апреля 1933-го по апрель 1934 г., по данным ГПУ, размер помощи украинским немцам составил по Одесской области, в которую входили Херсонский и Николаевский округа, 13 231 руб. золотом⁸. Партийный и советский аппарат на местах путем репрессий вынуждал немцев Украины отказываться от «гитлеровской помощи».

В письме начальника политотдела Анкаршанской МТС Спартаковского района Одесской области М. Полянского секретарю ЦК КП(б)У С. Косиору «О гитлеровской помощи населению района и организации по прекращению этой акции», от 27.04.1934 г. указывалось, что речь идет о нахальной фашистской вербовке сил в национальном районе. «Фашистское общество» помощи голодающим немцам в СССР начало посылать колхоз-

никам индивидуальные денежные переводы на Торгсин. В документе говорилось, что в последнее время фашисты совсем обнаглели. Наряду с денежными переводами начали направлять своим клиентам уже непосредственно валюту, вкладывая по 20–40 немецких марок в обычные почтовые открытки. Имеют место факты, когда колхозники получают не деньги, а семена овощных культур. Фашисты хорошо осведомлены. Месяц назад умер колхозник, и его жена получает посылку на покрытие расходов в связи с похоронами. Таким образом, Полянский предлагал немедленно прекратить «комедийную игру» помощи голодающим, отказаться от нее любыми путями⁹.

Органы ГПУ принимали репрессивные меры по выявлению инициаторов массовых выездов немцев, партийные и советские органы на местах проводили массовую разъяснительную работу. Ухудшение отношений СССР с Германией и Польшей привели к усилению сталинской пропагандистской кампании, обусловленной предубежденностью советских властных структур относительно немецкого населения. Заявления о немецких националистах стали сигналом к усилению кампании шовинизма, в первых эшелонах которой шло советско-партийное руководство республики.

В 1933 г. на территории Карлликнехтского района чекисты искусственно создали враждебную организацию, состоявшую из 22 немцев, которые «вели» контрреволюционную повстанческую работу с целью осуществления восстания против советской власти. Членов организации приговорили к высылке в концлагеря на срок от 3 до 10 лет¹⁰.

В начале 1934 г. Одесское областное управление ГПУ заявило о ликвидации в Одесском педагогическом институте «Немецко-фашистской контрреволюционной организации», которая ставила следующие цели: насаждение повстанческих групп, отрыв немецкого населения от советизации, проведение диверсионной деятельности и подготовка вооруженного восстания против советской власти. Руководителями организации были названы профессора: Р. К. Минвиц, А. Н. Штерн, заведующий отделением Центральной научной библиотеки Г. Д. Штейнвандт. По делу проходили научный сотрудник Ф. Ф. Мазурмазов, а также преподаватели одесских вузов: Ф. Адлер, В. М. Фриз, А. И. Райх,

Е. Г. Бейтельнахер, С. И. Угнемах, О. Я. Цвиккер, Г. И. Бахмат, Е. Л. Тромнешер и рабочий завода «Красный сигнал» А. Е. Фихтнер. Приговор вынесен 26 февраля 1934 г. тройкой ОГПУ относительно мягкий: 3–5 лет исправительно-трудовых лагерей. Но террор на этом не завершился. Многие из осужденных получили дополнительные сроки наказания и умерли в ссылке. Аресты по данному делу происходили в 1937–1938 гг., общее число привлеченных к ответственности достигло 100 человек, 19 из них расстреляли. Инициативу создания организации следствие приписало немецкому подданному Георгу Лейбрадту, доктору философии Лейпцигского университета.

Следствие считало, что руководители организации Штерн и Минвиц через завербованных студентов собирали данные политического и экономического характера, которые передавались в немецкое консульство¹¹.

В 1936 г. на территории Карлибкнехтского района была разоблачена существовавшая с 1925 г. организация «Национальный союз немцев Украины». По мнению следователей НКВД, группа создана иностранной разведкой. Руководство осуществлялось ответственными работниками центрального бюро апелляционной секции при ЦК КП(б)У: Гербардтом, Мюллером, Гафтелем. Политической целью, по утверждению чекистов, организация ставила отторжение Украины от СССР путем привлечения вооруженной интервенции. Также в контрреволюционную организацию входили: Иванович – начальник Карлибкнехтского райисполкома, Гольцугофер – директор Ландауской МТС, Дюрмаер – заведующий райотделом образования Спартаковского района, Вальгурт – инструктор райотдела Карлибкнехтского района, Тальнер – директор средней школы Спартаковского района¹².

В Николаеве и Карлибкнехтском районе сотрудники ГПУ обнаружили «диверсионные группы» на заводах им. Марти и 61 Коммунара, среди артиллерийского состава 15-й стрелковой дивизии, других составов Черноморского флота. По делу осуждено 30 человек, включая технических руководителей рудэкспорта инженеров Фрейлина и Келлера¹³. В апреле 1934 г. на заседании оргбюро ЦК КП(б)У рассмотрен вопрос о кадрах школ нацменьшинств. В частности, указывалось, что областные партийные комитеты не сделали всех необходимых выводов из решений в во-

просах о кадрах в немецких национальных школах, не поняли того, какое место в планах контрреволюционной работы врага занимает ставка на воспитание в немецких школах молодого поколения в антисоветском духе. Принято решение провести по областям проверку всех немецких школ, пересмотреть кадры учителей, состояние преподавания в школах обществоведения, истории и географии.

Массовые «проверки», начавшиеся в учебных заведениях, приобрели форму репрессий относительно профессорско-преподавательского и студенческого состава. В мае 1936 г. проведено «обследование» Одесского немецкого техникума механизации сельского хозяйства. В докладной записке, подготовленной отделом школ ЦК КП(б)У, отмечалось, что местные партийные и комсомольские организации не уделяли «внимания» учебному заведению и не проводили среди преподавателей и студентов политико-воспитательной работы. Органы НКВД «обнаружили» в техникуме контрреволюционную фашистскую организацию, в состав которой входило 10 преподавателей и студентов, в том числе и комсомольцев. Вовлеченные в эту группу люди обвинялись в проведении среди студентов «националистической работы», побуждении их к активной деятельности в этой контрреволюционной организации¹⁴.

Пик террора и массовых репрессий против представителей немецкой национальности, проживавших в южных областях Украины, пришелся на вторую половину 1937 г. В это время массовые карательные акции испытало население Одесской области, на территории которой проживало 120 000 немцев. Из них 80 тысяч — в трех национальных районах: Спартакском, Зельцком и Карлибкнехтском. Одесский обком КП(б)У утверждал, что население районов охвачено «контрреволюционной фашистской деятельностью». В связи с этим на адрес ЦК КП(б)У была послана «Докладная записка о политическом состоянии немецких районов Одесской области», подготовленная работниками НКВД. В ней утверждалось: засоренность кулацкими элементами, влияние реакционного духовенства и другие обстоятельства являются причиной того, что значительная часть немецкого населения оказывает упрямое сопротивление социалистическому строительству в немецком селе¹⁵.

Начиная с 1933 г. в этих районах организовано, разоблачено и ликвидировано 124 шпионские, диверсионные организации. За три летних месяца 1937 г., утверждалось в записке, в областях разоблачено 49 фашистских и повстанческих организаций, арестовано свыше 800 человек¹⁶. Нарастание интенсивности разоблачений по Одесской области состоялось после февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 г., решения которого привели к усилению вакханалии репрессий.

Режим требовал все новых и новых жертв. Политическая установка XIII съезда ЦК КП(б)У «О вредительстве наций» привела к многочисленным арестам в национальных районах. В справке «О политическом состоянии немецких районов Одесской области» говорилось о том, насколько широко охвачено антисоветским движением население национальных районов. Также о массовом терроре свидетельствуют дела нелегальной организации немецкой фашистской партии в Спартаковском районе, где немцами намечалось втянуть 60–70% взрослого населения в обеспечение подрывной деятельности в каждом пункте района.

Чекисты ставили перед ЦК КП(б)У вопрос об одобрении мероприятий со стороны НКВД:

1. Немедленно развернуть партийно-массовую работу в немецких районах, усилить конкретное руководство по линии советской работы с тем, чтобы все эти мероприятия обеспечили в первую очередь оперативный удар.

2. Направить в немецкие районы Одесской области на руководящую работу партийных и советских работников, обязательно из числа выходцев из немецких районов Украины.

3. Выселить контрреволюционные элементы из немецких районов области – до 5000 семей¹⁷.

Репрессии не обошли стороной и церковь. Воинственные атеисты прибегнули к шельмованию служителей культа. Примером служит справка о немцах-ксендзах. В 1935 г. в адрес С. Косиора и П. Постышева наркомат внутренних дел послал письма, где отмечалось: «...в ближайшие дни в Карлибкнехтском районе Одесской области будет заслушано в показательном порядке дело группы немцев-ксендзов, которые проводили в немецких районах и колониях активную фашистскую работу».

В документе отмечалось: имея непосредственные связи с заграничными фашистскими центрами и получая от них под видом «материальной помощи» денежные субсидии на контрреволюционную работу, группа под руководством Крушинского вела работу по организации массовых обращений немецкого населения в фашистские центры с просьбой о «помощи». Организация пропагандировала среди немецкого населения идеи фашизма, вербовала агентуру в немецких колониях. Учитывая то, что Крушинскому было 67 лет, а настоятелю немецкой католической церкви с. Зельци – Лорану – 63 года, карательные органы осудили их к 10 годам концлагерей, но, принимая во внимание их преклонный возраст, приговор заменили ссылкой в Казахстан на тот же срок. Обвиняемых Тауберга, Комира и Гофмана – настоятелей католических церквей в Карлликнехтском районе – осудили к 10 годам концлагерей, каждого¹⁸.

Типичным является уголовное дело, которое рассказывает об одной из жертв репрессивного конвейера – председателе колхоза им. Клары Цеткин А. Ленгердте, проживавшем во Фрицгеккертском районе. Несмотря на то, что на допросах были отброшены все обвинения в контрреволюционной деятельности и контрабанде, органами НКВД Ленгердт приговорен к расстрелу¹⁹.

С 1 по 17 декабря 1937 г. в с. Грослибенталь Спартаковского района РО НКВД арестовано 39 человек. Все дела объединили в одно по обвинению в контрреволюционной деятельности и участии в «Подпольной фашистской немецкой организации», которая будто готовила восстание в тылу советской армии. Все арестованные расстреляны на основании статей 54-10, 54-11 КК СССР с 25 октября 1937-го по 23 февраля 1938 г. решением Наркома внутренних дел СССР и Прокурора СССР²⁰.

На территории Спартаковского, Цебрикивского и Григоровского районов была арестована группа из 17 немцев, обвиняемая в контрреволюционной фашистской деятельности.²¹ Члены организации: Я. Епер, Г. Ейнерт, А. Гик, Г. Трейснер и другие осуждены к расстрелу.

Другую контрреволюционную организацию, состоящую из 15 человек, обнаружили в Карлликнехтском районе. Позже следователи расширили круг арестованных до 100 человек. Руково-

дство организации: М. Лелек, Т. Штатва и Т. Вольд, обвинялось в намерении организовать восстание в тылу СССР, проведении диверсионных актов на промышленных предприятиях, сборе шпионско-разведовательных данных в интересах Германии. Конечной целью организация ставила установление буржуазных порядков в Украине с присоединением последней к фашистской Германии²².

По сфабрикованному делу НКВД арестованы жители Зельцского района: 13-летний Виктор Иванов, 16-летний Август Крендель, 18-летний Антон Вальдт, 20-летний Крафт Побережный, 25-летний Николай Крендель. Поводом к их аресту стало ранение сына начальника Зельцкого отдела НКВД мальчиком Бадеей. Отец семилетнего мальчика определил несчастный случай как террористический акт, направленный против его семьи со стороны антисоветских элементов. К арестованным применяли методы физического влияния, в результате чего они сознались, что являются членами контрреволюционной фашистской террористической организации и осуждены к расстрелу²³.

Громкое уголовное дело рассказывает об аресте и осуждении жителей немецкой колонии Ефингардт Еланецкого района Николаевской области²⁴. Следователями Еланецкого НКВД сфабриковано уголовное дело так называемого «Национального фашистского центра». Также чекистами арестованы жители колонии: О. Ф. Шретлинг, Ф. И. Гибнер, Г. А. Кноль, И. М. Франт, Я. И. Куст, И. Л. Фридт, И. Я. Гергардт и другие. Их обвинили в создании фашистской организации, подготовке вооруженного выступления и борьбе за свержение советской власти, ведении антисоветской пропаганды. Через несколько дней решением тройки УНКВД Одесской области они расстреляны.

Волна проверок и обвинений в антисоветской, классово-враждебной деятельности направлялась на Одесский немецкий педагогический институт, его преподавателей и студентов. В материалах проверки отмечалось: пединститут сильно засорен классово-враждебными элементами. Из 254 студентов у 89-ти родственников арестованы как враги народа. Среди педагогов вуза органами НКВД арестовано 4 «фашиста»²⁵.

1 ноября 1937 г. бюро Одесского обкома КП(б)У приняло постановление «О состоянии работы немецкого пединститута». В нем подчеркивалось, что парторганизация института не возглавила борьбу, которая развернулась в институте по очистке от классово-враждебных элементов, не ведет борьбы по ликвидации последствий вредительства.²⁶ Бюро Одесского обкома КП(б)У обратилось с просьбой к ЦК: «...в связи с недостатком квалифицированных кадров, засоренностью института классово-враждебными элементами и пограничным положением города Одесса рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания института в Одессе...» Также обязал Одесский обком КП(б)У укрепить его руководящими кадрами, уделить особенное внимание вопросам увеличения большевистской бдительности в борьбе с врагами, окончательной ликвидации последствий вредительства²⁷.

Под жестким контролем партийного аппарата находились немецкие печатные издания. Публичному клеймению с целью запугивания был подвергнут коллектив газеты *Kollektivwirtschafte*. Издание обвинялось в фальсификации действительности, публикации «доносов» о продовольственных трудностях и других материалов, из которых можно сделать вывод о безвыходном положении немцев в районе»²⁸.

Как сообщалось в справке о политическом состоянии в немецких национальных районах Одесской области в 1937 г., в отдельных местах репрессии усилили враждебность немецкого населения. Достаточно сослаться на факт, когда в Зельцском районе 3 колхозника открыто называли своих собак именами вождей партии, зафиксировано 10 случаев отказа призывников от службы в армии. В Карлибкнехтском районе, в двух селах, при обсуждении нового избирательного закона имели место провокационные выступления активных церковников, направленные на дискредитацию сталинской конституции²⁹.

Применение репрессивных мероприятий к крестьянам, поиски «врагов» и «шкодников» тормозили национальное возрождение немцев Украины и привели к постепенному уничтожению всех немецких национально-культурных заведений, административно-территориальных единиц, ликвидации курса национальной политики. На их основе лишь в упомянутый период репрессировано свыше 10 тысяч немцев.

Примечания

-
- ¹ Шитюк М.М. Масові репресії проти населення Півдня України в 20–50-ті роки ХХ століття // М.М. Шитюк. – К.: Тетра, 2000. – С. 392.
- ² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины. – Ф. 5. – Оп. 5. – Д. 2223. – Л. 15–16.
- ³ Там же. – Ф. 413. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 135.
- ⁴ Там же. – Д. 2. – Л. 24.
- ⁵ Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАОО Украины). – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 139. – Л. 73.
- ⁶ Архив Службы безопасности Украины в Одесской области. – ФПС – 17528 – Л. 28.
- ⁷ ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 7. – Д. 132. – Л. 117.
- ⁸ Панчук П. Під пресом тоталітарного режиму / Панчук П. Польовий Я. // Політика і час. – 1992. – № 9/10. – С. 64.
- ⁹ ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1398. – Л. 1–4.
- ¹⁰ Архив Службы безопасности Украины в Николаевской области. – Д. 11005 – Л. 24.
- ¹¹ Архив Службы безопасности Украины в Одесской области. – Д. 15879 – Л. 34.
- ¹² Там же. – Д. 3277.
- ¹³ Российские немцы. Историография и источниковедение – М.: Готика, 1997. – С. 350.
- ¹⁴ ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 286. – Л. 108.
- ¹⁵ Там же. – Л. 14.
- ¹⁶ Там же. – Л. 14–15.
- ¹⁷ Там же. – Л. 19.
- ¹⁸ Там же. – Д. 2737. – Л. 41.
- ¹⁹ Архив Службы безопасности Украины в Херсонской области. – Д. 74084. – Л. 16.
- ²⁰ Архив Службы безопасности Украины в Одесской области. – Д. 10102. – Л. 143.
- ²¹ Архив Службы безопасности Украины в Николаевской области. – Д. 3773. – Л. 31.
- ²² Там же. – Д. 2813. – Л. 32.
- ²³ Архив Службы безопасности Украины в Одесской области. – Д. 8495. – Л. 49.
- ²⁴ Государственный архив Николаевской области. – Ф. 5859 – Оп. 2. – Д. 5780. – Л. 43.
- ²⁵ Архив Службы безопасности Украины в Одесской области. – Д. 27931. – Л. 17.
- ²⁶ ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 459. – Л. 142.
- ²⁷ Там же. – Д. 442. – Л. 9.
- ²⁸ Панчук П. Під пресом тоталітарного режиму / Панчук П. Польовий Я. // Політика і час. – 1992. – № 9/10. – С. 33.
- ²⁹ ЦГАОО Украины. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 1610. – Л. 13–15.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (НА ПРИМЕРЕ КОРЕЙЦЕВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА)

В 1923–1924 гг. новая система власти только формировалась, и свои мероприятия большей частью осуществляла с помощью вооруженной силы. Разоренное Первой мировой и Гражданской войнами хозяйство страны не обеспечивало потребности государства. Главным источником поступления налогов в казну в этих условиях стало крестьянство.

В 1923 г. по инициативе Дальревкома и региональных финорганов был повышен разряд обложения налогом почти всех губерний Дальнего Востока: для Амурской и Забайкальской – с четвертого на пятый, для Приморской – с третьего на четвертый. Кроме того, в Амурской губернии налоги стали собирать исходя из суммы в 1,68 млн. руб., что соответствовало высокому, восьмого разряда, обложению, хотя налог для этой губернии был установлен в сумме 1,27 млн. рублей¹.

Связано это было с тем, что Дальневосточный край вошел в состав Советского государства в конце 1922 г., а налог стали собирать только с 1923 г. В условиях восстановительного периода, как считает С. А. Головин, местные партийные власти попытались собрать продовольственный налог частью за 1922 г. и пошли на увеличение цифр налоговоставок. Дальревком требовал выполнения планов по сбору сельхозналога любой ценой и в кратчайшие сроки. Налоговая кампания сопровождалась массовыми злоупотреблениями местных властей.

Введение на территории советского Дальнего Востока единого сельскохозяйственного налога было встречено крестьянством и казачеством крайне враждебно. Большую часть территории Дальнего Востока еще с царских времен занимали Амурское и Уссурийское казачества. Амурское казачье войско насчитывало около 50 тыс. человек, ему принадлежало около 970 тыс. десятин земли². Уссурийское казачье войско насчитывало к 1916 г. около 40 тыс. человек³. В 1930-е гг. государство решило казачий вопрос

в рамках сталинских методов коллективизации, раскулачивания, политических репрессий.

Только по Амурскому округу было утверждено к раскулачиванию и выселению по первой категории 216 дворов (1082 чел.), по второй – 339 (1997 чел.), по третьей – 560 (2815 чел.) – около 2,4% всех семей⁴.

Репрессии, сопутствовавшие коллективизации и раскулачиванию населения, коснулись и корейцев. Среди старожилов-корейцев была существенная прослойка зажиточных крестьян. Выявить количество раскулаченных корейских хозяйств не представляется возможным, т.к. местные советские органы, учитывая в целом количество раскулаченных хозяйств, не фиксировали статистику раскулаченных хозяйств в условиях нового административного деления.

Эти меры вынудили многих корейцев покинуть насиженные места. Например, из Шкотовского района ушло 600 семей, работавших на рисовых плантациях⁵. Многие корейцы бежали за границу. За период с 1 января по 1 мая 1930 г., по сведениям ОГПУ, таковых было 1285 человек⁶.

Начало массового бегства в октябре – декабре 1929 г. характеризовалось преобладанием представителей зажиточных хозяйств, подвергнутых взысканиям за не сдачу хлебных излишков. Но уже в следующем году за границу уходили главным образом безземельные бедняки (поодиночке и семьями), испытывавшие пресс «перегибов» коллективизации. Об этом свидетельствуют следующие цифры: в январе – апреле 1930 г. бежало кулаков – 260, середняков – 344, бедняков – 641, батраков – 4, остальные – не установлены⁷.

Среди беглецов встречались и такие, кого власти считали своей политической опорой, – это комсомольцы и члены сельсоветов. Больше всего корейцев ушло из Сучанского, Посьетского и Шкотовского районов Владивостокского округа. Часть из них задерживалась на границе советской погранохраной. Отмечались также единичные случаи возвращения корейцев из-за границы в связи с тем, что там их положение оказалось еще хуже, чем в России.

В начале 1930-х гг. репрессии по отношению к корейскому населению продолжались в связи с осложнением международной

обстановки на Дальнем Востоке. После захвата Японией Маньчжурии на советской территории с 1932 по 1936 гг. было арестовано 1090 корейцев. Причем, по данным О. Б. Мохозина⁸, только в 1932 г. было арестовано 1275 корейцев.

По данным архивных материалов по Дальневосточному краю, в период с 1920 по 1938 гг. политическим репрессиям подверглись 1922 корейца, из них в Приморской области было арестовано 759 человек⁹, Уссурийской – 477¹⁰, Хабаровской – 268¹¹, Еврейской АО – 63¹², Амурской – 77¹³, Сахалинской – 278¹⁴ (по другим данным – 964 чел.¹⁵)

В Приморской области ДВК по социальному составу из 653 репрессированных корейцев было арестовано рабочих 136 человек (промышленные и транспортные – 99; сезонные, сельскохозяйственные и прочие – 37), колхозников – 105, крестьян – 74, единоличников – 10, интеллигенции – 38, учащихся высшей и средней школы – 15, военнослужащих – 23. Определенную прослойку репрессированных составляли деклассированный элемент «без определенных занятий» и перебежчики из-за границы – 96 человек.

Из них уроженцами России оказались 194 человека, Кореи – 418, Китая – 37, Японии – 1, нет сведений – 3. По возрастному составу арестовано: до 18 лет – 4 человека, с 18 до 25 лет – 93, с 26 до 35 лет – 220, с 36 до 60 лет – 311, свыше 60 лет – 22, нет сведений – 3. По партийной принадлежности: бывших членов и кандидатов ВКП(б) – 18, бывших членов и кандидатов ВЛКСМ – 6, членов Китайской компартии – 3 человека.

По решению судебных органов были приговорены к расстрелу – 242 человека, ИТЛ до 25 лет – 1, ИТЛ до 20 лет – 8, ИТЛ до 10 лет – 83, ИТЛ до 4 лет – 77, ИТЛ до 3 лет – 92, ссылке и высылке – 21, умерли во время следствия – 2, нет сведений о решении судебных органов – 6, освобождены из-под стражи из-за отсутствия состава преступления – 121. С 1928 г. репрессии в отношении корейцев постепенно усиливались, максимальное количество арестованных в Приморской области Дальневосточного края достигает в 1937 г. – 269 человек.

Хронология арестов по Приморской области выглядит следующим образом: в 1924 г. арестован 1 человек, в 1925 – 1, 1926 – 1, 1928 – 1, 1929 – 5, 1930 – 31, 1931 – 78, 1932 – 68, 1933 – 55, 1934 –

35, 1935 – 44, 1936 – 42, 1937 – 269, 1938 – 17, 1939 – 5 человек. Данные показывают, что в Приморье корейцы подвергались репрессивным воздействиям с 1924 г. Усиление репрессий наблюдается в 1931–1932 гг. и в 1937 году.

Самая трудоспособная часть корейского населения в возрасте от 36 до 60 лет была подвергнута репрессиям – 311 человек, население в возрасте от 25 до 35 лет – 220, с 18 до 25 лет – 93, свыше 60 лет – 22, до 18 лет – 4, нет сведений – 3 человека. Из 653 корейцев было репрессировано 25 женщин.

В ходе исследования выявлен список репрессированных из 63 человек по Амурской области Дальневосточного края. В области проживало в 1935–1936 гг. 4200 корейцев.

Социальный состав арестованных корейцев выглядит следующим образом: рабочие – 13 человек, колхозники – 13, крестьяне – 18, ИТР – 3, прочие служащие – 3, председатели колхозов – 3, служащие районных и сельских учреждений и предприятий – 1, прочие трудящиеся – 14, деклассированный элемент – 1, нет сведений – 7.

Среди них 54 человека были выходцами из Кореи, 17 человек родились в России, 6 – в Китае. По возрастному составу до 18 лет был арестован 1 человек, с 18 до 25 лет – 20, с 25 до 36 лет – 16, с 36 до 60 лет – 42, свыше 60 лет – 4, нет сведений – 3.

По решению судебных органов осуждены к расстрелу 49 человек, ИТЛ до 10 лет – 4, ИТЛ до 5 лет – 8, ИТЛ до 3 лет – 12, освобождены из-за отсутствия состава преступления – 4.

Хронология арестов выглядит следующим образом: в 1932 г. арестовано 9 чел., затем по нарастающей: в 1937 г. – 24, 1938 г. – 33 человека. Эти данные позволяют сделать вывод, что в Амурской области после депортации еще оставались корейцы, по всей видимости, те, кому удалось смешаться с местными туземными народами или скрыться в тайге.

Вышеприведенные сведения свидетельствуют о том, что репрессии были направлены на обычных людей: рабочих, колхозников и крестьян.

Первая волна усиления репрессий приходится на конец 1931 г. – начало 1932 г., после оккупации Японией северной Маньчжурии. На Дальнем Востоке ОГПУ активизировало поиск шпионов-диверсантов среди корейского населения. Поиски

«японских шпионов» велись в основном среди местного населения, обычных граждан, например:

Дон Кван-Нер¹⁶, 1888 г. р., уроженец г. Менченгун (Корея), нет гражданства, грамотный, проживал на хуторе Шитухэ Таванненского с/совета Покровского района ДВК. Арестован 21 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 21 февраля 1932 г. приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение (дата и место смерти в деле не указаны). Реабилитирован 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Ким Мария Тимофеевна¹⁷, 1889 г. р., родилась в Корее, нет гражданства, малограмотная, проживала в д. Синельниково Покровского района ДВК. Арестована 27 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 21 февраля 1932 г. приговорена к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение (дата и место в деле не указаны). Реабилитирована 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Ким Су-Сан¹⁸, 1900 г. р., уроженец г. Генхын провинции Дектидон (Корея), документов о гражданстве не имел, грамотный, проживал в г. Никольск-Уссурийск ДВК. Арестован 9 апреля 1931 г. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-6 и 58-9 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 21 февраля 1932 г. осужден к 10 годам заключения в концлагерь, считая срок с 09.04.1931 г. Данных о месте заключения, об освобождении или смерти в местах лишения свободы в деле не имеется. Реабилитирован 24 октября 1955 г. Военным трибуналом Дальневосточного военного округа.

Несмотря на достаточно длительное проживание корейцев на территории Дальнего Востока советская власть относилась к ним с недоверием. Как отмечалось выше, руководство ДВК с большим трудом выдавало гражданство иммигрантам из Кореи. Лица, не получившие советского гражданства, находились под

неусыпным наблюдением карательных органов. Подозрительное отношение к ним позволяло применять по отношению к корейцам ст. 58 УК РСФСР (Преступления государственные). По этой статье их осуждали с 1920-х гг. и на протяжении всего сталинского периода. Названная статья предусматривала расстрел с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – 10 лет лишения свободы.

Вышеназванные арестованные обвинялись по ст. ст. 58-6 и 58-9 УК. В ст. 58-6 УК РСФСР есть такой пункт: «Участие в организации, действующей в целях, означенных в ст. 58-1 настоящего кодекса, путем возбуждения населения к массовым волнениям, неплатежу налогов и невыполнению повинностей или всяким иным путем в явный ущерб диктатуре рабочего класса и пролетарской революции, хотя бы вооруженное восстание или вооруженное вторжение и не являлось ближайшей задачей деятельности этой организации, – те же меры социальной защиты».

А в ст. 58-9 записано: «Организация в контрреволюционных целях разрушения или повреждения взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений или строений, а равно участие в выполнении указанных преступлений – меры социальной защиты, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 58-2».

Архивные документы свидетельствуют о том, что названные граждане являлись участниками организации, действия которой направлены к свержению, подрыву власти рабоче-крестьянских Советов и советского правительства. Расстреливая, отправляя в лагеря малограмотных, не говорящих по-русски корейцев, советская власть таким образом принимала меры социальной защиты советского населения.

В 1933 г. в Приморской области 243 репрессированных корейца, главным образом являются рабочими и землепашцами, т.е. обычными людьми. Характерно, что арестованные содержались в тюрьмах, где зачастую годами ждали своей участи (например, Ким Ги Хо). По всей видимости, власти не знали, к чему придраться, чтобы вынести приговор. 1937 год внес свои коррективы – расстреливали без причин. Приговоренный к 10

годам заключения в концлагере Ю Мен Хи продолжал быть опасным для советского общества, в 1938 г. его расстреляли в лагере. Доказательствами являются следующие архивные справки:

Ким Ги Хо¹⁹, 1889 г. р., уроженец Кореи, гражданин СССР, проживал в г. Владивостоке Уссурийской обл. ДВК, работал грузчиком. Арестован 21 сентября 1933 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии (обвинение по ст. УК РСФСР квалифицировано не было); содержался в тюрьме г. Владивостока. Тройкой при УНКВД по ДВК 19 ноября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 17 декабря 1937 г. в г. Владивостоке. Реабилитирован 28 ноября 1989 г. Военной прокуратурой КТОФ.

Ким Даниил Петрович²⁰, 1904 г. р., уроженец с. Корсаковка Суйфунского района Дальневосточного края, гражданин СССР, проживал в пос. Пластун Приморской обл. ДВК; рабочий на заводе № 6 ДГРТ. Арестован 16 марта 1933 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-10 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 5 сентября 1933 г. осужден к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Данных о месте заключения, об освобождении или смерти в местах лишения свободы в деле не имеется. Реабилитирован 27 декабря 1989 г. Прокуратурой Приморского края.

Ю Мен Хи, он же Югай Андрей Михайлович²¹, 1893 г. р., уроженец г. Сечи Кореи, гражданин СССР, малограмотный, проживал в пос. Находка Сучанского района ДВК; работал грузчиком. Арестован 21 марта 1933 г. по обвинению: «...в период интервенции служил в японской жандармерии...» – ст. 58-13 УК РСФСР. Тройкой при ПП ОГПУ по ДВК 5 августа 1933 г. осужден к 10 годам заключения в концлагерь. Отбывал наказание в Красноярском крае. Тройкой при УНКВД по Красноярскому краю 13 февраля 1938 г. вновь осужден и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведен в исполнение (дата и место не установлены). Реабилитирован 30 ноября 1989 г. Прокуратурой Приморского края.

В ст. 58-10 УК РСФСР указано: «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства, – расстрел. Передача или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или по распоряжению руководителя ведомства, учреждения и предприятия, за вознаграждение или безвозмездно организациям или лицам, указанным в части 1 настоящей статьи, – лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой на срок до трех лет».

Грузчики, рабочие, фотографы, домохозяйки являлись потенциальной угрозой для советской власти и советского общества.

В середине 1930-х гг. в городах СССР вводится паспортная система; в тюрьмы попадают те, кто не имеет паспорта, занимается бродяжничеством. 1 июля 1934 г. в УК 1926 г. добавляется ст. 192-а по «беспаспортным» – срок наказания определен в два года, однако приговаривали в основном на срок от трех до пяти лет.

Среди корейцев арестовывались лица без определенных занятий, без гражданства, перебежчики из-за границы, а также крестьяне и осуждались по ст. 58 УК РСФСР²².

В феврале – марте 1934 г. в Благовещенске и Николаевске-на-Амуре раскрыты «разветвленные шпионские сети японского консульства», возглавляемые, соответственно, секретарем Имаи Дзюро и консулом Сасаки. По этому делу было арестовано 40 человек в Благовещенске и 25 – в Николаевске-на-Амуре (арестованы были люди, обслуживающие японские представительства, и их родственники)²³.

Вредительские и контрреволюционные организации начинают выявляться повсеместно на территории Дальнего Востока. В течение 1935 г. шли поиски членов корейской контрреволю-

ционной организации «Эм-Эль-Дан», а также членов японофильского общества «Минхвэ», которое было разоблачено еще в 1932 г.²⁴. В 1935 г. был арестован 261 кореец. Активность в работе карательных органов на Дальнем Востоке была отнюдь не случайна, но связана с убийством С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. в Ленинграде. В связи с этими событиями 18 января 1935 г. ЦК ВКП(б) разослал всем партийным организациям «Закрытое письмо». В нем сообщалось о троцкистско-зиновьевской организации в Москве и необходимости повысить революционную бдительность, а также о выявлении оппозиции в ДВК.

Весь 1935 г. проходит под знаком разоблачения «троцкистско-зиновьевских бандитов и убийц Кирова». Газета «Тихоокеанская звезда» вела идеологическую обработку населения по следующим направлениям: борьба с троцкизмом как главной опасностью, выявление врагов народа на предприятиях города и в селах, разоблачение троцкистских группировок и заговоров, борьба с саботажем стахановского движения.

Двойственное отношение советской власти к корейскому населению ярко проявилось в средствах массовой информации. С одной стороны, корейцы рассматривались как самые активные строители социализма на Дальнем Востоке. Фактически в каждом номере газет «Красное Знамя» и «Тихоокеанская звезда» помещались статьи и очерки о передовиках производства, сельского хозяйства и стахановцах. В них делается акцент на том, что советская власть предоставила им свободу, землю, которых они не имели на своей родине в Корее. В ноябре 1935 г. в «Тихоокеанской звезде» помещена статья о том, что к 18-й годовщине Октября киностудия «Мосфильм» выпустила новый фильм режиссера А. П. Довженко «Аэроград». Фильм посвящен героическим революционным событиям на Дальнем Востоке, одним из главных героев фильма показан начальник корейского партизанского отряда Цой²⁵.

С другой стороны, в 1934 г. в газете «Правда» и в дальневосточных газетах появляется информация о судебном процессе шпионско-диверсионной организации на железнодорожном транспорте во главе с Ким Заеном²⁶. С 28 января по 4 февраля 1936 г. в «Тихоокеанской звезде» печатается материал о процессе

шпионов и диверсантов. В течение недели в сознание граждан ДВК и Союза ССР активно насаждается информация о том, что 20 корейцев и один русский-белогвардеец по поручению «некоего государства» проводили разведывательную работу на территории советского Дальнего Востока. 25 января 1936 г. Военным трибуналом ОКДВА оглашен приговор, в котором Ли Шен До, Ким И Себ, Семена Георгий, Пак Ен Ха, Тю Хва Сун приговорены к расстрелу, остальные – к разным срокам заключения в ИТЛ, от 3 до 10 лет²⁷.

В РГВА хранятся информационные сводки Военного трибунала и Военной прокуратуры ОКДВА, в которых указано, что за сентябрь 1935 г. по ДВК арестованы 23 корейца²⁸, в феврале 1936 г. – 26²⁹, все они осуждены как шпионы и диверсанты. Информация Военного трибунала и Военной прокуратуры не содержит в себе сведений о количестве арестованных внесудебными тройками УНКВД по ДВК и судебными органами. Репрессии по отношению к корейскому населению набирали обороты.

Дальнейшая установка на усиление репрессий была продиктована в докладе И. В. Сталина «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.

В резолюции Пленума по докладу Н. И. Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось: «Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все акты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что в разоблачении этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года». С этим утверждением не все были согласны. На Пленуме ЦК в выступлениях ряда членов ЦК высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками»³⁰.

Позже на собрании руководящих работников Главного управления государственной безопасности НКВД СССР 19 марта 1937 г. в своем докладе «Об итогах пленума ЦК ВКП(б)» Н. И. Ежов, ссылаясь на телеграмму И. В. Сталина и решения пленума ЦК ВКП(б), потребовал от всех сотрудников органов госу-

дарственной безопасности сделать необходимые выводы. «Времени упущено очень много. Поэтому главная задача – в относительно короткий срок наверстать все упущенное в разгроме врага»³¹. Эти установки Н. И. Ежова, по сути дела, были призывом к повсеместному развертыванию массовых арестов граждан при отсутствии достаточных доказательств их виновности. Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма».

С марта 1937 г. поиски «японских агентов» начались во всех корейских колхозах: «Дальневосточный партизан», «Трактор», «Новый путь», «Тревога», «Октябрьская революция», «Искра-Октябрь», «Просвещение», «Большевик», на приисках «Незаметный», «Благодатный», в рыболовецких колхозах и совхозах, лесхозах и т.д. В 1937 г. на Дальнем Востоке было репрессировано 1436 человек³², из них более 50% являлись рабочими, колхозниками, крестьянами.

В апреле 1937 г. «Правда» печатает статью И. Володина «Иностранный шпионаж на советском Дальнем Востоке»³³, в июле «Известия» публикуют статью К. Кирилловича «Шпионы некоей державы»³⁴. Обе статьи содержат информацию о готовящейся войне Японии с СССР, с этой целью в ДВК активно проводятся разведывательные и диверсионные операции против СССР, и используются при этом корейцы.

В июне 1937 г. «Известия» печатают статью Татьяны Тэсс «На Дальнем Востоке». В ней дается информация о книге П. Павленко «На Востоке», по мотивам которой был снят и художественный фильм. В этом произведении одна из главных ролей принадлежит корейцу по фамилии Цой, только роль его совершенно противоположна предыдущей: он – японский шпион. Характеристика этого героя следующая: «Как развернулся Цой – этот «замученный маленький человечек», который еще недавно приплыл на наш берег! Артист Свердлин, играющий Цоя, показал подлинно блестящее мастерство. Два человека, два образа, идущие рядом, – доверчивый партизан и опаснейший японский шпион...»³⁵.

В конце июля 1937 г. Сталин, отправляя Г. С. Люшкова³⁶ на Дальний Восток, инструктировал его: «Война с Японией неиз-

бежна; Дальний Восток, несомненно, станет ареной боевых действий. Необходимо очистить армию и тыл наиболее решительным способом от вражеских шпионов и прояпонских элементов.... Япония имеет основу для шпионажа и подготовки восстания посредством корейцев и китайцев»³⁷.

Прибыв в Хабаровск 9 августа 1937 г., Люшков развил активную деятельность в точном соответствии с полученными в Москве инструкциями. С его прибытием на Дальнем Востоке аресты и расстрелы в УНКВД по ДВК и областных управлениях приобрели массовый характер. Из стенограммы допроса Г. С. Люшкова японцами известно, что накануне депортации корейского населения в сентябре 1937 г. было арестовано 2,5 тыс. корейцев.

Репрессии проходили по всей территории ДВК. На Сахалине за весь исследуемый период было репрессировано 278 человек (по другим данным – 964). Только с 21 августа по 6 ноября 1937 г. к расстрелу были приговорены более 100 корейцев³⁸, среди них рыбаки, артельщики, фотографы, парикмахеры и др.

В августе – сентябре 1937 г. в ходе депортации корейского населения в Хабаровске арестованы 12 корейцев, среди них колхозники из колхоза «Гудок» – от бригадира до малограмотных колхозников, председатель районного комитета Союза работников потребкооперации, директор ресторана, заведующий магазином, парикмахер, чернорабочий, продавец с лотка и один человек – без определенных занятий. Они ждали своей участи в хабаровской тюрьме до 20 февраля 1938 года³⁹. После утверждения Политбюро дополнительных «лимитов» по Дальневосточному краю, 1 февраля 1938 г., этих корейцев расстреляли в один день.

Характерно, что в сельской местности главари «повстанческих, диверсионных организаций» властью избирались грамотные, руководящие работники – председатели колхозов, их заместители, зоотехники, агрономы, служащие районных и сельских предприятий, колхозники, землепашцы, рыбаки и т.д.

В городской черте «главными японскими шпионами» становились работники обкомов, райкомов, руководящий состав учреждений и предприятий, прочие служащие, а участниками –

рабочие и все остальные представители слоев корейского общества.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что советская власть проводила запланированную акцию по обвинению корейского населения в «японском шпионаже». Ведя игру с главным международным противником на Дальнем Востоке – Японией, советское правительство занималось всесторонней подготовкой общества к восприятию этого мифа. Руководство советского государства во главе с И. В. Сталиным создавало юридическую базу для депортации корейского населения.

Примечания

¹ Головин С.А. История политических репрессий на Дальнем Востоке России. 1920–1930-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2000. С. 80.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Лыкова Е.А., Проскурина Л.И. Третья волна иммиграции: «Корейский вопрос» в Приморской деревне в 20–30-е годы XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 1996. № 2. С. 83, 85.

⁶ Там же.

⁷ Этномиграционные процессы в Приморье в XX в. / сост.: А.С. Ващук, Е.Н. Чернолуцкая, В.А. Королева, Г.Б. Дудченко, Л.А. Герасимова. Владивосток, 2002. С. 74.

⁸ См.: Мозохин О.Б. Право на репрессии: внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М., 2006.

⁹ Составлено по данным мартиролога. Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12.

¹⁰ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 3.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же; Книга памяти жертв политических репрессий Амурской области. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.amurobl.ru/index.php?m=24596&r=4&c=2847&p=24614&l=24692> (Дата обращения: 04.06.2009).

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Белая книга депортации корейского населения России в 30–40-х годах: сб. док. / Авт.-сост.: Ли У Хе, Ким Ен Ун. Кн. 2. М., 1997. С. 66.

¹⁶ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 3. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 106.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 3. С. 87.

²⁰ Там же. С. 90.

²¹ Там же. С. 250.

²² См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12.

-
- ²³ См.: Головин С.А. Указ. соч. С. 174.
- ²⁴ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12.
- ²⁵ Тихоокеанская звезда. 1935. 14 ноября.
- ²⁶ Красное знамя. 1934. 27 июля.
- ²⁷ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 75; Амурская правда. 1936. 20 января; Тихоокеанская звезда. 1936. 28 января – 4 февраля.
- ²⁸ РГВА. Ф. 33879. Оп. 1. Д. 75.
- ²⁹ Там же. Д. 95.
- ³⁰ См.: Мозохин О.Б. Указ. соч. С. 147.
- ³¹ Там же.
- ³² См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12.
- ³³ Правда. 1937. 23 апреля.
- ³⁴ Известия. 1937. 24 июля.
- ³⁵ Известия. 1937. 17 июня.
- ³⁶ Люшков Генрих Самойлович (1900, Одесса. – 19.08.1945). Зам. нач. Секретного политического отдела (СПО) ГУГБ НКВД СССР с 10.07.34 г. по 29.08.36 г.; начальник УНКВД Азово-Черноморского края с 29.08.36 г. по 31.07.37 г.; начальник УНКВД по Дальневосточному краю с 31.07.37 г. по 13.06.38 г. Получив вызов в Москву, совершил побег в Маньчжурию утром 13.06.38 г., выступил с серией газетных интервью, разоблачающих сталинский террор.
- ³⁷ Соох, 1998. Р. 151. Из стенограммы допроса Люшкова, проводившегося в Токио в ноябре 1938 г.
- ³⁸ См.: Корейцы – жертвы политических репрессий в СССР. 1934–1938. Кн. 1–12.
- ³⁹ Списки жертв по Хабаровскому краю. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/memory/spiski.htm> (Дата обращения: 04.06.2009).

ОСОБЕННОСТИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В АБХАЗИИ

Массовые сталинские репрессии потрясли Абхазию так же, как и весь Союз ССР. Однако в Абхазии они имели свою специфику. В статье исследуются массовые политические репрессии, их формы проявления в Абхазии. Рассмотрению подлежат, во-первых, репрессии интеллигенции и руководящего аппарата Абхазии, во-вторых, культурная дискриминация в годы массовых репрессий и, в-третьих, депортации греков и других народов из Абхазии.

Жертвами сталинско-бериевских репрессий 30-х годов XX столетия в Абхазии стали многие тысячи человек. Обстановка в Абхазии резко осложнилась после того, как в Тбилиси 28 декабря 1936 года умер (по мнению абхазских исследователей, был отравлен) председатель Центрального Исполнительного Комитета Абхазской АССР Нестор Аполлонович Лакоба. Манчи Бения, председатель Комиссии по репрессированным, подчеркивал, что «Нестор Лакоба всегда защищал интересы своего народа, за что и поплатился жизнью». Вначале Лакоба был похоронен всенародно и с почестями, а затем объявлен «врагом народа». После этого была репрессирована значительная часть политической, научной и творческой интеллигенции. Так, после смерти Н. Лакобы из Тифлиса в Абхазию прибыла специальная бригада НКВД для установления «нового порядка» [3].

В первую очередь были сняты с должности и в большинстве случаев арестованы (с последующей ликвидацией) почти все руководители районных и, частично, центральных органов НКВД Абхазии и заменены новыми, прибывшими из Тифлиса. Так подготавливалась почва для успешной работы сотрудников Берии. Был назначен новый секретарь обкома – некий А. Агрба, абхазец. Впрочем, он недолго продержался на своем новом посту: кем-то было установлено, что и Агрба является плохим проводником новых большевистских идей; его постигла общая участь «врагов народа» – он был расстрелян. Необходимо отметить, что Берия, по происхождению мингрелец, как житель Абхазии, прекрасно

был знаком с местными людьми и местными условиями. Все новые мероприятия проводились под его, Берии, непосредственным наблюдением [3].

Чистки Абхазии проводились систематически. С установлением контроля над НКВД Абхазии были арестованы члены абхазского правительства (ЦИКа). Так, 2 ноября 1937 г. из состава членов Президиума ЦИК Абхазии было исключено 9 человек, а из членов ЦИК – 19. Основные мотивы – «контрреволюционность и враги народа» [11]. Затем очередь дошла до руководителей административных и партийных органов, различных хозяйственных организаций, кооперации, торговли, заводов и т.д.

После ареста руководителя того или иного учреждения «выяснялось», что все учреждение или предприятие «засорено врагами народа». Вполне понятно, что немедленно приступали к беспощадной чистке от «вредителей» и «врагов народа». Аресту подлежали решительно все: члены партии, комсомольцы, беспартийные, специалисты, научные работники, журналисты, торговые работники (вплоть до продавцов); в селах аресту подвергалась вся местная интеллигенция, а о бывших помещиках, зажиточных крестьянах и тех, кто имел какое-либо отношение к членам прежнего абхазского правительства, и говорить не приходится: все они были арестованы и в лучшем случае сосланы на север, в концлагеря [3].

Тюрьмы в Сухуми были переполнены. Арестованных после окончания допросов «с пристрастием», после того, как они «сознались» в совершенных ими преступлениях, ночью массами отправляли в Тифлис, где их в ужасных условиях содержали в известном Метехском замке. Большинство арестованных были все же ликвидированы на месте, в Абхазии. Монастырь в Драндах был приспособлен для содержания в нем множества арестованных [3].

В 1938 году ни в одном из учреждений Абхазии – будь то учреждение правительственное, административное, органы НКВД, торговля или кооперация – нельзя было найти ни одного абхаза: все должности, от высших до низших, были заняты пришлыми людьми, главным образом, мингрельцами. Впрочем, одного абхаза можно назвать – автор абхазского алфавита А. Чочуа, который и раньше стоял в некоторой оппозиции к правительственной верхушке. Уцелел он то ли потому, что пользо-

вался известностью и уважением всех слоев населения Абхазии, не зависимо от национальности, то ли потому, что в свое время обучал грамоте мальчика по имени Лаврентий Берия, то ли потому, что он согласился пересоставить абхазский алфавит, отказавшись от латинского шрифта и приняв грузинский; то ли просто потому, что новая власть нуждалась хотя бы в одной импозантной, авторитетной фигуре [3].

Перемещения кадров местного и высшего звена происходили параллельно с репрессиями. В Абхазии только по так называемым делам «О контрреволюционной диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации Абхазии» с июля 1937-го по октябрь 1938 года (т.е. за год и четыре месяца) было репрессировано 2186 человек, из которых 754 расстреляны. По показательному делу 13-ти в г. Сухуме в октябре–ноябре 1937 г. проходил открытый судебный процесс (В. Ладария, В. Лакоба, М. Лакоба, М. Чалмаз, К. Иналипа, Д. Джергения, М. Кишмария, П. Сейсян, А. Энгелов, С. Туркия и др.). Этих, известных в народе людей приговорили к расстрелу. Все они якобы являлись «агентами иностранной разведки», «убийцами» и т.д. Процессы вершили новые органы «правосудия» – так называемые тройки, созданные по инициативе Сталина еще в 1934 г. [11].

В интервью корреспонденту «Кавказского узла» министр иностранных дел Абхазии доктор исторических наук Сергей Шамба сказал: Абхазия, вероятно, больше всех пострадала в период сталинско-бериевских репрессий». По его словам, репрессии коснулись всех – уничтожили полностью всю интеллигенцию и политическую элиту. «Это было сделано целенаправленно и продуманно – ужно было обезглавить народ, чтобы не было научной и политической элиты, которая формирует общественное мнение в не желательном для Грузии направлении», – подчеркнул Сергей Шамба [11].

Как сообщил корреспонденту «Кавказского узла» председатель Комиссии по репрессированным Манчи Бения, в Абхазии репрессиям подверглись более 3000 человек. По словам Манчи Бения, в годы сталинско-бериевского режима «только за одну ночь в селе могли арестовать и увезти до 20 человек» [11].

В ходе массовых репрессий пострадали практически все абхазские села: многие крестьяне были обвинены в троцкизме, пропаганде поповщины и т.п. Объявленные врагами народа крестьяне расстреливались на территории Абхазии либо направлялись в сибирские лагеря, из которых возвратились лишь единицы; их семьи были лишены гражданских прав и почти всего имущества [6].

Репрессии в абхазских селах проводились руками местных властей, многие представители которых по разным причинам (из соображений личной безопасности, по карьеристским соображениям и т.п.) предпочли забыть о собственной национальной и фамильно-родовой принадлежности. В годы репрессий доносы на родственников и соседей не были редкостью, но они, безусловно, осуждались обществом. Уже в 1950-е – 1960-е гг., во времена хрущевской «оттепели», абхазы получили возможность проявить свое отношение к лицам, известным доносом и участием в репрессиях. При этом были использованы нормы традиционного абхазского права: большинство непосредственных участников репрессий и их семьи потеряли в глазах общества «свое лицо», были подвергнуты всеобщему бойкоту и изгнаны из собственного рода [6].

Наиболее скомпрометированные были наказаны изгнанием: под давлением односельчан они были вынуждены вместе с семьями уехать из родных мест (иногда за пределы Абхазии). Некоторые из наиболее активных участников репрессий так и не были прощены, но большинство их детей и внуков позднее получили возможность вернуться в родные места [6].

Культ личности Сталина, по словам историка Станислава Лакобы, нанес огромный ущерб экономическому и культурному развитию Абхазии. «Люди, подобные Берии и его ставленникам, насаждали порочные нравы и методы: карьеризм, грубейшее нарушение демократии и законности, массовые репрессии, зажим критики, игнорирование коллегиальности в работе, а главное для Абхазии – искривление национальной политики, попрание прав абхазского народа» [11].

Стоит также отметить интересную судьбу политического статуса Абхазии. В марте 1921 г. была образована отдельная независимая Абхазская ССР. Однако уже в декабре 1921 г. Абхазия

на основе федеративного договора объединилась с Грузинской ССР. Федеративный характер отношений с Грузией был закреплен в конституции Абхазской ССР 1925 г. И только в 1931 г. Абхазская ССР была преобразована в Абхазскую Автономную ССР в составе Грузинской ССР. Формально именно с этого времени между Тбилиси и Сухуми появилась вертикальная иерархия. Таким образом, по мнению некоторых абхазских авторов, в период сталинских репрессий против граждан и народов СССР Абхазия была репрессирована как республика. ССР Абхазия стала чуть ли не единственной из союзных республик СССР, чей статус был понижен до автономии (после советско-финской войны 1939–1940 гг. Карельская АССР была преобразована 31 марта 1940 г. в Карело-Финскую ССР. Статус союзной республики сохранялся до 1956 г., когда Карелия вновь стала автономной республикой в составе РСФСР) [10].

Относительно культурной дискриминации следует отметить следующие факты. Абхазский язык (вплоть до 1950 года) был исключен из программы средней школы и заменен обязательным изучением грузинского языка, абхазская письменность была переведена на грузинскую графическую основу (в 1954 году – на русскую), множество абхазских топонимов было заменено грузинскими. Как отмечает историк С. Лакоба, по решению партийной конференции в Абхазии в мае 1937 г. был признан целесообразным перевод абхазского алфавита с латинской на грузинскую основу. «К этому делу были привлечены видные грузинские ученые, а также известные деятели абхазской культуры. Алфавит, созданный комиссией, был утвержден ЦИК Абхазии в 1938 г., в том же году издан учебник “Грузинский язык для абхазских школ (первый год обучения)”», – говорит Лакоба [11].

По распоряжению центральных органов Грузии сельскохозяйственный институт субтропических культур в Сухуми был переведен в Тифлис (Тбилиси). Абхазское научное общество было реорганизовано в абхазский филиал Грузинского общества научных работников (с подчинением Тифлису). Единственная газета на абхазском языке «Апсны Капш» была переведена с абхазского латинизированного шрифта на «грузинизированный». Были изъя-

ты все учебники, написанные старым шрифтом, и заменены новыми [3].

Абхазские авторы особо подчеркивают, что грузинами очень энергично велось наступление и в хозяйственной жизни республики: во всех государственных, курортных организациях и в кооперации все руководящие «хлебно-теплые» должности были заняты пришлым элементом, главным образом – мингрельцами. Даже такие посты, как председатель ЦИК АССР Абхазии, секретарь абхазского обкома компартии и начальник НКВД АССР Абхазии, были заняты не абхазами, а мингрельцами [3]. В замещении национальных кадров в руководстве Абхазии с абхазов на грузин абхазские авторы видят исключительно дискриминационную политику грузинизации. Однако данное явление можно объяснить и тем, что в результате сталинских репрессий все передовые и образованные люди Абхазии были уничтожены. И абхазов, которые могли бы занять места в правительственном аппарате страны, просто не было.

Ныне абхазцы с горечью вспоминают о потрясшей их трагедии массовых сталинских репрессий. Так, 20 августа 2009 г. в Сухуми прошла фотовыставка, посвященная памяти жертв сталинских репрессий в Абхазии.

На ней были представлены 56 фотографий, документы, освещающие трагические события 1937–1938 годов. Посетители могли ознакомиться также с письмами и дневниками абхазских узников ГУЛАГа и прочими документами [1].

За период с 1926-го по 1939 г. численность абхазов в автономии увеличилась лишь на 0,5%, а с 1939-го по 1959 г. – на 9%, тогда как грузин за эти периоды там стало больше, соответственно, на 36% и 72%. Если в 1897 г., даже после массовых переселений в Турцию и другие страны ближнего и среднего Востока, абхазы в Абхазии составляли 55,3%, то к концу 90-х годов XX столетия их стало 17%, т.е. они у себя на родине оказались в меньшинстве (44% составляли грузины, 16% – русские и 15% – армяне [4]).

Помимо злого умысла грузинизации Абхазии, который в основном рассматривается абхазскими авторами, стоит обратить внимание и еще на одну сторону происходящего процесса. Высокая доля прироста грузинского населения в Абхазии произошла в

результате переселения его из Западной Грузии, главным образом Мегрелии, для компенсации депортируемого греческого населения. Так называемые компенсационные мигранты – это формально добровольные, но по сути именно принудительные мигранты. Плановое, или организованное, или сельскохозяйственное, переселение призвано выправить внутреннюю диспропорцию трудовых и земельных ресурсов, складывающуюся в результате принудительных депортаций. Формально эти переселения велись на «добровольной основе», в действительности же в условиях тоталитарного режима степень добровольности приближалась к нулю [9]. Таким образом, вероятно, не ставилась цель грузинизировать Абхазию. Во времена советского тоталитарного режима все делалось исходя из «целесообразности», которая определялась руководством страны. Так, например, в случае с Чечено-Ингушетией депортируемое население компенсировалось как бы добровольными переселенцами, преимущественно соседями – главным образом, осетинами, дагестанцами и русскими (из Кизляра и Ростовской области) [9, с. 131]. Павел Полян, доктор географических наук, историк и филолог, считает: «Народы, которых депортации не коснулись напрямую, оказались затронуты ими косвенно или компенсационно: русские, грузины, осетины, кабардинцы, аварцы, лакцы и др. были переселены, часто вопреки собственной воле, на оставленные без присмотра земли. Это было по-своему закономерно, так как в ареалах расселения депортированных этносов неизбежно образовывался хозяйственный вакуум» [8].

Теперь подробнее о депортациях, коснувшихся Абхазии. Сам абхазский народ избежал сталинских депортаций. Из Абхазии депортировали проживавших там армян, турок и греков. В основном вышеперечисленные народы (за исключением греков) переселялись из Грузии. Массовым выселениям из Абхазии подверглись греки.

С приходом к власти большевиков часть греческого населения выехала в Грецию. Оставшаяся часть, проживавшая на юге России, в Украине и Грузии, на начальном этапе получила практически все права национального меньшинства. Во всех местах проживания греков начали открываться греческие школы, театры, газеты, книжные издательства. Так, в 1936 году издавались

греческие газеты «Кокинос капнас», «Коллективистис» и другие. В Сухуми создается Греческий театр, в котором исполняются постановки греческих драматургов на греческом же языке. В 1932 году в Батуми проходит 1-й съезд учителей греческого языка. Начинается расцвет греческой культуры. Греки активно участвуют в строительстве нового общества в СССР [7]. С приходом Сталина к власти все изменилось в худшую сторону.

17 мая 1949 года ЦК ВКП(б) принял решение о переселении греков. Это мотивировалось целями «очистки» Черноморского побережья от «политически неблагонадежных элементов». Их предлагалось сослать на вечное поселение, расселить и трудоустроить в Южноказахстанской и Джамбульской областях Казахстана под надзором МВД.

В ночь с 13-го на 14 июня 1949 года, без предупреждения, с помощью вооруженных солдат НКВД на грузовых машинах были согнаны десятки тысяч семей греков Сухуми и Сухумского района.

Люди были погружены в товарные вагоны и выселены в необжитые районы Казахстана и, частично, Узбекистана, Киргизии и Сибири. Чуть позже большая часть советско-подданных греков, не высланных 14 июня 1949 года, обманным путем в несколько этапов была депортирована в Казахстан и другие регионы. Следует отметить, что еще в 1941 г. из Сухуми были высланы немногочисленные немцы, итальянцы, турки, персы и другие, считавшиеся неблагонадежными.

Высылаемым грекам было разрешено взять с собой незначительную часть движимого имущества – до 100 килограммов веса, а их дома, участки, скот и прочее имущество конфисковывались в пользу вселяемого в греческие дома населения, которое немного позже было привезено из Западной Грузии, главным образом, Мегрелии.

О выселении не сообщалось не только до его совершения, но и после. Даже местная печать тех июньских дней 1949 года хранила молчание, не опубликовав ни слова о выселении, которое произошло на глазах тысяч очевидцев [2]. Город практически опустел. Закрылись греческие школы, театры, педтехникум, газеты и т.д. Было депортировано около 30 тысяч греков, проживавших в Абхазии. По рассказам очевидцев, с наступлением ночи в

дома бесцеремонно входили военные и сообщали о незамедлительной депортации. Эшелоны, готовые к отправке, стояли на всех станциях в Абхазии [5].

Большая часть греческого населения попала в эти вагоны. «Путешествие» длилось месяц. Многие погибли в дороге, и их наспех хоронили у пустынных станций, прямо в степи [5].

Семью Николая Патулиди депортировали в казахское село Соло-Тубеш. «Мне тогда было всего пять лет, но в памяти до сих пор сохранились горячее небо над головой и горячая земля под ногами, одинокий саксаул и грязная вода, которую приходилось пить, так как никакой другой воды в окрестностях не было», — вспоминает Николай.

«Это была нечеловеческая, негуманная акция, как и многое, что происходило в то время», — говорит историк-архивист Николай Иоаниди. По его словам, власти предусматривали компенсацию за оставленное имущество, но этих денег хватило бы только на покупку килограмма мяса или пары ботинок.

Его семья провела в Казахстане восемь тяжелых лет и вернулась в Абхазию во времена хрущевской «оттепели».

«Мать оделась цыганкой, чтобы в дороге никто нас не остановил. В поезде родители прятали нас, детей, на третьей полке, где мы сидели тихо, как мыши, а отец ходил из вагона в вагон, чтобы его не поймали и не ссадили», — вспоминает Николай Патулиди [5].

Реабилитация депортированных произошла в 1956 году, но большинство вернувшихся на родину так и не смогли вернуть себе дома, и им пришлось начинать все с начала.

Депортация греков из Сухума в 1949 году нанесла непоправимый ущерб не только грекам, но и всем народам, жившим рядом и вместе. В значительной мере именно тогда были заложены основы для столкновений на национальной почве в будущем. Обострение в конце XX века межнациональной напряженности на всем Кавказе, в том числе и в зоне грузино-абхазского конфликта, во многом было заложено в сталинское время, когда решения принимались в целях политической целесообразности и зачастую противоречили территориальным, этническим, конфессиональным и иным принципам устройства многонационального государства.

Примечания

¹ В Абхазии проходит фотовыставка в память о жертвах сталинских репрессий // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/158216?print=true>

² Григориadis Г. 14 июня исполняется 57 лет со дня выселения греков из Абхазии и черноморского побережья Грузии. URL: <http://www.apsny.ru/ethnic/ethnic.php?page=content/greek/greek.htm>

³ Данилов С. Трагедия абхазского народа / «Вестник Института по изучению истории и культуры СССР» 1. Мюнхен, 1951 г. // Материалы по истории Абхазии. URL: <http://abhazia.com/book/?page=book&cat=tragedy>

⁴ Ежегодник Большой советской энциклопедии. М., 1990. С. 118.

⁵ Заводская Е. Элегия абхазских греков – звено в цепи этнических чисток. URL: <http://www.apsny.ru/print.php>

⁶ Крылов А. Традиционные институты в 1920-х – 1980-х гг. Главы из книги «Религия и традиции абхазов». URL: http://www.religare.ru/2_26832.html

⁷ От геноцида Кемаля к репрессиям Сталина. URL: <http://www.greekgazeta.ru/archives/nomer10/articles/28.shtml>

⁸ Полян П. Любимые игрушки диктатора. Размышления о советской депортационной политике. URL: <http://www.index.org.ru/journal/14/polyan1401.html>

⁹ Полян П. Не по своей воле: история и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

¹⁰ Правовые противоречия между Грузией и Абхазией в советский и постсоветский период. URL: http://www.abkhaziya.org/books/prav_konflikt/protivorechiya.html

¹¹ Шамба: сталинские репрессии уничтожили интеллигенцию Абхазии. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/126347/>

ТРИ ПОРАЖЕНИЯ СТАЛИНА В ГРЕЦИИ (ПРИЧИНЫ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ ГРЕКОВ В СССР)

Прошедшие в 2009 году два трагических юбилея в истории греческого народа в бывшем СССР еще раз заставили не только вспомнить результаты и задуматься над последствиями событий 65- и 60-летней давности, но и в очередной раз в свете вновь открывшихся материалов проанализировать причины случившегося.

В XX веке в СССР греки испытали три вида репрессий.

Первый – раскулачивание 1929–1935 гг. И хотя уничтожение крестьянства проводилось не по национальному, а по идеологическому критерию, греков оно затронуло довольно значительно. Второй – греческая операция НКВД 1937–1938 гг. Третий – массовые депортации 1940-х гг. Каждый вид насилия обосновывался очередным набором целесообразностей и преследовал свои цели. Разными были и причины репрессий.

Оставляя за пределами исследования причины раскулачивания в греческих селах, которые были общими для любых этнических групп, попытаемся проанализировать причины репрессий 1937–1938 гг., 1942, 1944 и 1949 годов.

Греческая операция НКВД стала тринадцатой по счету в череде инонациональных операций, проведенных в рамках «Большого террора». Она ознаменовалась арестом свыше 20 тысяч греков и одним из самых высоких процентов приговоров по первой категории. Только в двух регионах компактного проживания греков – в Донецкой области и Краснодарском крае – в период с 15 декабря 1937 года по 7 января 1938 года арестовали по 4–5 тысяч лиц греческой национальности. В Донецкой области к расстрелу приговорили 96% арестованных, в Краснодарском крае – более 90%.

Примерно 10–15 процентов арестованных оказались в лагерях.

Почти все исследователи репрессий в СССР сходятся во мнении, что постоянные репрессии – неотъемлемая часть природы любого диктаторского режима. Г. Попов ввел даже понятие

«подсистема страха»¹. Репрессии и «подсистема страха» имели своим главным предназначением удержание в повиновении общества, подавление инакомыслия и оппозиционности, укрепление единоличной власти диктатора.

Однако универсальные для любого диктаторского режима причины репрессий не дают ответа на отдельные частные вопросы. Один из них: почему против греков была применена *специальная* операция?

Ответить на него, с одной стороны, просто: репрессиям подвергались все «иностранные» национальности. Национальные операции 1937 года – существенная составная часть «Большого террора». В разворачивании репрессий против поляков, латышей, эстонцев, афганцев, иранцев, финнов, румын, т.е. представителей граничивших с СССР государств, а также против немцев видится страх И. Сталина перед надвигающейся угрозой войны. Представители национальностей приграничных государств рассматривались как потенциальные противники в предстоящей войне.

Греция – единственное (после Германии) государство, которое не граничило с Советским Союзом. Что же тогда не понравилось И. Сталину в греках?

Устанавливая тотальный контроль над всеми слоями советского общества, И. Сталин испытывал самые большие затруднения именно в национальной сфере. Связанные круговой порукой больше, чем любые иные группы населения, этнические сообщества поддавались контролю слабее всего. Нельзя не разделить мнение А. Ватлина, что подобное обстоятельство представлялось И. Сталину наиболее опасным. Поэтому именно по «националам» был нанесен основной удар, как на номенклатурном, так и на массовом этапе «Большого террора».²

Это общая для любой этнической группы причина. Но были у греков и свои, исключительно «греческие», причины.

Первая заключалась в том, что к 1937 году из всего массива иностранно-подданных, проживавших в СССР, 95% составляли греки. Гражданство Греции имела подавляющая часть греков Аджарии, Абхазии, Краснодарского края.

Усилили «чужеродность» греков восстановленная в Греции монархия (в 1935 г.) и приход к власти в 1936 г. диктатора

Метаксаса. По мечтам И. Сталина о мировой революции был нанесен сильный удар. Греция рассматривалась им как плацдарм для засылки боевиков на Ближний Восток и в Южную Америку. Десятки греков проходили подготовку для этих целей под крышей Коминтерна в Москве. Теперь на этих планах пришлось поставить крест. Таким образом, поражение в Греции было *второй причиной* в разворачивании репрессий против греков СССР.

Отомстить Греции было невозможно, но под рукой оказались тысячи ее граждан.

Продолжением греческой операции НКВД 1937–1938 гг. стала первая из трех массовых депортаций греков из Краснодарского края и Ростовской области в 1942 г.

Подозрительность И. Сталина – и без того колоссальная, сверх всякой меры – теперь, в годы войны, была более чем обоснованной. После учиненного грекам разгрома пять лет тому назад, на какой ответ с их стороны он мог рассчитывать в трудную для себя минуту?

Депортация греков 1942 года не являлась наказанием за содеянное преступление, ибо отсутствовал состав преступления. Выселения из Краснодарского края, Ростовской области, а также из Азербайджана относятся к категории превентивных депортаций.

Таким образом, выселение греков из Краснодарского края в 1942 году стало логическим продолжением греческой операции 1937–1938 гг. Убедительной представляется и точка зрения, согласно которой И. Сталину попутно выпал удобный случай заселить необжитые берега Енисея и степного Казахстана.

Второе выселение греков в годы войны, случившееся в 1944 году, проведено уже после изгнания фашистов из Крыма.

В 1942 году кубанским и бакинским грекам обвинения в сотрудничестве с немцами невозможно было предъявить. Греки не успели осуществить приписываемые им намерения и целыми семьями перейти на сторону врага. В 1944 году «причины» были более чем убедительные. Греки Крыма почти три года находились под оккупацией. Значит – немецкие пособники.

В специальном письме, а по форме – аналитической записке, на имя И. Сталина Л. Берия 29 мая 1944 года посвятил грекам два абзаца:

«Греческое население проживает в большинстве районов Крыма. Значительная часть греков, особенно в приморских городах, с приходом оккупантов занялись торговлей и мелкой промышленностью. Немецкие власти оказывали содействие грекам в торговле, транспортировке товаров и т.д.».

...НКВД СССР считает целесообразным провести выселения с территории Крыма всех болгар, греков и армян».³

В этих строчках даже после десятикратного прочтения фактов преступлений греков в Крыму не обнаруживается. Если кто-то и был чьим-то пособником, то, скорее, немцы – греческими пособниками. Но не наоборот. На отсутствие в главном «аналитическом» документе доказательств предательства греков обращает внимание известный специалист в вопросе этнических депортаций Н. Бугай: «Если причины и меры по депортации других народов (чеченцы, ингуши, балкарцы и др.) как-то обосновывались Центром, то, что касается греков, в отношении их не предпринималась даже попытка не только обосновать эти причины, но и хотя бы каким-то образом обозначить их».⁴

На наш взгляд, истинные причины депортации крымских греков следующие.

Первая состояла в том, что стратегически важный пограничный Крым необходимо было очистить от всех ино- и не титульных национальностей – крымских татар, болгар, греков, армян.

Вторая причина – «традиционно-гулаговская». Государство по-прежнему нуждается в дешевой рабсиле. ГУЛАГ не решил поставленных перед ним масштабных задач. Теперь же, в военные годы, потребность в рабочих руках на переведенных на военные рельсы предприятиях возросла многократно.

Третьей – «истинно греческой» – оставалась одна из причин 1937 года. Примерно 20 процентов греков Крыма состояли в греческом подданстве. (Хотя, как и в греческую операцию 1937 года, список депортированных в сорок четвертом состоял, как из иностранно-подданных, так и из советских граждан).

Четвертая – месть И. Сталина за очередную неудачу в Греции.

Параллельный анализ внутривнутриполитического развития Греции и СССР обнаруживает удивительную синхронность многих важных событий, происходивших в двух странах. Всякий раз даже слабый поворот греческого политического вектора вызывал резкие перемены в настроении И. Сталина, что мгновенно сказывалось на советско-греческих и советско-британских отношениях. В контексте заявленной темы особенно интересна взаимосвязь между событиями, происходившими в Греции, и событиями на внутрисоветском «крымском фронте». Синхронность их настолько очевидна, что не может не наводить на мысль о взаимообусловленности происходившего в Крыму в апреле–июне 1944 года и событий в самой Греции в тот же период.

Конец мая – пик разногласий по вопросу о разделе послевоенных сфер влияния на Балканах между союзниками: Великобританией и СССР. И. Сталин понимал, что проигрывает в геополитическом споре за вождеденную Грецию.

В разгоревшемся в 1943 году между тремя группировками – левой ЭЛАС, правой ЭДЭС и королевскими войсками («монархофашистами», как их именовали в СССР) – «первом раунде» Гражданской войны за право повести за собой страну после окончания войны Советский Союз был на стороне левых. Симпатии СССР к ЭЛАС, разумеется, никак не могло разделить эмигрантское правительство Греции. Оно разными способами выражало свое недовольство. Результатом стало заметное ухудшение отношений между СССР и Грецией.

Об этом пишет в своих воспоминаниях посланник СССР при правительстве Греции Н. Новиков. В апреле 1944 года, по его признанию, советско-греческие отношения «охладелись до очень низкой температуры».⁵

Между тем ситуацию на Балканах 18 мая обсудил в МИДе Великобритании советский посол в Лондоне Майский. Разговор шел об американском предложении по сферам влияния в этой части Европы. Советскому Союзу предлагалось временно, в условиях войны, считать предметом своей заботы Румынию, а Грецию оставить англичанам.

Идея подобного «временного» разделения не устраивала И. Сталина, понимавшего, что такое распределение сфер влияния станет окончательным послевоенным разделом.

Итак, практически день в день совпадают поражение в «битве за Грецию» и принятие решения о депортации греков Крыма. Вряд ли это случайность.

Таким образом, депортация греков Крыма, среди которых было свыше трех тысяч греческо-подданных, стала ответом И. Сталина Греции на ее отказ от советизации.

Последняя – самая массовая – депортация греков была проведена четыре года спустя после окончания войны. Многофакторность политического момента, отсутствие достаточного количества необходимых архивных источников не позволяют однозначно ответить на вопрос о причинах депортации 1949 года.

В событиях июня 1949 года тесно переплелись интересы партийно-хозяйственной верхушки Грузии, личные интересы И. Сталина и его геополитические замыслы. Среди последних опять особое место занимает «греческий фактор»: ситуация в Греции и отношение СССР с Грецией на тот период.

Дежурный аргумент в нелояльности греков, по-прежнему остававшейся для И. Сталина их родовым признаком, на сей раз выглядит не очень убедительно. Тем не менее официальной причиной выселения, как и в сорок втором году, стало освобождение территорий от социально-опасных элементов. Только теперь, в отличие от военного времени, официальная причина утрачивала формальную логику. Войны нет, а стало быть, нет и опасности, исходящей в таких случаях от потенциальной «пятой колонны».

Не выдерживает контраргументов и версия очистки *приграничных территорий* от тех же социально-опасных элементов. В возможном противостоянии с Турцией, ради чего, по одной из версий, и производилась очистка Черноморского побережья, греки оказались бы далеко не в последних рядах.

С большей долей вероятности можно предполагать, что И. Сталин руководствовался совершенно иными мотивами, которые были продиктованы изменившимися геополитическими реалиями. Одна из самых важных европейских политических новостей связана с Грецией. Там окончательно – уже в третьем раунде

Гражданской войны – проигрывали просоветски настроенные партизаны.

Перспектива освобождения страны дивизиями ЭЛАС, симпатизирующими советской модели государственного устройства, была реальной. Как писал У. Черчилль, «коммунизм поднимал голову за победоносным русским фронтом. Россия была спасительницей, а коммунизм – евангелием, которое она с собой несла».⁶

Англия, считавшая Грецию своим оплотом на Балканах, предводимая яростным поборником монархии У. Черчиллем, мечтавшим вернуть на трон короля Георгиоса II, добилась права (после согласования с Т. Рузвельтом и И. Сталиным) высадить в Греции около 12 тысяч солдат. Таким образом, спасителем Греции становились не прокоммунистические силы в форме ЭЛАС, а англичане.

Вот как сам У. Черчилль расценивал ситуацию в начале августа 1944 года:

«Если дела пойдут вниз по наклонной плоскости и ЭАМ (политическое крыло ЭЛАС – *И.Д.*) станет хозяином положения, нам придется пересмотреть вопрос о сохранении там каких-либо наших миссий и предоставить греческому народу непосредственно столкнуться с большевизмом. Полагаю, что дело сейчас обстоит следующим образом: либо мы поддерживаем Папандреу, – даже в случае, если потребуется применение силы, как мы об этом договорились, – либо мы отказываемся от всякой заинтересованности от Греции».

На встрече с И. Сталиным в Москве У. Черчилль предложил: «Давайте урегулируем наши дела на Балканах. Ваши армии находятся в Румынии и Болгарии. У нас там есть интересы, миссии и агенты. Не будем ссориться из-за пустяков... Согласны ли вы на то, чтобы занимать преобладающее положение на 90 процентов в Румынии, на то, чтобы мы занимали также преобладающее положение на 90 процентов в Греции и пополам в Югославии?» И. Сталин принял предложенный вариант раздела сфер влияния.

Закулисная сделка между Сталиным и Черчиллем оставалась неведомой для ЭЛАС. Они продолжали борьбу в полной уверенности, что за их спиной по-прежнему стоит СССР. Однако

после ссоры И. Сталина с И. Тито и перекрытия последним коридоров для доставки оружия в Северную Грецию поражение ЭЛАС было делом нескольких недель. Что и произошло.

На фоне таких советско-греческих отношений, такого внутригреческого противостояния, ссоры между И. Сталиным и И. Тито и реального соотношения сил между СССР и его вчерашними союзниками по Второй мировой войне разразилась новая «греческая операция» 1949 года, получившая кодовое название «Волна».

Она была многогранной и многоходовой. Лето 1949 года – уникальный момент, позволивший И. Сталину красиво уйти из Греции. Сначала предавая, а затем спасая коммунистов-партизан, И. Сталин в промежутке между двумя этими деяниями искусно разобрался со «своими» греками.

Итак, *первая* причина репрессий против греков Черноморского побережья в 1949 году – месть И. Сталина грекам за несостоявшуюся советизацию Греции.

Вторая причина – «народно-хозяйственная». Она становится очевидной при знакомстве с материалами по подготовке к переселению, а также событиями, последовавшими сразу за ним. Возросший интерес титульной нации Грузинской ССР к престижным прибрежным территориям республики наткнулся на препятствие: многие лакомые места уже были заняты. С выводом оттуда греков освобождались дома, бесхозными становились сады, виноградники. Последующие события подтверждают эти предположения. Буквально на следующий день в опустевшие дома вселились земляки И. Сталина и Л. Берии. Лучшие дома за бесценок – в десять-пятьдесят раз ниже их стоимости согласно государственной страховке – были переданы представителям политической, творческой и прочей элиты Абхазии и Аджарии.

Нельзя исключать и причину, связанную с обеспечением личной безопасности И. Сталина, все основные дачи которого находились здесь: Сочи, Боржоми, Новый Афон, Холодная Речка, озеро Рица, Мюссеры...

29 мая 1949 года правительство преобразовало партийный документ в Постановление № 2214-856сс, а 13–16 июня 37,5 тысячи греков Черноморского побережья были вывезены в Казахстан.

Таким образом, во всех репрессиях против греков в Советском Союзе ясно прослеживается связь с событиями в Греции. Массовые аресты и депортации удивительно синхронны очередной геополитической неудаче И. Сталина на Балканах. Заложниками становились простые люди.

Общая численность репрессированных греков в СССР с 1937-го по 1949 год составляет примерно 80–85 тысяч человек.

Примечания

¹ Попов Г.Х. С точки зрения экономиста (О романе А. Бека «Новое назначение»). Наука и жизнь. 1987. № 4. С. 62.

² А.Н. Ватлин. Огонь по своим. Бутовский полигон. 1937–1938. М., 2003. С. 6.

³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 161–163.

⁴ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., Наука, 2006. С. 146.

⁵ Новиков В.Н. Пути и перепутья дипломата. М., Наука, 1976. С. 113.

⁶ Черчилль Уинстон. Вторая мировая война. Т. 6. Триумф и трагедия. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. С. 113–114.

6. ТЕРРОР В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ

Кропачев С. А.

«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР» И ЕГО ЖЕРТВЫ В ЗЕРКАЛЕ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ 1937–1938 ГОДОВ

«Большой террор»¹ – явление уникальное в советской истории. За два года по обвинению в политических преступлениях аресту подверглись более полутора миллионов человек². Большая часть из них – 1 344 923 человека – были осуждены за контрреволюционные преступления, из которых половина приговорена к высшей мере наказания³. Это означает, что в среднем государство за эти годы ежедневно убивало тысячу своих невинных граждан.

В настоящей статье «Большой террор» будет представлен глазами его заказчиков, идеологов, организаторов и пропагандистов.

С 23 февраля по 5 марта 1937 года состоялся печально известный Пленум ЦК ВКП(б), на котором 3 марта с основным докладом «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» выступил И. В. Сталин, повторивший свой известный вывод об обострении классовой борьбы по мере строительства социализма. Он заявил: «...чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы как последние средства обреченных»⁴. Главными врагами советского государства были объявлены троцкисты, превратившиеся, по мнению И. В. Сталина, «...в беспринципную и безыдейную банду вредителей, диверсантов, шпионов, убийц, работающих по найму у иностранных разведывательных органов»⁵. Он призвал «в борьбе с современным троцкизмом» применять... «не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома»⁶. Фактически это была четко

сформулированная перед НКВД СССР задача на уничтожение («выкорчевывание») «врагов народа». В Заключительном слове на Пленуме 5 марта 1937 года И. В. Сталин, опираясь на результаты партийной дискуссии десятилетней давности — 1927 года, — даже назвал конкретное (!) количество «врагов» — 30 тысяч троцкистов, зиновьевцев и всякой другой «шушеры»⁷: правые и прочие...»⁸. К моменту Пленума из них уже было арестовано 18 тысяч человек. Таким образом, «врагов», по Сталину, осталось «всего» 12 тысяч⁹. Они, впрочем, представляли угрозу для партии и страны в целом, так как могли серьезно навредить, «напако-стить и нагадить»¹⁰.

В резолюции Пленума, принятой 3 марта 1937 года по докладу Н. И. Ежова¹¹ «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», были одобрены «мероприятия ЦК ВКП(б) по разгрому антисоветской, диверсионно-вредительской, шпионской и террористической банды троцкистов и иных двурушников»¹². Органы НКВД СССР фактически получили неограниченные полномочия в деле «разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма»^{13–14}. Они обязаны были довести эту работу «до конца, с тем, чтобы подавить малейшие проявления их антисоветской деятельности»¹⁵. Только так Наркомвнудел¹⁶ мог искупить свою вину за то, что «запоздал» «с разоблачением... злейших врагов народа... по крайней мере, на 4 года»^{17–18}.

Накануне Пленума, с 23 по 30 января 1937 года, в Москве в Октябрьском зале Дома Союзов в открытом заседании состоялся процесс по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра»¹⁹. Его освещение в средствах массовой информации, идеологическое и пропагандистское сопровождение преследовало несколько целей. Во-первых, показать советской и мировой общественности «врагов народа», конкретных организаторов диверсий, катастроф, крушений. Во-вторых, подготовить политическую почву для развязывания массовых репрессий, начавшихся в том же году. 22 января 1937 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О процессе по делу Пятакова, Радека, Сокольникова, Серебрякова и др.»²⁰, в котором определен порядок освещения в печати его материалов²¹. На процесс были допущены иностранные корреспонденты «буржуазной и коммуни-

стической печати», а также журналисты советских газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и других²². Было решено допустить на процесс «послов иностранных государств или их заменяющих, если последние изъявят желание присутствовать», а также иностранных писателей Л. Фейхтвангера и А. Нексе²³. Открытый характер процесса определил его четкую режиссуру. Детально были установлены порядок допроса обвиняемых и содержание их выступлений, а также выступлений свидетелей и экспертов, обвинительное заключение, речь прокурора СССР А. Я. Вышинского и текст приговора. Газеты «Правда», «Известия», «За индустриализацию», «Гудок», «Рабочая Москва» должны были печатать ежедневно, в течение всего процесса, полторы полосы, остальные газеты – полосу отчетных материалов о процессе. Особо оговаривалось, что газеты должны на своих страницах помещать статьи и отклики «с мест» по ходу процесса²⁴.

Рассмотрим, как постановление Политбюро было реализовано в отношении освещения процесса на примерах газет «Правда», «Известия» и журнала «Большевик»²⁵. В газете «Правда» от 27 января 1937 года печатается подборка откликов на ход процесса. «Подлые изменники – Пятаков, Радек, Сокольников и др. – объединились с достойными их представителями фашистских охранок для осуществления своего грязного дела реставрации капитализма в нашей стране. Не удастся им их гнусный замысел. Нет той силы, которая помешала бы нам завершить построение коммунистического общества», – заявили на митинге рабочие и служащие завода имени Дзержинского в Москве²⁶. А вот звучит голос сельского пролетариата – трактористов и комбайнеров Белгородского района Курской области: «В ответ на варварские преступления обезумевших извергов трактористы и комбайнеры дают клятву еще крепче сплотиться вокруг любимой партии Ленина–Сталина, еще лучшим, стахановским трудом бороться за высокий урожай»²⁷.

Не менее гневные, эмоциональные отклики «с мест» печатаются в эти дни в газете «Известия». Вот фрагмент выступления на митинге работницы московского завода «Красный треугольник» М. М. Васильевой: «Я – женщина, я – мать, я – бабушка. Но ни одну секунду не дрогнула бы у меня рука, если бы мне поручили привести в исполнение беспощадный приго-

вор, который должен вынести всем им Верховный Суд!».²⁸ Обращаем внимание на слово «должен». Сомнений быть не могло – предатели, двурушники, шпионы должны быть наказаны по всей строгости. Страна с удовлетворением воспринимает приговор по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра»: из 17 обвиняемых большую часть – 13 человек – приговаривают к расстрелу, остальных – к длительным срокам лишения свободы.

Журнал «Большевик» в третьем номере за 1937 год, вышедшем 1 февраля, помещает два материала о процессе – передовую статью «Приговор суда – приговор народа» и статью профессионального пропагандиста Н. Л. Рубинштейна²⁹ «Подлые предатели родины и наемники фашизма». Журнал «Большевик» играл особую роль в политической жизни страны. Сам Сталин неоднократно называл его «боевым журналом», «боевым органом», а материалы, печатавшиеся на его страницах, предлагал рассматривать как «руководящие» или, во всяком случае, «глубоко поучительные»³⁰. В журнале «Большевик» было меньше эмоций, истерии, психоза. Его задача – сформулировать правильные политические выводы; оправдать действия, даже чрезвычайные, правящей партии по разоблачению «врагов народа»; предложить целенаправленный идеологический вектор, ясно указывающий на смертельную опасность, таившуюся, в данном случае, в деятельности «Антисоветского троцкистского центра», который ни мало ни много пытался реставрировать в СССР капитализм³¹. А нагнетание массового психоза, истерии, народного негодования, атмосферы всеобщей «бдительности» – задача центральных, а в большей степени – местных газет. Во-первых, это облегчало «выявление» десятков, сотен тысяч «врагов народа», оправдывало разоблачение «антисоветских», «фашистских», «террористических» организаций даже в самых отдаленных городах и селах. Во-вторых, оставляло за центральной властью право спросить за «перегибы» с местных партийных организаций и их боевых органов в случае изменения политического курса.

Спустя неполных четыре месяца после окончания февральско-мартовского Пленума, 2 июля 1937 года вышло постановление Политбюро с типичным, «конвейерным» для этого

периода названием «Об антисоветских элементах»³². Этим постановлением ЦК ВКП(б) предложил «всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД»^{33–34}.

30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Н. И. Ежов подписал ныне широко известный оперативный приказ № 00447 об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов³⁵. Если выступления, статьи И. В. Сталина и его клеветов – В. М. Молотова, А. Я. Вышинского, Л. М. Кагановича, Н. И. Ежова, Н. В. Крыленко, Л. П. Берия и других – о нарастании классовой борьбы в 1930-х годах можно расценить как злободневную политическую задачу, своеобразный социальный заказ, решения Политбюро об «антисоветских элементах»³⁶ – высшего органа правящей партии – как важнейший ориентир, конкретизацию поставленных целей, то оперативный приказ НКВД был четким руководством к действию. Он определил порядок, сроки, масштабы, перечень «контингентов»³⁷, подлежащих репрессиям, а также утвердил персональный состав республиканских, краевых и областных троек, организацию их работы и полномочия. Все репрессируемые по мерам наказания разбивались на две категории. К первой относились все наиболее враждебные «антисоветские элементы». Они подлежали «немедленному аресту и по рассмотрении их дел на тройках – расстрелу»³⁸. Ко второй категории относились «все остальные менее активные, но все же враждебные элементы»³⁹. Они подлежали «аресту и заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, а наиболее злостные и социально опасные из них – заключению на те же сроки в тюрьмы по определению тройки»⁴⁰. Цена решения тройки была очень высока. Отнесение тройкой репрессируемого к первой категории означало неминуемую скорую смерть, ко второй – смерть, но мучительную и долгую.

В приказе было утверждено конкретное количество подлежащих репрессиям по первой и второй категориям по каждой республике, краю или области. Всего по стране «в плановом порядке» предстояло репрессировать по первой и второй категориям 268 950 человек⁴¹. В начале марта 1937 года И. В. Сталин назвал 30 тысяч врагов (троцкисты, зиновьевцы, правые и проч.), которых предстояло уничтожить, в конце июля того же года в оперативном приказе № 00447 фигурирует цифра в девять раз больше. Фактически в 1937–1938 годах за контрреволюционные преступления было осуждено 1 344 923 человека, из которых 681 692, или 50,69%, – расстреляно⁴². «Скромная» цифра Сталина, прозвучавшая на Пленуме ЦК ВКП(б) 5 марта 1937 года, о 30 тысячах врагов в реальной практике репрессий была превышена в 45 раз!

Пропаганда и, прежде всего, средства массовой информации, в период осуществления оперативного приказа НКВД СССР № 00447 (август 1937 – ноябрь 1938 гг.) проявляли особую активность. Нельзя сказать, что материалы о разоблачении «врагов народа» заслонили все остальное в жизни страны. На страницах центральных газет в это время много писалось о внешней политике, в частности о событиях в Испании, достижениях промышленности и сельского хозяйства, культурной жизни. Но редакционные статьи, репортажи «с мест», письма в редакцию, заметки постоянно напоминали о «врагах народа». О них писали по любому поводу и без него, прямо и опосредованно, показывая героическую борьбу работников НКВД. Главным героем газетных публикаций постепенно становился смелый, принципиальный, беспощадный к врагам наркомвнуделец (а не партработник, как ранее), его антиподом – двуличным, хитрым, коварным шпионом, вредителем, диверсантом, которого призывал «громить» и «выкорчевывать» И. В. Сталин в марте 1937 года. «Любовь народа» к работникам наркомата внутренних дел образно выразил А. И. Микоян в докладе на собрании актива партийных, советских и общественных организаций Москвы, посвященном 20-летию ВЧК–ОГПУ–НКВД, в декабре 1937 года: «У нас каждый трудящийся – наркомвнуделец!»⁴³.

На страницах центральных газет в юбилейном 1937 году явно превалируют две линии. Первая направлена на разоблачение

«врагов народа», на борьбу с расхлябанностью, распущенностью, недисциплинированностью. Вторая – на восхваление чекистов, работников НКВД, которые этих «врагов» разоблачают. При этом бесконечно повторялась песня о вредительско-враждебной деятельности троцкистских, фашистских и других агентов. Так, 18 июля 1937 года газета «Правда» печатает постановление ЦИК СССР, в котором говорилось о награждении Н. И. Ежова орденом Ленина «за выдающиеся успехи в деле руководства органами НКВД по выполнению правительственных заданий»⁴⁴⁻⁴⁵. Через десять дней – официальный отчет о вручении орденов работникам НКВД СССР на заседании Президиума ЦИК. Принимая награду, Н. И. Ежов заявил: «Работа в органах НКВД является наградой сама по себе, поскольку народ доверяет тебе этот острейший участок защиты интересов всего советского государства. Отсюда и требования народа к работникам НКВД более повышенные. И первейшей, священной нашей обязанностью является оправдать это доверие...»⁴⁶. Вручив награды, всесоюзный староста М.И. Калинин обратился к награжденным с приветственной речью: «В Советском Союзе вряд ли найдется хоть один честный гражданин, который усомнился бы в справедливости этого награждения. Мы знаем, что фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц. Открытие этих связей, разоблачение и уничтожение фашистско-шпионских и диверсантских гнезд – большая заслуга нового руководства НКВД»⁴⁷. Менее чем через полтора года «новое руководство НКВД» будет отстранено от работы в органах внутренних дел, а затем репрессировано. Но тогда, в 1937 году, популярность Н. И. Ежова могла сравниться с популярностью И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, В. М. Молотова, Л. М. Кагановича. Вчерашний клерк, заработавший политический вес на партийных чистках⁴⁸, занял место среди советских «полубогов» на отечественном Олимпе. О его популярности говорит следующий факт. В конце 1937 года происходило выдвижение кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Согласно сводке постановлений общих собраний трудящихся по всей стране, на 10 декабря товарища Сталина в депутаты выдвинули 3346 коллективов, товарища Ворошилова – 1693, товарища Ежова – 1355, товарища Калинина – 1272⁴⁹. Новоявленный кандидат в депутаты, генеральный комиссар государст-

венной безопасности Николай Иванович Ежов, выступая перед избирателями Горьковского – Ленинского избирательного округа в г. Горьком, так охарактеризовал политическую обстановку в стране: «...товарищи, борьба еще не кончена. На нашем пути встретится еще не мало трудностей. Не надо забывать, что наша страна находится во враждебном капиталистическом окружении... чем сильнее мы становимся, чем мы становимся богаче, тем больше злобы мы вызываем у оголтелой своры фашиствующей буржуазии, которая... засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей»⁵⁰.

Нельзя не сказать об активности еще одного сталинского клеветы – прокурора СССР Андрея Януарьевича Вышинского. Он успевал выступать государственным обвинителем на всех крупных, «показательных» процессах середины 1930-х годов, писать гневные, разоблачительные статьи в газеты и журналы, вносить новации в советское уголовно-процессуальное право⁵¹. Так, в десятом номере журнала «Большевик» за 1937 год он опубликовал статью «Методы вредительско-диверсионной работы троцкистско-фашистских разведчиков»⁵². В начале статьи он обрушился с обвинениями на шпионско-диверсионное и террористическое подполье, якобы существовавшее в СССР, и методы борьбы врагов – клевета, саботаж, вредительство, диверсии, шпионаж, террор, измена родине. Вышинский назвал организаторов всех бед советской страны: Троцкого, иностранные разведки, а также конкретных исполнителей их преступных замыслов – Пятакова, Дробниса, Лившица, Князева, Серебрякова, Арнольда, Турока, Ратайчака и др. Но в конце статьи неожиданно заявил: «Нельзя утешаться тем, что вредителей немного, а честных строителей социализма миллионы. Нельзя утешаться тем, что вредительство не может поколебать мощь нашего хозяйства, силы нашей страны»⁵³. Вышинский призвал систематически и последовательно разоблачать приемы и методы «троцкистско-фашистских вредителей и диверсантов, всей их предательской, подлой практики и техники совершения гнуснейших преступлений»⁵⁴.

Идея борьбы с «врагами народа» пронизывала все поры советского общества. Личная жизнь, социальные институты, семья, образование, культура, наука – ни одна сфера общественной или

другой жизни не были свободны от вмешательства государства, насаждавшего «сверхбдительность», формировавшего атмосферу подозрительности и тотального страха. В мае 1934 года было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР»⁵⁵. В соответствии с этим постановлением был проведен конкурс на лучший учебник для 3-го и 4-го классов средней школы по истории СССР⁵⁶. Вторая премия⁵⁷ была присуждена авторам учебника⁵⁸, составленного кафедрой истории СССР Московского государственного педагогического института под редакцией профессора А. В. Шестакова. «Краткий курс истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова был рекомендован в качестве учебника для третьего и четвертого классов⁵⁹. В немалой степени успех авторского коллектива стал следствием хорошего знания политической конъюнктуры, умения угодить властям. Последняя, пятнадцатая, глава учебника называлась «СССР есть страна победившего социализма». В ней говорилось, в частности, «о врагах народа, которые пытались сорвать поставленные перед страной товарищем Сталиным планы индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Предатели Троцкий, Зиновьев, Каменев утверждали, что в СССР невозможно построить социалистическое общество. Они утверждали, что рабочие и крестьяне не могут обойтись без капиталистов и кулаков (стр. 194–196). Враги народа, слуги буржуазии развернули вредительство, чтобы сорвать социализм. Но они были разоблачены»⁶⁰.

Пропаганда и агитация имели колоссальное влияние на сознание людей, средства массовой информации оказывали огромное давление на души и сердца советских граждан, их психику. Обратимся к дневнику Юлии Иосифовны Соколовой, жены известного большевика Иосифа Ароновича Пятницкого⁶¹, который она вела в 1937–1938 годах. Запись от 7.03.1938 г.: «Сегодня в 11 часов вечера (8 месяцев тому назад) окончилась жизнь Пятницкого в семье.

Сегодня Вова⁶² принес «плохо» по русскому языку, я очень рассердилась на него: он ленив»⁶³.

Запись от 8.03.1938 г.:

«“Эх, мать, ну и сволочь же отец. Только испортил все мои мечты. Правда, мать? У меня предчувствие такое, что Игорь»⁶⁴

наш не виноват, только проболтался, а отец — какой-то большой виновник”. В 11,5 часа вечера вчера Вовка разговорился сначала о моральной силе Красной Армии, о пограничниках (всегда ведь мечтает о жизни пограничников) — и решил, очевидно, что его не возьмут из-за отца. Я разговор не поддерживала, сказала только: “Сначала выучись, будь хорошим общественником, а там посмотрим, а папу не забывай так. Мы еще не знаем, может быть, он не виноват, а ошибся, может быть, его враги обманули”. А Вовка сказал: “Нет, нет, не верю”. Как придет из школы, берет газету и читает показания [с процесса]⁶⁵, он буквально в ужасе от их «дел». Часто расспрашивает об отдельных личностях. Особенно ему страшен Ягода⁶⁶ и Буланин⁶⁷; спрашивал меня, как приготавливали они яд»⁶⁸.

Маленький фрагмент дневника погружает нас в страшную атмосферу тех лет, время глубоких нравственных потерь. Статьи в «Правде» или «Известиях», а тем более материалы об очередном процессе, где вскрывались все новые и новые факты преступлений «врагов народа», унизившихся до организации диверсий, катастроф и даже отравления руководителей партии и государства, вызывают у 12-летнего мальчика Вовы страх и ужас. Он не верит, что его отец невиновен. Настолько убедительна газетная публикация, настолько правдоподобны «факты», изобличающие преступников. Сотни и тысячи таких мальчишек и девчонок прошли через унижительные процедуры публичного отречения от своих родителей, объявленных «врагами народа», детские дома, лишения и страдания. Всего за 1937–1938 годы, по неполным данным, было репрессировано не менее 43 тысяч жен и детей «членов семей изменников Родины»⁶⁹. К счастью для Владимира Пятницкого, он уцелел. После ареста матери он находился в детском доме. В феврале 1942 года, скрыв свое происхождение, ушел добровольцем на фронт⁷⁰.

Великий русский философ Николай Бердяев, высланный из России в 1922 году, так охарактеризовал фарс «показательных» процессов 1937–1938 гг. и атмосферу двуличия, царившую в обществе: «Одна безобразная инсценировка советских процессов, в которых обыкновенно в одной и той же форме каются, может внушить отвращение ко всей системе»⁷¹.

Обратимся к вопросу о числе жертв, масштабах репрессий и их отражению в сталинских средствах массовой информации. Можно ли было сделать выводы о количестве «врагов народа» исходя из анализа масс-медиа? Можно, если уметь читать «между строк». Напомним о высказываниях лидеров советского режима. И. В. Сталин: «30 тысяч» троцкистов, зиновьевцев, правых и др. (март 1937 г.)⁷², «полтора миллиона» исключенных из партии с 1922 г. (март 1937 г.)⁷³; М. И. Калинин: «Фашизм был связан в нашей стране с довольно значительным количеством лиц» (июль 1937 г.)⁷⁴; Н. И. Ежов: «Оголтелая свора фашиствующей буржуазии... засылает к нам пачками шпионов, диверсантов и вредителей» (декабрь 1937 г.)⁷⁵. При всей абстрактности высказываний, можно сделать вывод о процессах, затрагивающих судьбы сотен тысяч людей. 17 августа 1937 года газета «Правда» опубликовала передовую статью «Смелее выдвигать молодые партийные кадры». В ней, в частности, говорилось: «В общей цепи всех мероприятий партии по выдвижению и воспитанию партийных кадров особое значение имеет реализация предложения товарища Сталина о подборе и выдвижении вторых и третьих секретарей райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, заместителей секретарей парткомов первичных организаций и партторгов. Стоит лишь напомнить, что речь идет о выдвижении нескольких сот тысяч партийных руководителей, чтобы оценить все огромное значение этого мероприятия»⁷⁶. Стоит задуматься, а что случилось с первыми секретарями райкомов, горкомов, обкомов, крайкомов, секретарями парткомов и партторгами? Куда они «исчезли» в одночасье, через две недели после начала «антикулацкой операции»? Понятно, что некоторые пошли на повышение, но их было немного. И сколько «исчезло» — «несколько сот тысяч» понятие не точное. Двести тысяч, триста, пятьсот, шестьсот? Сколько? Ответа на эти вопросы нет.

Еще один пример. Выступая на XVIII съезде партии с Отчетным докладом «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 года, И. В. Сталин привел следующую статистику. На XVII съезде партии (декабрь 1934 г.) было представлено 1 874 488 членов партии, на XVIII съезде — около 1600 тысяч. В результате партийных «чисток» 1933–1936 гг. партия уменьшилась примерно на 270 тысяч человек (около 15%)^{77–78}. А насколько уменьшилось партий-

ное и беспартийное население страны в результате «чисток» арестами и расстрелами в 1937–1938 гг.? Даже думающему человеку, умеющему читать «между строк», в 1930-е годы сделать выводы о масштабах потерь в ходе «большого террора» было не просто. Современные авторы подсчитали, что в 1937–1938 гг. по политическим мотивам было репрессировано 1,3% по отношению к взрослому населению СССР⁷⁹.

Подведем некоторые итоги исследования.

1. Литература середины 1930-х годов, так или иначе затрагивавшая проблемы политических репрессий, носила исключительно пропагандистский, прикладной характер.

2. Главными «историографами», идеологами и организаторами «большого террора» были Сталин и его приближенные – Молотов, Ежов, Вышинский, Каганович, Крыленко, Берия и др. Их работы и выступления о нарастании классовой борьбы и ожесточенном сопротивлении поверженных классов можно расценивать как социальный заказ, последовательную политическую задачу, направленную на расширение террора.

3. Публикации середины 1930-х годов слишком абстрактно характеризовали масштабы политических репрессий. Истинные размеры трагедии замалчивались. Подготовленным энтузиастам (а их, как нам кажется, было крайне мало) оставалось лишь читать «между строк», не рассчитывая получить верный результат.

4. Официальная литература преследовала сугубо практические идеологические цели. Необходимо было обосновать, доказать необходимость преследования и уничтожения многочисленных «врагов народа», появившихся в СССР спустя 20 лет после большевистского переворота.

5. Страницы газет и журналов середины 1930-х годов были наводнены материалами о многочисленных «врагах народа», призывали к «сверхбдительности», создавая тем самым в обществе атмосферу страха, агрессивности, подозрительности.

6. Ни одна сфера жизни общества – частная жизнь, социальные институты, наука, культура, образование – не была свободна от идеологического воздействия. Все – от школьных учебников до массовых митингов – было пронизано духом идеологической нетерпимости, ненависти к «врагам народа», оправдания государственного беззакония и произвола.

Примечания

¹ Впервые термин «Большой террор» был введен в научный оборот в 1968 г. английским исследователем Робертом Конквестом (Conquest R. The Great Terror. Stalin's Purge of the Thirties. L., 1968). Сегодня существуют различные трактовки хронологических рамок «большого террора», как правило, охватывающие 1930-е гг. (1934–1938, 1936–1938 и др.). В данной статье рассматриваются события 1937–1938 гг., по образному выражению М. Юнге и Р. Биннера, «ядро большого террора». В эти годы осуществлялся оперативный приказ наркома внутренних дел СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов. В ходе этой массовой карательной операции подверглись аресту по обвинению в политических преступлениях более 1,5 млн. человек.

² Население России в XX веке. В 3-х т. Т.1. М., 2000. С. 318.

³ Там же.

⁴ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. Март 1934–1940. М., 1997. С. 166.

⁵ Там же. С. 164.

⁶ Там же.

⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938. М., 2004. С. 112.

⁸ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 204.

⁹ Там же. С. 205.

¹⁰ Там же.

¹¹ С сентября 1936 года – нарком внутренних дел СССР.

¹² Использование сомнительных, грубых терминов и выражений было нормой партийной и советской печати тех лет. Оскорбление, шельмование, навешивание ярлыков своим оппонентам (особенно в речах и работах И. В. Сталина, А. Я. Вышинского и других) стало неотъемлемой частью политической компрометации, подчеркивало их враждебность, ставило вне закона.

^{13–14} Там же; Очень скоро, через два с половиной года, термин «фашизм» на страницах советской печати либо не будет упоминаться совсем, либо будет использоваться в другом, положительном, контексте, а фашисты из врагов в одночасье превратятся в друзей, правда, ненадолго.

¹⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 112.

¹⁶ Наркомвнудел – наркомат внутренних дел СССР; наркомвнуделец – работник НКВД. Такие аббревиатуры часто встречались на страницах партийных и советских изданий середины 1930-х годов.

^{17–18} Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 109; Такой срок – четыре года – в резолюции Пленума связывался с неисполнением чекистами ряда директивных документов (Инструкция ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 мая 1933 года, Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 16 января 1935 года «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов. Кирова» и другие), в которых говорилось об обострении борьбы с контрреволюцией.

¹⁹ В литературе встречается и другое название – «Параллельный антисоветский троцкистский центр».

²⁰ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 54.

²¹ Там же. С. 54–55.

²² Кроме названных грандов советской прессы в Октябрьский зал Дома Союзов были допущены корреспонденты следующих газет: «За индустриализацию», «Красная Звезда», «Гудок», «Крестьянская газета», «Ленинградская правда», «Коммунист», «Заря Востока», «Уральский рабочий», «Звезда», «Советская Сибирь», «Горьковская коммуна», «Молот», «Бакинский рабочий», «Дейтше Централь Цайтунг», «Журнал де Моску», «Москау Дейли Ньюс» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 54.

²³ Там же. С. 55; Л. Фейхтвангер сполна оплатил Сталину за внимание. В 1937 г. в Амстердаме вышла его книга «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей», которая в том же году была перепечатана в Москве издательством «Художественная литература». Автор подробно описывает процесс по делу так называемого «Антисоветского троцкистского центра», явно оправдывая действия властей; с большой симпатией пишет о Советском Союзе, в чистом воздухе которого «дышать становится легко» // Фейхтвангер Л. Москва 1937. М., 2001. С. 113.

²⁴ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 55.

²⁵ Газета «Правда» – орган Центрального Комитета и МК ВКП(б), журнал «Большевик» – политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б) в те годы являлись основными идеологическими органами большевистской партии, имевшими колоссальное политическое влияние. Их руководящие редакционные статьи, выражавшие мнение Политбюро и всего Центрального Комитета ВКП(б), играли огромную роль в агитации и пропаганде, часто служили отправными точками в развязывании очередной идеологической кампании, в том числе по шельмованию очередных «врагов народа».

²⁶ Правда. 1937. 27 января.

²⁷ Там же.

²⁸ Известия Советов депутатов трудящихся. 1937. 25 января.

²⁹ Автор статьи Николай Леонидович Рубинштейн (1902–1953). Профессиональный пропагандист, доктор исторических наук, профессор. На момент написания статьи – заместитель директора Центрального музея В.И. Ленина.

³⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 18, 23.

³¹ Большевик – политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП(б). 1937. № 3. С. 34–46.

³² Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 234.

^{33–34} Там же. С. 235; Степень «враждебности» антисоветских элементов определяли тройки – квазисудебные органы, в состав которых в обязательном порядке входили руководители местных управлений НКВД, а также секретари соответствующих партийных организаций, прокуроры и др.

³⁵ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 273–281.

³⁶ Таких решений в 1937–1938 годах Политбюро ЦК ВКП(б) приняло несколько десятков.

³⁷ Перечень категорий, подлежащих репрессиям, настолько обширный, что при большом желании к ним можно было отнести любого гражданина. Назовем их: это «бывшие кулаки», «социально-опасные элементы, состоявшие в повстанческих, фашистских, террористических и бандитских формированиях», «члены антисоветских партий», «бывшие белые, жандармы, чиновники, каратели, бандиты, бандопособники, переправщики, реэмигранты», «наиболее враждебные и активные участники... казачье-белогвардейских повстанческих организаций, фашистских, террористических и шпионско-диверсионных контрреволюционных формирований», «сектантские активисты, церковники», «уголовники» // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 274.

-
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 275–276 (расчет наш – С.К.).
- ⁴² Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318.
- ⁴³ Правда. 1937. 21 декабря.
- ^{44–45} Правда. 1937. 18 июля; На несколько дней раньше – 3 июля 1937 г. – «свой» орден Ленина «заработал» начальник Управления НКВД Азово-Черноморского края Генрих Самойлович Люшков (1900–1945), который еще до начала массовой операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов (5 августа 1937 г.), проявив особое рвение, выявил у себя в крае 5721 кулака, подлежащих расстрелу. Правда, менее чем через год Люшков, переведенный за заслуги на должность начальника Управления НКВД Дальневосточного края, совершит побег в Маньчжурию, где выступит с серией газетных интервью, разоблачавших сталинский террор // Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 644; Петров Н.В., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: справочник. М., 1999. С. 281.
- ⁴⁶ Правда. 1937. 28 июля.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Выступая с Отчетным докладом на XVIII съезде ВКП(б) «О работе ЦК ВКП(б)» 10 марта 1939 года, И. В. Сталин так охарактеризовал чистки партии 1933–1936 годов: «Нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить» // XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 28.
- ⁴⁹ Правда. 1937. 10 декабря.
- ⁵⁰ Правда. 1937. 11 декабря.
- ⁵¹ См., например: Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе. М., 1937; Он же. Судебные речи. М., 1938, и др.
- ⁵² Большевик. 1937. № 10. С. 18–30.
- ⁵³ Там же. С. 30
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Об изучении истории СССР. М., 1938. С. 14.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Первая премия не была присуждена // Там же. С. 21.
- ⁵⁸ Среди них были будущие академики, корифеи отечественной исторической науки – Минц, Нечкина, Генкина, Панкратова, а также Гудошников и Глязер // Там же. С. 22.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Правда. 1937. 25 августа.
- ⁶¹ Пятницкий (Таршис) Иосиф (Осип) Аронович (1882–1938). Член Коммунистической партии с 1898 г. С 1921 г. – в Исполнительном комитете Коммунистического Интернационала (ИККИ), в аппарате ЦК ВКП(б). Являлся секретарем ИККИ. Был арестован 7 июля 1937 г. после выступления на июньском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), где высказался против предложения Сталина предоставить НКВД СССР чрезвычайные полномочия.
- ⁶² Младший сын Пятницкого и Соколовой.
- ⁶³ Доднесь тяготеет. Вып. 1. Записки вашей современницы. М., 1989. С. 283.
- ⁶⁴ Старший сын Пятницкого и Соколовой. Был арестован вслед за своим отцом.

⁶⁵ Речь идет о процессе по делу так называемого «Анτισоветского правотроцкистского блока», который состоялся со 2 по 13 марта 1938 г. По этому делу проходил 21 человек, в т.ч. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, А. П. Розенгольц, М. А. Чернов и другие. Большинство подсудимых были приговорены к расстрелу.

⁶⁶ Ягода Генрих (Енох) Григорьевич (Гершенович) (1891–1938). В органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1919 г. В 1934–1936 гг. – нарком внутренних дел СССР, в 1936–1937 гг. – нарком связи. Арестован 28 марта 1937 г. На процессе по делу так называемого «Анτισоветского правотроцкистского блока» приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Не реабилитирован.

⁶⁷ Речь идет о Буланове Павле Петровиче (1895–1938). В 1931–1937 гг. – секретарь НКВД СССР и ответственный секретарь Особого совещания НКВД СССР. Арестован 29 марта 1937 г. На процессе по делу так называемого «Анτισоветского правотроцкистского блока» приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян. Реабилитирован.

⁶⁸ Участникам так называемого «Анτισоветского правотроцкистского блока» (И. Н. Казаков, Л. Г. Левин, В. А. Максимов-Диковский, Д. Д. Плетнев, П. П. Крючков, П. П. Буланов), в том числе, инкриминировали «умерщвление» А. М. Горького, его сына М. А. Пешкова, В. В. Куйбышева, В. Р. Менжинского и покушение на жизнь Н. И. Ежова (ртутное отравление) // Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. М., 1991. С. 236–238.

⁶⁹ Узницы «АЛЖИРа». М., 2003. С. 22–24.

⁷⁰ Доднесь тяготеет. С. 284.

⁷¹ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. С. 121.

⁷² Сталин И.В. Сочинения. Т. 14. С. 204.

⁷³ Там же. С. 205.

⁷⁴ Правда. 1937. 28 июля.

⁷⁵ Правда. 1937. 11 декабря.

⁷⁶ Правда. 1937. 17 августа

^{77–78} Земсков В.Н. Заключение в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 60; Население России в XX веке. В 3-х т. Т. 1. С. 318 (расчет наш – С.К.).

⁷⁹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 28; Не все они были арестованы, осуждены или расстреляны. Но ничего хорошего в судьбе исключенных после этого события, смею заверить, не происходило.

**БОРЬБА СО «СВЕРХБДИТЕЛЬНОСТЬЮ»
В СОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ
ПЕЧАТИ (МАЙ 1935 г. – СЕНТЯБРЬ 1936 г.)**

Призывы к массовой «бдительности» были характерны для большевистской пропаганды периода «большого террора». Тема поиска «врагов народа» в системе советской политической агитации и пропаганды стала особенно актуальной в период проведения кампании по проверке партийных документов 1935 г. Большинство исследователей сходятся во мнении о том, что агитационно-пропагандистская система выступала исключительно в роли механизма нагнетания массовой истерии. При этом следует отметить, что центральная пресса была намного более гибким и емким ресурсом для манипуляции массовым сознанием. Подробно разобраться в вопросе о целях пропаганды можно с использованием данных контент-анализа, который предполагает выявление частоты появления термина «бдительность» в информационном пространстве советской центральной прессы. Указанная методика позволяет более детально определить корреляцию идеологических и политических факторов. С учетом выборки было исследовано 1490 редакционных статей, наиболее полно отражающих содержание номеров газеты «Правда» за период с декабря 1934 г. по декабрь 1938 г.¹ Основная задача исследования сводится не только к определению динамики агитационно-пропагандистской кампании по обмену партийных документов, но и к изучению акцентов политического дискурса на страницах газеты «Правда».

После закрытого письма под названием «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова» репрессии по политическим обвинениям заметно усилились. Этому способствовал начавшийся в мае 1935 г. очередной этап проверки партийных документов. 13 мая 1935 г. ЦК ВКП(б) разослал на места письмо, в котором указывалось на существование беспорядков в учете, выдаче и хранении партийных документов, что якобы способствовало проникновению в партию «чуждых элементов»². Об атмосфере, в которой проходила «проверка партдокументов», свидетельствует выступление в 1937 г. члена Военного совета

одной из армий И. М. Гринберга на партактиве наркомата обороны. «Мы в армии, – говорил он, – во время проверки партийных документов допускали такие вещи: лучше 2–3 человека исключить для того, чтобы потом не сказали, что мало исключили, а затем и на всякий случай: чтобы враг не оказался. Мы исключали из членов партии людей за то, что пассивными были, а потом не могли разобраться, почему эти люди считаются пассивными»³.

Проверка партийных документов способствовала привлечению к уголовной ответственности лиц, исключенных из партии. Издавались специальные директивы, касавшиеся квалификации и порядка рассмотрения подобных дел. Западно-Сибирский краевой суд и прокуратура в циркуляре от 13 октября 1935 г. требовали, чтобы дела на лиц, исключенных из ВКП(б) в ходе проверки партийных документов по подозрению в том, что они «пробрались в партию в контрреволюционных целях для совершения шпионажа, диверсий, организации троцкистских групп и иной разлагательной деятельности», квалифицировались по соответствующим пунктам 58-й статьи УК⁴.

Процесс обмена партийных документов был интересен тем, что не сводился исключительно к деятельности партийных органов, а находился под непосредственным контролем НКВД. В письме, отправленном в сентябре 1935 г. И. В. Сталину, Н. И. Ежов писал: «К сожалению, НКВД до последнего времени стоял в стороне от этого дела. Само собой разумеется, что аппаратом только наших организаций раскрыть до конца эту сволочь невозможно. Проверка дает только зацепку, а органы НКВД должны раскопать дело до конца. Только за последние месяцы мне удалось их оперативно втянуть в эту работу, и это уже начинает давать свои результаты»⁵.

В октябре – ноябре 1935 г. по распоряжению Г. Г. Ягоды органам государственной безопасности на местах рассылались указания о необходимости проверки членов ВКП(б). На основе анализа поступавших отчетов из местных управлений НКВД осенью 1935 г. Г. Г. Ягода указывал на главные направления этой деятельности. В указании НКВД СССР от 2 октября 1935 г. он обратил внимание на поверхностный характер следствия по исключенным из партии, в ходе которого выявлялись только «жулики» и «аферисты». Центр тяжести предлагалось перенести «на разо-

блечение организованной контрреволюционной, шпионской, террористической деятельности проникшего в партию врага, зачастую пытающегося представить себя жуликом или аферистом»⁶. Особое внимание было рекомендовано уделять «выявлению связей разоблаченных с контрреволюционными троцкистами, зинovieвцами, децистами, мясниковцами и другими»⁷.

29 ноября 1935 г. И. В. Сталин получил два спецсообщения из НКВД, в которых подводились итоги оперативной работы органов государственной безопасности по проверке партийных документов. На примере деятельности секретаря Сталинского райкома партии Одессы Д. Д. Томашкина и бывшего секретаря Кременчугского городского комитета партии Б. С. Невельского делался вывод о том, что большое количество «троцкистских элементов» заняли важные посты в советском аппарате. В сообщениях указывалось, что «троцкисты-двурушники в советских учреждениях и хозорганах нередко покровительствовали явным контрреволюционным элементам, не только брали их под защиту, но и непосредственно участвовали в контрреволюционной работе»⁸.

Особо подчеркивалось, что среди подозреваемых в «шпионской деятельности» и арестованных по обвинению в «шпионаже» значительную массу составляли политэмигранты, которые перешли на советскую сторону, по мнению НКВД, якобы для «выполнения заданий иностранных разведок». На областных совещаниях, где обсуждались вопросы, касавшиеся проверки партийных документов, Н. И. Ежов инструктировал актив: «С немцами у нас обострились отношения, за ними надо глядеть, с поляками тоже, за англичанами надо глядеть, а вот американцы уж больно хорошие люди, и к ним отношение самое демократичное, тем более, что они и сами своим демократизмом швыряются. Имейте в виду, что американцы, как правило, почти все шпионы...»⁹.

Итоги «проверки партийных документов» были подведены на декабрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1935 г., где Н. И. Ежов сообщил, что в ходе «проверки» из ВКП(б) исключено 18% ее членов¹⁰. В резолюции пленума по докладу Н. И. Ежова указывалось: «огромнейшим преимуществом» этой кампании явилось то, что «проверкой занимались непосредственно сами партий-

ные органы», «руководящий состав партийного аппарата», который в ходе этой работы «окреп как за счет привлечения новых проверенных кадров, так и за счет очищения его от не годных для партийной работы людей». Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г. постановил считать чистку партии, начатую в 1933 г., законченной, а проверку партдокументов продолжить до 1 февраля 1936 г., вслед за чем провести обмен партийных документов всех членов и кандидатов в члены партии. Необходимость этой акции объяснялась следующим образом: проверка партийных документов показала, что «классовый враг по мере роста наших успехов прибегает к наиболее изощренным методам борьбы, используя для этого в первую очередь оппортунистическое благодушие и ротозейство коммунистов»¹¹. В решениях пленума назывались новые категории членов партии, которых следовало исключить в ходе «обмена партбилетов»: «шпионы иностранных разведок, которые пролезали под видом политэмигрантов и членов братских компартий»; «многие враги партии, которые после их исключения в одной парторганизации переезжали, не сдавая партбилетов, в другую». Особая опасность усматривалась в проникших в партийный аппарат «врагах партии», которые «выдавали партийные документы или продавали их своим соучастникам по подрывной работе против дела партии и Советской власти»¹².

14 января 1936 г. было принято решение ЦК ВКП(б), согласно которому в течение февраля – апреля 1936 г. все партийные билеты и кандидатские карточки должны были быть заменены партдокументами нового образца. В разъясняющей это решение статье газеты «Правда» указывалось, что в ходе данной кампании партия будет продолжать очищаться от «троцкистов, зиновьевцев, белогвардейцев, жуликов и прочей нечисти»¹³. В то же время авторы статьи сочли необходимым предостеречь низовые парторганизации от излишнего рвения, выразившегося в лишении работы всех исключенных из партии; рекомендовался дифференцированный подход к исключенным, заключавшийся в «умении отличать врага от неврага»¹⁴. Эта публикация положила начало крупной агитационно-пропагандистской кампании по борьбе со «сверхбдительностью».

Данные контент-анализа очевидно демонстрируют, что пик упоминаний термина «бдительность» в редакционных статьях газеты «Правда» обозначился в августе 1936 г. Частично это было связано с проведением процесса по делу «объединенного троцкистско-зиновьевского антисоветского центра». При этом во время завершения партийных чисток в августе 1936 г. на волне развернутой «антитроцкистской» истерии в центральной периодической печати публиковались факты одиозных проявлений «бдительности» местными парторганизациями. Именно в августе 1936 г. термин «сверхбдительность» получил широкое распространение в центральной прессе.

29 августа 1936 г. в газете «Известия» была помещена заметка «Разоблаченный враг» – о директоре завода «Магнезит» в Челябинской области З. Табакове, исключенном из партии за «пособничество и покровительство расстрелянному троцкисту – террористу Дрейцеру», работавшему до ареста заместителем З. Табакова. 31 августа 1936 г. ЦК отменил решение партийной организации завода и одобрил решение редакции «Известий» об освобождении от работы корреспондента «за сообщение без проверки данных о т. Табакове, взятых из местной газеты»¹⁵. В этот же день Политбюро приняло постановление о работе Днепропетровского обкома ВКП(б), в котором были взяты под защиту от «необоснованного зачисления в пособники

троцкистов» директор Криворожского металлургического комбината Я. И. Весник и его заместитель Ч. Ильдрым. Как сообщил на февральско-мартовском пленуме 1937 г. В. М. Молотов, Политбюро дало «специальную телеграмму, осаживающую Днепропетровский обком по части... т. Весника, которого чуть-чуть не расстреляли в августе»¹⁶. 5 сентября 1936 г. в газете «Правда» была помещена информация о пленуме Днепропетровского обкома, на котором были подвергнуты критике парт-организации, допустившие «элементы перехлестывания, перегибов, мелкобуржуазного страховочного паникерства и самооплевывания». Отменив исключение из партии Криворожским горкомом Я. И. Весника и Ч. Ильдрыма, пленум признал «совершенно правильным» решение ЦК о снятии в этой связи со своего поста секретаря Криворожского горкома и «решительно предупредил» партийные организации области против допущения в будущем «перегибов, выразившихся в огульном зачислении членов партии в троцкисты и их пособники без достаточных на то серьезных оснований»¹⁷.

В разгар «антитроцкистской» пропаганды центральная пресса перекладывала вину за «перегибы» в проявлениях «бдительности» на местные парторганизации и органы печати в связи с наиболее вызывающими проявлениями «бдительности». В статье «О трусливом секретаре и безответственном журналисте» речь шла об обвинении в «троцкизме» журналистки О. Войтинской¹⁸. Это обвинение прозвучало в заметке газеты «Известия» «О врагах и гнилых либералах в некоторых писательских организациях»¹⁹. После появления статьи О. Войтинская была исключена из ВКП(б) под предлогом, что она несколько раз посетила дом «троцкистки Серебряковой». По этому поводу в газете «Правда» указывалось, что так могут «поступать только люди, которые... стараются перестраховать себя»²⁰.

В центральной прессе сообщалось об исключении из партии в Ростове профсоюзного работника Гробера как «неразоружившегося троцкиста» и «врага партии». Основанием для этого, согласно статье, послужил тот факт, что в 1927 г. он «выступил на собрании с неясной, путаной речью». После исключения Гробера были исключены из комсомола его брат и сестра – «оба стахановцы, примерные комсомольцы». В газете

фабрики, на которой они работали, говорилось об изгнании комсомольской организацией из своих рядов «остатков контрреволюционной сволочи Гробера». Вслед за этим в других организациях были исключены три человека за то, что они в 1927 г. состояли в одной комсомольской ячейке с Гробером и не «разоблачили» его. В заключение статьи указывалось: «Дело не ограничивается только исключением из партии и комсомола ни в чем не повинных людей. Руководители профсоюзных и хозяйственных организаций, дабы их кто-нибудь не упрекнул в пособничестве врагам, исключают этих людей из профсоюза, снимают с работы»²¹. Политика критики «перегибов на местах» активно проводилась в центральной периодической печати. Эта формула давала возможность для маневра в политике центральной власти, который предпринимался с начала 1938 г., когда обвинения местного руководства в «перегибах» вошли в ранг государственной политики на январском Пленуме ЦК ВКП(б) 1938 г.

В постановлении февральско-мартовского пленума 1937 г. напоминалось, что еще в письме ЦК от 24 апреля 1936 г. «Об ошибках при рассмотрении апелляций исключенных из партии во время проверки и обмена партийных документов» запрещалось снимать с работы исключенных из партии. При этом во многих организациях еще до разбора апелляций продолжали лишать работы и жилья не только самих исключенных, но и «связанных с ними» лиц – знакомых, родственников и т.д. Постановление указывало на две группы участников клеветнических кампаний. К первой были отнесены «отдельные коммунисты-карьеристы, старающиеся отличиться и выдвинуться на исключениях из партии, на репрессиях против членов партии, старающиеся застраховать себя от возможных обвинений в недостатке бдительности путем применения огульных репрессий против членов партии»²². К категории «клеветников» была прибавлена другая, фантомная категория «искусно замаскированных врагов», пытающихся «перебить наши большевистские кадры, посеять неуверенность и излишнюю подозрительность в наших рядах и отвлечь внимание партийной организации от разоблачения действительных врагов народа». Эти «вредители-двурушники», которые «в провокационных целях... добиваются

исключения из рядов ВКП(б) честных и порядочных коммунистов, отводя тем самым от себя удар и сохраняя себя в рядах партии», плодили, согласно постановлению, еще одну категорию врагов — людей, не довольных и озлобленных огульными репрессиями, которых «троцкистские двурушники... ловко подцепляют и умело толкают за собой в болото троцкистского вредительства». Постановление фактически нацеливало не на ослабление, а на усиление внутрипартийного террора, требуя «разоблачить и истребить до конца» «врагов народа».

Как показывают материалы февральско-мартовского пленума 1937 г., в ведомствах и регионах велся учет исключенных из партии. Л. М. Каганович сообщил, что в системе железнодорожного транспорта на начало 1937 г. числятся 75 тыс. человек, исключенных в 1930–1936 гг. Он сообщил о депо, где «членов партии имеется 80 человек, а исключенных 100; причем среди них есть люди замечательные, стахановцы, получившие значок; есть люди, которые прямо говорят: “Позвольте, я работаю хорошо, почему я должен ходить под подозрением?”»²³.

На XVIII съезде ВКП(б) И. В. Сталин в своем докладе объединил все чистки 1930-х гг. под рубрикой «Чистка 1933–1936 гг.», заявив, что эта чистка «в основном дала положительные результаты», хотя в ней «ошибок оказалось больше, чем можно было предположить». И. В. Сталин сообщил, что проверка и обмен партийных документов были закончены лишь к сентябрю 1936 г., а прием в партию новых членов был возобновлен 1 ноября 1936 г. И. В. Сталин привел данные, согласно которым, к XVIII съезду в партии оказалось на 270 тыс. меньше членов, чем к XVII съезду в январе 1934 г.²⁴ Как и в предшествующих массовых кампаниях по исправлению «перегибов», виновными в бесчинствах были объявлены местные аппаратчики, которые «подходят преступно-легкомысленно к исключению коммунистов из партии» «вопреки неоднократным указаниям и предупреждениям ЦК ВКП(б)». Рядовым коммунистам, испытывавшим на себе «бездушно-бюрократическое отношение», противопоставлялись «некоторые руководители», которые «считают пустяковым делом исключение из партии тысяч и десятков тысяч людей»²⁵.

В результате анализа центральной периодической печати в период обмена партийных документов можно выделить столкновение двух разнонаправленных идеологических векторов. Во-первых, советская печать активно способствовала нагнетанию массовой истерии и атмосферы всеобщей «подозрительности» и «бдительности». Во-вторых, в центральной прессе присутствовала критическая оценка действий региональных партийных организаций по исключению из ВКП(б). В действительности эти две тенденции дополняли друг друга, т.к. в этом заключался базовый смысл кампании по борьбе со «сверхбдительностью» в центральной прессе. Одной из основных задач центральной власти, помимо избавления партии от мифических врагов, было переложение ответственности за «перегибы» в деле «очищения партии» на региональные партийные структуры, что и определило ключевое направление советской агитационно-пропагандистской политики с мая 1935 г. по сентябрь 1936 г.

Примечания

¹ Хронологические рамки контент-анализа были определены периодом «Большого террора» для возможности сравнения кампании по обмену партийных документов с альтернативными советскими агитационно-пропагандистскими мероприятиями.

² Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 56.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 40. Д. 49. Л. 208.

⁴ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 220. Л. 52.

⁵ Павлюков А. Ежов. М., 2007. С. 162–163.

⁶ Цит. по: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М., 2009. С. 57.

⁷ Там же.

⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 420. Л. 30 об.

⁹ Павлюков А. Ежов. М., 2007. С. 160.

¹⁰ Доклад Н. Ежова на Пленуме ЦК ВКП(б) об итогах проверки партийных документов // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 177. Л. 30.

¹¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1936. С. 646–647.

¹² Там же.

¹³ О большевистской бдительности // Правда. 1936. 15 марта.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Разоблаченный враг // Известия. 1936. 29 авг.

¹⁶ Стенограмма февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 19.

-
- ¹⁷ Высоко держать знамя сталинской бдительности // Правда. 1936. 5 сент.
- ¹⁸ О трусливом секретаре и безответственном журналисте // Правда. 1936. 3 сент.
- ¹⁹ О врагах и гнилых либералах в некоторых писательских организациях // Известия. 1936. 29 авг.
- ²⁰ О трусливом секретаре и безответственном журналисте // Правда. 1936. 3 сент.
- ²¹ Показная бдительность // Правда. 1936. 7 сентября.
- ²² Стенограмма февральско-мартовского (1937) пленума ЦК ВКП(б) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 25.
- ²³ Там же. С. 28.
- ²⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939. С. 28.
- ²⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8-е изд. Т. 5. М., 1971. С. 304–312.

СУДЬБА ПРОФЕССОРА В. И. ГРИНЕВЕЦКОГО

31 марта 2009 года исполнилось 90 лет со дня кончины выдающегося русского ученого, деятеля высшей школы, ректора Императорского Московского технического училища (Московского высшего технического училища) Василия Игнатьевича Гриновецкого.

Он родился в 1871 г., в Киеве, в дворянской семье. В 1896 г. В. И. Гриновецкий окончил ИМТУ и был принят в училище на преподавательскую работу.¹ В 1900 г., в возрасте двадцати девяти лет, был избран на должность профессора.² К началу XX века Василий Игнатьевич сложился как крупный ученый. В 1905 г. им была опубликована работа «Графический расчет парового котла», в которой приведено теоретическое обоснование методов проектирования котлов. Графический метод расчета паровых котлов Гриновецкого лег в основу последующих исследований в области теплотехники.³ В 1906 г. по его инициативе в ИМТУ была организована первая в мире кафедра «Двигатели внутреннего сгорания». Год спустя В. И. Гриновецкий по результатам своих исследований и на основе читаемого курса лекций издал первую в мировой технической литературе книгу «Тепловой расчет рабочего процесса двигателей внутреннего сгорания», основные положения которой являются актуальными и сегодня.⁴ В. И. Гриновецкий разработал конструкцию двигателя двойного сжатия, построенного в 1911 г. на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге, и длительное время проводил исследования его основных характеристик.⁵ В 1908 г. под его руководством было реконструировано путем введения комбинированных тепловых установок высшей экономичности паровое хозяйство текстильных фабрик.⁶ В том же году по инициативе В. И. Гриновецкого в училище была основана специальность «Паровозостроение». Впоследствии усилиями профессоров В. И. Гриновецкого и А. Н. Шелеста были организованы фундаментальные исследования по созданию теории тепловоза.⁷ Василий Игнатьевич участвовал в создании экспериментального института Народного комиссариата путей сообщения. Одним из последних трудов, который он подгото-

вил, но не успел издать, была книга «Проблема тепловоза и ее значение для России». В ней, еще до появления опытных образцов, он обосновал техническое и экономическое значение тепловоза для России.⁸

Профессор Гриневецкий являлся крупным организатором высшей школы России. В 1905 г. его избирают помощником ректора, а 23 августа 1914 г. – ректором Императорского Московского технического училища.⁹ В марте 1917 г. ИМТУ было переименовано в Московское высшее техническое и его ректором вновь был избран В. И. Гриневецкий.¹⁰ На посту ректора он проявил себя как выдающийся исследователь и творческий управленец. При нем укрепляются ведущие кафедры училища, он сформулировал вопрос о создании электротехнического факультета, активно поддерживал деятельность Политехнического общества, инициировал строительство отдельного здания библиотеки. Профессор Гриневецкий в 1915 г. подготовил и опубликовал работу «Проект развития Московского технического училища в школу политехнического типа».¹¹ В ней он говорил о сочетании специализации преподавателей и тесного сотрудничества разных дисциплин, энциклопедической подготовке технических специалистов, о необходимости преподавания будущим инженерам экономики.¹²

В недолгий период существования Временного правительства для МВТУ было сделано немало. В июне 1917 г. Правительство приняло постановление «О временном улучшении материального положения лиц, служащих в МВТУ». На основании этого постановления были внесены изменения в устав МВТУ. Вместо отделений были образованы факультеты, получившие больше самостоятельности. С 1 января 1918 г. в МВТУ были учреждены должности доцентов.¹³

Ректор В. И. Гриневецкий возглавлял ведущий технический вуз России в самое сложное время – Первая мировая война, революции, начало Гражданской войны. Василий Игнатьевич, как и большинство его коллег, не принял октябрьский большевистский переворот в Петрограде. 13 декабря 1917 г. Учебный комитет МВТУ принял следующее решение: «Принципиально не допуская никакого вмешательства в жизнь автономной школы, выра-

зитель решительный протест против назначения комиссара, если бы такое назначение состоялось».¹⁴

Неприятие большевистского режима для В. И. Гриневецкого не означало отказа от научной и организаторской деятельности во благо России, патриотом которой он оставался до конца своих дней. В 1917 г. в Харькове вышла его книга «Послевоенные перспективы русской промышленности»¹⁵, которая затем издавалась в 1918, 1919 и 1922 гг. В ней на основе научного анализа он предложил практические рекомендации по восстановлению промышленности России. Советское правительство во главе с Лениным признавало, что книга В. И. Гриневецкого является единственным практическим трудом по возрождению экономики страны.¹⁶

15 февраля 1918 г. В. И. Гриневецкий и профессор МВТУ К. В. Кирш создали при Политехническом обществе Тепловой комитет и разработали программу его деятельности, включающую вопросы топливоснабжения и электрификации всей страны. Эти факторы наряду с проблемами транспорта Василий Игнатьевич считал важнейшими для будущего России. Таким образом были заложены основы для разработки плана ГОЭЛРО.¹⁷

В. И. Гриневецкий много сил отдал делу кооперации. Он являлся консультантом по вопросам промышленности во Всероссийском Центральном Союзе Потребительных обществ. В 1918 г. вместе с южной группой Управления Центросоюза он уезжает из Москвы сначала в Харьков, а затем в Ростов-на-Дону.¹⁸ Точную дату отъезда Василия Игнатьевича установить трудно. Вероятно, это была вторая половина февраля – март 1918 г. Судить об этом можно, например, из того факта, что с марта 1918 г. обязанности ректора МВТУ исполнял В. А. Ушков.¹⁹ Не ясно также, последовала ли за ним семья. Можно предположить, что родственники (или их часть) в Москве остались. В конце 1920-х годов в библиотеку МВТУ было передано частное собрание книг (1,5 тысячи томов) профессора Гриневецкого.²⁰

Погрузившись в проблемы кооперации и обосновавшись на Юге, В. И. Гриневецкий в 1918 г. присылает заявление об отказе от должности ректора МВТУ.²¹ Отъезд из Москвы, отказ от ректорства стали протестом против политики большевиков, гонений на интеллигенцию вообще и вузовскую в частности.²²

Из Ростова-на-Дону профессор В. И. Гриневецкий приезжал в Екатеринодар как минимум три раза: в декабре 1918 г.^{*}, феврале и марте 1919 г. В этот период в Екатеринодаре находилась ставка главнокомандующего Вооруженными силами Юга России (ГлавВСЮР) генерала А. И. Деникина. Многие деятели науки, культуры, искусства России, бежавшие из Москвы и Петрограда, искали на Юге пристанища, защиты и ожидали исхода в противоборстве «красных» и «белых». Екатеринодар был наводнен известными артистами, художниками, музыкантами, поэтами, учеными.²³

Первое по времени документально подтвержденное пребывание В. И. Гриневецкого в Екатеринодаре относится к концу декабря 1918 г. 28–29 декабря (9–10 января 1919 г.) в городе проходило совещание представителей Всероссийского Центрального Союза Потребительных Обществ, Московского Народного Банка, кооперативных союзов Кубанского края и Области Войска Донского. На совещании обсуждались вопросы «об объединенном выступлении кооперации на заграничных рынках».²⁴ На этом совещании выступил профессор Гриневецкий. Изложение его доклада «Промышленные задачи кооперации» было опубликовано в газете «Утро Юга» от 4 (17) января 1919 г.²⁵ В нем, в частности, говорилось о необходимости «вести широкую и быструю организацию производительной кооперации, содействовать мелкому производству», привлекать в кооперативную промышленность частные сбережения и иностранный капитал.²⁶

14 (27) февраля 1919 г. в Екатеринодаре состоялось совещание представителей кооперативных союзов, на которое были приглашены крупнейшие кооперативные общества Юга России.²⁷ Совещание было собрано по инициативе Управления торговли и промышленности Особого Совещания при ГлавВСЮР и рассмотрело вопросы организации внешней торговли. На этом совещании профессор Гриневецкий совместно с Щепетовым и Коневым представлял Всероссийский Союз Потребительных Обществ.²⁸ Как можно судить из краткого отчета, опубликованного в газете «Утро Юга», на совещании разгорелись жаркие споры о роли и месте кооперативов во внешнеторговых операциях. Пред-

^{*} В январе 1919 г. по новому стилю

ставители кооперативных организаций Юга России отказались от совместной с государственными структурами работы на внешнем рынке. Они требовали в этом отношении большей самостоятельности и свободы.²⁹ Окончательное решение по этому вопросу должен был принять Кооперативный съезд Юга России (Съезд представителей кредитных и потребительных кооперативных Союзов Южно-русского региона).³⁰ Съезд состоялся в Екатеринодаре 6–7 (19–20) марта 1919 г.³¹ Для участия в работе этого съезда и прибыл сюда в последний раз В. И. Гриневецкий. Он привез с собой свою последнюю рукопись «Основные положения промышленной программы кооперации», которую передал Кубанскому Союзу Потребительных Обществ для издания.³² Необходимо отметить, что положение в Екатеринодаре в начале 1919 г. было очень тяжелым: в связи с огромным наплывом беженцев ощущалась острая нехватка жилья, стремительно росли цены, прежде всего на продовольствие, в финансовой системе царила вакханалия. Город поразила эпидемия сыпного тифа. Если в январе 1919 г. в Екатеринодаре болело тифом полторы тысячи человек, то в феврале еженедельно заболело до 800 человек.³³ Тифом заразился и В. И. Гриневецкий, вследствие чего не смог присутствовать на заседаниях съезда. Его доклад, наряду с докладами профессоров Анцыферова и Вилкова, решено было заслушать на Юго-Восточном Краевом Кооперативном съезде в Ростове-на-Дону 23–25 марта (5–7 апреля) 1919 г.³⁴

Лечился В. И. Гриневецкий, по-видимому, в Первой городской больнице Екатеринодара.³⁵ В метрической книге Екатеринодарской церкви во имя Божьей Матери Всех Скорбящих Радости за 1919 г. в разделе об умерших под № 141 записано о том, что умер «профессор В. И. Гриневецкий, 48 лет» от сыпного тифа 18 (31) марта, погребен 20 марта (1 апреля) 1919 г. на городском (Всесвятском) кладбище. Его отпевали священник А. Мороко и псаломщик А. Зарецкий.³⁶

Уже после кончины Василия Игнатьевича его ученики создали в 1921 г. Всесоюзный теплотехнический институт, названный именами В. И. Гриневецкого и К. В. Кирша. Однако после дела Промпартии в 1930 г., по которому проходили несколько профессоров МВТУ, их имена изъяли из названия института и заменили именем Ф. Э. Дзержинского.³⁷ В Теплотехническом институте су-

ществовал Комитет по увековечению памяти профессора В. И. Гриневецкого.³⁸ 23 октября 1928 г. к известному общественному деятелю Краснодара и специалисту в области городского хозяйства П. В. Миронову обратилось руководство института с просьбой спасти могилу ученого от разрушения.³⁹ В январе 1929 г. в следующем письме просьба о сохранении могилы была повторена и сообщено о намерении установить на ней памятник весной 1929 г. Памятник предполагалось заказать в Москве.⁴⁰ Не ясно, был ли действительно поставлен памятник на могиле профессора В. И. Гриневецкого. Возможно, дело Промпартии, очередной виток репрессий начала 1930-х годов этому помешали. Предпринятые попытки установить местонахождение могилы профессора В. И. Гриневецкого на сегодняшний день успехом не увенчались. В имеющемся реестре сохранившихся могил Всесвятского кладбища, который не может считаться полным, могила Василия Игнатьевича не указана.

Профессор В. И. Гриневецкий прожил короткую, но яркую, интересную жизнь. Энциклопедически разносторонний ученый, основатель новых направлений в технике, избранный ректор самого крупного технического вуза России, он был истинным патриотом своей страны. Это признавали даже лидеры большевиков. Его судьба типична для сотен тысяч интеллигентов, не принявших октябрьского переворота 1917 г. Большинство из них погибло в годы революции, Гражданской войны, «красного» террора, были высланы из страны, вынуждены эмигрировать. Эти потери были невосполнимы для общества, отброшенного в культурном и интеллектуальном отношении на десятки лет назад.

Примечания

¹ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Ректоры МГТУ имени Н.Э. Баумана (1830–2001). Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2002. С. 75.

² Большая энциклопедия: в 62 томах. Т. 13. М., 2006. С. 507.

³ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 75.

⁴ Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана. 175 лет. М., 2005. С. 36.

⁵ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 76.

⁶ Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 53; Большая энциклопедия: в 62 томах. Т. 13. С. 507.

-
- ⁷ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 67.
- ⁸ Там же. С. 83.
- ⁹ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С.76; Волчкевич И.Л. Очерки истории Московского высшего технического училища. М., 2000. С. 203.
- ¹⁰ Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 205.
- ¹¹ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 77, 191.
- ¹² Там же. С. 77.
- ¹³ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 79, 80; Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 206.
- ¹⁴ Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁵ Встречаются ссылки на другое название книги – «Послевоенные перспективы развития русской промышленности»// Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ соч. С. 191.
- ¹⁶ Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁷ Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 89; Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 82; Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 207.
- ¹⁸ Вольная Кубань. 1919. 27.03 (8.04).
- ¹⁹ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 84.
- ²⁰ Федоров И.Б., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 88.
- ²¹ Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 209.
- ²² Борьба большевиков с независимостью свободлюбивого вуза продолжалась и после революции. В феврале 1922 г. В. И. Ленин в записке Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину заявил о необходимости уволить из МВТУ 20–40 профессоров. Это при том, что в 1914 г. в вузе насчитывалось всего 22 профессора // Волчкевич И.Л. Указ. соч. С. 203, 212.
- ²³ Об этом подробнее см.: Еремеева А.Н. Между прошлым и будущим (Художественная жизнь Кубани в годы революции и гражданской войны. 1917–1920 гг.). СПб., 1996; Бахмет Ю. Последний Парнас // Аэропорты Юга. 2008. Август. С. 154–160, и др.
- ²⁴ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.
- ²⁵ Утро Юга. 1919. 4 (17).01.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Карпенко С.В. Очерки гражданской войны на Юге России. М., 2003. С.194.
- ²⁸ Утро Юга. 1919. 20.02(5.03).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Утро Юга. 1919. 20.02(5.03); ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 148. Л. 13.
- ³¹ ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 148. Л. 13 об.
- ³² Вольная Кубань. 1919. 27.03 (8.04).
- ³³ Екатеринодар – Краснодар: два века города в датах, событиях, воспоминаниях... Материалы к Летописи. Краснодар. 1993. С. 427–428.
- ³⁴ ГАКК. Ф. Р.-6 Оп. 1. Д. 148. Л. 25.
- ³⁵ В некрологе, опубликованном в газете «Вольная Кубань» было сказано, что В. И. Гринецкий скончался от сыпного тифа «в одном из заразных бараков» // Вольная Кубань. 1919. 27.03 (8.04).
- ³⁶ ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д.334. Т. 1. Л. 49 об. – 50.
- ³⁷ Анцупова Г.Н., Павлихин Г.П. Указ. соч. С. 83.
- ³⁸ ГАКК. Ф. Р-1547. Оп. 1. Д. 147. Л. 1.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же. Л. 2.

**РЕПРЕССИРОВАННЫЕ ТРОЦКИСТЫ –
ОРГАНИЗОВАННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРУППА
ЛЕВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ СТАЛИНСКОМУ
РЕЖИМУ (1927–1938): БОРЬБА КАК НОРМА ЖИЗНИ.
НА МАТЕРИАЛАХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ Г. Я. ЯКОВИНА**

Начну с нескольких напоминаний, относящихся к предметам общеизвестным.

Первое из них касается самого слова «**троцкизм**». Слово это стало в арсенале сталинской пропаганды синонимом абсолютного зла (как и ставшее нарицательным имя «Троцкий»). Даже слово «фашизм» на некоторое время (1939-й – 22 июня 1941 года) было задвинуто на периферию идеолого-пропагандистского лексикона. «Меньшевизм» с конца тридцатых стал постепенно покрываться пылью и востребовался в основном в специальной литературе. Ругательное «троцкизм» пережило все катаклизмы и благополучно просуществовало до самой «перестройки», деля первенство по частотности употребления в пропагандистской литературе с «фашизмом» и «сионизмом». Сталинская пропаганда достаточно быстро справилась с задачей культивирования указанного ругательства. Наша задача вовсе не реабилитировать «троцкизм» или попытаться наполнить его каким-то аутентичным содержанием. Наша задача – лишь указать на проблему единовременного присутствия в «историческом пространстве» сторонников (последователей) Л. Д. Троцкого и слова (понятия), вовсе не имеющего к конкретным убеждениям никакого отношения.

Работа имеет непосредственное отношение к теме «Сопротивление советскому режиму». Как правило, в исследованиях по этой теме троцкистам отведено очень мало места. Зачастую троцкисты как группа, оказывавшая сопротивление режиму с конца 1920-х до конца 1930-х гг., вообще выведены за рамки данной темы¹. Что касается публикаций по истории сопротивления троцкистов, то они в большинстве своем до недавнего времени принадлежали апологетам Л. Д. Троцкого, носили достаточно односторонний характер, к тому же страдали слабой источниковедче-

ской базой. С середины 1990-х стали появляться более фундированные публикации, но касаются они в большей степени регионального аспекта и освещают конкретные, ограниченные непродолжительными хронологическими рамками события².

Наконец, прежде чем начинать разговор по вышеназванной теме, необходимо указать на специфические условия, в которых оказались вчерашние оппозиционеры после 1927 г. А условия эти, собственно, и диктовали характер и формы сопротивления. Если рассматривать в целом «картину сопротивления» правящему режиму с конца 1920-х гг. (до конца 1930-х), среди групп, насчитывающих одни – десятки, другие – десятки тысяч человек³, нераскаившиеся «троцкисты» (число таковых подсчитать довольно сложно, но, полагаем, речь идет о нескольких тысячах человек) оказались среди наиболее стойких и бескомпромиссных. При этом мы должны понимать, что в условиях заключения и ссылки (а в другом «состоянии» троцкисты с 1928–1929 гг. по 1937–1938 гг., иными словами, до их физического уничтожения, ни одного дня не находились!), ни о каком создании политической организации (речь идет о подпольной или нелегальной организации), привлечении новых членов или просто сторонников, налаженной переписки, т.е. своевременном и регулярном получении и обмене информацией, – ни о чем этом речи быть не могло. Троцкисты жили своими достаточно изолированными «колониями», группами. При этом – никакой кооперации, никакого объединения с другими «сопротивленцами»... Редкие же свидетельства иного рода⁴ требуют тщательной проверки.

В нашем сообщении внимание к теме «сопротивление режиму» обращено с того исторического момента, когда внутрипартийная идеологическая дискуссия в СССР стала уже невозможной ни в каких формах (а ее наиболее активные участники-троцкисты практически все оказались исключенными из партии, а в скором времени и арестованы). Ситуация в партии, стране и мире, вокруг которых велись ожесточенные дебаты в период 1923–1927 гг., уходила в прошлое. Те из троцкистов, кто с 1927–1928 гг. находился в ссылках и тюрьмах (а затем и в лагерях) и кто не отказался от своих взглядов (т.е. не шел на компромиссы с властью), с каждым годом оказывались все более отрезанными от внешнего быстро меняющегося мира, от возможности получения

информации, печатных материалов, писем от своих единомышленников, в том числе от Л. Д. Троцкого, с 1929 г. находившегося за пределами СССР. Для реконструкции отношения к тому или иному явлению (событию) у сторонников Троцкого важное значение приобретают косвенные свидетельства: или материалы следствия, где сами фигуранты более чем скупы на показания, а показания третьих лиц (ренегатов, доносчиков, сексотов, тюремного или лагерного персонала и т.п.) весьма и весьма тенденциозны, или мемуары знакомых, вдов, детей расстрелянных в годы «Большого террора» троцкистов... Особой проблемой, требующей специального изучения, является реконструкция идеологии тех, кого мы условно назовем идейными троцкистами. На сегодня эта проблема по понятным причинам (одна из которых – фактическая недоступность соответствующих архивов) не может быть решена окончательно. Для того чтобы понимать всю особенность идеологических воззрений этих непримиримых противников Сталина и его политики, надо дать ответ на вопрос: а какова была, собственно, самоидентификация тех, кто за свои убеждения шел на смерть? Не вдаваясь в существо проблемы, может быть, наиболее правильным было бы называть троцкистов так, как они называли себя сами: «большевиками-ленинцами», «коммунистами-ленинцами»...

Так получилось, что в последнее время мне довелось ознакомиться со следственными делами на **Григория Яковлевича Яковина** (речь идет о «Делах» 1928 и 1935 годов, хранящихся в центральном архиве ФСБ, и о «Деле» 1937 г., хранящемся в Государственном архиве Республики Коми⁵).

Из печатных источников о Яковине можно получить лишь самые минимальные⁶ или весьма искаженные⁷ сведения. Выведем их и добавим информацию из следственных дел. Краткая биографическая справка на момент начала активной оппозиционной деятельности будет выглядеть так.

Григорий Яковлевич Яковин родился 1 декабря 1899 г.⁸ в деревне Кривачинцы Подольской губернии. Фамилия Яковин, скорее всего, псевдоним – по отчеству. Настоящая фамилия – **Мительман** (такова фамилия родителей, братьев и сестер). Член ВКП(б) с декабря 1918 г. В годы Гражданской войны – на пар-

тийной работе (в Киеве) и в рядах Красной Армии («на командно-политических должностях»: зам. военкома бригады), затем – секретарь уездного комитета партии на Донбассе, член политтройки по борьбе с махновцами. Образование – высшее. В 1924 г. закончил Институт Красной Профессуры, а до того, в 1917 г., – 2 курса Одесского университета в 1917 г.

Яковин был человеком разносторонних знаний: знал немецкий язык, математику, увлекался спортом, имел водительские права⁹. В 1924 г. в этого красивого и спортивного мужчину влюбилась его однокурсница, Анна Панкратова. В начале 1925 г. у Яковина, будущего академика и члена ЦК КПСС, родилась дочь Майя. Сразу же после ее рождения, семья молодых историков уехала на год в научную командировку за границу – в Германию и Францию. После возвращения в СССР супруги были посланы на преподавательскую работу в Ленинград. Там Яковин сближается со сторонниками левой оппозиции и, по словам Виктора Сержа, становится одной из ключевых фигур ленинградских троцкистов, ведет нелегальную работу.

«С 1923 г. “троцкисты” на всякий случай создавали группу, удаленную от текущей политической деятельности. Это был Центр (руководящий) левой оппозиции региона, и меня – пишет Виктор Серж, – пригласили войти в него. Мы собирались в номере “Астории” /.../ У нас было два по-настоящему крупных марксистских теоретика, Яковин и Дингельштедт. Тридцатилетний Григорий Яковлевич Яковин, вернувшийся из Германии, недавно написал превосходную работу об этой стране... Спортивный, с беспокойным умом, красивый парень, записной сердцеед/.../»¹⁰.

По другим источникам, Яковин, будучи одним из руководителей Ленинградского центра имел кличку «Арсеньев», а также входил во Всесоюзный троцкистский центр¹¹.

В отличие от Яковина Панкратова по всем позициям всецело разделяла точку зрения сталинского большинства, генеральную линию партии поддерживала неукоснительно. Когда именно Панкратова узнала об оппозиционной активности мужа, нам не известно. В ноябре 1927 г. она выступила на открытом собрании

с публичной критикой взглядов троцкиста Яковина, порвала с ним и упростила партийные инстанции перевести ее на работу в Москву¹².

В декабре 1927 г. Яковина как оппозиционера исключают из партии: с этого момента он считает себя внепартийным коммунистом (*«считаю себя внепартийным коммунистом вопреки лишению меня возможности быть в партии»*¹³).

Будучи арестованным, свою жизнь после исключения из партии Яковин описывает так.

«До февраля месяца жил в Ленинграде. В Москве жил в марте и начале апреля, а затем выбыл в Ленинград, где находился все время до отъезда в Крым, куда уехал месяца полтора тому назад. В Крыму жил в Ялте. В Москву прибыл из Крыма и намерен был выехать обратно туда же в Крым. В Москве я нахожусь 2 дня».

Арестованный не уточнил, что с весны 1928 г. проживал на нелегальном положении¹⁴.

Арестовали же Яковина 11 октября 1928 г. в Москве на Мясницкой улице. При аресте у него были обнаружены документы на имя И. Ф. Панина и не только. Об обнаруженном у него арестованный показывал так:

*«Сообщение о работе Комсомола в подполье было получено мною в качестве письма без интереса к содержанию несколько часов тому назад, для передачи кому именно, я не скажу. О происхождении обнаруженных у меня при обыске листовок говорить не буду /.../ Обращение, начинающееся словами «Дорогой друг» и подписанное «Борисом», использовано мной для записи на обороте. Происхождение его мне не известно, и если бы оно даже было известно, я бы об этом не сказал»*¹⁵.

Подписывая постановление об аресте, Яковин указал на то, что оно им опротестовано. К Постановлению было приложено заявление Яковина в Коллегию ОГПУ. Среди прочего находим в нем следующие важные для нас строки:

«/.../ Мне предъявлено обвинение в принадлежности к анти-советской организации без малейшей попытки подтвердить это хотя бы даже в самой общей форме какими-либо фактами. Я протестую против такого обвинения /.../ Содержание же меня,

*коммуниста-большевика, в советской тюрьме считаю оскорбительным не только для себя, но и для соответствующего советского органа»*¹⁶.

Как видим, самоидентификация подследственного еще находится в стадии «оформления»: в одном месте он называет себя **«внепартийным коммунистом»**, в другом – **«коммунистом-большевиком»**.

7 декабря 1928 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило выслать Яковина в Среднюю Азию на три года. На выписке из протокола имеется приписка осужденного: *«Читал приговор, никакими конкретными обвинениями не подтвержденный на следствии и допросе»*¹⁷.

Местом ссылки был определен г. Ашхабад. Там Яковин пробыл 9 месяцев и был опять арестован (после проявлений в новых условиях политической активности и, вполне вероятно, после попытки бежать из ссылки). 1 октября 1929 г. постановлением Особого совещания Яковин приговорен к заключению сроком на три года.

В октябре 1929 г. А. М. Панкратова решает ехать к арестованному мужу. Цель поездки – вырвать его из плена троцкистских заблуждений. Поездка была согласована с партийным руководством и, скорее всего, с ОГПУ. Яковина на три дня отпускают к жене в гостиницу. Свидание закончилось окончательным разрывом. Операция по возвращению мужа в лоно семьи и идейного официоза провалилась¹⁸ ...

14 мая 1932 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ постановило:

*«По отбытии срока наказания /.../ срок заключения в места лишения свободы /.../ продлить еще на два года. Войти с ходатайством в президиум ВЦИК СССР об утверждении настоящего постановления»*¹⁹.

Ходатайство было удовлетворено 19 августа 1932 г.

Из материалов «Дела» 1937 г. следует, что, находясь в заключении в Южно-Уральском политизоляторе, Яковин *«был членом нелегального бюро»*²⁰.

Решением Особого совещания Яковин 8 мая 1934 г. с 7 августа направлялся в ссылку в Среднюю Азию. Местом ссылки была определена столица Таджикской ССР – Сталинабад. Местом работы Яковина в ссылке стал «Таджиксельпром», должность – экономист. В это время продолжает усугубляться личная драма Яковина. Еще находясь в политизоляторе, он безуспешно пробует установить связь с восьмилетней дочкой. Чтобы увидеть дочь, он бежит из ссылки и пытается добраться до Москвы. По дороге посылает телеграмму бывшей жене с просьбой организовать встречу с дочерью. По доносу Панкратовой его задерживают в пути и возвращают в Сталинабад.²¹

4 февраля 1935 г. – очередной, третий, арест.

Во время следствия на допросах ответы Яковина выглядели так:

«Называть [личных друзей – Б.Б.] считаю излишним...»; «Категорически отрицаю...»; «Следствию и обвинению подлежат действия и поступки, а не мнения и намерения /.../ о мнениях же не считаю нужным вступать в объяснения...»; «Я уже ответил на это в ответе на предыдущий вопрос...»; «Не помню...»; «Не назову...»; «Не считаю нужным называть имен по мотивам, которые я изложил уже в своих предыдущих показаниях...»; «Это ложно. О существовании такой группы я не знаю...»²². И т.д.

Последний из приведенных ответов дан на утверждение следователя: «Следствием установлено, что вы являлись одним из троцкистов, принадлежащих к инициативной группе троцкистов, поставившей себе в задачу воссоздание троцкистской организации в СССР».

4 марта 1935 г. Яковину предъявлены обвинения. Он «изобличается в том, что вел контрреволюционную деятельность направленную на воссоздание троцкистской организации», и привлекается в качестве обвиняемого по ст. 58 п.п. 10 и 11...

На допросе 31 марта между следователем и арестантом состоялся следующий диалог:

«ВОПРОС: С какого времени Вы ведаете подпольной кассой контрреволюционной «троцкистской ссылки»?

ОТВЕТ: Понятия не имею. Никакой кассы нет.

ВОПРОС: Но следствию известно о том, что Вы снабжаете деньгами троцкистские ссылки, в т.ч. Оренбурга, Колпашева, Сыктывкара и др.

ОТВЕТ: Я посылал личные деньги Солнцевой в Москву на лечение ребенка и Кибальчичу 50 рублей с просьбой выписать книги из Парижа. Ни в какие другие места я деньги не посылал /.../

ВОПРОС: С какой целью Вы ориентировали троцкистские ссылки Ташкента, Оренбурга, Колпашева и других о Вашем аресте, предварительном допросе, об известных Вам арестах других троцкистов /.../ и материалах обвинения?

ОТВЕТ: Мои открытки носили прощальный характер. И в тех случаях, когда адресатами были общие знакомые с арестованными, я сообщал о судьбе арестованных товарищей»²³.

В «Обвинительном заключении» по делу Яковина читаем:

«Отбывающий ссылку в Сталинабаде троцкист Яковин поддерживал связь с троцкистскими ссылками /.../ осуществлял информацию о состоянии ссылок, настроениях, арестах и отходах от троцкизма. Снабжал деньгами ссыльных троцкистов, по видимому ведая подпольной кассой троцкистской ссылки /.../ На допросах Яковин отказался от показаний, связанных с необходимостью называть лиц, имеющих отношение к делу. Во время обыска уничтожил (порвал) документы, имеющие отношение к делу. Находясь в заключении в Сталинабаде и в Москве в изоляторе, нарушал распорядок, пытался связаться с другими заключенными. При следовании конвоем из Сталинабада в Москву рассылал троцкистским ссылкам извещения о своем аресте, предварительном допросе и известных ему арестах троцкистов /.../».²⁴

Кроме Яковина по делу проходили еще трое троцкистов – В. Ф. Панкратов, Х. М. Певзнер и А. Е. Думбадзе. Певзнер в мае 1928 г. был сослан в Сибирь, откуда бежал; проживал нелегально в Москве, где входил во вновь организованный центр троцкистской организации, осужден 5 декабря 1929 г. на 5 лет (заключен в Челябинский изолятор). Думбадзе в 1928 г. был выслан в Крым; из ссылки бежал, подделав документы. В Обвинительном заключении приводятся такие показания Думбадзе:

«За все время моих разногласий с ВКП(б) я сохранил свои позиции, был и остаюсь троцкистом. Я не отказываюсь от борьбы с руководством ВКП(б). В соответствии с моими троцкистскими взглядами на мероприятия, проводимые руководством ВКП(б) и Советским правительством, я обменивался мнениями с моими друзьями и единомышленниками»²⁵.

В том же документе о других обвиняемых:

«Певзнер на все уличающие его вопросы, а также и на вопросы о соучастниках в к.-р. деятельности отказался дать показания, заявив на следствии, что «не отказывается от своих троцкистских взглядов». По ряду моментов считает политику ВКП(б) неверной. Перечислять моменты своих несогласий считает излишним.

Панкратов организовывал собрания Оренбургской ссылки с докладами на политические темы, извращающие советскую действительность в к.-р. направлении. Идейное содержание даваемого Панкратовым политического направления определяется следующими его установками:

а) ВКП(б) является основным ядром «Сталинского реакционного интернационала», а Советский соц[иализм] – аппаратом для проведения этой реакции в жизнь;

б) «СССР окончательно включился в систему империалистических государств»;

в) Организация революционных сил в СССР ничего общего с ВКП(б) не может иметь»²⁶.

Дело по обвинению Яковина, Певзнера, Панкратова и Думбадзе было направлено на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР. 4 апреля 1935 г. Постановлением Особого совещания «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» Яковин был приговорен к заключению в исправтрудлагерь сроком на пять лет...

Лагерь ему, как и многим другим троцкистам, вскоре заменили ссылкой. Яковина отправили в Красноярск. Но в ссылке он пробыл недолго. Уже в августе 1936 г. его отправляют отбывать лагерный срок в Воркуту.

18 октября 1936 г. теперь уже заключенный Ухтпечлага Яковин вместе со своими лагерными товарищами-троцкистами

инициирует коллективную голодовку протеста²⁷. Как видно из «Заявления» начавших голодовку, заключенными выдвигались следующие вопросы: организация нормальных жилищно-бытовых условий, работа по специальности, обеспечение медицинской помощи, вывоз тяжелобольных, снабжение обмундированием и т.п. Основная цель – добиться улучшения лагерного режима. Несмотря на отсутствие в «Заявлении» требований политического характера – это потрясающий по силе документ лагерного сопротивления.

В голодовке троцкистов принял участие 231 человек (в том числе группа женщин), а продолжалась она до 13 февраля (!). За это время несколько человек умерли, вес многих осужденных не превышал 40 килограммов²⁸ ...

В «Характеристике» на заключенного Яковина, начавшего голодовку 19 октября 1936 г., приводятся такие сведения:

«Снял голодовку 13 февраля 1937 г.

*Является одним из идейных и фактических руководителей забастовки. Создал невозможную обстановку для работы обслуживающего персонала. Активно сопротивлялся при искусственном кормлении. Вел кампанию за бойкотирование медработников и вел травлю тех голодающих, которые обращались за помощью».*²⁹

В сентябре 1937 г. организаторов массовой голодовки арестовали³⁰. В «Постановлении» об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения говорится:

*«гр. Яковин Григорий Яковлевич достаточно изобличается в том, что отбывая меру социальной защиты в Ухтпечлаге НКВД, систематически занимался к.-р. пропагандой, направленной на дискредитацию вождей партии и правительства и проводимой сов. правительством политики. Является активным участником коллективной голодовки троцкистов в 36/37 годах. После голодовки входил в состав руководящей группы троцкистов, которым давал установки по полит. вопросам... а/с направления ...и по их поведению в лагере».*³¹

Яковин был привлечен в качестве обвиняемого по ст. 58. п.п. 10 и 58. 11 УК, содержался он в изоляторе Кирпичного Завода.

На «Акте» от 28 сентября 1937 года, составленном о том, что обвиняемый Яковин «отказался от дачи показаний по существу предъявленного обвинения», имеется приписка рукой Яковина:

«Участие в голодовке ни по законодательству, ни по существовавшей до сих пор практике Совета[?] никогда нигде не считалась наказуемым деянием, так как является крайней формой протеста заключенного против беззаконий администрации. Остальные обвинения настолько неосновательны и облыжны, что само предъявление этого обвинения многим лицам свидетельствует о преднамеренности и предрешенности этой репрессии, которую следствие только призвано оформить, но ничего не изменить по существу»³².

В «Обвинительном заключении» на заключенных Ухтпечлага НКВД С. А. Геворкьяна, М. Л. Шапиро, В. А. Донадзе, И. С. Краскина, Н. П. Горлова, Г. Я. Яковина, Г. Н. Хотинского, Г. М. Вульфовича и Д. С. Куриневского, подписанном 10 октября 1937 г., им вменялось следующее:

– Пользуясь своим авторитетом, фактически стали у руководства троцкистами на Воркутинском руднике».

– В пути следования этапом в Воркуту в августе–октябре 1936 г. и непосредственно на руднике возглавляли различные «эксцессы-обструкции или же одабривали и ободряли других троцкистов к созданию таковых».

– Систематически отказывались от работы в лагере, давая установку другим троцкистам придерживаться такой же линии поведения.

– «Под маркой “борьбы за улучшение своего положения в лагере” /.../ при содействии других активных троцкистов» организовали в октябре 1936 г. коллективную голодовку троцкистов, для участия в которой привлекли до 231 человека заключенных, «нанеся материальный ущерб лагерю в сумме 323 528 руб. Для организации и проведения голодовки путем тайного голосования был избран нелегальный законспирированный старостат, в состав которого входили пятеро из девяти обвиняемых.

– После прекращения голодовки (в феврале 1937 г.) – *«оставшись фактически у руководства троцкистами продолжают давать установки троцкистам об отказе от работы, неподчинении требованиям администрации рудника, в систематическом нарушении лаграспорядка и пр.»*.

– Систематически проводили нелегальные совещания. В частности, в знак протеста против заключения в изолятор на 15 суток за проведение нелегального собрания старосты Куриневского и председателя собрания Белинкиса, по решению обвиняемых 52 человека отказались от работы, выставив требования немедленного освобождения из изолятора арестованных.

– Организовали (в июле 1937 г.) коллективный отказ от выполнения приказа о направлении на работы в шахту всех пригодных к этой работе з./к., за что были заключены в штрафизолятор.³³

Обвиняемые виновными себя в предъявленном обвинении не признали и от дачи показаний отказались. Дело было направлено в спец. тройку при УНКВД по Северному краю. 25 декабря в Ухте состоялся суд над Яковиным, насколько мы можем судить из знакомства со следственными делами, – **уже шестой!** Что касается остальных подсудимых, то в кратких справках на них³⁴ указано, что **Сократ Геворкьян** (1903 г. р.) за контрреволюционную троцкистскую деятельность **судим 6 раз**, **Михаил Шапиро** (1906 г. р.) – **5 раз**, **Василий Донадзе** (1902 г. р.) – **5 раз**; **Николай Горелов** (1880 г. р.) – **6 раз**, **Георгий Хотимский** (1901 г. р.) – **4 раза**, **Григорий Вульфович** (1905 г. р.) – **4 раза**, **Дмитрий Куреневский** (1906 г. р.) – **5 раз**³⁵. Сведений о количестве судимостей у **Иосифа Краскина** (1899 г. р.) в справке не указано.

Постановлением тройки УНКВД по Архангельской области Яковин в числе группы из девяти человек приговаривается к расстрелу³⁶. Расстреляют Яковина, а вместе с ним еще 172 человека, из пулеметов, во время этапирования с Кирпичного Завода 1 марта 1938 г.³⁷ (Приговор никому из обвиняемых зачитан не был, процедура расстрела предполагала полную его неожиданность для приговоренных.)

Итак, в чем же проявлялась, какова была заявленная в названии нашей статьи «норма жизни», в чем заключалась эта са-

мая «борьба» — каждодневная, не на жизнь, а, как оказалось, на смерть?

На свободе это:

- ведение нелегальной (подпольной) работы;
- проживание на нелегальном положении.

Во время ареста и следствия:

- оказание неповиновения во время обыска (в т.ч. уничтожение документов, могущих скомпрометировать арестованного и его товарищей);
- опротестовывание действий репрессивных органов;
- неучастие в следствии;
- не скрываемая (декларируемая) верность взглядам (идеям).

В ссылке:

- оказание помощи другим ссыльным, в т.ч. материальной;
- активные попытки наладить связь с другими ссыльными, информирование товарищей о состоянии ссылок, о настроениях, арестах, судьбе арестованных;
- нарушение распорядка нахождения в местах ссылок (в т.ч. самовольное оставление мест ссылок, т.е. бегство из них).

В местах заключения:

- создание нелегальных организаций (групп) в местах заключения;
- нарушение распорядка нахождения в местах заключения (например, активные попытки наладить связь с товарищами по заключению);
- проведение нелегальных совещаний единомышленников;
- организация протестных акций во время этапов;
- организация и участие в лагерных акциях протеста (в т.ч. отказы от выхода на работы по разным поводам, голодовки протеста и забастовки);
- во время голодовок — бойкотирование медработников (в т.ч. сопротивление искусственному кормлению).

Каков был эффект от бесспорно мужественного и бескомпромиссного поведения троцкистов в условиях массовых репрессий? Оставили ли они после себя след в советском обществе (как, например, оставили такой след мученики православной веры!)? Наш ответ: как это ни странно, но оставили. Пока имя Ленина для

подавляющего большинства советских людей оставалось бесспорно авторитетным, для критически настроенных по отношению к тоталитарному, бюрократическому режиму групп населения, в первую очередь молодежи, «большевики-ленинцы» могли являться примером рыцарского служения романтической чистоте не изуродованного сталинистами учения. Не случайно молодежные антисталинские группы, создававшиеся то там, то тут в среде учащихся старших классов школ и студентов с конца 1930-х гг., именовали себя: «ортодоксальными ленинцами», союзами «революционной борьбы» или «спасения революции», «идейно-коммунистической молодежи», «коммунистической партией молодежи», «борцами за дело революции», «армией революции»³⁸ ... – тем самым как бы переняв эстафету троцкистов конца 20-х – 30-х годов. Это продолжалось до середины 1960-х гг. – конца хрущевской «оттепели». Потом иллюзий в отношении «незапятнанного» ленинизма почти ни у кого не оставалось. Но это уже другая тема.

Примечания

¹ См., напр., сайт: «Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года: история, идеи, традиции демократического социализма и судьбы участников левого сопротивления большевистскому режиму» (<http://socialist.memo.ru/index.htm>).

² См., напр.: Полещиков В.М. За семью печатями. Из архива КГБ. – Сыктывкар, 1995; Мета В.И., Диденко В.В. Жертвы Колымы. Магадан: документальные очерки, рассказы. – Магадан: ОАО «МАОБИТИ», 2000; Покаяние: Коми респ. Мартиролог жертв массовых полит. репрессий республики Коми. Т. 8. Ч. 2. – Сыктывкар, 2006.

³ Где, кроме определенных социальных групп (крестьянство – в первую очередь), будут: священнослужители и миряне катакомбной церкви; не отказавшиеся от своих убеждений социалисты и анархисты (как дореволюционного, так и нового, 1920-х гг., «призыва»), пребывающие правда, как правило, в ссылках; оппозиционные группы внутри ВКП(б), выступающие против политики Сталина (в 1929–1934 гг.).

⁴ На их существование указывает в своих работах В. Гусев – например, в своем докладе на проходившей 9–11 октября 2009 г. конференции в Смоленске «История сталинизма. Репрессированная российская провинция» (доклад «Коммунистическая оппозиция: феномен, формы и методы сопротивления»).

⁵ Материалы из первых двух дел публикуются впервые. С материалами дела 1936 года, хранящегося в Архиве УФСБ по Красноярскому краю, на момент работы над докладом автору, по не зависящим от него причинам, ознакомиться не удалось. Материалы «Дела» 1937 г. использованы в: Полещиков В.М. За семью печатями. Из архива КГБ. – Сыктывкар, 1995; Покаяние: Коми респ. Мартиролог жертв массовых полит. репрессий Республики Коми. Т. 7 и 8. ч. 2. – Сыктывкар, 2006.

⁶ Покаяние: Коми респ. Мартиролог жертв массовых полит. репрессий республики Коми. Т. 7. – Сыктывкар, 2005. – С. 634.; Т. 8. – С. 750.

⁷ См., например: Серж В. Указ. соч. – С. 684.

⁸ По другим источникам, в ноябре 1897 года или в 1898 году (сведения – из анкет арестованного и протоколов допроса 1928 и 1935 гг.).

⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 35.

¹⁰ Серж В. Указ. соч. – С. 251–252.

¹¹ Архив ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 118.

¹² ЦАОПИМ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 89. Л. 88. Более подробно о личной драме Панкратовой (и, соответственно, Яковина): Беленкин Б. «Танька. Танечка. Таня». Заметки на полях поэмы Наума Коржавина и биографии Анны Михайловны Панкратовой» (доклад на VII биографических чтениях памяти В. В. Иофе. СПб, 20–22 апр. 2009 г.) (в печати).

¹³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 5.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 118.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 8.

¹⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 22

¹⁷ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 46

¹⁸ ЦАОПИМ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 89. Л. 88. Об этом же эпизоде см.: «Готова подчиниться любому решению партии...» (два письма А. М. Панкратовой 1937 г.) // Отечественные архивы. – 1999. – № 3. – С. 64–65.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 30766. Л. 49.

²⁰ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 118.

²¹ Через три года в своем публичном выступлении А.М.Панкратова так описывает этот эпизод: «В 1933 г. он [Яковин – Б.Б.] прислал письмо дочери и записку мне с просьбой переписываться с дочкой. Я ответила вопросом: на каких позициях он стоит? Мне ужасно хотелось, чтобы он не был троцкистом. Не ради личной жизни, а для того, чтобы у дочери не было отца-троцкиста /.../ Он мне прислал письмо с уклончивым ответом» (ЦАОПИМ. Ф. 474. Оп. 1. Д. 89. Л.л. 88–89, 100).

²² ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 50–52, 64–66, 80–82.

²³ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 110.

²⁴ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 116–117.

²⁵ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 117

²⁶ ЦА ФСБ РФ. Д. Р. 40745. Л. 114–115.

²⁷ Подробнее об этом см.: Полещиков В.М. Указ. соч.; Покаяние: Коми респ. Мартиролог...

²⁸ Полещиков В.М. Указ. соч. – С. 71

²⁹ Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Л.15.

³⁰ В «Постановлении» об аресте и предъявлении обвинения сказано: «Яковин [...] систематически занимался к.-р. Пропагандой, направленной на дискредитацию вождей партии и правительства и проводимой сов. правительством политики. Является активным участником коллективной голодовки троцкистов в 36/37 году. После голодовки входил в состав руководящей группы троцкистов, которым давал установки по полит. вопросам... а/с направления ...и по их поведению в лагере» (Архив УФСБ РФ по Республике Коми. Д. КП–3011. Л. 59).

³¹ Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Л. 59

³² Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Л. 60.

³³ Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Лл 118–120.

³⁴ Справки эти содержатся в документе под названием «Информация», составленном по поручению прокуратуры Союза ССР прокуратурой Коми АССР в связи с проверкой архивного следственного дела в отношении Яковина Г.Я., Краскина И.С. и направленном Заместителю начальника Управления по надзору за исполнением законов старшему советнику юстиции Космарской Л.Ф. 13.10.1989 г.

³⁵ Приведенные сведения содержатся: Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Лл. 167–170.

³⁶ В постановлении тройки обвинение Яковину звучит так: «отбывая наказание в Ухт. Печ. ИТЛ, входил в к.-р. группу и занимался к.-р. троцкистской пропагандой» (Архив УФСБ РФ по РК. КП–3011. Л. 126.).

³⁷ Полешиков В.М. Указ. соч. С. 15–19. О кашкетинских расстрелах и о Г. Яковине см. также: Войтоловская А.Л. По следам судьбы моего поколения. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. – С. 200.

По делу 1937 года, по которому проходил Яковин, все девять обвиняемых были реабилитированы. Постановлением Президиума Верховного суда Коми АССР (от 25 января 1957 г.), среди прочего, устанавливалось, что: «Протест подлежит удовлетворению по следующим основаниям: осужденные Геворкьян, Донадзе, Хотимский, Вульфович, Куреневский виновными себя не признали, а Краскин, Горлов и Яковин отказались от дачи показаний по существу обвинения. Шапиро же вообще не допрашивался, и обвинение ему не предъявлялось. Объявлению осужденными голодовки предшествовала подача ими коллективного заявления в адрес НКВД СССР, в котором излагались причины голодовки, однако в нем не ставилось ни одного вопроса политического, антисоветского характера, за которые следовало бы привлекать к судебной ответственности. Свидетели... показали, что осужденные имели конфликты с конвоем этапа при следовании в Воркуту, о голодовке и участии в ней осужденных, но в их показаниях нет данных о совершении осужденными преступлений антисоветского характера» (Архив УФСБ РФ по Республике Коми. Д. КП–3011. Лл. 143–144). На основании изложенного Президиум Верховного суда Коми АССР постановил «постановление тройки УНКВД Архангельской области от 25 декабря 1937 года /.../ – отменить и дело производством прекратить за недоказанностью вины осужденных».

³⁸ Об этом подробнее см.: Макаров А. Молодежное сопротивление тоталитарному режиму. 1945–1953 // Сборник докладов участников межд. конференции «История сталинизма. Репрессированная российская провинция». Смоленск, 9–11 окт. 2009 г. (в печати).

**ЛЮДСКИЕ СУДЬБЫ В 1930-е ГОДЫ:
ОПЫТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПРОФЕССОРА И.
Д. КУЗНЕЦОВА**

Историография «Большого террора» в СССР в настоящее время насчитывает огромное число исследований. Все они затрагивают различные аспекты сложного и весьма противоречивого процесса осуществления политических репрессий. И все чаще на первый план выходит конкретный человек, член «социалистического общества», судьба которого была сопоставима с судьбой тысяч других людей. Ярким примером такой судьбы стал жизненный путь доктора исторических наук, профессора Ивана Даниловича Кузнецова.

Оперативным приказом Н. И. Ежова 30 июля 1937 г. по Чувашской АССР число лиц по первой категории репрессированных было определено в 300 человек, по второй – в 1500.¹ Спецтройка Чувашской АССР в составе первого секретаря ОК ВКП(б) С. П. Петрова, наркома НКВД А. М. Розанова, прокурора республики И.С. Элифанова план по расстрелу 300 человек перевыполнила уже к ноябрю, хотя по приказу Н. И. Ежова это нужно было сделать к концу декабря. К «врагам народа» были отнесены многие выдающиеся деятели культуры и искусства, а также партийные и комсомольские работники².

29 ноября 1937 г. последовал арест заведующего культпропотделом Областного комитета ВКП(б) Чувашской АССР И. Д. Кузнецова. В середине декабря 1937 г. ему было предъявлено обвинение по статье 58 п.п. 10–11 Уголовного кодекса.

Всего по делу И. Д. Кузнецова было допрошено более 30 человек, но главным свидетелем против него являлся А. П. Прокопьев-Милли, с которым он был вызван на очную ставку. Этого человека он знал давно и был с ним давним идейным противником, как он сам писал в своих воспоминаниях в связи с тем, что еще «будучи редактором эсеровской газеты «Хыпар» в 1917 г., Милли клеветал на большевиков, на Ленина, называя его немецким шпионом»³. А. П. Прокопьев-Милли подтвердил, что И. Д. Кузнецов занимался контрреволюционной деятельностью, и дал

письменные показания на 150 машинописных страницах. Эти показания были записаны им в течение 13 дней со 2 по 15 марта 1939 г. на основе книг, брошюр и даже журнальных статей И. Д. Кузнецова. Сведения, данные в этих показаниях Прокопьевым-Милли, стали основополагающими при обвинении историка в национализме.

Через 9 месяцев застенков и бесчеловечных методов получения признаний и условий содержания, хорошо описанных в его воспоминаниях «Как это было», после различных попыток защитить свое честное имя, доведенный до отчаянного состояния И. Д. Кузнецов на очередном допросе 4 сентября 1938 г. подписывается под бредовыми, но крайне необходимыми следствию фразами: «Признаю, что я действительно на протяжении многих лет являлся участником контрреволюционной националистической организации, вел националистическую деятельность на идеологическом фронте»⁴.

Кроме всего этого, И. Д. Кузнецову инкриминировалось (из обвинительного заключения) следующее: «На учебе в ИКП установил тесную связь с активным бухаринцем-террористом (личным секретарем Н. И. Бухарина), в 1932–1933 гг. возглавлявшим контрреволюционную террористическую группу право-троцкистского блока в Саратове, А. Д. Зайцевым. В Чувашской парторганизации насаждал подхалимство и вождизм, подготавливая для издания сборник речей и статей врага народа С. П. Петрова, сравнивая его с третьим изданием Ленина»⁵.

Через два года, 15 октября 1939 г., Ивану Даниловичу предъявили обвинительное заключение. Он пишет, что заключение было предъявлено «только в каких-то отрывках... из него я понял, что перед судом предстает какой-то “подпольный контрреволюционный правотроцкистский, националистический террористический центр”»⁶. Их обвиняли в том, что якобы их шайка ставила целью отторжение Чувашии от СССР путем вооруженного восстания, проводила широкую вредительскую работу во всех областях хозяйственного и культурного строительства, вела контрреволюционную пропаганду.

Через несколько дней начался суд. Судила Выездная Коллегия Приволжского Военного Трибунала. На скамье подсудимых, кроме И. Д. Кузнецова, было двенадцать человек, в числе кото-

рых находились: «С. П. Петров, В. И. Токсин, Я. А. Андреев, Г. И. Иванов (председатель Госплана), М. Т. Ермаков, Т. П. Хрисанов, Е. С. Чернов (Наркомпрос), его брат Л. С. Чернов (Наркомснаб), А. С. Сымокин (секретарь обкома комсомола), Ф. М. Зефирова, А. Х. Харитонов (секретарь ЦИК), А. Я. Яковлев (заместитель председателя Совнаркома)»⁷. На судебном допросе Военного Трибунала Приволжского военного округа, который состоялся 2 ноября 1939 г., И. Д. Кузнецов, как практически и все обвиняемые по данному делу, заявил: «Виновным себя не признаю. Раньше признавал себя виновным – в ходе предварительного следствия... под физическим воздействием следователя с 1 сентября 1938 г. Принуждать меня начали с 3 мая по 19 сентября 1938 г.»⁸

«В целях наилучшего выяснения исторических обстоятельств дела» допрос подсудимых производился порознь, одного в отсутствии других подсудимых⁹. Защитником И. Д. Кузнецова был назначен Т. А. Колпаков¹⁰.

Лишь 31 октября суд начал допрашивать И. Д. Кузнецова. На все попытки суда предъявить обвинение на основании подписанных им документов и очных ставок ученый отвечал категорическим отказом и вынужденностью своих действий. Лишь по некоторым моментам Кузнецов согласился с обвинением, в частности, он заявил: «Признаю себя виновным в том, что написал рецензию на книгу В. И. Краснова-Асли, и признаюсь, что не занимался вплотную разоблачением врагов народа в культурных учреждениях Чувашии. Я считаю свои произведения правильными и не направленными против политики партии и Советской власти. В практической работе я вредительством не занимался, это видно из проделанной мной работы, будучи культпропом ОК ВКП(б), особенно по составлению учебников и орфографии чувашского языка и по преподаванию русского языка в чувашских школах»¹¹.

В последнем слове И. Д. Кузнецов вновь попытался объяснить суть своего дела не объективной критикой своих оппонентов, а клеветой своих недругов. Суд выслушал обе стороны и вынес приговор: «пятерых приговорили к расстрелу, несколько человек – к лишению свободы сроком на 15–25 лет и группу подсудимых – на 10 лет с поражением в правах на 5 лет с конфискацией всего

принадлежащего лично каждому имущества (в числе последних был и я)»¹². После суда И. Д. Кузнецов вместе с другими осужденными написал кассационные жалобы на имя Верховного Суда СССР и лично И. В. Сталину.

В частности, в письме «вождю народов» ученый, в ужасных условиях содержания в Цивильской тюрьме, пишет: «Следствие с ноября 1937-го по апрель 1939 года явно антисоветскими методами добивалось, чтобы я подтвердил клевету врагов народа и партии, объявив себя буржуазным националистом. После 9-месячных издевательств я вынужден был подписать «показание», составленное следователями, признав за факт безусловно лживые измышления о существовании в Чувашской АССР антисоветской буржуазно-националистической организации во главе с бывшим секретарем обкома Петровым»¹³.

Столь богатый материал привел к детальному рассмотрению правомерности применения приговора в Москве. Только в мае 1940 г. Военная Коллегия Верховного Суда СССР отменила этот приговор и обязала следственные органы НКВД ЧАССР отправить дело на дорасследование.

Новый этап в пересмотре уголовного дела на С. П. Петрова и остальных был охарактеризован сменой методов следствия. Однако конечная цель предварительного следствия сводилась к одному – укрепить доказательствами обвинительную часть приговора. 2 сентября 1940 г. была создана специальная экспертная комиссия для того, чтобы проверить работу бывшего секретаря ОК ВКП(б) С. П. Петрова, бывшего председателя СНК В. И. Токсина, бывшего заведующего отделом школ ОК ВКП(б) И. Д. Кузнецова на идеологическом фронте за период их работы в Чувашской АССР.

Комиссия состояла из бывших «друзей» Ивана Даниловича: В. А. Долгова (редактор партийного отдела Чувашгиза), М. Я. Сироткина (ученый секретарь ЧНИИ) и В. О. Алагера (секретарь журнала «Сунтал») ¹⁴. Уже в конце сентября 1940 г. весь материал на Кузнецова был проанализирован и собран в отдельные группы. Все материалы являлись обвинительными документами, изображающими Ивана Даниловича в различных «ошибках».

6 ноября 1940 г. в Военную коллегия Верховного Суда СССР было направлено следственное дело по обвинению С. П.

Петрова, В. И. Токсина, И. Д. Кузнецова и др. для рассмотрения на судебном заседании. В качестве приложения препровождалось следственное дело в 23 томах и жалобы¹⁵. На подготовительном заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, прошедшем 11 ноября 1940 г., слушалось дело № 00239, «...поступившее из ГВП 11 ноября 1940 г., с обвинительным заключением... о предании суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР: Петрова Сергея Порфирьевича, Токсина Василия Ивановича, Андреева Якова Андреевича по ст.ст. 19-58-8, 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР; Кузнецова Ивана Даниловича, Чернова Ефрема Семеновича по ст.ст. 19-58-8, 58-10 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР; Иванова Григория Ивановича по ст.ст. 19-58-8, 58-7, 58-10 ч. 1 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР; Васильева Александра Васильевича по ст.ст. 19-58-8, 58-7 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР...»¹⁶. По итогам слушания было решено согласиться с обвинительным заключением и дело по обвинению вышеперечисленных лиц направить на рассмотрение по существу в Военный трибунал Приволжского Военного округа. Мера пресечения оставалась прежней – содержание под стражей.

Под судом и следствием Иван Данилович Кузнецов пробыл до февраля 1941 г. В начале февраля начался закрытый процесс, как и в первый раз. Обвинительное заключение было длинным, «остались те же пункты обвинения, было пропущено только «отторжение Чувашии от СССР»; сокращен был список привлекаемых по делу, из группы «сельхозвредителей» к нам приобщили Васильева», – вспоминает он¹⁷. Судила также выездная сессия Военного трибунала Приволжского военного округа, но была в новом составе. На скамье подсудимых сидели: «в первом ряду – С. П. Петров, В. И. Токсин, я, Г. И. Иванов, во втором – Я. А. Андреев, Е. С. Чернов, А. В. Васильев». Суд признал их виновными в «групповой контрреволюционной агитации», в том, что опубликовали некролог на смерть Д. С. Эльменя, и приговорил Г. Иванова признать неподсудным, так как он еще ранее был осужден Особым совещанием НКВД к 10 годам содержания в лагере; С. П. Петрова, Я. А. Андреева, В. И. Токсина – к 10 годам лишения свободы, а И. Д. Кузнецова и Е. С. Чернова – к 8 годам с лишением в правах на 5 лет; А. В. Васильева полностью оправ-

дать¹⁸. Таким образом, отменив обвинения по ст. 58-8 УК, в целом органы НКВД в тексте приговора сохранили политический характер обвинения.

Пересмотр судебного дела, в котором фигурировала ст. 58-8 УК (террористическая деятельность против партии и советского правительства), как правило, приводил к ужесточению приговора. Осужденным выносили высшую меру наказания – расстрел. Оправдание большинства заключенных по данной статье вызвало недоумение и недовольство в рядах органов НКВД Чувашской АССР. В частности, сразу же после вынесения приговора на имя прокурора СССР Бочкова в Москву был направлен протест за подписью заместителя НКВД ЧАССР Барскова. В нем указывались противоречия в приговоре Военного Трибунала, в частности, то, что «...трибунал, признавая наличие антисоветской, националистической группировки на территории Чувашии, в составе привлекаемых по данному делу, а также их практическую и антисоветскую деятельность, признал, что С. П. Петров, В. И. Токсин, Я. А. Андреев и И. Д. Кузнецов, находясь у руководства в Чувашии, насаждали на ответственные посты буржуазных националистов и в целях сохранения их культивировали вождизм, зажим самокритики, представляли ложные рапорта об успехах на отдельных участках хозяйственного и культурного строительства Чувашской АССР. В мотивах, изложенных в приговоре о том, что вредительская деятельность участниками организации не проводилась, Военный Трибунал делает ни чем не обоснованный, противоречивый вывод»¹⁹.

Время диктовало жесткие расправы над «врагами народа», и поэтому Управление НКВД Чувашской АССР потребовало пересмотра приговора: «Считая приговор в отношении С. П. Петрова, В. И. Токсина, Я. А. Андреева, И. Д. Кузнецова, А. В. Васильева и Е. С. Чернова оправдывающим их в преступлениях по ст. 19-58-8 и 58-7 УК РСФСР, неправильным, прошу ходатайствовать об отмене за мягкостью указанного приговора перед Военной Коллегией Верховного Суда СССР с одновременным направлением дела на ее рассмотрение»²⁰. Однако предвоенное время оставило этот протест нерассмотренным.

Сразу же после суда И. Д. Кузнецова, Я. А. Андреева и В. И. Токсина повезли в Цивильскую тюрьму, в тот же день они напи-

сали кассационные жалобы в Верховный Суд СССР. «Просидели мы в ожидании ответа из Москвы долго, вплоть до нападения Гитлера на СССР. Мы надеялись, что Верховный Суд СССР разберется в нелепости обвинения и... отменит приговор», – вспоминал он впоследствии²¹. Но приговор Трибунала был утвержден Военной Коллегией.

Дальнейшая судьба И.Д. Кузнецова была нетипичной для судеб репрессированных. По приговору Трибунала он был отправлен в лагеря Коми АССР, участвовал в строительстве Северо-Печорской железной дороги. За эти годы он успел проработать статистом в медицинской части при Севжелдорлаге, а после окончания срока заключения, в 1945 г., был оставлен при Ухтинской газоразведывательной конторе плановиком, а затем и начальником геолого-поисковой команды²².

Судьба Кузнецова – пример судьбы простого советского гражданина. Его дело показывает, что картина 1937–1938 гг. гораздо более многолика. Преследованиям простых советских граждан была присуща, наряду с несомненным аспектом произвола, холодная бюрократическая рациональность, в которой отразилось намерение планомерно очистить общество от «социально чуждых» или «чуждых системе», «неисправимых» и «уклоняющихся от работы» личностей. пытки и признания вины играли при этом меньшую роль. пытки применялись, в зависимости от целевых групп, то в большей (приверженцы прежних социалистических партий), то в меньшей (колхозники и рабочие) степени.

Примечания

¹ Таллеров П.П. Время выносит приговор. – Чебоксары, 2000. – С. 25.

² См. подробнее: Матюшин П.Н. Репрессии партийных работников в 30-е годы XX века (на материалах Чувашской АССР) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. – Краснодар, 2008. С. 217–226.

³ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. – 1988. – 12 марта. – С. 3.

⁴ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3815. Л. 24–40.

⁵ Там же. Д. 3842. Л. 39–42.

⁶ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. – 1988. – 13 марта. – С. 3.

⁷ Там же.

⁸ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3803. Л. 48.

-
- ⁹ Там же. Л. 12.
- ¹⁰ Там же. Л. 48.
- ¹¹ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3803. Л. 172.
- ¹² Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. – 1988. – 13 марта. – С. 3.
- ¹³ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3804. Л. 50.
- ¹⁴ Там же. Д. 3817. Л. 8–9.
- ¹⁵ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3805. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Кузнецов И.Д. Как это было // Советская Чувашия. – 1988. – 15 марта. – С. 3.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 2669. Оп. 2. Д. 3798. Л. 61.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Архив Информационного отдела МВД Республики Коми. Ф. 124. Оп. 20. Д. 393. Л. 28. См. также: Матюшин П.Н. И.Д. Кузнецов в лагерях ГУЛАГа и на поселении Севера // Вестник Чувашского университета. – 2008. – № 4. – С. 71–77.

**РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ
ПО ОТНОШЕНИЮ К ДЕЯТЕЛЯМ КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА
М. А. БУЛГАКОВА)**

Взаимоотношения писателя и власти приобретают трагический оттенок в условиях существования тоталитарного режима, когда общечеловеческие ценности теряют всякое значение, а сам человек видится лишь винтиком в общественном механизме. В такое время выпало жить очевидцу обеих революций, Гражданской войны, НЭПа и сталинских репрессий сатирику и бытописателю эпохи М. А. Булгакову. Поэтому задачей данной статьи является показать влияние тоталитаризма на судьбу человека, а также использовать некоторые произведения писателя как исторические источники.

В своих письмах, написанных высшему руководству партии, в трудные для него дни 1929–1930 гг. Булгаков просит изгнать его за пределы СССР, называя себя «конченным человеком в Советском Союзе». В чем же видит автор «Собачьего сердца» свои «прегрешения» перед советским большевистским режимом? Каковы черты личности и творчества писателя, исключающие возможность его добровольного сотрудничества с властью, а ее, власти, – с ним, профессиональным литератором? Булгаков был горячим поклонником свободы, и прежде всего – свободы слова, свободы печати (что стало совершенно невозможно в России с Октября); он проникнут «глубоким скептицизмом» в отношении революционного процесса, происходящего в отсталой стране, и остается приверженным спасительным идеям эволюционного развития. Как ученик и последователь Щедрина, писатель испытывает «глубочайшие страдания» от «страшных черт» своего народа, а потому не может не изображать жизнь в ее важнейших проявлениях сатирически (что равносильно посягательству на советский строй и неизбежно связано с проникновением «в запретные зоны» – жизни и мысли). В своих произведениях Булгаков проникает в сокровенные области духа, в исторические и социальные процессы, которые не поддаются простой и удобной ма-

териалистической концепции, а потому автор вынужден прибегать к формам иррациональным, фантастическим и гротескным. Но это никакое не проявление мистицизма, а лишь способ образного осмысления действительности, не поддающейся тривиальному понятийно-научному истолкованию. Булгаков, кровно связанный с русской интеллигенцией, считал ее «лучшим слоем» в России и возлагал на нее особые надежды в решении всех кардинальных проблем – политических, социальных, культурных (отсюда его стремление встать над схваткой белых и красных, найти некую «линию», преодолевающую поляризованность русской культуры революционного и послереволюционного времени). Наконец, автор в принципе отрицает внешне привлекательные перспективы политического компромисса с коммунистической властью, приспособления к политической конъюнктуре: он отвергает возможность сочинения заказной пьесы, утверждая, что «она у него не выйдет». Он исключает возможность и лживого покаяния – с «отказом от прежних взглядов» и заверениями о будущей работе в качестве преданного большевистской идее писателя-попутчика. Все подобные широко распространившиеся при советской власти явления Булгаков высмеивал и обличал как «зловещую мрачную силу, воспитывающую подхалимов и панегристов».

Потому путь Булгакова был прям, опасен и труден, а сам ход событий и литературные недруги не раз пытались толкнуть его на дорогу, уводящую в сторону от истины.¹ Вокруг Мастера находились тайные и явные враги и недоброжелатели, осведомители ОГПУ оказались среди друзей и близких писателя. Недаром Булгаков много думал и писал о «нелепости судьбы таланта». Как и Пушкину, судьба порой являлась ему в виде беспечной и жестокой силы, играющей с беспомощными существами. В одном из грустных булгаковских писем другу, философу П. С. Попову, сказано с горечью: «Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а судьба берет меня за горло».

Однако это минутная слабость. Проработав немало лет в литературе и многое пережив, писатель уверенно говорил: «Главное – не терять достоинства». И когда во МХАТ позвонила из «Литературной энциклопедии» обнаглевшая редакторша и спросила, не перестроился ли автор «Дней Турбиных» после критики, Булга-

ков, узнав об этом, резко заметил: «Жаль, что не подошел к телефону курьер, он бы ответил: так точно, перестроился вчера в 11 часов».

В нем чувствовались воля к жизни и творчеству, упрямая убежденность в правильности раз выбранного пути. И зрячее бесстрашие. В 1928 году Булгаков спокойно сказал в присутствии заведомого доносчика знаменательную фразу: «Советский строй – хороший, но глупый, как бывают люди с хорошим характером, но неумные» И, тем не менее, до конца жил и работал при этом неумном, жестоком и хитром строе. Ибо такова судьба русского писателя: жить и творить в реальной России, какая бы она ни была.

Недаром смертельно больной И. Ильф, приходя к Булгакову, печально говорил: «Вы счастливый человек, без смуты внутри себя». Конечно же, самолюбивый, нервный и ранимый писатель знал и великие сомнения, минуты полной безнадежности и отчаяния, страдал от вечного неустройства жизни, постоянного гнета и клеветы, неудач, обманов и предательств. И все же написал в либретто оперы «Минин и Пожарский» удивительные слова: «Мне цепи не дают писать, но мыслить не мешают».

Страшное давление бесчеловечной «системы» Булгаков ощущал постоянно, и в 1936 г. один из его «друзей дома» передал в НКВД горькие слова опального драматурга: «Я похож на человека, который лезет по намыленному столбу только для того, чтобы его стаскивали за штаны вниз для потехи почтеннейшей публики. Меня травят так, как никого и никогда не травили: и сверху, и снизу, и с боков... Я поднадзорный, у которого нет только конвойных». И в пьесе «Александр Пушкин», предназначенной для мхатовской, то есть официальной – «придворной», сцены, драматургом объяснена и предсказана собственная судьба: «Гибель великого гражданина совершилась потому, что в стране неограниченная власть вручена недостойным лицам, кои обращаются с народом как с невольниками!». Это услышали и откормленные недостойные лица в правительственной ложе, и нищий крепостной народ, сидевший наверху в галерке. И в то же время сила духа и жизни Булгакова была такова, что смогла защитить от беспощадного давления бесчеловечной власти свой добрый, светлый, умный, веселый и талантливый мир, куда стремились усталые, отчаявшиеся, изолгавшиеся люди. «К Булгакову

приходили отдохнуть, повеселиться», – говорил друг писателя Ермолинский на допросах в НКВД.

Этот мягкий и интеллигентный потомок орловских священников все видел, все понимал, был человеком мужественным и целеустремленным, находил в себе силы для того, чтобы преодолевать многочисленные препятствия, встречавшиеся на его писательском пути. О многом говорят известные слова писателя, сказанные 18 апреля 1930 г. в телефонном разговоре со Сталиным: «Я очень много думал в последнее время, может ли русский писатель жить вне Родины, и мне кажется, что не может»². И был прав, ибо такие книги, как «Мастер и Маргарита», не пишутся в парижской квартире или в американском уединении.

Однако вождю в принципе и не нужны были признания Булгакова. У него была уже определенная, политически сложившаяся точка зрения на писателя. В феврале 1929 гг. в театральных и литературных кругах стал известен «Ответ Билль-Белоцерковскому» Сталина. Это послание рапповцам закрепило решение Главреперткома о запрещении постановки «Бега» и утвердило репутацию Булгакова как писателя антисоветского. «“Бег”», – поучал генеральный секретарь партии большевиков, – есть проявление попытки вызвать жалость, если не симпатию, к некоторым слоям антисоветской эмигрантщины, – стало быть, попытка оправдать или полуоправдать белогвардейское дело. «“Бег” в том виде, в каком он есть, представляет антисоветское явление».³

И тотчас заголовки редакционных статей центральных газет запестрели: «Бег» назад должен быть приостановлен!», «Тараканий набег», «Ударим по булгаковщине!».

И все же власть давала Булгакову шанс – исправить пьесу в «нужном», с точки зрения революционной идеологии, направлении. Необходимо было лишь показать так называемые «внутренние социальные пружины Гражданской войны в СССР», чтобы зритель мог понять, что «честных» буржуа и интеллигентов изгнали из России не по капризу большевиков, а потому, что они сидели на шее у народа, и, следовательно, большевики, расправляясь с этими «честными» сторонниками эксплуатации, осуществляли волю рабочих и крестьян, а потому поступали совершенно правильно.

Сталин фактически продиктовал свои условия писателю. Теперь Мастеру предстояло доказать, что интеллигенция сама виновата в своем изгнании из России, а пресловутые интеллигентские нравственные принципы – пустой звук и оправдание эксплуатации народа. Социальные пружины революции, оказывается, заключались не в политике большевиков, не в призывах превратить империалистическую войну в гражданскую – высшую форму классовой борьбы, а в сущности «белогвардейского дела». Иными словами, Булгаков должен был написать именно «коммунистическую пьесу» с заданной идеей, с однозначно пробольшевистской трактовкой всех событий и действующих лиц, и на деле доказать свою преданность «идее коммунизма». Писатель понял смысл сталинских предложений, но за протянутую соломинку не ухватился. Судьба «Бега» была решена.

Та же участь ждала и другие произведения Мастера. Ожесточенные споры вызвала и другая его пьеса – «Дни Турбиных», впрочем, вызвавшая у зрителей чрезвычайный, небывалый успех. Три месяца спектакли шли через день с неизменным аншлагом. В критике же ей было уготовано настоящее аутодафе. Как только ни клеймили это творение Булгакова: «политическая демонстрация», «Вишневый сад» белого движения». И это, пожалуй, еще не самые резкие отзывы.

Авторами подобных изречений были по большей части ревнители марксистской идеологии, являвшиеся к тому же влиятельными литературными чиновниками (Литовский, Керженцев). Однако, что уже совсем удивительно, в стороне от литературной травли не остались, к сожалению, и многие из тех, на чье понимание Булгаков, казалось бы, имел все основания рассчитывать. Удивил знаменитый театральный реформатор В. Мейерхольд, заявивший, что если бы «Дни Турбиных» случилось ставить ему самому, то он «поставил бы пьесу так, как нужно советской обществу, а не автору».⁴

В 1929 г. пьеса была снята с репертуара и лишь три года спустя вернулась на сцену. Власть, характеризуя творчество Булгакова как «антисоветское», «антиреволюционное», «непролетарское», в то же время щадила писателя. Например, на мхатовской постановке «Дней Турбиных» Сталин был не менее пятнадцати раз. Конечно, вождь понимал, что талант творца «Дней Турби-

ных» несопоставим с дарованиями известных «пролетарских писателей». Но такие мастера слова, как Булгаков, были нужны партии и для того, чтобы «организовать соревнование», в ходе которого уровень советской литературы должен повыситься, а писатели непролетарские уйдут постепенно со сцены (и театральной, и исторической). К тому же в «Днях Турбиных» Сталин усматривал вполне ощутимую политическую пользу для своего режима, для советской пропаганды. Уже сложилась некая универсальная система фактов и оценок, некий всеобщий и чрезвычайно жесткий критерий, из которого критика обязана исходить в любом случае, «проверяя» любое произведение единственно с той точки зрения, насколько оно согласуется с этим критерием. Надо ли говорить, в какую жесточайшую зависимость от этой системы попадал всякий настоящий художник!

Булгаков это понимал. Понимал, что, отстаивая свое право на истину, – право, дарованное художнику самой его миссией на земле, – он вступает в борьбу неравную, часто безнадежную. Однако уверен он был и в том, что поражение Мастера, даже самая его гибель оборачиваются в конечном счете его победой. Голгофа становится престолом, терновый венец – лучезарным нимбом...

В последнее десятилетие жизни Булгакова эта тема становится для него особо важной.

Осенью 1929 г. он начинает пьесу о Мольере. Почему именно о нем? – напрашивается как будто вопрос. Однако выбор героя точен и значителен. Мольера Булгаков любил, для него это был не только драматург-сатирик и родственная душа человека насмешливого и ранимого. Это и великий театр, и прекрасная Франция, ее великая культура, «призрачный и сказочный Париж», побывать в котором Булгаков всегда мечтал.

К Мольеру, к его трагическому столкновению с эпохой Булгакова заставило обратиться время. Его эпоха, которая в определенных своих чертах совпадала с эпохой великого французского комедиографа. Писатель, конечно, был далек от каких-либо прямых параллелей, от того, что мы называем аллюзиями. Просто он видел, чувствовал, что в духовной жизни современного ему общества действуют силы, по своему нравственно-социальному типу весьма сходные с теми, которые господствовали и во времена Мольера. Кабала Священного Писания, «кабала святош», как на-

зовет ее Булгаков в своей пьесе, – и через триста лет русский писатель не в силах будет освободиться из-под ее тяжелого гнета. Он расскажет о том, как она погубила гениального создателя «Тартюфа» и «Дон-Жуана», но одновременно это будет рассказ и о том, как она стремится уничтожить и его самого, автора «Дней Турбиных». Он покажет «золотого идола с изумрудными глазами», короля Людовика XIV, но рядом с ним зритель будет чувствовать незримое присутствие другого «идола», еще более могущественного и еще более коварного, чей кровавый культ уже начинался на пороге 30-х годов XX столетия. Людовик XIV, избранный в пьесе, привык отождествлять себя с целым государством. «Франция, господин де Мольер, перед вами в кресле. Она ест цыпленка и не беспокоится».⁵ Он покровительствует драматургу до тех пор, пока считает нужным, стремясь тем самым прославить свое царствование. Но свободомыслие комедиографа пугает самого «хозяина», и он, в конце концов, перестает защищать Мольера. Оскорбленный комедиограф размышляет: «За что? Не понимаю. Я, может быть, вам мало льстил? Я, быть может, мало ползал? Ваше величество, где же вы найдете такого другого блюдолиза, как Мольер? Но ведь из-за чего? Из-за «Тартюфа»? Думал найти союзника. Нашел! Ненавижу бессудную тиранию!». Такие фразы в пьесе не могли прийти по душе высокому театральному руководству, опасавшемуся, что зритель усмотрит некое сходство далекого семнадцатого столетия с современностью. Даже великий Станиславский не увидел в булгаковском Мольере человека огромной мощи и таланта, а потому продолжал требовать от автора все новых и новых доказательств гениальности творца «Тартюфа».

Доведенный всеми этими требованиями до отчаяния, Булгаков написал Станиславскому резкое письмо, после чего работу над спектаклем продолжил уже В. И. Немирович-Данченко. Спектакль был сыгран семь раз и в точности повторил судьбу всех других пьес Булгакова: громкий успех у публики, яростные нападки прессы, снятие с репертуара... Видный чиновник от литературы Керженцев в своем письме первым лицам государства Сталину и Молотову отмечал, что автор пьесы хочет вызвать у зрителя аналогию между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV. По

мнению маститого литературного критика, «Кабала святош» отличалась «идейной пустотой», никаких проблем не ставила, зрителя не обогащала, зато «искусно в пышном пустоцвете подносила ядовитые капли». В заключение Керженцев советовал снять спектакль, поместив в «Правде» резкую редакционную статью, разоблачающую безыдейное произведение. Этой убийственной характеристики удостоились и другие произведения Булгакова. Однако, в отличие от героя своей пьесы, Мастер льстить власти отказался, превыше всего ценя внутреннюю свободу. Потому «Батум», написанный к 60-летию «вождя народов», остался в истории единственной попыткой найти компромисс с властью. Изменить свою судьбу даже ценой минутной душевной слабости Булгакову было не дано – этому воспротивился его художественный гений.

Сам автор видел, что в его эпоху писателями становятся лишь для того, чтобы иметь просторную московскую квартиру, дачу близ Ялты, возможность обедать в лучших столичных ресторанах. Вот почему «граждане-писатели» в его романе «Мастер и Маргарита» так дорожат членским МАССОЛИТским билетом, коричневым, пахнущим дорогой кожей, с широкой золотой каймой.⁶ Ведь он и давал право пользоваться всеми перечисленными благами. Так власть незаметно превращала представителей интеллигенции в своих покорных слуг. А творцы, подобные Мастеру, герою романа, идеологически чуждые Советам, попадали в клинику для душевнобольных профессора Стравинского. И ничего удивительного тут нет: в обществе, где почти все сумасшедшие, странными кажутся именно здоровые люди. Интересно и то, что Булгаков, видевший кровавые репрессии воочию, в своем романе их не показал. Мы видим только травлю истинных талантов и их шельмование в газетах. Только по нескольким эпизодам читатель может догадаться, чего каждый день ждали советские граждане. Вот Азazelло начинает беседу с Маргаритой в Александровском саду, и та сразу пугается: «Вы меня хотите арестовать?». А нехорошая квартира на улице Садовой заслужила свою репутацию из-за того, что однажды один из жильцов этой квартиры ушел куда-то вместе с корректным милиционером в белых перчатках и не вернулся. Надо полагать, подобным образом исчезли и все остальные обитатели.

«Мы живем, под собою не чуя страны», – сказал погибший впоследствии в сталинских лагерях Мандельштам. Трагическое чувство эпохи было в высшей мере свойственно и Булгакову. Он не строил иллюзий относительно того, в каком времени он живет. Но в то же время и не боялся открыто высмеивать пороки существующего строя. Однако власть таких правдоискателей не терпела: иных «убирала подальше», иных заставляла замолчать. Все оставшиеся «инженеры человеческих душ» были в большинстве своем серой, послушной массой, в которой даже природный талант терялся в хоре посредственностей. Партия явно предпочитала иметь дело с МАССОЛИТОм.

Но, как известно, «рукописи не горят», и творческое наследие Булгакова дошло до наших дней полностью, помогая осмыслить и понять прошлое своей страны.

Примечания

-
- ¹ Сахаров В.И. Михаил Булгаков: писатель и власть. М., 2000.
 - ² Боборыкин В.Г. Михаил Булгаков. М., 1991.
 - ³ Соколов Б.В. Булгаков Энциклопедия. М., 2003.
 - ⁴ Цит. по: Емельянов Л. Две судьбы Михаила Булгакова // Булгаков М.А. Театральный роман. Л., 1991.
 - ⁵ Булгаков М.А. Кабала святош. Спб., 1993.
 - ⁶ Соколов Б.В. Сталин, Булгаков, Мейерхольд. М., 2004.

«СЛЕДОВАТЕЛЬ НАЗВАЛ МОЕ ДЕЛО ФАНТАСТИЧЕСКИМ»

«Во второй половине 1937 г. по телеграфному распоряжению УНКВД Свердловской области райотделом НКВД было арестовано несколько групп, причастных к контрреволюционным партиям, и других категорий лиц. Согласно распоряжению УНКВД следствие по делам этих арестованных должно вестись в направлениях получения от арестованных признательных показаний о причастности их к различным контрреволюционным организациям – шпионским, диверсионно-вредительским, повстанческим. Арест указанных категорий лиц был произведен безотносительно того, имели ли на этих лиц какие-либо компрометирующие материалы или таких не было, – показал на допросе 20 мая 1955 г. капитан внутренней службы. – Списки на лиц, подлежащих аресту, составлялись путем выяснения данных на этих лиц через паспортные столы, отдел кадров. Через пару дней в массовом порядке стали поступать заявления с трафаретным содержанием, что арестованный признает себя виновным»¹.

Так в 1930-е годы фабриковались дела. Каждому сотруднику выдавался образец протокола, в котором было указано, что обвиняемый «признает себя виновным, указывает лицо, завербовавшее его, дату вербовки, причастных лиц, контрреволюционную вражескую деятельность себя и других лиц. Следователи писали протоколы допросов в отсутствие обвиняемых, и факты контрреволюционной деятельности вписывались в протокол не со слов обвиняемого, а представляли собой вымысел самих следователей. Протоколы печатались на машинке и составляли более 20 печатных листов, далее давались на подпись обвиняемым. Это подтверждается показаниями арестованных. Один из политических заключенных в кассационной жалобе писал: «Протоколы на подпись мне давали редко, причем уже отпечатанными на машинке и совершенно с другим содержанием, то есть не с тем, о чем я показывал ему на допросах. Протоколы, даваемые мне на подпись, я не подписывал, поскольку в них значилось, что я признаю себя виновным»².

Для подписи протоколов применялись самые различные методы: «давали расписаться на завернутом уголке»³, метод прямого принуждения, заключение в карцер, камерная обработка, «весьма грубое обращение, ругаясь матерно, называя вредителем, бандитом, диверсантом, врагом народа; стоянка в углу как в царской школе»⁴.

Подобным образом строилось обвинение в отношении Василия Григорьевича Сребницкого: 1890 г.р., уроженец Седлецкой губернии, украинец, из дворян (отец работал ветеринарным врачом в Польше), с высшим юридическим образованием. У Василия Григорьевича светло-карие глаза, волосы светло-русые⁵.

До революции он работал следователем по уголовным делам в г. Стародубе Черниговской области. В 1918 г. с приходом красных войск в Полтаве работал делопроизводителем на артиллерийском складе.

Насколько тяжелым было положение Сребницкого, можно судить по его показаниям: *«В ноябре 1918 г. я вместе с частью гражданского населения бежал из Стародуба при отступлении оккупационных германских войск, и при наступлении большевиков бежал с семьей (жена, бабушка жены, двое детей), в то время, когда город находился под артобстрелом, спасая свою маленькую бытовую жизнь. Оставив квартиру, обстановку, дрова, захватив только необходимые вещи и постельные принадлежности. Я добрался до места жительства моих родных (стариков родителей). Старики жили очень бедно. Единственным источником существования была незначительная пенсия, которую отец получал по прежней своей службе – уездного ветеринарного врача, плюс помощь сестры. Я лично находился в чрезвычайных материальных условиях: службы у меня не было, и приходилось сидеть, что называется, на шее у родных. Жили на окраине города. Создались тяжелые отношения между моей матерью и женой. Надо было найти работу и квартиру. В домике моего отца, находившемся напротив строения артсклада, появился молодой человек, только что назначенный завартскладом, который подыскивал себе комнату поблизости от склада. Сам он был малограмотен, я сказал о своем образовательном цензе и предложил свои услуги»*⁶. В губвоенкомате Сребницкого назначили делопроизводителем артсклада. Так с января 1919 г. началась

служба советской власти человека, воспитанного в дореволюционной высшей школе на учебниках профессоров Тарасова и Самоквасова, а также лекциях Кассо. *«Я имел очень смутное представление, как и интеллигенция моего круга, – отмечает Василий Григорьевич, – в кругу моих мелких обывательских забот человека, выбитого революцией из своей колеи в заботах о куске хлеба для себя и семьи, и кроме того политически (в советском смысле) безграмотного, – в моем сознании еще не возникала мысль, что такое советская власть и как я к ней должен отнестись; что я должен был бы сделать, чтобы доказать, что советская власть мне ближе и я ей могу быть предан. Я был просто советским канцеляристом-делопроизводителем, который ради зарплаты, красноармейского пайка и предоставленной квартиры старался добросовестно, как только умел, нести свои служебные обязанности делопроизводителя. Начальник относился ко мне по-человечески, тепло в моих тяжелых условиях, я это очень ценил»*⁷. Сребницкий был настолько предан своему делу и далек от политики, что позже писал: *«Давно уже создано мною, что, если бы тогда, при самой организации Советской власти, добился того, чтоб мне дали возможность работать, только как юристу-криминалисту, уверен, что в этой области я мог быть наиболее полезным»*.

В июле 1919 г. Полтава была занята наступающими белыми – деникинцами. Красные войска спешно оставили город. Сребницкий признает: *«Это было так неожиданно, что я даже не имел возможности и думать о том, можно ли мне эвакуироваться вместе с красными; конечно, висел передо мной вопрос о семье. С другой стороны, мое начальство меня ни о чем не предупреждало, не предложило мне эвакуироваться – мне предложили только сложить в ящики дела, что мною и было сделано»*⁸.

Легли спать при красных, а проснулись уже при белых. Последовали приказ начальника гарнизона белых и явка к нему на регистрацию, и вместе с другими Сребницкий содержался под арестом 2 суток. После этого был отпущен и получил удостоверение о «реабилитации». Был отпущен с предложением представить отзывы о заслуживающих доверия лиц о том, что он «не большевик и служил у большевиков по необходимости»⁹.

Однако с приходом белых жизнь Василия Григорьевича не налаживается: полтора месяца «склонялся по полтавским гражданским организациям, но не мог найти себе работы: мне отвечали, что я служил у большевиков»¹⁰. *«При неспособности моей к другому труду, тем более к физическому (я даже пытался получить должность дворника, но и то сорвалось), – что я от нужды терял голову, и не знал, на что решиться. Положение оставалось чрезвычайно напряженным: жили из милости в углу у бедных родственников, за супом и куском хлеба я ходил к матери, а она мне с трудом их уделяла».*¹¹

Суровая повседневность не сломила волю Сребницкого – он собирается в Харьков к председателю Судебной Палаты, просить у него назначения куда бы то ни было по моей специальности. Но чтобы выехать, нужно было получить разрешение от пункта № 10 разведывательного отделения при штабе добрармии (Полтавская контрразведка). Василий Григорьевич прибыл к начальнику пункта Смотракову. Здесь же Сребницкому была предложена должность заведующего следственной частью. Он решительно отказался: «Я следователь по уголовным делам, с политикой ничего общего не имел, и не хочу с нею связываться». Смотраков, выдав разрешение на 3-дневную поездку в Харьков, потребовал, чтобы из Харькова Сребницкий вернулся к нему¹².

В Харьков Сребницкий ездил лишь на сутки – для явки к Председателю Судебной Палаты, и вернулся безрезультатно. Председатель отказал в работе и с раздражением заметил, что он удивляется, как «человек, бывший у большевиков в военной должности, еще осмеливается просить должность следователя при судах в местности, занятой белыми»¹³.

Василий Егорович вернулся из Харькова разбитым. Для себя он решил – «придется служить хоть самому черту-дьяволу, лишь бы кормиться и не выпрашивать кастрюль с супом у старухи-матери».

Предпринял последнюю попытку найти гражданскую службу – значился на бирже на амплуа дворника, официанта, приказчика, но безрезультатно. Осенью 1919 г. он отправился к Смотракову и дал согласие на предлагаемую должность зав. следственной частью. Ему предоставили квартиру-комнату в центре города, неподалеку от гостиницы, где помещалась Полтавская контр-

разведка. «Ежедневно от 10 часов утра до 4–5 дня ходил в отведенный мне в контрразведке кабинет, сидел там¹⁴,» просматривая дознания по обвинению в причастности к большевизму разных лиц, выуженных контрразведкой»¹⁵. Также он занимался выдачей разрешений на свидания с заключенными.

Сребницкий отмечал: не *«было какого-либо серьезного дела, которое бы осталось в моей памяти. Помнится, что это была какая-то вермишель офицерских дел в отношении офицеров, служивших у большевиков больше в хозяйственных или гражданских должностях»*.

Но одно дело Сребницкому запомнилось особенно – об офицере, который работал завхозом в «детдоме или приюте и был уличен в воровстве продуктов и имущества детдома». Смотряков легко смотрел на это дело, и дал распоряжение освободить вора-завхоза. Сребницкий, интеллигентный человек с дореволюционным образованием, узнав об этом, впервые за все время работы написал записку Смотрякову, что «за воровство государственного достояния считаю неудобным освободить до судебного разбора»¹⁶. Об этом узнала жена обвиняемого и приходила объясняться. Сребницкий отвечал, – что это уголовное дело.

Василию Григорьевичу пришлось встретиться с этим человеком несколько позднее.

Спустя 2 месяца работа Сребницкого на белых закончилась. В конце октября 1919 г. белые отступали из Полтавы. *«Это было ужасное, проклятое отступление мечущегося врага, который в этих условиях распоясался и показал всю свою идейную сущность»*. Сребницкому с семьей предложили погрузиться в товарный вагон, отведенный «для всех чинов». *«Здесь, в вагоне, я впервые столкнулся с обер-офицерами. Это была низкая, самая подлая часть безо всякого идейного содержания, которых интересовала только охота на материальные ценности, которые грабили при обысках и арестах, причем не оформляя актов. Это были хорошо одетые, сытые люди. С другой стороны – я с семьей, люди полуодетые, голодные. Обер-офицеры говорили в мой адрес насмешливые фразы. Судьба помогла мне избавиться от власти над мной белых»*¹⁷. В поезде начались заболевания сыпным тифом. Это было в последних числах декабря 1919 г. Сребницкий, будучи

болен, сошел на ст. Тимашевской (Краснодарский край). С этого момента связи с белыми у Сребницкого прекратились.

За последний «донской колокол» жена упросила казачку Сашу пустить семью на несколько дней отдохнуть. Она скрыла, что муж заболел тифом. Здесь Сребницкие находились до марта 1920 г. За пищу расплачивались носильными вещами из барахла. *«Когда Саша увидела, что я болен, она хотела, чтобы мы ушли. Жена на коленях просила ее не выгонять нас на улицу. Здесь переболели тифом все: я, жена, дочь, бабушка; не заболел только 2-летний сын. Бабушка жены умерла; я лежал без сознания, и жена хоронила ее, выпросив где-то несколько досок на гроб»*¹⁸.

Весной семья Сребницкого отправляется в Краснодар ждать красных. 20 марта 1920 г. город был занят советской властью. Согласно вывешенному приказу Сребницкий явился в особый отдел 9-й армии. О работе на белых он не рассказал, указав – «бывший следователь по уголовным делам».

При регистрации в особом отделе на углу улиц Бурсаковской и Екатеринской Сребницкий встретил того самого бывшего офицера. «Он узнал меня, так как его приводили ко мне после ареста, и подошел ко мне с улыбкой: “Ну, в каком вы теперь очутились положении?” Сказал, что уже принят в красноармейскую часть. Я ответил, что он может предать меня и я к этому готов»¹⁹. Однако офицер улыбнулся и предложил защиту и помощь. Больше они не встречались.

После регистрации Сребницкий работал в Трибунале, с 1921 г. – секретарем, делопроизводителем в Краснодаре. С 1923 г. – в политотделе Краснодарского продовольственного комитета, в 1923–1924 гг. – в налоговом отделе продовольственного комитета. До ареста, 8 ноября 1928 г., – финансовый инспектор окрфинотдела. В этой должности, по данным следствия, Сребницкий получил несколько взяток от торговцев, за что был судим краснодарским окружным судом на 10 лет лишения свободы. Он чисто-сердечно признался; также сообщил, что в 1919 г. работал у белых юристом, предопределяя обвинений по 58-й ст., но следователь сообщил, что «наказание по ст. 117 будет вполне достаточным за все грехи».²⁰

Однако в уголовном деле значится: «До 1920 г. принимал активную карательную деятельность против коммунистов и лиц

сочувствующих советской власти»²¹. При разгроме белых обман-ным путем скрыл службу в армии Деникина, до марта 1921 г. работал фининспектором краснодарского окротдела, исполнял возложенную на него работу энергично. Ни в чем предосудительном замечен не был и пользовался полным доверием трибунала.

Однако за связь «с торговцами и спекулянтами, взятки»²² по ст. 117 УК осужден в 1929 г. на 10 лет исправительно-трудовых работ, отбывал срок в Вишерском лагере (Пермская область). Здесь получил квалификацию бухгалтера, работал в отделочном цехе Вишерского Бумкомбината²³. Виновным себя признал в том, что скрыл службу в белой армии. Он терпел свое наказание; трудился, читал всевозможную политическую литературу, какая была в лагерной библиотеке, «стараясь уяснить смысл советской власти». В мае 1933 г. за хорошее поведение и отношение к труду в индивидуальном порядке колонизирован с правом выписать на Вишеру свою семью. Жизнь после приезда семьи протекала под игом большой материальной нужды: «Работал я один, жена по болезни не могла работать. Сын работал слесарем, но зарабатывал мало, поддержки мне оказывать не мог – что зарабатывал, тратил на одежду. Мы с женой тоже страшно обносились, весь мой заработок уходил на еду. В связи с переездом семьи залез в долги, с которыми с великими трудностями рассчитался незадолго до ареста». Сребницкие жили замкнуто, никто «к нам не ходит, и мы – никуда. Лишь сын водил знакомство с приятелем»²⁴.

«Все время жил я одной мечтой – скоро срок, 4 февраля 1938 г., когда я должен получить свободу»²⁵. Однако за месяц до окончания срока – 27 декабря 1937 г., Чердынским РО НКВД Молотовской области Сребницкий был арестован за проводимую антисоветскую деятельность. Осужден по политическим мотивам. Первоначально инкриминировалось преступление по ст.ст. 58-6 и 58-10, но в силу категорического отрицания подсудимым своей вины и отсутствия достаточных доказательств дело не имело судебной перспективы. Предъявлено обвинение по ст. 58-13 УК, материалами дела установлен лишь сам факт службы в части армии Деникина, не отрицавшийся им и ранее, в 1929 г.²⁶. Как отмечает Василий Григорьевич, «суд не учел того обстоятельства, что после первой судимости я не совершил нового преступления перед властью, 2 года службы у белых учитывались ра-

нее. Следователь назвал мое дело фантастическим»²⁷. Василий Григорьевич с правилами ведения следствия был хорошо знаком. В кассационной жалобе он пишет: «Следствие велось тенденциозно, пристрастно и с нарушением норм УПК в предоставлении мне очных ставок со свидетелями, в приобщении к делу важного документа – копии приговора от 1929 г. При очных ставках со свидетелями я был лишен возможности задавать вопросы; следствие велось разными следователями – 6 человек; каждый по-своему перегруппировывал и подшивал в дело документы. Некоторые извлекались: так, в описи было 153 листа, а предъявлено только 134, значит, я не полностью ознакомлен с делом, что считаю нарушением закона»²⁸. В период ведения следствия, с 1937 г., содержался в камере № 8; носил пальто осеннее синее суконное, черные брюки, шапку-ушанку²⁹.

Несмотря на «хронический левосторонний плеврит, функциональное расстройство сердечно-сосудистой деятельности, невроз»³⁰ еще в начале 1940 г. Сребницкий пишет: «Мне 50 лет, я еще вполне бодр и работоспособен»³¹. Однако трудиться на благо советского государства ему не пришлось – 13 апреля 1940 г. он направлен в психбольницу города Молотова (Пермь) из тюрьмы № 1, «перенес кратковременное реактивное состояние». 27.09.1940 г. вынесен приговор – ВМН, 7 февраля 1941 г. Молотовский областной суд дал поручение в 1 час ночи 8 февраля 1941 г. привести приговор в исполнение³².

9 июня 1999 г. реабилитирован посмертно³³. Процесс реабилитации невинно осужденных жертв начался в 1950-е годы в период «оттепели». В каждом деле есть протест в порядке надзора, где значится: «Был арестован и осужден по сфальсифицированным материалам при отсутствии в его действиях состава уголовного преступления; признан виновным на основании выписок из протокола допросов лиц, показания которых не заслуживают доверия»³⁴, «осужден без наличия каких-либо компрометирующих материалов»³⁵.

Впоследствии среди жертв режима оказались и сами следователи.

Таким образом, в советском государстве в ранг «врага народа» можно было определить любого неугодного гражданина.

Количество жертв и характер предъявленного обвинения зависело лишь от разнарядки сверху и «мастерства» следователя.

Примечания

¹ Пермский государственный архив новейшей истории (далее – ПермГАНИ). Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12508. Т. 1. Л. 65.

² ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12508. Т. 1. Л. 47.

³ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12508. Т. 1. Л. 29.

⁴ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12398. Л. 48.

⁵ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 3.

⁶ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 20, 20 об. Архивно-следственное дело на Сребницкого Василия Григорьевича.

⁷ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 21.

⁸ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 22.

⁹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 23.

¹⁰ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 22.

¹¹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 24.

¹² ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 23.

¹³ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 23.

¹⁴ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 22.

¹⁵ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 24.

¹⁶ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 25.

¹⁷ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 25.

¹⁸ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 26.

¹⁹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 27.

²⁰ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 27.

²¹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 2.

²² ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 163..

²³ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 10.

²⁴ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 28.

²⁵ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 146.

²⁶ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 167.

²⁷ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 146.

²⁸ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 160, 160 об.

²⁹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 9.

³⁰ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 145.

³¹ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 146.

³² ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 47.

³³ ПермГАНИ Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 13322. Л. 167.

³⁴ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 10231. Т. 2. Л. 3.

³⁵ ПермГАНИ Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12793. Л. 37.

**ОДИН ИЗ МИЛЛИОНОВ...
СВИДЕТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЯ Ю.И. НАРУМОВА-
ГОФМАНА О СВОЕМ ПЕРВОМ АРЕСТЕ**

В настоящей статье речь пойдет о российском советском писателе Юрии Ивановиче Нарумове-Гофмане.

Род Нарумовых идет от плотника-кораблестроителя, вывезенного еще Петром Первым в Россию из Кенигсберга... Младший брат прабабушки нашего героя – Юрия Ивановича Нарумова – оказался каким-то образом замешанным в декабрьском восстании 1825 года. И вот, когда уже разворачивались жестокие, яростные преследования участников восстания, старший брат, который в то время служил при дворе в кавалергардах, опасаясь грозящих преследований, передал младшему 100 тысяч рублей и сказал ему примерно следующее: «Скорее уезжай из России, скрывай следы. Иначе оба пострадаем: и ты, и я».

Отправленный за границу, младший брат в Германии женился на немке и, приняв фамилию и титул своей супруги, сделался бароном фон Паленс-Гофманом. Таким образом, фамилия Гофмана – в данном случае не еврейская, за какую многими принималась в дальнейшем.

Итак, фамилию Нарумов Юрий Иванович получил (точнее будет сказать: взял себе в качестве псевдонима) от одной из прабабушек, матери деда; фамилию же Гофмана – взял от отца.

Матерью Юрия Ивановича была англичанка. Воспитывалась эта женщина вместе со своими неродными сестрами, и детство ее было довольно тяжелым. Окончив колледж и скопив небольшую сумму, девушка сбежала к родным сестрам в Берлин, где и познакомилась с будущим отцом Юрия Ивановича. Через некоторое время Кэтти и Иван уже плыли на корабле в Россию – в свое свадебное путешествие... Они побывали в Одессе, затем и в Санкт-Петербурге.

Сам Ю. И. Гофман родился в 1908 году, семимесячным, в Черном море, на итальянском судне «Корниолла», которое в тот момент держало путь в Одессу. Как известно из истории международного права, в то время действовало положение, согласно

которому ребенок, родившийся на судне в плавании, получал подданство той страны, *которой принадлежало судно*. Поэтому для того, чтобы маленькому Юре Гофману сделаться подданным Российской империи, потребовалось специальное решение международного суда.

Первые годы жизни Юры прошли в Санкт-Петербурге, где отец его учился в инженерной академии. Иван Нарумов станет впоследствии генералом царской армии, георгиевским кавалером.

Сочинять стихи и прозу, рисовать Юра начал сравнительно рано – в десяти-одиннадцатилетнем возрасте. Позже у мальчика обнаружились и яркие способности к импровизации. Впервые они были замечены во время выступления Александра Яковлевича Закушняка в Москве в 1929 году.

Юрий Иванович мог целыми часами наизусть читать произведения Пушкина, Лермонтова, Есенина, других русских классиков. Очень любил он творчество таких наших поэтов, как Блок, Гумилев, Северянин, Гиппиус.

«За то, что был талантлив, он и поплатился», – скажут потом о Нарумове¹. С этим печальным по своей сути замечанием в очевидной связи стоит основная мысль одного стихотворения Юрия Ивановича Нарумова, написанного им в 1947 году:

Всю жизнь я был в неизвестности, в опале:
Моих картин никто не покупал,
Мои стихи в журналах не блистали,
Постов высоких я не занимал.
Вина не потреблял, а пил все больше воду,
И, сколько ни любил, – обманут был всегда.
Любил плыть напрямик,
Не поискавши броду,
Нигде не оставлял я грязного следа.
Мне чашу бедствий налили до края;
Я бедность сохраню до самых смертных дней.
Быть может, мне откроет двери рая
Апостол Петр, по благодати своей? ²

На часто задаваемый ему вопрос о природе его способностей Юрий Иванович отвечал в шутливом духе: «Все дело в зрительном нерве! Я видел героев, видел то, что рассказывал, видел вещи такими, какими они были, видел логику поступков. Это не талант, это особенность. Я помню Николая Второго, который проезжал мимо в шести шагах от меня. Помню, меня тогда поразило его сходство с моим отцом».

В начале 1930-х годов Юра Гофман принял решение поступить в университет. Он мечтал стать писателем. Абитуриенты, желавшие поступить на литературный факультет, должны были в то время сдавать экзамены едва ли не по всем предметам, изучавшимся в школе. Так вот, все экзамены Юрий сдал на «отлично»! Последним учебным предметом, по которому нужно было сдавать экзамен, была поставлена физика. При решении доставшейся Юрию на экзамене задачи требовалось использовать в ходе вычислений значение удельной теплоты плавления льда — справочную величину, которой, вообще-то, не требовалось помнить.

«Извините, здесь не хватает данных. Вы не могли бы мне их подсказать?» — ничтоже сумняшеся попросил абитуриент.

Экзаменовавший его преподаватель, казалось, только этого и ждал!

«Как?! Вы даже этого не знаете?! — Экзаменатор едва не кричал. — Вы, который не знает даже теплоты плавления льда!! Да я вам “двойку” ставлю!».

И поставил-таки! И выгнал из аудитории.

(Уместно обратить внимание читателя на то, что даже сам Альберт Эйнштейн — великий физик XX столетия, революционизировавший свою науку, каждый свой день посвящавший исследовательской и/или преподавательской работе в физике, — не считал нужным помнить конкретные значения физических констант и других справочных величин, которые легко устанавливаются по буквально настольной литературе физика)

В этом месте мы позволим себе немного пофантазировать (можно и по-другому сказать: предпримем некоторую психологическую реконструкцию). Вполне возможно, что ничего личного в этом высказывании преподавателя не содержалось. Вполне возможно, экзаменатор просто *получил указание*: этого вот абитуриента до студенческой скамьи не допускать. Ведь в то

396

риента до студенческой скамьи не допускать. Ведь в то время быть сыном *царского генерала* – уже являлось тяжелым клеймом, серьезнейшим дефектом биографии!.. Куда бы Юрий ни поступал в дальнейшем – нигде он не мог рассчитывать на радушную встречу... Однако ему удалось-таки поступить в Московский архитектурно-строительный институт.

В общем, события эти определили дальнейшую судьбу Юрия Ивановича.

В институте юный Нарумов учился с большим интересом.

...В 1933 году, когда был он уже третьекурсником, его арестовали³. «За укрывательство». Нарумов-отец очень сильно переживал. Утешаться оставалось только одним: «Это статья честных людей».

И ведь действительно: никакого преступления, если оценивать тогдашние действия Юрия Ивановича Нарумова с сегодняшних правовых позиций, он не совершал. Собственно же фабула была такой: у Юры имелся друг – некто Николай Васильевич Чичиков, начальник одного из отделов кадров Китайско-Восточной железной дороги, человек, по возрасту гораздо более старший, чем Юрий. И история с этим Н. В. Чичиковым была очень не простая...

Николай Васильевич в то время сломал ногу, и Юра пришел навестить его. Вот и «взят» был «за компанию» *операми* из *органов*! (Ср. с соответствующим местом у А. И. Солженицына⁴. Разумеется, мы отдаем себе отчет, что ссылка на *писателя* выглядит несколько странной в *научно-исторической* публикации. Однако Александра Исаевича нужно признать едва ли не первым автором, который «замахнулся» на то, чтобы обобщить большой массив поступавших к нему из всех уголков нашей страны свидетельств жертв и очевидцев об использовавшихся в то время *повседневных практиках* политического террора в СССР.)

Такова была эта «закономерная случайность», властно «запрограммировавшая» всю дальнейшую «биографию» нашего героя. Именно случайность: приди Юрий позже – и, быть может, не было бы того, первого, ареста, и жизнь сложилась бы совсем по-другому... Вообще говоря, вопрос о случайности (природа случайного события, статус случайности, каким он

видится обыденному сознанию и научному сознанию, а также роль, которую играют случайности в развитии процесса) в движении культуры (термин «культура» используется здесь в широком значении этого слова) поставляем мы на важнейшее место! Первый из соавторов данной статьи касается этого круга вопросов в своей доктрине о порядке обыденных вещей (the Doctrine about the Order of Everyday Things); см. о ней в разных публикациях⁵.

А нелепость этой случайности...— что ж, нелепость всего происходящего с Нарумовым была вполне в духе тех лет. Здесь можно еще раз напомнить, что ни произвольность арестов, ни смехотворность («когда бы не было так грустно») предъявляемых арестованным обвинений — вовсе не были чем-то необычным в те угарные годы⁶...

В *управлении* от Юрия требовали... показаний о том, что друг его имеет связь с неким шпионом, да и сам гражданин Чичиков, разумеется, тоже шпион, завербованный Западом. (При этом следователей нисколько не смущало то соображение, что, будь Николай Васильевич Чичиков действительно шпионом, он вряд ли поспешил бы посвящать в это скользкое обстоятельство своих друзей!)

«Чего вы от меня требуете? — не поддавался арестованный студент. — Он же секретный работник и о своей работе ничего мне никогда не говорил. А каких-то *таких* связей, о которых вы меня спрашиваете, и вообще, каких-то порочащих связей — я за ним не знаю».

Но для изложения дальнейшего хода событий целесообразно передать слово самому Юрию Ивановичу Нарумову⁷...

«Я снова на Лубянке. В камере несолидный народец. Какие-то мальчишки-филателисты, за это тоже сажали! Ерунда! Один интеллигентный старик-музыковед, бундовец.

Все же кого по ночам расстреливают? Только не этих. Это мелочь. Значит, и я не представляю собой ничего серьезного.

Мой новый следователь, рыжеватый, слегка облысевший, вежливый, очень бесцветный. Он все молчит и перелистывает бумаги в папке. Пожимает плечами.

— Гражданин следователь, разрешите задать вопрос?

— Спрашивайте.

– Я до сих пор не пойму, по какой статье я привлекаюсь. То, что мне вначале объявили, абсолютный абсурд!

– Я тоже так думаю.

– Так почему же меня держат уже шесть месяцев?

– Сейчас начальник отдела в отпуске. Когда вернется, ваше дело будет переквалифицировано.

– Мое дело увязывают с Тулинцевым, но я не могу дать иных показаний, чем те, которые уже давал в первые дни следствия.

– Дело Тулинцева, полагаю, тоже будет пересмотрено. Больше у вас вопросов нет?

– Спасибо!

Следователь поднял трубку:

– Изолятор шестой? Пришлите сопровождающего.

Меня увели. Мы, кажется, победили! Ничего у них нет!

Ночные тревоги, расстрелы прекратились. Что-то произошло, но что? Ночь. Тихо щелкнул замок. Подходит старший коридорный к моей кровати:

– С вещами!

Куда-то это меня? Я перестал быть человеком, я стал вещью. Во дворе холодный ветер, но приятно. Глубоко вдыхаю полной грудью, и воздух после подземных камер кажется ароматным. Опять знакомый «воронок». Меня подсаживают в кузов и бросают вслед ботинок и упавшую с головы шапку.

Явственно слышу звонки трамваев, гудки автомобилей. Ну конечно, спускаемся по Охотному ряду. Поворот...

Гулко гудят железные двери ворот. Ясно! Бутырка.

Камера не менее сорока квадратных метров. Все взоры на меня. Свой вещевой мешок с передачей вытряхиваю на стол. Машинально лезу в карман пальто. Нет, это чудо! Пачка «Бело-мора»! А в правом? Еще две пачки! Но пачки распечатанные, значит, просматривали. Царственным жестом кидаю две пачки тоже на стол. Слышу басок:

– Человек!

Кланяюсь во все стороны.

– Свой мужик! Иди сюда, борода!

Огромный верзила в явно коротком пиджаке в крупную клетку протягивает лапищу с шикарной наколкой.

– Проходи под окна! Вот место. Подвинься, ж...

Для начала хорошо! Оглядываюсь. Все лежат. Значит, привезли до подъема. Для этикета говорю коротко:

– Вадим.

– Староста Шаграй.

Как оказалось позже, он не блатной, а коновод на ипподроме, но атлетического сложения.

На оправке присматриваюсь к людям. Очень странное собрание. Много интеллигентных лиц. Кто-то говорит по-французски. Один особенно выделяется: он стрижен и чисто выбрит. Высокий, стройный, средних лет; нервное, красивое, продолговатое лицо; вельветовая блуза и белая сорочка. Элегантная манера держаться, лакированные туфли. Спрашиваю у соседа, похожего на Чайковского:

– Кто это?

– Это балетмейстер и танцор Большого театра Борис П.

Вот те раз! Вот это компания! Куда я попал!»

В заключение укажем, что в первый раз – в 1933 году – Юрий Иванович Нарумов-Гофман был осужден к трем годам лишения свободы. Он был реабилитирован только в 1964 году⁸...

Примечания

¹ Кочубей И. В. Что-то лирики в загоне, что-то физики в почете... // Кубанский курьер. – Краснодар, 1994. – 25 августа, № 151 (680); Кочубей И. В. Писатель добит // Там же. – 6 декабря; eo de statu rerum – vide etiam hoc opusculum: Кочубей И. В., Суятин Б. Д., Малишевски В. Я. Коммуникативные взаимодействия учителя и ученика <...> // Komunikacja społeczna w edukacji: inspiracje, analizy, działania / Pod redakcją W.J. Maliszewskiego i inn. – Toruń; Banská Bystrica; Karviná; Czeski Cieszyń, 2009. – S. 215–230.

² Мы приводим цитату по следующему изданию: Суятин Б. Д., Суятин Д. Б. Одаренность и судьба таланта Юрия Нарумова-Гофмана в автобиографической повести «Цветные стекла» // Экология и экономика. – Краснодар, 2009. – № 11 (54), ноябрь. – С. 5.

³ А в это время в тюрьмах страны уже «сидело» 300 тысяч заключенных! Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: к 70-летию начала «антикулацкой» операции НКВД СССР: материалы V Всерос. научной конф. / гл. ред. С. А. Кропачев. – Краснодар, 2008. – С. 84–98; Кропачев С. А. Десять лет, изменившие страну: пробл. отеч. ист. и историографии серед. 1930–1940-х гг.: сб. науч. ст. – Краснодар, 2006. – С. 30–77.

⁴ См.: Солженицын А. <И.> Арест // Солженицын А. <И.> Архипелаг ГУЛАГ: 1918–1956: опыт художественного исследования: I–II. – Ч. I – Гл. 1. – М., 1991. – С. 13–29.

⁵ *Кочубей И. В.* Cognoscere – rem parvulam: на подступах к новому методу работы с историческими источниками // Семиотика культуры и искусства: <...> / редакторы-составители И. В. Кочубей, П. С. Волкова. – Краснодар, 2007. – С. 17–23; *Koczubej I. (W.)* Мир как проект: Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) // *Studia i Rozprawy / Redakcja nauk.*: К. Właszczyk, J. Ropski. – Warszawa, 2008. – S. 42–45; *Кочубей И. В.* К обоснованию нового научного метода // Социально-гуманитар. знания. – М., 2008. – № 1. – С. 313–318.

⁶ Характерные эпизоды – напр., в: *Френкель В. Я.* Профессор Фридрих Хоутерманс: работы, жизнь, судьба / ответ. ред. Ж. И. Алферов. – СПб., 1997. – С. 55–57; *Фриш Э. С.* Сквозь призму времени: воспоминания / подгот. Г. А. Савина. – М., 1992. – С. 232–233.

⁷ *Нарумов Ю. И.* Цветные стекла: Повесть о событиях непридуманных и потому самых невероятных (Рукопись мемуарн. характера, охватывающая период 1913–1965 гг.).

⁸ См. соответствующий очерк в издании: *Суятин Б. Д., Суятин Д. Б.* Об одной судьбе одаренной личности // *Uzdolnienia intelektualne i tworcze: Koncepcje. Problemy. Perspektywy.* – Warszawa, 1998. – С. 69–72.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Евстафиади Георгий Васильевич

Родился в 1914 г. в Туапсе. Гражданин Греции. Холост.

Арестован 24 января 1938 г. в Туапсе.

Особым совещанием приговорен к 10 годам лагерей. При этапировании на Колыму ростовским этапом в Новосибирске Г. Елефтериади удалось выбросить на перрон листок оберточной бумаги. С двух сторон он был исписан. Это были две записки (одна – на греческом языке русскими буквами, вторая – на русском).

Г. Елефтериади все 10 лет провел на приисках Мальдяк и Желанный ЗГПУ. За невыполнение производственных норм в 1939 г. был приговорен к расстрелу. Вместе с двумя другими заключенными бежал и около месяца прятался в сложенном из камней схроне, в нескольких километрах от лагеря. Когда узнали, что приговор отменен, все трое вернулись в лагерь.

Некоторое время Г. Елефтериади работал в одной бригаде с С. Королевым, будущим генеральным конструктором космических кораблей.

Г. Евстафиади женился еще в лагере (жена тоже была заключенной в женском лагере). После освобождения остался на Колыме. Там у него родились три сына.

В 1954 г. Г. Евстафиади переехал к депортированным родственникам в Джамбульскую область, однако вскоре вернулся назад на Колыму.

Окончательно покинув Магаданскую область в 1986 г., Г. Евстафиади вернулся в Туапсе.

Умер в 1996 г. Похоронен на Каменном карьере рядом со своими братьями, сестрой и сыном.

После освобождения Г. Елефтериади написал воспоминания о пребывании в лагере.

Евстафиади Г. В. – родным
(письмо написано на греческом языке)

19 мая 1938 г.

Прошу вас, напишите в Москву, в посольство! Напишите о папе, Костасе и Андрее. Нельзя оставлять это дело.

Я пишу из Новосибирска. В вагоне, в котором я нахожусь, 39 человек, все греки. Сильно не переживайте, на все Божья воля.

Прошу вас, напишите в Москву!

Пока, до свидания.

Целую всех: папу, маму, Костю, Андрея, Филю, Колю, Эфтихию, Сулу, Софию, Кицу, Кириака старика. Эфтихия, сильно не переживай, береги здоровье. Привет всем родственникам.

Евстафиади Г. В. – матери

19 мая 1938 г.

Добрый день, дорогая мамаша. Я спешу сообщить, что я жив и здоров. Я нахожусь в пути. Вот так. Везут, не знаю куда. В общем, думаем, на Колыму, на безопасность!

Только не знаю, кто из вас дома. Я знаю, что нет папы и дяди Кирияка и старика. Я боюсь, что Костя и Андрей тоже арестованы. Тогда будет очень плохо.

Мама, много не думай, это все скоро пройдет.

Из архива Кочелиди С. К. (г. Туапсе).

Перевод И. Джухи

Авгопуло Стефан Павлович

С. П. Авгопуло родился в селе Ахалшени (в 6 км от Батуми) в 1893 году. Подданный СССР. С 1918 г. по 1921 г. служил в Красной Армии.

Арестован задолго до начала греческой операции НКВД, 22 февраля 1937 года. С. Авгопуло обвинили в защите троцкистов.

24 июня того же года С. Авгопуло был осужден к 6 годам лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях.

Как и многих греков Грузии, арестованных до декабря 1937 года, его отправили «на хлопок», в Узбекистан. Так С. Авгопуло оказался в лагере НКВД при хлопкосовхозе «5-летие Узбекистана».

В октябре 1937 года его переводят в пересыльный лагерь «Вторая Речка» во Владивостоке. А вскоре 6-м рейсом парохода «Дальстрой» С. П. Авгопуло доставили в бухту Нагаева. Отсюда его «распределили» в Ольский район, неподалеку от Магадана.

На Колыме С. П. Авгопуло проработал 2 года. 29 ноября 1939 года он умер в Ольском районе от истощения.

В лагерном деле С. П. Авгопуло сохранились два письма его супруги – Авгопуло Ангелины Дмитриевны.

Авгопуло А. Д. – МВД СССР

15 декабря 1954 г.
Дальневосточный край. Бухта Нагаева.
Начальнику политзаключенных.
Министерству внутренних дел Союза ССР
от жительницы села Ахалшени
Батумского района
Авгопуло Ангелины Дмитриевны

Заявление

25 февраля 1937 года из города Батуми выслан мой муж Авгопуло Стефан Павлович. Впервые он был в Ташкенте, а потом переслан в бухту Нагаево, в Магадан, и с тех пор я никакого письма не получала.

Прошу Вас очень сообщить мне, если он жив и где он. Если же он умер, сообщите, где он умер и когда, потому что я неоднократно обращалась в низшие органы МВД, но ответа не получала.

Просительница Авгопуло.

Атмачев Тимофей Константинович

Родился в 1906 г. в г. Килаш-Хан Карской области (Турция). Отец Т. Атмачева, К. Атмачев, в 1918 г. бежал с семьей в Россию. В 1922 году он умер в станице Абинской.

Т. Атмачев – гражданин Греции. Житель станицы Усть-Лабинская. Работал заготовителем в Краснодарском горпищеторге.

Участник Великой Отечественной войны.

В июне 1949 года Т. Атмачев выселен на спецпоселение в Джамбульскую область Казахской ССР.

Атмачев Т. К. – Сталину И. В.

Поступило 4 февраля 1953 г.

Дорогой и любимый Иосиф Виссарионович!

Я – спец. переселенец Атмачев Тимофей Константинович. Родился в Карской области в 1906 г. В 1918 году отец мой переехал в бывшую царскую Россию и жил в ст[анице] Абинской Краснодарского края до 1922 г., где работал на депо-заводе Кургузова рабочим. В 1922 году от побоев банды красно-зеленых умер. Я был в семье один, но все остальные умерли в 1922 году от голода и болезни.

С 1922 года я, оставшись сиротой, жил в батраках у кулаков до 1929 года. С 1929 года я проживал в станице Усть-Лабинской, и, благодаря Советской власти, я поступил в главтабак и работал без перерыва до 1941 года. На протяжении этого времени неоднократно был премирован за хорошую работу. В период оккупации я по болезни находился на оккупированной территории, но не работал. После освобождения нашего района от оккупантов, снова работал в главтабаке до 1949 года. В 1949 году я был переселен в город Джамбул Каз[ахской] ССР и до сих пор нахожусь на спец[иальном] учете.

Родной отец, Великий друг трудового народа всего мира! Я прошу Вас освободить меня от спецучета и дать мне возможность поехать на старое место жительства, к своей жене и детям. За всю жизнь я не совершил никакого преступления перед Родиной, и

считаю себя честным товарищем трудового народа. Я прошу Вас удовлетворить мою просьбу.

Мой адрес: гор. Джамбул Каз[ахская] ССР, 2-й Киргиандинский проезд, № 14 Атмачев Т. К.

Архив Информцентра ГУВД по Краснодарскому краю. Ф. 4а. Арх. № 38.

Личное дело Атмачева Т. К.

// «Пишу своими словами ...»

История репрессий против греков в СССР. Письма из ГУЛАГа. /
сост. и автор вступ. ст. И.Г. Джуха. – СПб.: Алетея, 2009.
С. 40, 104, 286, 287

НАЧАЛЬНИКУ КОНВОЙНЫХ ВОЙСК НКВД СССР

Генерал-майору тов. КРИВЕНКО

— гор. Москва

Д О К Л А Д

О ПЕШЕМ КОНВОИРОВАНИИ 980 ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ИЗ НОВОЧЕРКАССКОЙ ТЮРЬМЫ И 4877 ЗАКЛЮЧЕННЫХ
ИЗ ТЮРЕМ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
КОНВОЯМИ 230 ПОЛКА.

О той тяжелой обстановке, которая сложилась в процессе конвоирования, и о моих мероприятиях, направленных на оказание помощи конвоям, мною донесено №№ 001668 от 3.8.42 г., 2004 от 11.8.42 г. (радиограмма), 001695 от 13.8.42 г., 001717 от 20.8.42 г.

В период, когда конвои с заключенными находились прижатыми противником к горам в районе Лабинская, Отважный и были под угрозой отреза, без продовольствия, — все меры принимались к тому, чтобы вывести их из тяжелого положения. Но занятия пр-ком Невинномысской, Ворошиловска, Майкопа и его быстрое продвижение к Пятигорску и Черкесску еще больше создали угрозу отреза и даже захвата этапов.

В этих условиях дальнейшее конвоирование заключенных стало невозможным. Поэтому нужно было решить вопрос, как с ними поступить, чтобы вывести личный состав конвоев. С этим вопросом 7 августа с.г. я обратился к начальнику УНКВД Орджоникидзевского края, изложив ему существо дела. Последний в присутствии секретаря Крайкома изложил мне обстановку в благоприятном виде, при этом дополнил, что 8 августа с.г. наши армии в направлении Армавира, Ворошиловска переходят в насту-

* Документы выявлены Степановой Л.Г.

пление и, особенно бояться о судьбе конвоев, находящихся в районе Лабинская, Отважный, – не приходится.

8 августа с.г., когда обстановка стала наиболее угрожаемой, я вторично пошел к начальнику УНКВД, то оказалось, что он и руководящий состав края в ночь покинули Пятигорск, убыв в направлении Орджоникидзе. Таким образом, вместо помощи я от начальника УНКВД получил ложную информацию.

После этого я обратился через командира 230 полка майора Юмашева с этим же вопросом к начальнику УНКВД Ростовской области, находящемуся в г. Орджоникидзе. Последний, посоветовавшись с генерал-лейтенантом т. Масленниковым, дал мне письменное отношение, в котором разрешалось заключенных, обвиненных за бытовые преступления, – распустить, а за контрреволюционные преступления и бандитизм – расстрелять. С Вами связаться не мог, хотя радиogramмы посылал.

Мною немедленно установка Нач. УНКВД по Ростовской области была направлена в район нахождения конвоев.

Одновременно с этим через Тбилиси на Сочи – Туапсе был направлен командир 230 полка майор Юмашев А. П. с задачей: установить связь с конвоями, передать установки в отношении заключенных, оказать практическую помощь в выходе и снабжении питанием личного состава конвоев.

Командир 230 полка, прибыв в Сочи, через органы НКВД и армейское командование установил связь с конвоями, оказал им полную практическую помощь в довольствии и продвижении к новому месту дислокации г. Баку.

Начальники конвоев и с ними следовавшие: ст. пом. нач. I отделения штаба бригады капитан МАКЕЕВ А. Ф., начальники тюрем, начальник тюремного отдела УНКВД Краснодарского края, оказавшиеся прижатыми к горам, под угрозой полного отреза, учитывая, что этапы могут быть захвачены противником, так как последний наседавал и конвои вынуждены были принимать бой, отбивая передовые немецко-фашистские войска (конвои КОПТЕЛОВА, ЯЛОВОГО) по собственной инициативе. У Начальника Особого Отдела СКФ запросили Военный Совет СКФ о том, как поступить с заключенными, в связи с тем, что дальнейшее их конвоирование совершенно стало невозможным.

11 августа с.г. Военный Совет в лице Маршала Советского Союза т. БУДЕННОГО, членов: т.т. КАГАНОВИЧА и СЕЛЕЗНЕВА, дал письменную санкцию на роспуск заключенных за бытовые преступления и расстрел заключенных, обвиняемых за контрреволюционные преступления и бандитизм. Причем из состава распускаемых бытовиков, всех, по возрасту подлежащих службе в Красной Армии, передать в местные военкоматы.

Кроме того санкция о расстреле контрреволюционного элемента была получена от командующего и члена Военного Совета Южного фронта.

Руководствуясь полученными санкциями, начальники конвоев – начальника тюремного отдела УНКВД Краснодарского края и начальников тюрем – расконвоировали /распустили/ осужденных, за бытовые преступления 3015 заключенных, из них сданы военкоматам 800 чел., расстреляли, осужденных за контрреволюционные преступления и бандитизм 1314 заключенных. Кроме того убито и ранено было при бомбежках авиацией противника и в результате обстрела его наземных войск 1274 заключенных, утонуло при переправах 14 заключенных, умерло от болезней и истощения 46 заключенных, убито и ранено при попытках к побегам 78 заключенных.

На все эти проделанные операции имеются оформленные акты, подписанные работниками тюремного отдела.

За период конвоирования потери личного состава конвоев составляют: убито 7 чел., ранено 35, пропало без вести 69.

Кроме того, распоряжением Зам. Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР Комиссара Государственной Безопасности т. [...] временно прикомандировано к мангруппе 36 Пограничного отряда 58 чел., из них: красноармейцев 47, мл. командиров 9, среднего состава 2, и к 815 стрелковому полку 25 чел., из них: красноармейцев 21, мл. командиров 3, среднего нач. состава 1 чел.

Задержано заградительными отрядами и направлено в действующие части Красной Армии 51 чел., из них: красноармейцев 44, мл. командиров 5 и среднего нач. состава 2 чел. Все временно прикомандированные и задержанные – с полным вооружением и снаряжением.

За период конвоирования этими конвоями потеряно /уничтожено/ тюремных автомашин 5, полутонных автомашин 2 и трехтонных автомашин 2.

КОМАНДИР 43 БРИГАДЫ
Подполковник
(Сидорик)

ВРИО ВОЕНКОМАТА БРИГАДЫ
Ст. батальон комиссар
(ЗАРЖЕЦКИЙ)

ЗАМ. НАЧ. ШТАБА БРИГАДЫ

М а й о р

[подпись]

– (ЯРЫГИН)

// РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 8. Л. 4, 4 об., 5, 16

Начальник конвоя
Командир 3 батальона
Капитан Саленко

Командиру 230 полка кв. НКВД
г. Баку

ДОКЛАД

2 августа 1942 года 7 роте мною была поставлена задача на отконвоирование из Абинского спец. лагеря НКВД особо опасных 149 преступников до предварительного пункта назначения г. Армавир.

Вся подготовка конвоя, порядок приема, охраны в пути (днем и ночью), маршрут движения, пункты питания конвоя, базы, разработаны были мною лично и согласованы с Начальником лагеря.

3 августа 1942 года в 4.00 рота приняла заключенных и выступила пешим порядком в путь по маршруту: Абинскхоз, Афипская, Имеритинская, Белореченская, Армавир.

Двигаясь по указанному выше маршруту, рота с партией заключенных достигла станицы Имеретинской; продолжать дальнейшее движение по вышеуказанному маршруту от Имеретинской становилось уже невозможным и грозило потере боевого состава, так как бои проходили на подступах к г. Армавир; мы же оста-

лись далеко в тылу на фланге. Имея такие данные, я решил изменить маршрут движения и пойти по маршруту: Тверская, Кабардинская, Шаумян, Туапсе и далее по берегу Черного моря на Сухуми. Путь на Сухуми через Туапсе был значительно труднее предыдущего. Трудности его заключались в том, что по дороге двигалось в массовом количестве как встречного, а также попутного обоза и пешеходов; дорога, по которой сопровождалась заключенные, преимущественно тянулась по лесистой местности, ширина которой достигала от 5-ти до 6-ти метров, что значительно усложняло охрану. Были отдельные случаи, когда заключенные цеплялись на проходящие машины, пытались скрыться, но благодаря четкому несению службы часовыми все это своевременно обнаруживалась и ликвидировалось.

Конвоируя заключенных по лесистой местности, охрану приходилось строить двойную, таким образом, часть конвоя двигалась по флангам в лесу без дорог; суточный переход в среднем достигал 35–40 км, все это изматывало силу бойцов, изнашивались обувь и обмундирование.

Кроме всего этого, колонна подвергалась воздействию вражеской авиации, особенно по выходам на открытую местность, при подходах к ж. д. станциям, населенным пунктам. Так, например: по достижении конвоем селения Шепси колонна подверглась ожесточенной бомбардировке и пулеметному обстрелу с воздуха вражеской авиацией, в результате которой рота потеряла боевого состава: убитых один, раненых 28 человек. Заключенных убито 10 чел., ранено 20, при попытках к бегству застрелено 3 чел.

а) Нач. караула мл. лейтенантом Сорочкиным	Один
б) Пом. Нач. караула сержантом Мележиком	Один
в) Ком. взвода мл. лейтенантом Дубовым	Один

Действия конвоя при бомбардировке были смелые и решительные, несмотря на сложившуюся обстановку, окружающую среду эвакуируемого населения, движение вражеских колонн и лесистую местность. Все же побег заключенных не был допущен благодаря правильно принятому решению по охране пешим порядком колонны заключенных по лесистой местности.

...Ликвидация последствий бомбардировки:

- а) Немедленно всем раненым была оказана первая медицинская помощь, к которой были привлечены не только медицин-

ский состав роты, но и часть. Особую активность проявили: ст. Военфельдшер [...] и ком. отделения сержант Грушко.

б) Немедленный вывод боевого состава и заключенных из зоны бомбардировки, подсчет потерь боевого состава и заключенных.

в) Отправка раненых в военный госпиталь, только после этого партия заключенных была отправлена в путь следования по вышеуказанному маршруту, т.е. в направлении Сочи. Путь ж.-д. еще больше подвергался налетам вражеской авиации, таким образом, движение днем было невозможным, ночью – же двигаться было нельзя ввиду того, что встречные и попутные обозы не давали возможности свободно двигаться, поэтому я решил вести заключенных с 4.00 до 10.00 и с 16.00 до 21.00, так как в это время движение транспорта в пути значительно сокращалось, дорога была более-менее свободна и налеты вражеской авиации также сокращались. Это дало возможность сохранить боевой состав роты и гарантировать себя на 100% от побегов заключенных, и вот в таком порядке с вышеуказанным решением, партия з/к в количестве 116 чел. 17 августа 1942 г. в 13.00 прибыла в г. Сочи.

В г. Сочи я встретился с Командиром полка, который поставил мне дополнительную задачу и приказал: из Сочинской тюрьмы принять еще 100 з/к, присоединить к вышеуказанной партии и отправиться по маршруту Сухуми – Тбилиси – Баку.

Этот путь был значительно легче предыдущего, так как конвой и з/к перевозились по железной дороге, правда в необорудованных вагонах, что усложняло охрану, но физически значительно было легче и быстрее во времени.

На этот короткий срок движения эшелона, кроме указаний командира полка по организации охраны в необорудованных вагонах, я решил выставить дополнительных часовых по два человека на крышу каждого вагона в ночное время, так как это требовалось необходимостью обстановки:

- 1) Недостаточное количество тамбуров.
- 2) Отсутствие времени оборудования дополнительных тамбуров.
- 3) Отсутствие света и решеток на окнах.

С этой организацией охраны по ж.-д. з/к были доставлены в порт Баку и сданы Нач. конвоя 1-го батальона лейтенанту Чутких.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДВИЖЕНИЯ И ПИТАНИЯ В ПУТИ:

1. Рота имела одну автомашину и 5 парных повозок, на повозках преимущественно везли часть боеприпасов, вещевые мешки, шинели красноармейцев. Машина преимущественно использовалась для перебрасывания продуктов питания, котлов на пункты питания для приготовления пищи конвоем и заключенным, а также подвозились раненые и больные, отстающие в пути кр-цы.

2. Питание красноармейского состава и заключенных во всем пути движения было организовано по пунктам, на которых приготавлилась горячая пища, куда заранее выбрасывались на машине котлы и продукты. Таким образом, до прихода партии з/к пища уже была готова и тут же раздавалась. Так происходило питание до Станицы Имеретинской люди кормились 3 раза в сутки, после станицы Имеретинской 2 раза в сутки с полной кладкой продуктов, положенных красноармейцу на сутки.

Переход от ст-цы Абинская до г. Сухуми кр-цев и комнатного состава с заключенными под воздействием вражеской авиации был покрыт за 17 ходовых дней, не считая дневок и вынужденных остановок.

Весь участвующий состав в этом переходе показал свою выносливость, твердость, волю и настойчивость и готов выполнять любые задачи командования.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Схемы движения и список лучших бойцов и командиров, отличившихся в службе, походе и дисциплине.

Нач. конвоя
ком. 3 батальона
Капитан [роспись] / Саленко/

// РГВА. Ф. 38063. Оп. 1. Д. 268. Л. 37, 37 об., 38, 38 об.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акунин Александр Сергеевич – преподаватель Николаевского государственного университета им. В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Алтухов Вячеслав Валентинович – учитель истории, г. Николаев, Украина

Арнаутов Никита Борисович – младший научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск

Беленкин Борис Исаевич – историк, член Правления Международного историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал», заведующий библиотекой «Мемориала», г. Москва

Бершадская Ольга Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Краснодаре

Болдырев Юрий Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, член Союза кинематографистов России, г. Краснодар

Вшивцева Юлия Викторовна – аспирантка Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Джуха Иван Георгиевич – кандидат географических наук, писатель, руководитель проекта «Греческий Мартиролог», Ассоциация греческих общественных объединений России, г. Вологда

Жиромская Валентина Борисовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, лауреат премии РАН им. В. О. Ключевского, г. Москва

Жуков Андрей Александрович – аспирант Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Иванцов Игорь Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент Майкопского государственного технологического университета, филиал в пос. Яблоновском, г. Краснодар

Кочубей Игорь Валерьевич – старший преподаватель МиЕН филиала Ивановской государственной текстильной академии в г. Краснодаре.

Крайник Роман Николаевич – аспирант Института истории и правоведения Николаевского государственного университета имени В.А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южного научного центра Российской Академии наук, почетный работник общего образования Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

Кропачев Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, Председатель правления Краснодарского краевого общества «Мемориал», заслуженный учитель Кубани, г. Краснодар

Макаренко Мария Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Матюшин Петр Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

Мнацаканова Мария Анатольевна – студентка 5-го курса Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Николаев Игорь Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Украины Института истории и права Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Оборонько Ирина Валерьевна – аспирант кафедры истории Украины Института истории и права Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Протоиерей Сергей Токарь – кандидат богословия, доцент, ректор Армавирского Православно-социального института, настоятель Свято-Троицкого собора г. Армавира, председатель отдела по канонизации святых на Кубани Екатеринодарской и Кубанской Епархии, руководитель духовно-оздоровительного православного центра имени священномученика Михаила Лекторского, г. Армавир

Полежаева Людмила Ивановна – кандидат технических наук, сотрудник Кольского геофизического центра РАН, член Хибинского общества «Мемориал», г. Апатиты

Рожков Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории культуры повседневности Южно-Российского научно-инновационного института Краснодарского государственного университета культуры и искусства, г. Краснодар

Семенов Сергей Владимирович – аспирант НИИ истории Южного Урала и казачества России Оренбургского государственного университета, г. Оренбург

Сивков Сергей Михайлович – кандидат исторических наук, доцент Южного института менеджмента, г. Краснодар

Сон Жанна Григорьевна – соискатель ИРИ РАН, г. Москва

Степанов Алексей Федорович – председатель Координационного совета Казанского общества «Мемориал», г. Казань

Степанова Лилия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Академии маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар

Суятин Борис Дмитриевич – кандидат физико-математических наук, доцент Кубанского государственного университета, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, действительный член Русского Географического общества, г. Краснодар

Тараненко Александр Федорович – краевед, ст. Роговская, Краснодарский край

Шевырин Сергей Андреевич – главный специалист Государственного общественно-политического архива Пермской области, г. Пермь

Щетнев Валерий Евгеньевич – кандидат исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Шилова Ирина Сергеевна – аспирант Пермского государственного педагогического университета, главный специалист от-

дела информации, публикации и научного использования документов Пермского государственного архива новейшей истории, г. Пермь

Шитюк Николай Николаевич – академик, заслуженный деятель науки и культуры Украины, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории и правоведения Николаевского государственного университета имени В. А. Сухомлинского, г. Николаев, Украина

Яхутль Юрий Асланбиевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель филиала Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, г. Краснодар.

Ященко Вячеслав Григорьевич – кандидат филологических наук, журналист Интернет-издания «Кавказский узел», г. Волгоград.

РЕЗОЛЮЦИЯ ШЕСТОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ МАССОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР»

24–25 октября 2009 г.

г. Краснодар

Участники конференции, обсудив доклады и сообщения, приняли следующую резолюцию:

1. Учитывая, что в истории России и Кубани XX века по-прежнему остается много «белых пятен», продолжить систематические научные исследования в этом направлении. С этой целью установить контакты с университетами, научными центрами, музеями, архивами, благотворительными фондами России, ближнего и дальнего зарубежья, чтобы придать в дальнейшем проводимым конференциям международный статус и проводить их один раз в два года.

2. Опубликовать материалы шестой Международной научной конференции в виде сборника научных статей.

2. Предоставить материалы конференции для широкой общественности, разместив их на сайте Краснодарского краевого отделения общества «Мемориал» www.kubanmemo.ru

3. Поддержать инициативу Кубанской и Екатеринодарской Епархии и главы администрации (губернатора) Краснодарского края по возвращению городу Краснодару его исторического названия – Екатеринодар, а также вернуть исторические названия улицам, носящих фамилии профессиональных революционеров, а также переименовать названия улиц прославляющих советский период в российской истории.

4. В 2011 году исполняется 70 лет начала Великой Отечественной войны. Подготовить и в конце октября 2011 года провести VII Международную научную конференцию «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», посвященную этой теме.

6. Продолжить сотрудничество с комиссией по канонизации Екатеринодарской и Кубанской Епархии по реабилитации ре-

прессированных православных священнослужителей и верующих мирян, а также продолжить деятельность с традиционными конфессиями Краснодарского края и религиозными организациями по увековечиванию памяти жертв политических репрессий.

7. Продолжить сотрудничество с руководством национально-культурных общественных организаций и национальных общин Краснодарского края и города Краснодара для реализации электронной версии проекта «Народная Книга Памяти».

8. Продолжить работу по подготовке к изданию III тома Книги Памяти жертв политических репрессий Краснодарского края.

РЕЗЮМЕ

В конце октября 2009 г. в г. Краснодаре состоялась VI Международная научная конференция «Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР», приуроченная к 70-летию Всесоюзной переписи населения 1939 года. Конференция прошла по инициативе Краснодарского краевого общества «Мемориал». Доклады и выступления участников конференции стали основой статей, составивших настоящий сборник. Он разделен по определенным темам на шесть частей.

В первой говорится о последствиях демографических кризисов и катастроф тоталитарного режима в СССР, изменениях в составе народонаселения страны в первой половине XX века. Историографии сталинизма, его различных проявлений, государственного террора посвятили свои исследования авторы, чьи статьи помещены во вторую часть сборника. Предпосылки «Большого террора», его подготовку в 1920-х – первой половине 1930-х годов анализируют авторы статей, отнесенных к третьей, самой многочисленной, части. Региональным особенностям сталинской репрессивной политики посвящена четвертая часть книги. К «национальным» операциям НКВД СССР 1937–1938 годов, репрессиям в отношении «неблагонадежных» народов обращаются авторы, статьи которых помещены в пятой части. Судьбам репрессированных, в первой половине XX века, жизни после ареста, драматической участи граждан России посвящена последняя часть книги.

Работа по изучению проблем политических репрессий в СССР должна продолжаться во имя исторической правды и справедливости, создания в обществе механизмов, препятствующих реставрации насилия и проявлению тоталитарных стереотипов в любых формах.

SUMMARY

The VI International Scientific Conference «The problems of the history of the mass political repressions in the USSR» had taken place in the end of October 2009 in the city Krasnodar. It was dedicated to the 70-anniversary of the All-Union census 1939. The Conference was carried out by the Krasnodar boundary department of all-Russian public organization «Memorial». Reports and speeches of the participants of the Conference were the basis of articles of the present collection. All articles can be conditionally divided into six parts.

In the first part is discussed on the implications of demographic crises and catastrophes of the totalitarian regime in the USSR, changes in population of the country in the first half of the 20th century. In the second part there are the articles, which were dedicated to the historiography of stalinism, its various manifestations, the state terror. The prerequisites of the «large terror», its training in the 1920s and the first half of the 1930s are analyzed by the authors of the articles in the third part of the collection. Regional specificities of Stalin's repressive policy are discussed in articles in the fourth part of the collection. To the national operations NKVD 1937–1938, repressions of «unreliable» of people being treated by the authors of articles in the fifth part. The plights of the repressed, life after arrest, dramatic plight of the citizens of Russia is dedicated to the last part of the collection.

Work on the study of political repression in the Soviet Union should continue in the name of the historical truth and justice, created in society mechanisms preventing restoration of violence and manifestations of totalitarian stereotypes in any form.

Проблемы истории массовых
политических репрессий в СССР

К 70-летию Всесоюзной переписи
населения 1939 года

Материалы VI Международной
научной конференции

Подписано в печать 19.04.2010.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура «Таймс».
Печать трафаретная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,65.
Тираж: 300 экз. Заказ № 1299.

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350072, г. Краснодар, ул. Зиповская, 9
Тел. (861) 277-92-42, моб. (918) 433-1996, (962) 86-12345.
E-mail: ecoinvest@mail.ru
<http://ecoinvest.tiu.net>